Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ГОУ ВПО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

№ 1 (21) 2009

Хабаровск, 2009

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Ministry of Transportation
of the Russian Federation

The Russian Rectors' Union

Council of Rectors of Higher Educational
Institutions in the Far Eastern
Federal District

State Educational Institution of Higher
Professional Education
«Far Eastern State Transportation
University»

THE HUMANITIES AND SOCIAL STUDIES IN THE FAR EAST

A research-theoretical journal
published since January, 2004
issued once in three months

№ 1 (21) 2009

Khabarovsk, 2009

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К.И. Воробьева, Н.И. Дубинина, Л.П. Лазарева, Р.Л. Лившиц, Н.Е. Мерецкий, С.В. Пишун, З.Г. Прошина, Е.Н. Спасский (заместитель главного редактора), О.А. Любицкая (ответственный секретарь)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ларри Смит (США), Нобуюки Хонна (Япония), Чжан Байчун (Китай), Кальво-Мартинез Томас Мариано (Испания), Кэрол Джой Макрае (Австралия)

РЕДАКТОР ВЫПУСКА
З.Г. Прошина

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

А.С. Волков (web-мастер), Е.В. Листопадова (технический секретарь), Т.Н. Тагирова (переводчик), Е.А. Яшкина (переводчик)

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ
Печатается по решению Совета ректоров вузов Дальневосточного Федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-16283 от 29 августа 2003 г.
Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail:journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Y.M. Serdyukov

EDITORIAL BOARD

C.I. Vorobyova, N.I. Dubinina, L.P. Lazareva, R.L. Livshits, N.E. Meretsky,
S.V. Pishun, Z.G. Proshina, E.N. Spassky (deputy editor),
O.A. Lyubitskaya (executive secretary)

INTERNATIONAL EDITORS

Larry E. Smith (USA), Nobuyuki Honna (Japan), Zhang Baichun (China)
Calvo-Martinez Tomas Mariano (Spain), C. Joy McRae (Australia)

MANAGING EDITORS

Z.G. Proshina

EDITORIAL STAFF

A.S. Volkov (web-design), E.V. Listopadova (technical secretary),
T.N. Tagirova (translator), E.A. Yashkina (translator)

Research-theoretical journal is published on the decision
of the Council of Rectors of Higher Educational Institutions
in the Far Eastern Federal District № CR/FEFD-54a of October 9, 2002

FOUNDER

State Educational Institution of Higher Professional Education
«Far Eastern State Transportation University»
47, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021.
Media Registration Certificate PE № 77-16283 of August 29, 2003.
Editorial office address: 47, office 262, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Phone/fax: (4212) 40-71-93
E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Прошина З.Г. Предисловие 8

Цзя Ю., Цзя С. Социолингвистический подход к межкультурной коммуникации 9
Хьютон С. Управление стереотипами в межкультурной коммуникации 29
Ловцевич Г.Н. Понятие кросскультурного терминологического словаря 33
Снитко Т.Н. Встреча культур и языков в переводе 37
Николаева О.В. Интеграция этнических концептосфер в новозеландскую концептуальную картину мира 48
Меграбова Э.Г. Взаимодействие ценностей, коммуникативных и лингвистических стратегий в дискурсе о России журнала «Ньюсуик» 55
Сун Л. Китайский английский с социокультурной точки зрения 60
Нагиба И.В. О категории наклонения в индийском варианте английского языка 73
Матвеева Е.Н. Культурные константы в художественной коммуникации: образ водного пространства в лирике Игоря Северянина 81
Бордиловская А.В. Коммуникация философских идей в рамках Киотской школы 85
Варламов А.Н. Звукоподражательные запевы в эвенкийском эпосе 92

РЕЦЕНЗИИ

Забровская Л.В. Проблемы морской экономической границы между Россией и США (рецензия на монографию Б.И. Ткаченко «Проблемы морской экономической границы между Россией и США») 98

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

Косихина С.С., Сердюкова В.Ю. Моделирование ООН как форма социализации студенческой молодежи 101

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СВЕДЕНИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ 105

СВЕДЕНИЯ О ДИССЕРТАЦИЯХ 112

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 118

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ 119

CONTENTS

Proshina Z. Editorial 120

ARTICLES

Jia Y., Jia X. A Sociolinguistic Approach to Intercultural Communication 121
Houghton S. Managing Stereotypes in Intercultural Communication 139
Lovtsevich G.N. The Notion of Cross-Cultural Terminological Dictionary 142
Snytko T.N. Meeting of Cultures and Languages within Translation 145
Nikolaeva O.V. Integration of Ethnic Conceptual Fields into the New Zealand Worldview ... 154
Megrabova E.G. Interaction of Values and Communicative and Linguistic Strategies in Discourse about Russia of *Newsweek* Magazine 160
Song L. China English from a Socio-Cultural Perspective 165
Nagiba I.V. On the Category of Mood in Indian English 175
Matveeva E.N. Cultural Constants in Arts Communication: Image of Water Space in the Lyrical Poetry by Igor Severyanin 182
Bordilovskaya A.V. Communication of Philosophic Ideas within the Kyoto School 186
Varlamov A.N. Onomatopoeic Chants in the Evenki Epos 193

EDITORIAL MAIL

Kosikhina S. S., Serdyukova V. Y. Model United Nations (MUN) as a form of Socialization of Students 198

ACADEMIC LIFE

CONFERENCES 201

AUTHORS GUIDELINES 208

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Вашему вниманию представлен третий тематический номер журнала. Он посвящен достаточно широкой области научного знания – теории межкультурной коммуникации, базирующейся на междисциплинарных связях с такими науками, как лингвистика, философия, культурология, этнология, психология, социология, литературоведение и др., и имеющей непосредственный выход в практику международного общения. Теория межкультурной коммуникации неразрывно связана с переводческой практикой, журналистикой. Исследования по теории межкультурной коммуникации, способствуя успешной практике, имеют большую значимость для экономической и политической деятельности и способствуют реализации различных культурных проектов. Живя в условиях мультикультурализма, на перекрестке культур Запада и Востока, жители Дальнего Востока России очень остро чувствуют проблемы межэтнического и межкультурного общения, от умелого и компетентного решения которых зависит будущее нашей страны, будущее межгосударственных взаимоотношений, будущее земной цивилизации. Актуальность обсуждения теории межкультурной коммуникации подчеркивается введением этого предмета в учебные программы многих вузов России и даже открытием соответствующей специальности.

В данном номере представлены работы как отечественных авторов, представителей школ лингвоконтактологии, когнитивной лингвистики, социолингвистики, контрастивной лексикографии, философии, литературоведения, фольклористики, так и зарубежных исследователей из Китая, Японии, Великобритании. Читатель найдет здесь синтез теорий и полемичные вопросы, характерные для соответствующих наук Запада и Востока. Многие из публикуемых в данном номере материалов являются результатами или фрагментами продолжающихся исследований, по которым можно составить представление о направлениях исследований современной науки на Дальнем Востоке. Надеемся, что публикуемые в данном номере статьи вызовут интерес и соответствующую дискуссию.

Проф. З.Г. Прошина

СТАТЬИ

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ю. Цзя

С. Цзя

Цзя Юйсинь – профессор кафедры социолингвистики и межкультурной комуникации Харбинского технологического института; президент Китайской ассоциации межкультурных исследований; член Совета директоров Китайской ассоциации по исследованиям в области преподавания английского языка; член Совета директоров Международной ассоциации по исследованиям в области межкультурной коммуникации; главный редактор журнала «Исследования в области межкультурной коммуникации» («Intercultural Communication Research»), а также член редакционных коллегий нескольких китайских и международных научно-исследовательских журналов.

Цзя Сюэжуи – магистр образования, доктор философии в области английской лингвистики и литературы; доцент кафедры английского языка колледжа иностранных языков в Харбинском технологическом институте; член Международной ассоциации по исследованиям в области межкультурной коммуникации.

В последние годы в Китае был достигнут огромный прогресс в изучении теории межкультурной коммуникации. Проблемы в этой области касаются многих аспектов исследования культуры и коммуникации, которые могут быть объединены в рамках одной широкой рубрики «кросскультурная коммуникация» на индивидуальном и национальном уровнях. Данная статья рассматривает социолингвистический подход к исследованию (межкультурной) коммуникации. Однако предлагаемый подход отличается от традиционного социолингвистического подхода тем, что утверждает, что культурная и социальная идентичности возникают благодаря коммуникации, т. е. люди в глобализированном мире используют соответствующие языковые ресурсы, чтобы получить и воспроизвести свои права, стиль, культурные и социальные идентификации. Следовательно, чтобы понять проблемы социальной действительности, социальных изменений, социально-культурной специфики и то, как они затрагивают и зависят от культурных, социальных, политических и этнических сфер жизни, необходимо проникнуть в суть коммуникативных процессов, в результате которых они возникают. В данной работе предпринята попытка представить и развить интерпретирующий социолингвистический подход, чтобы объяснить межкультурное явление коммуникации. В предлагаемом исследовании явление коммуникации в китайском контексте раскрывается через роль языкового поведения в воспроизведении культурных и социальных идентичностей.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, идентичность, коммуникативный процесс, языковое поведение, социолингвистика.

Существует несколько подходов и теорий относительно включения вопросов культуры в теорию коммуникации и создания теории межкультурной коммуникации. Теории можно разделить на два направления. Согласно первому направлению, теории описывают и объясняют, как коммуникация изменяется в разных культурах на государственном уровне. Второе направление включает теории, которые описывают и объясняют, как коммуникация изменяется между людьми, принадлежащих различным культурам, или на индивидуальном уровне [Gudykunst, 2004, 2005]. Оба подхода используют культуру как переменную в своих объяснениях и описаниях различий коммуникации [Hofstede, 1980; Kluckhohn & Strodtbech, 1961; Parsons & Shils, 1951].

Однако, по всей видимости, требуется еще больше подходов и различных перспектив для описания, объяснения и интерпретации человеческого взаимодействия, особенно это касается использования языка, который играет огромную роль в коммуникации, так же как культура имеет большое значение для межкультурной коммуникации. Мы думаем, что социолингвистический подход, который касается проблем взаимодействия общества, культуры и языка, может способствовать описанию, объяснению и интерпретации межкультурных различий в области языкового использования. Кроме того, этот подход может более полно раскрыть роль коммуникации в осуществлении контроля и управления, а также в становлении и повторении социальной идентичности [Gumperz, 1982]. Этот подход поможет раскрыть роль культуры как важной составляющей в интерпретации и объяснении культурных различий.

Социолингвистический подход к межкультурной коммуникации

Социолингвистика как исследование языкового использования, связанного с социальными и культурными факторами, имеет фундаментальное значение в исследовании межкультурной коммуникации. Язык – не просто система звуков, грамматики и значений. Это социальное поведение, которое обусловлено социальными и культурными нормами, правилами, и культурными ценностями. Именно различия в факторах между культурами приводят к недоразумениям и еще худшим результатам в межкультурных взаимодействиях. Несомненно, знание этих факторов, так же как и культурных вариаций в этом смысле, должно представлять задачи межкультурной коммуникации на всех уровнях. Развитие знания и внутреннего чувства относительно социолингвистических или социокультурных различий стимулирует глубокий интерес и научные исследования в этой новой области.

Социолингвистический подход к исследованию межкультурной коммуникации важен, но до настоящего времени он не получил должного освещения. Тем не менее ученые ведут сопоставительные исследования речевых актов и принципов взаимодействия на национальном и личностном уровнях. Они исследовали коммуникативные ситуации между группами, относящиеся к разным культурам в современном мире. Даже несмотря на то что исследования проводились на эпизодических случаях бытовых взаимодействий с использованием метода кейсов, эти отрывочные эпизоды могут послужить основой для развития социолингвистических теорий взаимодействия. Мы можем начать с отдельных эпизодов, соединить их вместе и выработать системную и логичную теорию. Эта теория так же будет включать те концепции, понятия и суждения, которые есть в других подходах. Они могут хорошо подойти и к нашему социолингвистическому направлению.

Основные предпосылки и ведущий принцип социолингвистического подхода

Роль коммуникации: коммуникация как социальная и культурная идентификация. Предположение о том, что социальные и национально-культурные идентификации коммуникативно обусловлены, составляет предпосылку социолингвистического подхода. Эта предпосылка сформулирована в утверждении Гамперца [Gumperz, 1982] о языке и коммуникации идентификации: «…социальные процессы – это символические процессы, но символы обладают значением только в отношении сил, которые осуществляют использование и распределение природных ресурсов». Гамперц так же указывает на то, что раньше мы рассматривали пол, этническую принадлежность, класс и т. д. как уже данные параметры и границы, в пределах которых создается наша социальная идентичность. Однако в сегодняшнем мире, который сокращается до размеров глобальной деревни, все увеличивающиеся межкультурные контакты показывают, что эти параметры не являются константами, которые могут считаться само собой разумеющимися, но они формируются в коммуникации. «…Поэтому, чтобы понять проблемы идентичности и как они связаны с социальным, политическим, и этническим делением и зависят от него, мы должны проникнуть в суть коммуникативных процессов, при которых они возникают» [Gumperz, 1982].

Символические процессы – это социальные процессы, но символы или коммуникация не существуют изолированно друг от друга. Они могут быть поняты только при рассмотрении их связи с социально-культурной средой, включая людей, которые их используют. Самая важная характеристика социально-культурного окружения, в котором мы живем и где используем символы для того, чтобы общаться, – это интенсивное и все возрастающее разнообразие, которое, вероятно, можно охарактеризовать как культурный плюрализм или глобализация. Что отличает современный мир от мира вчерашнего, так это то, что изменились пути взаимодействия различных социальных подгрупп и способы связи представителей различных слоев общества друг с другом и с системой, через которую осуществляется управление ими [Gumperz, 1982].

В настоящее время широко распространено мнение – и оно считается доказанным – что глобализация затронула все стороны жизни нашего мира. И, как следствие, межкультурные контакты активно растут и расширяются. Культуры, экономические системы и политика во все мире как бы сливаются воедино благодаря быстрому обмену информацией, идеями, знаниями и инвестициями. Однако, несмотря на это, опыт последних лет показывает, что физическая близость и экономическое сотрудничество между людьми разных культур не могут автоматически гарантировать эффективную коммуникацию и дружественные межличностные отношения. Обширные межкультурные контакты могут только углубить культурные и социальные различия и создать разобщение.

Опыт все возрастающих глобальных контактов помог нам понять, что межкультурные контакты, хотя и неизбежны, но не всегда успешны. Причиной непонимания и неудач в общении становится разнообразие типов коммуникативного поведения в различных культурах. Поведение, отличное от нашего, может показаться странным и временами эксцентричным, причудливым, так как не оправдывает наших привычных ожиданий. Даже когда естественный барьер иностранного языка удален, могут возникнуть сложности в понимании из-за различий в коммуникативном механизме: подсознательные процессы выводов, которые делаются на основе ситуативных факторов, социальных предпосылок и социолингвистических и дискурсных традиций или норм. Следовательно, разговор или само общение составляет культурную или социальную идентичность. Как указывает Гамперц, «…там, где коммуникативные условности и символы социальной идентичности отличаются, там сама социальная действительность представляет трудность. С другой стороны, разговор и социальная действительность являются частью идеологии, которая имеет свою собственную историю, и служат для поддержания этой идеологии». В современном мире коммуникация играет новую роль. Коммуникация в социальном взаимодействии сегодня стала источником социальной и национально-культурной идентичности индивида: *«…коммуникативные ресурсы формируют неотъемлемую часть символического и социального состояния индивида, и... эта форма состояния может быть так же важна, как и реальные источники собственности»* [Bourdieu, 1973].

Социолингвистическая относительность как ведущий принцип социолингвистического подхода. Мы полагаем, что понятие социолингвистической относительности служит руководящим принципом для социолингвистического подхода к исследованию межкультурной коммуникации.

Понятие социолингвистической относительности было введено Насса Вулфсон (Nassa Wolfson) в ее книге «Perspectives: Sociolinguistics and TESOL» («Перспективы: социолингвистика и обучение английскому языку студентов, родной язык которых – другой») (1989). Социолингвистические условности или нормы могут быть определены как общие культурно-социальные ожидания соответствующего поведения [Gudykunst и Kim, 1992; **贾玉新,** 1997]. Вулфсон полагает, что это понятие относится к исследованиям коммуникации в разных обществах и культурах. Согласно Вулфсон, социолингвистическая относительность означает, что нормы, определяющие знание говорящих о том, что можно сказать, кому и при каких условиях, значительно варьируются от общества к обществу, не только от одной языковой группы к другой, но и внутри определенной языковой группы.

Понятие социолингвистической относительности может фактически быть расценено как расширение «культурной относительности», которая предложена в противовес понятию «лингвистическая относительность». Понятие культурной относительности, согласно многим специалистам в области коммуникации, обычно предполагает, что человеческое поведение, включая использование языка, и мышление культурно-обусловлены. То есть культура влияет на человеческое поведение, мышление и т. д. И в результате, когда встречаются люди, относящиеся к разным культурам, они судят и оценивают поведение друг друга согласно своим собственным системам ценностей.

Социолингвистическая относительность означает, что у каждой культуры есть свои собственные уникальные системы ценностей, и в результате в каждой культуре свои собственные условности или нормы для пользования языком. Другими словами, социолингвистические условности или нормы, которые влияют на способ, которым люди говорят и пишут в данной культуре, отличаются в разных культурах. Однако различия между культурно связанными социолингвистическими условностями не вопрос оценки (лучше или хуже) – они просто различаются и выделяются.

Условности или нормы для языкового использования вовсе не универсальны. В разных культурах есть различные социолингвистические условности или нормы для организации взаимодействия, и существует огромное количество правил дискурса и ценностные различия, проявляющиеся в большом разнообразии языкового поведения. Это то, что называется социолингвистическим разнообразием. Большое число прагматических правил или норм требует нашего внимания, поскольку нам не хватает знания этого прагматического разнообразия: люди из разных культур часто не понимают друг друга. Они неверно трактуют намерения говорящих, потому что люди имеют тенденцию интерпретировать и судить поведение представителей других культур с позиции своих собственных стандартов и ценностей культуры.

С понятиями социолингвистической относительности и разнообразия связано понятие прагматической трансференции, которое означает использование правил или норм собственной культуры при взаимодействии с людьми другой культуры. И в самом деле, нередко люди имеют тенденцию переносить подсознательно и автоматически механизмы родной речи и письменного дискурса на использование другого языка, когда им приходится взаимодействовать с людьми других культур. Это явление называется интерференцией, или трансференцией, а ранее определялось как билингвизм, например, таким исследователем, как Уриэль Вайнрайх (Uriel Weinreich), который говорит, что случаи отклонения от норм любого языка, происходящие в речи билингвов в результате их знакомства с более, чем одним языком, т. е. в результате языкового контакта, называются интерференцией (1953). Позже это явление подверглось широкому рассмотрению и часто использовалось в исследованиях по прикладной лингвистике при изучении и преподавании иностранного языка или второго официального языка. Только в последнее время это явление заинтересовало и исследователей межкультурной коммуникации. Принятие такой точки зрения, как нам кажется, поможет снизить негативные последствия всякого рода непонимания, возникающего между людьми разных культур.

Роль культуры: культура как переменная для объяснения коммуникативного поведения. Социолингвистический подход требует введения проблем культуры в теорию коммуникации и рассмотрения культуры как переменной для теоретического объяснения. Только когда культура рассматривается как теоретическая переменная, можно хорошо описать и объяснить различия в языковом поведении, включая взаимодействие и стили организации дискурса.

Мы полагаем, что различия в языковом поведении, вероятно, приведут нас к мысли о том, что в первую очередь надо рассматривать различия на культурном уровне. Когда мы сталкиваемся с различиями в речевом поведении, мы обращаемся к культуре в поисках причин этих различий. Культура – это первый и самый важный фактор, который программирует и объясняет наше поведение.

Коммуникация – культурно-специфичное явление, и в то же время в каждой из культур есть систематические общие черты и различия. Многие ученые считают, что общие черты и различия могут быть объяснены и предсказаны теоретически при использовании культуры как переменной. Если культуру рассматривать как теоретическую переменную, можно выявить различия в языковом поведении, включая взаимодействие и стили организации дискурса.

Культура проявляется в различных по глубине слоях, начиная от внутренних основных ценностей и внешних основных правил и норм и кончая поверхностным уровнем поведения при коммуникации, включая взаимодействие и дискурс.

Ниже представлена диаграмма различных уровней культуры (рисунок).

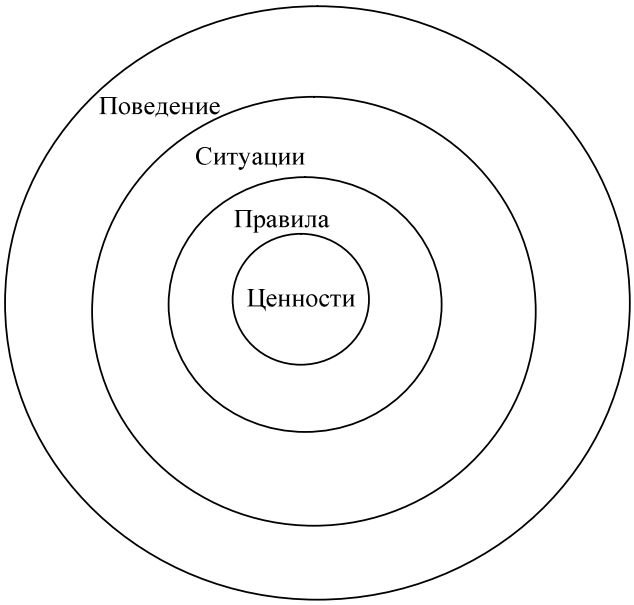

Рисунок. Диаграмма уровней культуры

Трудно концептуализировать культуру. Крёбер и Клакхон [Kroeber, Kluckhohn, 1952] насчитали 164 определения культуры. Несмотря на проблемы определения культуры, в данной работе мы следуем за определением, предложенным Спенсер-Оути (Spencer-Oatey), которое наиболее полно соответствует нашему взгляду на отношения между языковым использованием и культурой: «Культура – размытое множество отношений, верований, правил поведения и ценностей, которые присущи одной группе людей и которые влияют на поведение каждого члена данной группы и на его понимание поведения других людей» [Spencer-Oatey, 1999: 2].

Из диаграммы мы видим, что ценности являются определяющим фактором, который создает правила и нормы, которые в свою очередь формируют коммуникативное поведение, вклю-

чая языковое поведение в той или иной ситуации. Поэтому мы рассматриваем правила и нормы как часть ценностей или как их внешнее проявление в данной культуре. Правила или нормы, как было упомянуто ранее, культурно и социально определяют соответствующее поведение [Gudykunst и Kim, 1992; Lustig and Koester, 玉新 1999; 1997]. Другими словами, они являются проводниками общепринятого поведения в обществе.

Мы так же можем рассматривать языковое поведение, поверхностный уровень культуры как внешнее проявление ценностей и правил или норм. Языковое поведение или использование языка – это часть культурных ценностей и правил или норм и они имеют значение для межличностного (межкультурного) общения, создавая «…пространство взаимодействия, в котором подсознательные и автоматические социолингвистические процессы интерпретации и выводы могут привести к самым различным последствиям» [Gumperz, 1982]. При таком взаимодействии наши ожидания, предположения и способы мышления не могут пересечь культурные границы. То, что традиционно ожидается и понимается, становится непонятным в другой культуре. Культурные ценности формируют основные принципы, которые программируют способ мышления и поведения. Они устанавливают фоновые критерии того, как мы должны общаться с другими людьми, например, представителями разных культур. «…Они определяют эмоциональный тон для интерпретации и оценки поведения людей из других культур» [Ting-Toomey, 1999]. Они влияют на нашу самоконцепцию, а наша самоконцепция, в свою очередь, влияет на наше поведение.

Так, использование языка, включая стили взаимодействия и организации дискурса, может быть определено как культурный конструкт, который не только находится под влиянием культурных ценностей, но и влияет на них. Другими словами, различные культурные ценности накладывают определенные правила и нормы на использование языка, в том числе на стили взаимодействия и организации дискурса. Ценности реализуются во множестве способов коммуникации. Таким образом, они могут использоваться как переменные для объяснения и интерпретации общих черт и различий между культурами в процессе коммуникации.

Согласно Гудинкусту и другим авторам [Gudykunst, 2003], мы должны рассматривать культуры как теоретические переменные. На основе этих переменных создано несколько теорий, в которых используется концепт культуры для объяснения различий в коммуникации разных народов [Kluckhohn и Strodtbeck, 1961; Hall, 1976; Hofstede, 1980]. В течение многих лет ученые в области коммуникации в той или иной степени уже использовали эти теории культурных вариаций для объяснения культурных различий и общих черт в коммуникации между народами.

Краткий обзор социолингвистических и дискурсных правил

Несмотря на то что у людей в мире могут быть похожие коммуникативные задачи и проблемы, которые нужно решить, чтобы выжить и сосуществовать, реализация этих задач и решение проблем как социальная практика оказываются культурно-специфичными. Возможные варианты различных культур можно проанализировать с позиций нескольких перспектив:

1) культурных предположений о ситуативных и других контекстных факторах, которые влияют на коммуникацию, так же как на соответствующее поведение и намерения;

2) прагмалингвистических правил или норм для выбора стратегии и итерпретации их использования в данных контекстах [Spencer-Oatey, 1999];

3) определенных принципов, влияющих и программирующих взаимодействие в определенных контекстах [Spencer-Oatey, 1999].

Исследование разговорного взаимодействия и правил дискурса

Социолингвистические и дискурсные правила как культурно-специфическая составляющая. Несмотря на различия в использовании языка между культурами, ученые неоднократно пытались создать универсальные принципы, максимы или правила, такие как принцип кооперации Грайса (1975), принцип вежливости Лича (1983), речевые акты Серля (1975), теория лица Брауна и Левинсона (1987) и т. д. Обобщения, предложенные в этих работах, помогают глубоко проникнуть в суть механизмов использования языка. Однако эти универсальные принципы, максимы или правила не должны рассматриваться как абсолютные истины. Например, согласно Лим (2003), утверждение Серля о том, что обыкновенные требования вежливости в разговоре делают употребление повелительных предложений

и эксплицитных перформативов грубым, и что вежливость – главный стимул для создания косвенных высказываний – это всего лишь иллюзия и простое проявление англосаксонских культурных ценностей. Мацумото (1988) критикует Брауна и Левинстона, говоря, что они проигнорировали межличностную или социальную перспективу лица и преувеличили понятие свободы личности и автономии. Гу (1998) указывает, что проблемы автономии, навязывания и т. д. не то чтобы не существуют в восточных культурах, но скорее они не рассматриваются как проблема лица. Принцип кооперации Грайса – четыре максимы разговора и механизмы порождения импликатуры также специфичны для североамериканской культуры. Выходцы из Азии вряд ли предполагают, что эти принципы или максимы инициируют импликатуры, как свидетельствуют китайские, японские и корейские правила. Чжаосюн Хэ (Zhaoxiong He) утверждает, что принцип Грайса не объясняет, почему люди могут нарушить принцип кооперации и общаться друг с другом имплицитно, косвенно [何兆熊 2000: с. 167]. Универсальная теория лица Браун и Левинсона (1987) также критиковалась за свою универсальность. Притом она основана почти на десяти языках всех континентов, так что теория тяготеет в сторону англоцентризма. Англоцентризм заставляет англоговорящих ученых делать межкультурные обобщения своего этнографического знания с привлечением лишь некоторых изолированных примеров из других языков. Исследования показывают, что ученые сталкиваются с культурно-специфическими различиями [Blum-Kulka, House, & Kasper, 1989]. Прагматика и межкультурная коммуникация должны быть направлены на исследования специфического использования языка или должны быть более чувствительными к культурной относительности и разнообразию.

Даже если универсальные принципы и существуют, то максимы, включенные в эти принципы, могут варьироваться по важности и значимости от культуры к культуре. В социолингвистике, так же как и в исследованиях межкультурной коммуникации, один из способов «распаковать» культуру – значит привлечь принцип вежливости Лича (1983), который состоит из шести максим, имеющих дело с межличностными и социальными отношениями. Максимы, выдвинутые Личем действительно отражают социопрагматические правила, которым следуют люди при построении межличностных и социальных отношений. Лич утверждает, что люди часто ведут себя более непрямым способом, чем предполагает принцип кооперации Грайса. Лич заявляет, что японская культура уделяет больше внимания максиме скромности, чем британская культура, и что, наоборот, максима соглашения более важна в Великобритании, чем в Японии. Он утверждает, что такие различия объясняют, почему японцы отвечают на комплименты с большей скромностью, чем британцы. Аналогично некоторые ученые подтверждают, что максима скромности предпочитается в основном в Китае и некоторых других азиатских странах, чем в европейских.

Максимы, выдвинутые Грайсом, Личем и другими учеными Запада, основаны преимущественно на вербализованных взаимодействиях или вербализованном значении. Точность, ясность, выразительность, краткость, явность, прямота, утвердительность и тому подобное являются правилами во многих западных странах. Однако они могут быть не представлены в коммуникации китайцев. Методы общения китайцев, способы порождения ими импликатур находятся вне теории Грайса. Один из принципов Грайса для создания кооперации в разговоре – манера, он предполагает, что говорящий должен избегать неясности и двусмысленности (1975). Несмотря на широкое употребление косвенной коммуникации, этот прямой стиль коммуникации является правилом или нормой в Северной Америке. Однако принцип Грайса не принимается в качестве правила или нормы в Восточной Азии. В китайской культуре, которая ориентирована на коллективизм и взаимоотношения, например оказывается, что традиционное правило коммуникации, которое избегает выражения прямых требований, отказов, самоутверждения или прямой критики слушателя, является более доминирующим социопрагматической конвенцией, чем максима манеры Грайса. Для китайцев и японцев, чтобы понять реальное намерение в коммуникации, необходимо не знание разговорных максим и контекстной информации, а интуиция, полученная в течение долгого контакта с другими, или *кан*, как называет японский ученый Тэ-Соп Лим [Tae-Seop Lim, 2003: с. 65]. Этот пункт был исследован и проверен многими учеными. Корейцы, согласно Lim (1996), должны развить *ноон-чи*, чтобы выяснить из неоднозначного сообщения намерение, желание, настроение и отношение говорящего.

Действительно, вряд ли есть что-либо универсальное в конвенциях или нормах разговора и

письма. В коммуникации китайского культурного контекста конвенции и нормы уникальны, и именно культурно-специфичные конвенции или нормы создают манеру разговора и письма китайцев.

Прагмалингвистические конвенции как культурно-специфическая составляющая. Прагмалингвистические конвенции или нормы означают, что у различных культур или обществ есть различные нормы или правила, действующие в процессе отбора стратегий и интерпретации их использования в данном контексте. Это явление связано с речевым актом, в частности, таким как просьба, отказ, похвала и извинение. Несмотря на то что различные культуры или сообщества могут иметь одинаковые речевые акты или функции языка, конвенции стратегий для реализации этих функций или актов могут варьироваться от культуры к культуре. Хотя предстоит еще осуществить значительное исследование в данной области, то хорошее начало уже положено. Эмпирические исследования речи и прагмалингвистического поведения направлены на формы обращения, извинения, приветствия, запросы, комплименты, приглашения и т. д.

С целью исследования специфических китайских конвенций или нормы речевого поведения Цзя и Хуан [Jia and Huang, 1997], а также Сун Ли [Song Li, 2002], провели эмпирические исследования выражения извинения, а также комплимента среди студентов университета. Эти исследования выявили наиболее отличительные особенности поведения-извинения и поведения-комплимента и социокультурных переменных, которые влияют на выбор стратегий извинения в китайском контексте.

Исследование и анализ с помощью метода кейсов (отдельных случаев, эпизодов) поведения-просьбы в китайской и американской культурах [Xuerui Jia, 2006] также доказывает, что китайская культура в значительной степени предпочитает прагмалингвистические конвенции, уникальные для ее собственной культуры.

Различия в речевом поведении между китайской и американской культурами обнаруживаются в семантической последовательности или порядке компонентов-просьбы. Например, китайцы очень часто предпочитают включать свою просьбу в поддерживающие фразы, такие как длинные объяснения, фразы для сохранения репутации или оправдания, которые часто используются в начале текста, в то время, как американцы выражают просьбу сразу в начале текста, и если они действительно используют поддерживающие фразы, такие как объяснение причины или оправдание своей просьбы, они, скорее всего, разместят их после своей просьбы.

Мы хотим назвать эти длинные объяснительные и предварительные замечания, или поддерживающие фразы, рамкой (фреймом), цель которой состоит в том, чтобы настроить общий фон или создать атмосферу благоприятных взаимоотношений и связей.

Непрямой стиль китайской культуры и прямой стиль американской культуры отличаются в зависимости от того, как говорящие показывают свои намерения через эксплицитность или имплицитность сообщений. Непрямой стиль китайской культуры может выразиться в имплицитности намерения говорящего, в то время как прямой стиль выражает намерение говорящего эксплицитно.

Имплицитная просьба часто используется в китайской культуре между людьми, которые являются друзьями и знакомыми, или, по крайней мере, между теми, кто имел личный контакт друг с другом в течение долгого времени, и, следовательно, хорошо понимает нужды и желания, а также просьбы друг друга. Говорящий, выбирая имплицитный стиль, сможет избежать прямой вербализации намерения, и, следовательно, чтобы интерпретировать это намерение, слушателю необходимо получить от говорящего ключи к этой интерпретации. Нередко слушатели полагаются на молчаливое понимание и интуицию, которая выработана годами контакта с человеком, который обращается с просьбой. Эксплицитная просьба используется как в китайской, так и в американской культурах, однако американцы склонны больше, чем китайцы, акцентировать вербальную презентацию, обращая значительное внимания на грамматическую структуру, выбор слов и фраз, сослагательное и условное наклонения и т. д. Даже когда американцы пытаются выразить свое намерение имплицитно, их намерение легко выводится из контекста. Что касается китайцев, то коммуникация ориентирована на слушателя. Именно слушатель ответственен за различение значения через молчаливое понимание или интуицию, или за прочтение мысли говорящего благодаря контекстуальным ключам. У американцев же именно говорящий несет ответственность за заявление намерения ясно и логически так, чтобы слушатель мог прямо получить или вывести значение.

Очевидно, недопонимание и нарушение коммуникации неизбежны, когда китайцы и аме-

риканцы сталкиваются с ситуацией просьбы, поскольку каждая сторона может действовать интуитивно и подсознательно согласно своему собственному культурному стандарту и конвенциям. Американцы могут жаловаться на китайцев по поводу «хождения вокруг да около» при выражении просьбы и просить, чтобы они сказали, что они подразумевают. Будучи имплицитными, китайцы могут оставить у американцев впечатление 'неискренности' и 'ненадежности'. Американцы могут произвести не лучшее впечатление на китайцев. Китайцы могут жаловаться на американцев по поводу их прямолинейности в просьбе. Американцы могут произвести на китайцев впечатление тупых, невежливых и даже грубых.

Социопрагматические конвенции как специфические культурные особенности. Как упоминалось ранее, так называемый принцип универсальности, предложенный западными учеными, может не работать в китайском культурном контексте. Например, одна из социопрагматических максим Грайса или принципов совместной беседы – манера – заключается в поведении, которое предполагает, что говорящий должен избегать неясности выражения и двусмысленности [Grice, 1975]. Подобная прямота в коммуникации является нормой в Северной Америке, несмотря на широкое использование и косвенной коммуникации. Принцип Грайса не может закрепиться в качестве нормы в китайской культурной среде, в которой не разрешается использовать требования, отказы, выражать самоутверждение или прямую критику слушающего. Действительно, использовать непрямые пути в требовании, отклонении, утверждении или критике других во многих ситуациях является более важным принципом, чем принцип манеры Грайса.

Социолингвистические правила или нормы являются культурными конвенциями. Они являются внешними проявлениями определенных ценностей и верований. Они являются общими социальными ожиданиями соответствующего поведения в той или иной ситуации. В этом свете культурные конвенции или нормы являются социолингвистическими, а используемые языковые средства играют главную роль. Конвенции или нормы различаются в разных культурах по своей значимости и силе. В отличие от ценностей, конвенции или нормы могут меняться в течение времени, в то время как ценности более устойчивы. Для регулирования социальных отношений в ежедневных взаимодействиях различные культуры могут иметь различный диапазон вариантов социолингвистических конвенций: непрямых, имплицитных, скрытых или прямых, эксплицитных, открытых. Даже если люди, вышедшие из разных культур, говорят на том же самом языке, скажем, английском, данный язык может быть охарактеризован с точки зрения различных социолингвистических конвенций. Мы предполагаем, что сбой коммуникации вызывают не различия в акценте и грамматической структуре, а именно то, что отношение и значение передается через один набор правил (конвенций) и интерпретируется через другой.

Традиционно к социопрагматическим нормам или соглашениям обращались многие ученые Китая, например, к китайскому принципу вежливости и т. д. В настоящее время некоторые ученые, такие как доктор Гу Юэго (Gu Yueguo) и профессор Хэ Цзаосюн (He Zaoxong), обратились к проблеме вежливости в китайской культуре с позиций социолингвистической или прагматической перспективы. Среди исследований в этой области мы должны особенно упомянуть теории, связанные с социопрагматическими конвенциями, такими как «обновленная теория лица» и «переговоры с учетом лица», внесенные Стеллой Тинг-Тумэй (Stella Ting Toomei), и теориями Вэньшэн Цзя (Wensheng Jia), Хуан Гуанго (Huang Guangguo) и Цзя Юйсиня (Jia Yuxin), которые обращают внимание на специфичность китайской культуры.

Многие ученые писали на тему коммуникации китайцев, но одна из новых и всесторонних публикаций по данному вопросу – это работа Гао (Gao) и Тинг-Тумэй (Ting-Toomey) *Communicating Effectively with the Chinese* («Эффективное общение с китайцами») (1998). Они перечислили четыре особенности коммуникации в китайской культуре: *ханьсюй* (hanxu), *тинхуа* (tinghua), *кэци* (keqi) и *эффект инсайдера на коммуникацию*. Под *ханьсюй* они понимают то, что «говорящий не объясняет обстоятельно все, но оставляет "невысказанное" слушателям» [1998: с. 17]. В общении с другими китайцы предпочитают быть имплицитными. Другими словами, коммуникатор не говорит все в открытую; кое-что оставляет недосказанным, и предполагается, что слушатель прочитает мысль говорящего или распознает сообщение из ситуации или контекста. *Тинхуа* – это ориентация на слушателя, это означает, что китайцы обращают особое внимание на слушание в коммуникации, и большое значение имеет иерархия – в том, кто

как говорит и кто слушает. Под *кэци* понимается то, что люди должны быть вежливыми. Однако это не означает использование одних только вежливых выражений. В данном случае подразумевается ценность сдержанности, уничижения и скромности и использования соответствующих выражений, чтобы показать эти качества. Наконец, под влиянием *эффекта инсайдера на коммуникацию* понимается существование явного различия между кругом лиц с общими интересами (ин-группа) и людьми не из этого круга (аут-группа), желание работать со «своими» и нежелание взаимодействовать с «чужими».

Непрямые ресурсы как социальный капитал индивида в китайской культуре

Непрямой стиль взаимодействия как коммуникативный ресурс в китайском контексте формирует неотъемлемую часть символического и социального капитала индивидуума [Gumperz, 1982]. И в сегодняшнем Китае эта форма капитала столь же существенна, как и когда-то недвижимость [Bourdieu, 1973]. Китайский непрямой стиль взаимодействия служит важной социопрагматической конвенцией для того, чтобы люди реализовали коммуникацию и межличностные отношения или чтобы можно было манипулировать людьми, если пользоваться терминами Хуэйцин Чан [Huiqing Chang, 1995].

Хуэйцин Чан [1995], говоря о предпочтении китайского непрямого стиля взаимодействия, указывает на то, что манипулирование межличностными взаимодействиями через вербальные или другие средства всегда было важной темой в китайском философской и политической теории. Сложность китайских социальных и межличностных отношений создает потребность для коммуникантов договариваться и управлять отношениями через вербальный обмен независимо от того, с хорошими ли намерениями или под маской поверхностного гармоничного взаимодействия [Chang, 1999, 2001, 2005]. Навыки взаимодействия функционируют как смазка в межличностной системе. Соответствующее использование таких навыков поможет создать необходимую социальную сеть и принести личное преимущество тем, кто их использует особенно в мире, который ценит отношения, благосклонность и человеческие эмоции (*жэньцин*), и лицо. Для того чтобы достичь личных целей, можно использовать множество косвенных лингвистических форм, неоднозначных выражений, косвенные речевые акты, скрытый смысл слов и т. д. Во всяком случае неважно, заботится ли человек о потребностях участников коммуникации или просто заинтересован в получении преимущества или власти, знать, как подобает говорить с людьми различных социальных положений, чтобы не испортить кажущиеся приятными, гармоничными ситуации, чрезвычайно ценится в китайской культуре.

Линда Вэйлинг Янг [Linda WailingYoung, 1982] утверждает, что на основе данных, полученных из множества формальных речевых ситуаций, включая научную конференцию и деловые встречи, в которых принимали участие англоговорящие китайцы, можно говорить о том, что организация китайского дискурса в таких видах, как объяснение, оправдание и убеждение, копирует порядок слов в предложении, представленных как топик-комментарий. Она утверждает, что в большинстве случаев модели китайского дискурса представляют собой инверсию конвенций английского дискурса, а именно определенные итоговые утверждения оставляют на конец и они занимают конечную позицию в тексте.

Согласно эмпирическому исследованию Сюэжуи Цзя (Xuerui Jia), фактически косвенная прямая дихотомия в разговорном взаимодействии находит параллель в письменном дискурсе китайской и американской культур. Кажется, что различия стилей этих двух культур не случайны. Они системны. Примеры и факты устных и письменных дискурсов, представленных в ее диссертации, свидетельствуют о том, что китайцы предпочитают наращивать информацию перед предоставлением важного сообщения. Все это сводится к тому, что непрямой стиль взаимодействия – предпочтение китайцев. Они предпочитают конвенции, требующие порядка фрейм-основа, то, что называется индуктивным / непрямым стилем, в то время как американцы предпочитают конвенцию с порядком основа-фрейм, т. е. то, что называется дедуктивным/прямым стилем.

Чтобы доказать гипотезу китайского предпочтения косвенного / индуктивного стиля, Сюэжуй Цзя провела ряд экспериментов и сделала анализ данных, полученных на базе значительного числа эссе на соискание премий, написанных не англоговорящими авторами, образцовых эссе, написанных студентами отделения английского языка Пекинского университета, эссе, написанных американцами, и сотни тезисов докладов, представленных на Китайском симпозиуме по межкультурной коммуникации в 2005 г., а также

тезисов, опубликованных в американском научном журнале (написанных американскими учеными – носителями американского варианта английского языка). Результаты позволили исследователю сделать вывод, что китайцы, говорящие на английском языке, предпочитают непрямой стиль общения или индуктивный подход и тем самым выражают китайскую культурную идентичность в коммуникации. Данное заключение является убедительным, поскольку некоторые данные социологического исследования основаны на материале научных письменных текстов. Конвенция, к выводу которой пришли в обсуждении, может быть более представительной для китайского письменного дискурса на английском языке. Авторы полагают, что китайское предпочтение к ориентации на гармоничные социальные и межличностные отношения может быть прослежено в конвенциях принятого дискурса с культурной спецификой.

Фактически и непрямой (индуктивный), и прямой (дедуктивный) стили обнаружены в устных и письменных дискурсах китайской и американской культур. Это значит, что эти стили не ингерентны китайцам и американцам. Однако Сюэжуи Цзя утверждает, что китайцы, несомненно, предпочтут непрямой (индуктивный) стиль в большинстве ситуаций, по сравнению с американцами.

К настоящему времени проделана большая работа с различных перспектив и в различных дисциплинах относительно сопоставления восточного непрямого стиля и западной прямолинейности на материале устных и письменных дискурсов, а также факторов, вызывающих эти различия.

Непрямые взаимодействия и дискурсные конвенции в китайской культуре и прямые взаимодействия и дискурсные конвенции в американской культуре представлены в табл. 1.

Концепт лица и сохранения лица как культурно-специфическая составляющая

Концепт лица как культурный продукт. Концепт лица играет огромную роль во взаимодействии людей. Важно осознавать, что лицо и коммуникативные стратегии, акцентирующие внимание на роли идентичности индивида в социуме, служат как важные социопрагматические конвенции или нормы для регулирования взаимодействием людей и межличностными отношениями.

По сути, концепт лица не только социален по своей природе. Это одновременно психологический и культурный продукт. Будучи социальным и культурным продуктом, лицо предполагает как культурно-универсальные, так и культурно-специфические аспекты [Ting-Toomey, 1994]. Однако ученые Запада преувеличивают универсальный аспект и уделяют недостаточное внимание аспекту культурному.

Таблица 1

Сравнительный анализ прямых и непрямых взаимодействий и дискурсных конвенций в американской и китайской культурах

Сравниваемое содержание	Китайская культура	Американская культура
Отношения	Гармонично-ориентированные	Автономно-ориентированные
	Независимость	Независимость
Стиль взаимодействия	Непрямой	Прямой
Семантический порядок	Фрейм-основа	Основа-фрейм
Деятельность: Просьба	Поддержание лица / Оправдание или причины / Суть	Обращение-ответ-топик
	Поддержание лица / Оправдание или причины / Просьба Имплицитная Имплицитная	Просьба – Оправдание / Причина Эксплицитная Вербальный контекст / грамматическая структура Эксплицитная
Урегулирование конфликта и решение	Непрямые стратегии по сохранению лица	Прямые стратегии по поддержанию лица
	Третья сторона	Конфронтация
	Молчаливое понимание, интуиция	Вербальный контекст, основанный на понимании
	Низкая степень иллокутивной прозрачности	Высокая степень иллокутивной прозрачности
Письменный дискурс	Индуктивный / непрямой	Дедуктивный / прямой
	(Фрейм) Топик – (Основа) Коментарий (Определяющее–Определяемое)	Основа – Фрейм
	(Подчиненное – Главное)	Главное – подчиненное

Э. Гофман [Goffman, 1959] в своей конструктивой работе предпринимает социологический подход в описании лица, рассматривая его как средство оказания впечатления от человека в его социальном взаимодействии в обществе. Гофман метафорически описывает людей как актеров на

сцене, которые представляют и воплощают различные типы лиц и самоидентификации.

Браун и Левинсон (1987) в своей классической монографии расширяют концепт лица Гофмана и предпринимают социолингвистический подход в описании лица и связанных с ним стратегий. Они рассматривают лицо как публичный самоимидж, в котором каждый хотел бы, чтобы его видели другие. На базе концепта лица Гофмана они разработали теорию лингвистической вежливости. Они предложили два концепта позитивного и негативного лица как основного желания любого индивида в процессе социального взаимодействия. Позитивное лицо предполагает, что самоимидж должен быть утвержден, оценен и одобрен. Негативное лицо предполагает индивидуальную свободу действия и свободу от навязывания [Браун и Левинсон, 1987]. И позитивное, и негативное лицо служат в качестве социального механизма, регулирующего межличностные отношения в терминах лингвистических выражений.

Гофман, Браун и Левинсон утверждают, что желание иметь лицо является универсальным феноменом, подчеркивающим межличностные отношения и взаимодействия. Этот этический подход, предпринятый авторами, является попыткой открыть общую теорию, которая лежит в основе человеческих взаимоотношений и коммуникации. Однако данный подход не уделяет достаточно внимания культурному фактору, который влияет на концепт лица и коммуникативных стратегий, связанных с ним, и потому не может не вызвать критику.

С точки зрения межкультурной коммуникации, вежливое поведение человека, принадлежащего к одной отдельно взятой культуре, может быть совершенно невежливым в другой культуре. То, что рассматривается как лицо позитивное в одной культуре, может оказаться лицом отрицательным в другой. «…У меня на этой неделе намечается вечеринка. Приходи, если хочешь». Это пример вежливого приглашения в Соединенных Штатах. Однако такое приглашение рассматривается как невежливое в китайском культурном контексте. В американском обществе такое приглашение означает, что приглашающий думает о времени и свободе действий приглашенного. В китайском обществе такое приглашение будет выглядеть невежливым, поскольку оно не учитывает чувства другого человека, особенно если разговор происходит между друзьями. Подобным же образом комплимент рассматривается как важная коммуникативная стратегия или речевой акт восхваления лица, так как используется для достижения позитивного эффекта на адресата, особенно в рамках западного культурного контекста.

Будучи продуктом культуры, «лицо» отличается в разных культурах как концепт, по своей природе и функциям настолько, что так называемая универсальная теория Гофмана, Браун и Левинсона не всегда применима для рассмотрения концепта лица в межличностных отношениях и взаимодействиях в контексте китайской культуры, как и многих других, так как данная теория ориентирована на западные культуры.

Р. Сколон и С.У. Сколон замечают, что существуют три фактора в коммуникации, которые вносят некоторые различия в рассмотрении концепта лица на Востоке и Западе. Они включают относительное выделение информации и отношений, иерархическую природу межличностных ролей, и контраст между договоренностью и утверждением таких ролей.

Ху (1944), Р. Сколон и С.У. Сколон (1994) и Вэньшань Цзя (1997) утверждают, что в отличие от западной точки зрения на лицо, понимаемое как трансакциональная сущность, в восточном понимании данный концепт имеет моральную природу. В китайском понимании концепт лица включает два аспекта *лянь и мяньцзы,* и между ними следует проводить четкое разграничение. Первый термин относится к внутренним качествам индивида или внутренним свойствам характера, второй – отражает внешние черты индивида в отношении репутации, которую он достиг. Западные ученые преимущественно рассматривают концепт лица, представленный мяньцзы. Очевидно, этот аспект концепта «лицо» трансакционален по природе, в отличие от концепта *лянь*, у которого моральная сущность. «*Лянь* – это главным образом носитель моральных устоев [Wenshan Jia, 1997]. Потеря лица может рассматриваться как «…осуждение группой за аморальное и социально неприемлемое поведение» (1997). Так, концепт лица, основанный на моральных устоях, остается вне поля зрения западных ученых. Ху также разграничивает внутреннее и внешнее в рамках межличностных отношений. Он считает, что потеря или приобретение индивидуального лица связано с потерей или похвальбой лица в определенной группе. Чан и Холт (1994), Гу (1990), Матцумото (1987) и Тинг-Тумэй (1988) утверждают, что теория вежливости Браун и Левинсона является высоко ра-

циональной моделью, а не реляционной, так как концепт позитивного и негативного лица создан в рамках личностно-ориентированной культуры, т. е. ориентирован на себя [Wensheng Jia, 1997-1998]. Личностно-ориентированный, или индивидуалистский концепт позитивного и негативного лица является результатом идеи регулирования создаваемого впечатления в межличностных взаимодействиях, что отражает индивидуалистическую ориентацию западной культуры. Это может противоречить трактовке концепта «лицо» в восточной культуре.

Многие ученые сходятся во мнении о том, что Китай, Япония и многие другие восточные страны ориентированы на коллективизм, в то время как Северная Америка и Европа – на индивидуализм. Очевидно, индивидуализм-коллективизм используются как важные культурные переменные для объяснения различий в улаживании конфликтов и определении категории лица между этими странами. Следуя оппозиции «коллективизм – индивидуализм», можно сказать, что согласно экспериментальным данным культурные различия заключаются в том, что в коллективистски-ориентированных странах, таких как Япония и Китай, ценится взаимозависимость, включенная в понятие «лицо», в то время как в индивидуалистски-ориентированных культурах США и других странах Запада, ценится независимость в социальном взаимодействии, также включаемая в концепт «лицо».

На Западе люди стремятся быть независимыми, автономными и уникальными и жить изолированно. Гиртц [Geertz, 1975] описывает западного человека как «…энергичного, уникального, более-менее интегрированного мотивационного и когнитивного универсума, как динамический центр осознания, эмоций, оценки и действия, организованный как отличительное целое и индивид, выделяемый на фоне таких же целых и индивидов, а также на фоне социума и природы…». Индивидуалистски-ориентированные культуры Запада требуют «…формирования себя как индивидуума, организация и значимость поведения которого определяются внутренним репертуаром мыслей, чувств и действий, а не сопоставлением с мыслями, чувствами и действиями других…» [Markus и Kitayama, 1991].

Согласно Маркусу и Китаяма, лица, ориентированные на взаимозависимость, доминируют в восточных культурах и некоторых коллективистских культурах Запада, потому что «я» пересекается с «другими», или «я» накладывается на другие «я», взаимопересекаясь и устанавливая определенные связи. При социальном взаимодействии поведение людей определяется не независимым индивидом, а взаимозависимыми индивидами. Социальным механизмом, регулирующим поведение людей в межперсональных связях, являеюся связи индивида с другими людьми, или «индивид в контексте».

Многие исследования обращают внимание на то, что там, где господствует представление о лице как взаимозависимости, огромную роль играет конформизм, а там, где понятие лица включает независимость индивида, конформизм имеет гораздо меньшее значение. Юйсинь Цзя со своими коллегами доказал, что китайцев очень заботит вопрос о социальной приемлемости. Наиболее важным в социальном взаимодействии является приемлемость речевого (устного и письменного) поведения. И, как правило, коммуникаторы предпочитают непрямолинейность в своем ежедневном взаимодействии. Напротив, американцы выбирают прямой и конфронтационный стиль устного и письменного общения.

В коллективистском китайском культурном контексте категория лица служит и целью, и средством в понимании и формировании гармонических отношений, что является конечной целью данного общества. В качестве цели эта категория выполняет роль морального кодекса для развития добродетельных свойств, присущих мужчинам и женщинам, ибо каждый член общества старается стать абсолютно добродетельным человеком. В этом смысле *мяньцзы*, или лицо – это идеальная цель для каждого члена общества при его взрослении. Поэтому люди боятся потерять лицо, поскольку потеря лица может в той или иной степени воспрепятсвовать становлению мужских и женских качеств. В качестве средства эта категория служит наградой или наказанием или просто «заменой строгого законодательства, касающегося прав и обязанностей людей» [Cheng; 1986]. В этом смысле *мяньцзы*, или лицо, помогает людям сформировать хороший характер и установить хорошие межличностные отношения, что, в свою очередь, приводит к социальной гармонии. В любом смысле, лицо в китайском контексте морально и реляционно.

Китайские стратегии непрямого общения и американские стратегии прямого общения при решении и обсуждении конфликтов. Конфликт – это фактически неотъемлемая часть отношений в нашей жизни. Каждый из нас когда-либо сталкивается с конфликтной ситуацией в личных или

межличностных отношениях. Мы все ясно осознаем, что конфликт является эмоциональным бременем, опытом, угрожающим лицу. Однако редко кто знает, что для обсуждени и разрешения конфликтов в разных культурах используются разные стратегии лица (его спасения, укрепления, нападок на него) как непрямые, имплицитные, так и прямые, эксплицитные. В одних странах используются непрямые стратегии, в других – прямые. Мы полагаем, что, как и концепт лица, стратегии, акцентирующие внимание на роли идентичности индивида в социуме, принятые в китайской и американской культурах при обсуждении и разрешении эмоциональных и реляционных конфликтов, также отличаются.

Согласно исследованиям Сюэжуй Цзя, различия в обсуждении и разрешении конфликтов в разных культурах может быть отражено в табл. 2.

Таблица 2

Сравнительный анализ особенностей разрешения конфликтов

Наименование	Китайская культура	Американская культура
Культурные ориентации	Коллективистские / реляционные	Индивидуалистские
Ориентация на лицо	Забота о другом лице и взаимозависимость	Забота о себе
Отношение к конфликту	Угроза отношениям	Вовлеченность
Отношения	Взаимозависимость	Независимость
Стратегии, акцентирующие внимание на роли идентичности индивида в социуме	Косвенная	Прямая
	Имплицитная, помощь третьему лицу, ориентирована на процесс, (риторический) вопрос	Эксплицитная, орентирована на результат
	Невербальные нюансы и детали указывают на значение…	Меньшая значимость невербального поведения
	Низкая степень иллокутивной прозрачности (интуиция и молчаливое понимание)	Высокая степень иллокутивной прозрачности
	Терпение, избегание обязательств	Конкурентность, превосходство, агрессивность, напористость, вызов

Явное различие в стиле обсуждения и разрешения конфликтов между китайцами и американцами связано с различием культур относительно отношения к конфликту.

Китайцы, которые ориентированы на гармоничные отношения и связи, относятся к конфликту негативно. Для китайцев конфликт является угрозой межличностным отношениям и связям. Быть в конфликте значит подвергать свои отношения, связи, организацию опасности. Отсюда – конфликт необходимо избежать любой ценой. Если возник конфликт или спор, он должен быть урегулирован, желательно без прямых конфронтаций.

Для многих американцев конфликт не всегда противопоставляется взаимосвязи и организации. Танен [Tanen, 1990: p. 291–292] считает, что быть в конфликте означает быть вовлеченным во взаимные отношения. Несмотря на то, что многим гораздо удобнее пользоваться языком для установления взаимосвязи, тем не менее многие также считают, что удобнее употреблять его для демонстрации себя. Ситуация оказывается еще более сложной, потому что демонстрация себя, когда она становится частью взаимной борьбы, также является способом вовлечения. Конфликт может быть расценен как создание условий вовлеченности. Так, для многих американцев конфликт не представляет угрозу для отношений и связей. Это необходимое средство для обсуждения отношений, поэтому его надо принимать и даже стремиться к нему, приветствовать его и радоваться ему [Tannen, 1990: p. 150]. В результате предпочитаются стратегии прямого стиля общения, даже конфронтации и нападение.

Китайский английский как культурная идентичность и средство выражения китайских культурных ценностей

Китайский английский как средство выражения китайских культурных ценностей

Социальные процессы являются символическими, но символы имеют значения только в рамках культурно-социального контекста. Мы хотим сказать, что культурная и социальная идентичность устанавливается и поддерживается через коммуникацию. Вот почему, чтобы понять социальную реальность, социальные изменения и социально-культурную идентичность и то, как они влияют и подвержены влиянию культурных, социальных, политических и этнических границ и делений, необходимо заглянуть внутрь коммуникативных процессов, благодаря которым они появляются. Гамберц (1982) утверждает, что «…когда коммуникативные конвенции и символы социальной идентичности разнятся, то и сама социальная реальность оказывается под вопросом. С другой стороны, и коммуникация, и соци-

альная реальность – часть идеологии и служат для сохранения идеологии, у которой своя собственная история» [Gumperz, 1982].

В настоящее время англо-американский английский считается стандартным английским языком. Однако этот так называемый стандартный язык «…прячет многообразие ценностей и конвенций дискурса» и «…эти конвенции давно игнорируются как нестандартные языковые практики» [Gumperz, 1982]. Сегодня ситуация в мире изменяется, и современные лингвистические, интеракциональные и дискурсные конвенции, сохранившиеся до сих пор, столкнулись с необходимостью стандартизации, и они фактически заставили сделать переоценку своей культурной, социальной и законной коммуникативной значимости. В итоге они выражают культурные ценности и идентичность говорящих и представляют культурно-социальную реальность.

К настоящему времени написано значительное количество работ, в которых исследуются правила, нормы и конвенции, которые определяют использование английского языка как lingua franca в китайском культурном контексте. Данные работы свидетельствуют о том, что правила, нормы и конвенции, используемые во многих ситуациях англоязычного китайского культурного контекста, отличаются в той или иной степени от правил, норм и конвенций, используемых при взаимодействии в западных культурах, и поэтому являются маркерами китайской социальной реальности и социально-культурной идентификации.

Этот вариант английского языка, используемого китайцами, называется китайским английским. Он развился благодаря интернационализации и локализации британо-американского английского. В качестве его основы выступает английский язык носителей языка, но он интегрируется с китайской символической системой, которая построена на китайских культурных ценностях. Таким образом, китайский английский отграничивает себя от американского аглийского благодаря своей уникальной «китайскости». Именно китайские особенности на лингвистическом уровне (фонетика, лексика, синтаксис) и на прагматическом уровне (прагмалингвистика, социопрагматика, дискурсные конвенции, стилистические средства и т. д.) отличают китайский английский от англо-американского.

Китайский вариант английского языка – это стандартный английский язык, используемый компетентными китайцами, говорящими на английском языке; он выполняет лингвистические и социально-культурные функции для осуществления коммуникации между китайцами и всем мировым сообществом.

Культура питает язык, и ни один язык не в состоянии выжить вне культурной среды. Китайский английский – не исключение. Распространяя китайскую культуру, и будучи гибридом интернационализации и нативизации английского языка, китайский английский – очень продуктивный распространитель китайской культуры. Как упоминалось ранее, символический процесс по сути является социальным процессом, и в этом свете китайский английский, как символический и социальный процесс, несет следующие культурные ценности и социальные значения [Jin Huikang, 2003]:

– географические ссылки;
– исторические ссылки;
– социально-институциональные ссылки;
– политические ссылки;
– идеологические ссылки;
– фольклорно-культурные справки.

Как видно из этого весьма ограниченного списка, английский язык используется в каждой сфере жизни Китая. Это имеет огромное значение как для Китая, так и для мирового сообщества в плане мирного сосуществования и развития. Сегодня без китайского английского коммуникация между Китаем и остальным миром практически невозможна.

Социолингвистические конвенции китайского варианта английского языка как культурная идентификация

Символические процессы являются социальными процессами. Люди используют лингвистические символы для создания социолингвистических и прагматических конвенций и норм в социальном и коммуникативном процессе. Конвенции и нормы являются сигналами межличностных отношений и культурной идентификации. В порядке рабочей гипотезы мы предполагаем, что там, где коммуникативные конвенции (включая взаимодействие и правила дискурса) различаются, социальные и культурные реальности вызывают много вопросов. То есть коммуникативные конвенции являются социокультурной реальностью. Они являются частью идеологии и служат для ее поддержания, определяя культурную идентичность личности.

«Китайскость» китайского варианта английского языка проявляется не только в том, что он

представляет, но и как он подразумевает культурные и социальные процессы. Более того, культурная идентификация основана на лингвистических символах, которые определяют отличие социолингвистических и прагматических конвенций. Несмотря на то, что китайский вариант английского языка формируется образованными коммуникаторами, он в основном имеет отличия на разных уровнях символической системы, включая фонетический, лексический и синтаксический аспекты на лингвистическом уровне и социолингвистические или прагматические и дискурсные конвенции, или что называется уровнем использования языка. Англоговорящие китайцы, в первую очередь, социально-культурные существа. Какой бы язык они ни использовали, они ведут себя как китайцы. Китайский язык, конвенции и ценности, закодированные в языке, который они приобрели на раннем этапе своей социализации, неизменно проявляются, когда китайцы начинают говорить на английском или другом иностранном языке.

В терминах социолингвистики и прагматики, китайский английский представляет китайские социальные конвенции, культурные ценности и идентичность. Прагмалингвистические и социолингвистические проявления говорящих на китайском английском часто отличаются от английского языка, на котором говорят другие. Это имеет скорее социокультурные, а не лингвистические причины.

Социолингвистические и прагматические правила определяются культурными конвенциями и нормами, которые основаны на культурных ценностях и которые, в свою очередь, отражают эти ограничивающие ценности и нормы. В этом смысле, социолингвистические и прагматические проявления в межличностной коммуникации являются социальной реальностью, культурной и социальной идентичностью, так же как и соблюдение ценностей. Поскольку люди одной культуры разделяют взгляды на социальные нормы, определяющие поведение в одном сообществе, культурные стереотипы базируются на том, как культурная группа реализует свое речевое поведение.

Идентификация англоговорящих людей, таких как американцы или китайцы, британцы или австралийцы, происходит не только по акценту, выбору слов, но также и по использованию слов в повседневной речи или для выполнения прагматических функций. Другими словами, социолингвистическое поведение является особым маркером культурной идентификации говорящего. Носители одной культуры разделяют одни и те же правила речевого поведения. Несмотря на то, что англоговорящие китайцы говорят на английском языке достаточно бегло, вполне естественно и неизбежно, что они переносят китайские социолингвистические и прагматические конвенции или правила в английский язык при использовании его во время личностного взаимодействия. «Перенесенное поведение» достаточно свойственно компетентным англоговорящим китайцам, таким как студенты с высоким уровнем языка, учителя, профессура. Мы не ограничиваем дискуссию, поднятую в данной статье и затрагивающую прагматическое и социолингвистическое употребление языка, только устной речью. Нормы и правила, регулирующие устную речь, также определяют и письменную речь, ее порождение и интерпретацию.

Появление и создание индивидуалистской идентичности через коммуникацию в Китае

В настоящее время успешно проведено несколько социолингвистических исследований, раскрывающих как значительное число китайцев, особенно молодежи, сформировали свою новую социально-культурную идентичность и свой стиль через активное принятие лингвистических ресурсов, и что связано с экономической реформой и политикой открытых дверей, принятой в Китае.

Сюэлай Цзя и Юйсинь Цзя исследовали на протяжении четырех лет жизнь известного китайского футболиста, следя за тем, как формируется новый тип индивидуалистской идентичности в Китае.

Это исследование, использующее социолингвистический подход к изучению межкультурной коммуникации, рассматривает и анализирует появление и создание индивидуалистской идентичности в современном Китае. Работа расматривает и анализирует то, как новоявленный идеологический дискурс, который составляет компонент индивидуалистской идентичности, входит в пространство межкультурной и внутрикультурной коммуникации, в результате чего появляющаяся индивидуалистская идентичность мобилизует лингвистические ресурсы, конкурируя с традиционной идеологией, утверждая свои права, свое наименование и, наконец, самое себя.

Данные анализа позволяют сделать выводы по следующим пунктам:

1) автор соглашается и подкрепляет идею о том, что идентификация извлекается из культурного и социального контекста и устанавливается

самим говорящим и другими людьми. Идентификация составляет неотъемлемую часть коммуникации. Она появляется, развивается, устанавливается и объясняется посредством коммуникации;

2) в современном Китае появляется и развивается индивидуалистская идентичность благодаря экономической глобализации, установлению свободного рынка и влиянию Запада. Появление и установление индивидуалистской идентичности займет долгое время и будет происходить при конкурирующем влиянии традиционного дискурса;

3) индивидуальная идентичность может быть схожа с индивидуалистской идентичностью. Однако она может значительно отличаться от западной индивидуалистской идентичности;

4) новоявленная индивидуалистская идентичность может принять как коммуникативные образцы определенной культуры, так универсальные образцы разных культур.

Идея объяснения новой идентичности через лингвистические ресурсы в Китае находит отражение в диссертации Цин Чжан (Qing Zhang) «Китайские юппи» (неопубликована).

В своей диссертации Цин Чжан рассмотрела китайских юппи, новую профессиональную группу китайцев, появившуюся с начала экономической реформы и политики открытых дверей в континентальном Китае в конце 1970–х гг. Эти люди работают в иностранном бизнесе и строют свой стиль и социальную идентичность через активое принятие лингвистических ресурсов. Рассматривая различные теории, такие как социолингвистическая вариативность, гендерные варианты, лингвистический рынок, стиль и идентичность, автор пришел к новому подходу в анализе данных лингвистических вариантов. При анализе китайских юппи также учитываются гендерные варианты, интерпретации подвергается социальная история лингвистических вариантов и социальных идентификаций.

Доказана гипотеза автора о том, что «…образцы лингвистических вариантов соотносятся с взаимодействием между различными ограничениями и возможностями, с которыми сталкиваются юппи в секторе международного бизнеса, и с активным принятием лингвистических ресурсов для объяснения стиля и идентификации китайских юппи». Автор показала, что юппи используют вариант пекинского мандаринского наречия меньше, чем государственные служащие, что они используют полный тон, характерный для немандаринских диалектов – явление, которое исследователь назвала «дитерриториальным» вариантом мандаринского наречия. Еще одно ее открытие – это то, что гендерное различие играет достаточно незначительную роль среди профессионалов, но огромную – среди юппи. Юппи–женщины явно лидируют в использовании нового мандаринского варианта.

Различия в выражении собственного «я» в китайской и американской культурах

Как отмечалось выше, в рамках социолингвистики культура используется для объяснения, почему люди разных культур ведут себя по-разному. Далее мы будем использовать концепт «я» и выражения «себя» в китайской и американской культурах для объяснения причин появления различий во взаимодействии.

С философской точки зрения, китайские и американские социолингвистические конвенции и нормы также согласуются с концептом «я» в рамках межличностных отношений в этих двух культурах. С точки зрения межкультурной коммуникации, различия во взаимодействии и организации дискурса могут быть отнесены к различиям концепта «я» и выражения «себя» в китайской и американской культурах.

Концепт «я» не появляется при рождении. Он не развивается в вакууме. Данный концепт появляется в процессе коммуникации. Только когда мы начинаем взаимодействовать с другими, появляется чувство осознания себя. «Я» – часть социального мира, в котором мы живем. Это не только то, что у нас есть, но и то, что дает нам общество. «Я» нельзя отделить от звеньев цепи социальных отношений, в которых принимает участие индивид. Мы осознаем, кто мы есть исходя из наших отношений с другими.

Китайское или конфуцианское «я» отличается от западного взгляда на данный концепт, поскольку китайское «я» соотносится, главным образом, с другими. Оно социально и относительно по своей природе, именно относительное и интерзависимое «я» лежит в основе поведения китайцев, включая поведение с учетом категории лица. По сути, китайское «я» – это больше «я» в отношении к другим, чем «я» в изоляции, как в американской культуре [Scollon, 1991]. Отсюда считается, что азиаты всегда ищут более гармоничных отношений, где «я» обесценено и снижено.

В китайском контексте человек рассматривается как социальное существо, прочно внедренное в цепь отношений. Отношения – это неотъемлемый аспект «я». Идеальное человечество

или хорошие качества человека роминируются в китайском языке иероглифом, означающим «благожелательность», что является омофоном слова «человек», которое этимологически является комбинацией двух иероглифов и буквально означает «два человека». Действительно китайская культура связана с формированием китайских иероглифов. Прослеживая формирование соответствующего иероглифа, мы можем проследить, как формировался китайский концепт «я».

Структура “仁” = 人+ 二 = 二人/ 人二

Буквальный перевод: человечество – два человека, которые взаимозависимы. Отсюда мы можем сделать следующие выводы о природе китайского концепта «я»:

1) «я» концептуализируется как отношение двух взаимозависимых людей или коллективное «я»;

2) «я» идентифицируется в отношениях к другим, т. е. как реляционная категория. Оно меньше базируется на изолированном «я» и является больше относительным «я». Другими словами, отношения – есть часть «я», а «я» есть часть отношений, или просто «я» существует в отношениях;

3) актуализация «я» – это реализация благожелательности, которая рассматривается как основа человеческих отношений. Достижение хороших, гармоничных отношений является конечной целью актуализации «я». Однако индивидуальное «я» никогда не достигнет идеального развития в изоляции, поскольку иероглиф, его обозначающий, означает отношения между двумя взаимозависимыми людьми;

4) «я» или индивид живет и выживает в цепи социальных отношений, о нем судят, его одобряют или не одобряют другие. Китайцы очень чувствительны к ситуациям, к тому, что сказать в обществе и как это сказать;

5) в социальном взаимодействии группа всегда важнее, чем индивидуальное «я». Во многих случаях гораздо важнее, кто сказал кому и как, чем то, что кто-то сказал что-то.

Идея, выведенная из формирования китайского иероглифа, имеет огромное значение для межкультурной коммуникации. В межличностных отношениях играют роль не только иерархические властные отношения. Согласно Scollon & Scollon (1995) для китайцев наиболее важным является то, что кофунцианское «я» состоит из участия в этих (и многих других) социальных отношениях. Человек является самим собой в той степени, что он выполняет свою роль в таких отношениях. В китайском, или конфуцианском понимании «я», человек представляет себя во взаимотношении с людьми и меньше всего – в изоляции. Годвин Чу (Godwin Chu) замечает, что «я» такого рода не очень утверждающе, но стремится (или обязан – *прим. автора*) уступить другим и взамен получает стабильную социальную поддержку» [1985: с. 259, цит. по Scollon & Scollon и Kirkpatrick, 2000: с. 144]. Для установления гармоничных отношений необходимо, чтобы существовал наиболее важный механизм в межличностном взаимодействии – любезность и уступчивость по отношению к другим. Это неизбежно ведет к непрямому стилю коммуникации, конфигуральному способу рассуждений, самоуничижению и т. п.

Согласно Конфуцию, использование подходящих слов и речи, способность приспособиться к различным ситуациям и относительное позиционирование есть дар. Конфуций учил людей быть благоразумными и осторожными в разговоре, так как он полагал, что «…добродетельный человек должен лелеять именно благоразумность каждого поступка». Конфуций также советовал своим последователям быть чуткими, любезными и выражать эмпатию слушателям; быть скромными в разговоре и поведении, а также во внешности. Речевые умения работают как смазочный материал в межличностной системе. Правильное использование таких умений поможет создать желаемую социальную сеть и получить личные преимущества тем, кто пользуется этими умениями, особенно в мире, где ценятся отношения, человеческие эмоции и требования сохранять лицо. Такое предпочтение речевых умений ведет к китайскому непрямому стилю общения и имплицитности в коммуникации, требует умения эффективно использовать слова, чтобы создать желаемую ситуацию и достигнуть гармоничных отношений. Вот почему выражение себя в китайской культуре – это не выражение своего «я», а выражение отношения с другими. Таким образом, выражение себя есть определение своей роли в отношениях с другими.

Выводы и перспективные направления дальнейших исследований

В предпринятом исследовании большое внимание уделялось изучению и анализу коммуникации на культурном уровне. Согласно Шварцу [Schwartz, 1994] и Бонду [Bond, 1999] больше внимания должно уделяться верованиям, отношениям и поведению, которое связано с индиви-

дуальными различиями в ценностных приоритетах. В то же время предполагая, что культура – это конструкт ситуаций, мы направим дальнейшее исследование на изучение отношений между интеракциональными конвенциями и ситуативными факторами, а также их действия в процессе коммуникации в данной ситуации.

В целом необходимы новые исследования, чтобы свести воедино понятия ценностей, максим, ситуации, скрипта, коммуникативных конвенций для того, чтобы обеспечить всесторонний подход к изучению межкультурной коммуникации [Bond, 199].

ЛИТЕРАТУРА

1. Abrams, J., O'Connor, J. & Giles, H. 2003. Identity and intergroup communication. In W. B. Gudykunst (Ed.), *Cross-cultural and intercultural communication* (pp. 209-224). Thousand Oaks: Sage Publications.

2. Birenbaum, A. & Sagarin, E. 1976. *Norms and human behavior*. New York: praeger.

3. Blum-Kulka, S. & House, J. 1989. Cross-cultural and situational variation in requesting behavior. In S. Blum-Kulka, J. House & G. Kasper (Eds.), *Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies* (pp.123-154). Norwood: Ablex Publishing Corporation.

4. Blum-Kulka, S. 1989. Playing it safe: the role of Conventionality in indirectness. In S. Blum-Kulka, J. House & G. Kasper (Eds.), *Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies* (pp.37-70). Norwood: Ablex Publishing Corporation.

5. Blum-Kulka, S., House, J. & Kasper, G. (Eds.) 1989. *Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies*. Norwood: Ablex Publishing Corporation.

6. Bond, M. H. 1988. Finding universal dimensions of individual variation in multicultural studies of values: the Rokeach and Chinese value surveys. *Journal of Personality & Social Psychology* 55: 1009-1015.

7. Bond, M. H., Zegarac, V. & Spencer-Oatey, H. 1999. Culture as an explanatory variable: problems and possibilities. In H. Spencer-Oatey (Ed.), *Culturally speaking: Managing rapport through talk across cultures* (pp. 27-40). London: Cassell Academic.

8. Bourdieu, P. 1973.*Cultural Reproduction and Social Production.* In *Knowledge, Education and Cultural Change.* R.Brown, (Eds.)London: Tavistock.

9. Brown, G. & Yule, G. 1983. *Teaching the spoken language*. Cambridge: Cambridge University Press.

10. Brown, P. & Levinson, S. C. 1987. *Politeness. Some universals in language usage.* Cambridge: Cambridge University Press. Originally published as Universals in language usage: Politeness phenomena. In E. Goody (Ed.) (1978), *Questions and politeness: Strategies in social interaction.* New York: Cambridge University Press.

11. Cai, G. 1993. *Beyond bad writing: Teaching English composition to Chinese ESL students*. Paper presented at the College Composition and Communication Conference, San Diego, CA.

12. Carroll, D. W. 2000. *Psychology of language*. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press.

13. Chang, H. C. & R. Holt. 1994. A Chinese perspective on face as inter-relational concern. In S. Ting-Toomy (Ed.), *The challenge of facework: Cross-cultural and interpersonal issues* (pp. 95-132). New York: State University of New York Press.

14. Chang, H. C. 2005. *On Chinese indirectness: A multidimensional exploration.* Paper presented at the International Conference on Language, Culture, and EFL Teaching, Harbin, China.

15. Chao, Y. R. 1963. *A grammar of modern spoken Chinese*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

16. Christopher, R. C. 1982. *The Japanese mind: The Goliath explained*. New York: Simon & Schuster. Reprinted in 1984 by Fawcett and by Ballantine.

17. Chu, G. 1985. The changing concept of self in contemporary China. In Marsella, Anthony J. George DeVos & Francis L. K. Hsu (Eds.) *Culture and self: Asian and Western perspectives.* New York: Tavistock Publications.

18. Coulmas, F. 1997.*The Handbook of Sociolinguistics.* Blackwell Publishers Ltd.

19. Ehninger, D. & Brockriede, W. 1963. *Decision by Debate*, New York, NY: Dodd, Mead & Company.

20. Fagan, E. R. & Cheong, P. 1987. Contrastive rhetoric: Pedagogical implication for the ESL teacher in Singapore. *RELC: A Journal of Language Teaching and Research in Southeast Asia* 18: 19-31.

21. Foley. W. A.1997.*Anthropological Linguistics: An Introduction.* Blackwell Publishers Ltd.

22. Gao, G. & Ting-Toomey, S. 1998. *Communicating effectively with the Chinese*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

23. Geertz, C. 1973. *The interpretation of cultures.* New York: Basic Books.

24. Geertz, C. 1975. On the nature of anthropological understanding. *American Scientist* 63: 47-53.

25. Goffman, E. 1967. *Interaction ritual: Essays in face-to-face behavior.* New York: Anchor Books.

26. Goss, B. 2003. Hearing from the deaf culture. *Intercultural Communication Studies* 12 (2): 9-24.

27. Grice, H. P. 1975. Logic and conversation. In P. Cole & J. Morgan (Eds.), *Speech acts*, vol. 3 of *Syntax and semantics.* New York: Academic Press.

28. Gu, Y. 1998. Politeness and Chinese face. Lecture given in the Department of Linguistics, University of Luton, Summer 1998.

29. Gudykunst, W. B. & Kim, Y. Y. 1992. *Communicating with strangers: An approach to intercultural communication.* New York: McGraw-Hill, Inc.

30. Gudykunst, W. B. & Lee, C. M. 2003. Cross-cultural communication theories. In W. B. Gudykunst (Ed.), *Cross-cultural and intercultural communication* (pp. 7-33). Thousand Oaks: Sage Publications.

31. Gudykunst, W. B. (Ed.) 2003. *Cross-cultural and intercultural communication*. Thousand Oaks: Sage Publications.

32. Gudykunst, W. B. (Ed.) 2005. *Theorizing about intercultural communication*. Thousand Oaks: Sage Publications.

33. Gudykunst, W. B. 1995. Anxiety/uncertainty management (AUM) theory: Current status. In R. L. Wiseman (Ed.), *Intercultural communication theory* (pp. 8-58). Thousand Oaks, CA: Sage.

34. Gudykunst, W. B. 2003. Cross-cultural communication: Introduction. In W. B. Gudykunst (Ed.), *Cross-cultural and intercultural communication* (pp. 1-5). Thousand Oaks: Sage Publications.

35. Gudykunst, W. B., Matsumoto, Y., Ting-Toomey, S., Nishida, T., Kim, K. & Heyman, S. 1996. The influence of cultural individualism-collectivism, self construals, and individual values on communication styles across cultures. *Human Communication Research* 22: 510-543.

36. Gumperz, J. J. & Cook-Gumperz, J. 1982. Introduction: Language and the communication of social identity. In J. J. Gumperz (Ed.), *Language and social identity* (pp. 1-21). Cambridge: Cambridge University Press.

37. Gumperz, J. J. (Ed.) 1982. *Language and social identity*. Cambridge: Cambridge University Press.

38. Gumperz, J. J., Aulakh, G. & Kaltman, H. 1982. Thematic structure and progression in discourse. In J. J. Gumperz (Ed.), *Language and social identity* (pp. 22-56). Cambridge: Cambridge University Press.

39. Hall, E. T. 1976. *Beyond culture*. New York: Doubleday.

40. Hansell, M. & Ajirotutu, C. S. 1982. Negotiating interpretations in interethnic settings. In J. J. Gumperz (Ed.), *Language and social identity* (pp. 85-94). Cambridge: Cambridge University Press.

41. Hinds, J. 1990. Inductive, deductive, quasi-inductive: Expository writing in Japanese, Korean, Chinese, and Thai. In U. Connor & A. M. Johns (Eds.) *Coherence in writing: Research and pedagogical perspectives* (pp. 87-110). Alexandria, VA: TESOL.

42. Hofstede, G. 1980. *Culture's consequences: International differences in work-related values.* Beverly Hills, CA: Sage.

43. Hofstede, G. 1991. *Cultures and organizations: Software of the mind.* London: McGraw-Hill.

44. Honna N. 2005. *English as an international language*. Tokyo: コンテンツワークス株式会社.

45. Hsu, F. 1981. *Americans and Chinese: Passage to difference*. Honolulu: University of Hawaii Press.

46. Hu, H. C. 1944. The Chinese Concept of Face. American Anthropologist. 46,45-64.

47. Jia, W.S. 1997. *Facework as a Chinese Conflict-Preventive Mechanism* : *A Culura/Discourse Analysis.* In Intercultural Communication Studies. Volume VII:1.

48. Jia, X. R. 2005. A contrastive analysis of Chinese and American rhetoric. *Intercultural Communication Studies* 14 (2): 90-101.

49. Jia, X.R.2006. *The Chinese Indirectvs. Americans' Direct Interaction and Discourse Organization Styles: A Contrastive Study of Communiclation Conventions in the Management of Relationship.* (Doctoral Dissertation, unpublished).

50. Jia, Y. X. 2005. The Chinese concept of face and face negotiation involved in conflict resolution. In N. Honna (Ed.), *English as an international language* (pp. 251-271). Tokyo: コンテンツワークス株式会社.

51. Jia,X.L. 2004. *The Construction of Individualistic Identity in the Conflict and Negotiation with the Traditional Discourse*. Unpublished.

52. Kaplan, R. B. 1966. Cultural thought patterns in intercultural education. *Language Learning* 16: 1-20.

53. Kasper, G. 1992. Pragmatic transfer. *Second Language Research* 8(3): 203-231.

54. Kearney, P. & Plax, T.G. 1996. *Public speaking in a diverse society*. Mountain View, CA: Mayfield Publishing Company.

55. Kim, K. 1996/7. A comparison of rhetorical styles in Korean and American student writing. *Intercultural Communication Studies* 6 (1): 115-150.

56. Kim, M. S. 1993. Culture-based interactive constraints in explaining intercultural strategic competence. In R. L. Wiseman & J. Koester (Eds.), *Intercultural communication competence* (pp.132-150). Newbury Park, CA: Sage.

57. Kim, M. S. 1995. Toward a theory of conversational constraints: Focusing on individual-level dimensions of culture. In R. L. Wiseman (Ed.), *Intercultural communication theory* (pp. 148-169). Thousand Oaks, CA: Sage.

58. Kirkpatrick, A. 2005. English across cultures: Identity and communication. In N. Honna (Ed.), *English as an international language* (pp. 161-170). Tokyo: コンテンツワークス株式会社.

59. Kirkpatrick, A. 2005. Pragmatic issues in English communication in Asia. In N. Honna (Ed.), *English as an international language* (pp. 171-182). Tokyo: コンテンツワークス株式会社.

60. Kluckhohn, F. & Strodtbeck, R. 1961. *Variations in value orientations*. New York: Row, Peterson.

61. Kotani, M. 1994. Ways of arguing in two cultures: A case analysis of a negotiation between Japanese and American business professionals. *Intercultural Communication Studies* 4 (1): 59-82.

62. Kroeber, A. L. & Kluckhohn, C. 1952. *Culture: A critical review of concepts and definitions* (Vol. 47, No. 1). Cambridge, MA: Peabody Museum.

63. Leech, G. N. 1983. *Principles of Pragmatics.* London: Longman.

64. Li, X. S. & Jia, X. R. 2001. Interpersonal relationship and intercultural communication. *Intercultural Communication Studies* 10 (3): 27-32.

65. Li, X. S. & Jia, X. R. 2004. Face negotiation in conflict resolution in the Chinese context. *Intercultural Communication Studies* 13 (1): 29-35.

66. Li, X. S. & Jia, X. R. 2006. Why don't you speak up?: East Asian students' participation patterns in American and Chinese ESL classrooms. *Intercultural Communication Studies* 15 (1): 192-206.

67. Lim, T. S. 1994a. The structure of face and the determinants of face needs in Korea. *Korean Journal of Journalism and Communication Studies* 32: 207-247.

68. Lim, T. S. 1994b. Facework and interpersonal relationships. In S. Ting-Toomy (Ed.), *The challenge of facework: Cross-cultural and interpersonal issues* (pp. 209-229). New York: State University of New York Press.

69. Lim, T. S. 2003. Language and verbal communication across cultures. In W. B. Gudykunst (Ed.), *Cross-cultural and intercultural communication* (pp. 53-71). Thousand Oaks: Sage Publications.

70. Lindsley, S. L. & Braithwaite, C. A. 1996. "You should 'wear a mask'": Facework norms in cultural and intercultural conflict in maquiladoras. *International Journal of Intercultural Relations* 20: 199-225.

71. Lustig, M. W. & Koester, J. 1999. *Intercultural competence: Interpersonal communication across cultures.* New York: Addison Wesley Longman, Inc.

72. Makino, Y. 1998-99.Transcultural speechmaking principles-Mechanisms of linear logic and configural logic-. *Intercultural Communication Studies* 8: 103-123.

73. Markus, H. R. & Kitayama, S. 1991. Culture and the self: implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review* 98: 224-253.

74. Matsumoto, Y. 1988. Reexamination of the universality of face: politeness phenomena in Japanese. *Journal of Pragmatics* 12: 403-426.

75. Mishra, A. 1982. Discovering connections. In J. J. Gumperz (Ed.), *Language and social identity* (pp. 57-71). Cambridge: Cambridge University Press.

76. Morisaki, S. & Gudykunst, W. B. 1994. Face in Japan and the United States. In S. Ting-Toomy (Ed.), *The challenge of facework: Cross-cultural and interpersonal issues* (pp. 47-93). New York: State University of New York Press.

77. Oetzel, J. G., Ting-Toomey, S. & Chew, M. 1999. *Face and facework in conflicts with parents and siblings: A cross-cultural comparison of Germans, Japanese, Mexicans, and U.S. Americans.* Paper presented at the annual meeting of

the National Communication Association, Chicago.

78. Rogan, R. G. & Hammer, M. R. 1994. Crisis negotiations: A preliminary investigation of facework in naturalistic conflict discourse. *Journal of Applied Communication Research* 22: 216-231.

79. Rosaldo, M. 1984. Toward an anthropology of self and feeling. In R. Shweder & R. LeVine (Eds.), Culture theory: Essays on mind, self, and society. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

80. Ross, R. S. 1990. *Understanding persuasion*. Englewood Cliffs: Prentice Hall.

81. Rottenberg, A. T. 1991. *Argument*. Boston: Bedford Books of St. Martin's Press.

82. Schwartz, S. H. 1994. Beyond individualism/collectivism. New cultural dimensions of values. In U. Kim, H. C. Triandis, C. Kagitcibasi, S. C. Choi & G. Yoon (Eds.) *Individualism and collectivism: Theory, method, and applications* (pp. 85-119). Newbury Park, CA: Sage.

83. Scollon, R. & Scollon, S. W. 1995. *Intercultural communication: A discourse approach.* Cambridge: Blackwell Publishers.

84. Scollon, R. 1991. *Eight legs and one elbow. Stance and structure in Chinese English compositions.* Paper presented at International Reading Association, Second North American Conference on Adult and Adolescent Literacy, Banff.

85. Scollon, R., Scollon, S. W. & Kirkpatrick, A. 2000. *Contrastive discourse in Chinese and English--a critical appraisal.* Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press.

86. Searle, J. R. 1965. What is a speech act? In M. Black (Ed.), *Philosophy in America*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

87. Searle, J. R. 1969. Speech acts. New York: Cambridge University Press.

88. Searle, J. R. 1975. Indirect speech acts. In P. Cole & J. Morgan (Eds.), *Speech acts*, vol. 3 of *Syntax and semantics.* New York: Academic Press.

89. Spencer-Oatey, H. (Ed.) 1999. *Culturally speaking: Managing rapport through talk across cultures*. London: Cassell Academic.

90. Spencer-Oatey, H. 1999. Introduction: Language, culture and rapport management. In H. Spencer-Oatey (Ed.), *Culturally speaking: Managing rapport through talk across cultures* (pp. 1-5). London: Cassell Academic.

91. Spencer-Oatey, H. 1999. Rapport management: A framework for analysis. In H. Spencer-Oatey (Ed.), *Culturally speaking: Managing rapport through talk across cultures* (pp. 7-26). London: Cassell Academic.

92. Tannen, D. 1982. Ethnic style in male-female conversation. In J. J. Gumperz (Ed.), *Language and social identity* (pp. 217-231). Cambridge: Cambridge University Press.

93. Tannen, D. 1990. *You just don't understand.* New York: Ballantine Books.

94. Thomas, J. 1983. Cross-cultural pragmatic failure. *Applied Linguistics* 4(2): 91-112.

95. Ting-Toomey, S. & Cocroft, B. A. 1994. Face and facework: Theoretical and research issues. In S. Ting-Toomy (Ed.), *The challenge of facework: Cross-cultural and interpersonal issues* (pp. 307-339). New York: State University of New York Press.

96. Ting-Toomey, S. & Kurogi, A. 1998. Facework competence in intercultural conflict: An updated face-negotiation theory. *International Journal of Intercultural Relations* 22: 187-225.

97. Ting-Toomey, S. & Oetzel, J. G. 2003. Cross-cultural face concerns and conflict styles: Current status and future directions. In W. B. Gudykunst (Ed.), *Cross-cultural and intercultural communication* (pp. 127-145). Thousand Oaks: Sage Publications.

98. Ting-Toomey, S. 1985. Toward a theory of conflict and culture. In W. B. Gudykunst, L. Stewart & S. Ting-Toomey (Eds.), *Communication, culture, and organizational processes* (pp.71-86). Beverley Hills, CA: Sage Publications.

99. Ting-Toomey, S. 1988. Intercultural conflict styles: A face-negotiation theory. In Y. Y. Kim & W. B. Gudykunst (Eds.), *Theories in intercultural communication* (pp. 213-238). Newbury Park, CA: Sage.

100. Ting-Toomey, S. 1999. *Communicating across cultures.* New York: The Guilford Press.

101. Tirkkonen-Condit, S. & Lieflander-Koistinen, L. 1989. Argumentation in Finnish versus English and German editorials. In M. Kusch & H. Schroder (Eds.), *Text, interpretation, argumentation* (pp. 173-181). Hamburg, Germany: Helmut Buske Verlag.

102. Toulmin, S. 1958. *The uses of argument*. Cambridge: Cambridge University Press.

103. Triandis, H. C. 1988. Collectivism vs. individualism: a reconceptualization of a basic concept in cross-cultural psychology. In G. Verma & C. Bagley (Eds.), *Cross-cultural studies of personality, attitudes and cognition* (pp. 60-95). London: MacMillan.

104. Wardhaugh, R. 1986,1992,1998. *An Introduction to Sociolinguistics.* Blackwell Publishers Ltd.

105. Watzlawick, P., Beavin, J. B. & Jackson, D. 1967. *Pragmatics of human communication. A study of interactional patterns, pathologies, and paradoxes.* London: Norton.

106. Wolfson, N. 1989. *Perspectives: Sociolinguistics and TESOL.* Cambridge: Newbury House Publishers.

107. Young, L. W. L. 1982. Inscrutability revisited. In J. J. Gumperz (Ed.), *Language and social identity* (pp. 72-84). Cambridge: Cambridge University Press.

108. Yum, J. O. 1997. The impact of Confucianism in interpersonal relationships and communication in East Asia. In L. A. Samovar & R. E. Porter (Eds.), *Intercultural communication: A reader* (pp. 78-88). Belmont: Wadsworth Publishing Company.

109. Zarefsky, D. 1996. *Public speaking*. Allyn and Bacon: A Simon & Schuster Company.

110. Zhang, Q. 2004. Chinese Yupies. (Ph D. Dissertation) Unpublished.

111. 何兆熊. 2000. 新编语用学概要. 上海: 上海外语教育出版社.

112. 何兆熊主编. 2003. 语用学文献选读. 上海: 上海外语教育出版社.

113. 孔宪倬主编. 2002. 北京大学英语专业学生优秀作文选. 北京：北京大学出版社.

114. 孙骊评析. 2000. 全国大学生英语作文竞赛获奖作文集. 上海: 上海外语教育出版社.

115. 束定芳主编. 2001. 中国语用学研究论文精选. 上海: 上海外语教育出版社.

116. 王本华. 2002. 实用现代汉语修辞. 北京：知识出版社.

117. 王秋海主编.1999. 美国大学生作文选. 北京：世界知识出版社.

118. 胡文仲主编. 1999. 跨文化交际面面观. 北京：外语教学与研究出版社.

119. 许余龙. 2002. 对比语言学. 上海: 上海外语

120. 贾玉新. 1997. 跨文化交际学. 上海: 上海外语教育出版社.

121. 贾雪睿、李晓石. 2001. 汉英语篇逻辑模式对比分析. 《外语学刊》第 4 期.

УПРАВЛЕНИЕ СТЕРЕОТИПАМИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

С. Хьютон

Хьютон Стефани – доктор философии в области образования (Даремский университет, Великобритания, 2008); доцент Центра фундаментального образования Университета Китакюсю (Япония).

Автор статьи рассматривает природу стереотипов и их потенциальное влияние на процессы межкультурной коммуникации, а также возможные пути разрешения противоречий, порождаемых стереотипами. Автор приводит описание и результаты проведенного исследования процессов стереотипизирования в рамках студенческих групп университета Китакюсю (Япония).

Ключевые слова: стереотип, когнитивные процессы, стереотипирование, категория, мышление, этноцентризм, «свой-чужой».

Цель данной статьи – рассмотреть природу стереотипов и то, каким образом ими можно управлять на занятиях по межкультурной коммуникации исходя из опыта исследования, проведенного в течение 2003–2004 учебного года в одном из университетов Японии. Прежде всего, хотелось бы рассмотреть природу стереотипов и их потенциальное влияние. Как можно определить стереотип? Первоначально термин был предложен Уолтером Липпманом в 1922 году. У. Липпман сравнивал когнитивный процесс стереотипизации с тем, как работает печатный пресс, когда отпечатывает одни и те же идентичные символы снова и снова. Позже данное определение было развито Гордоном Олпортом (1954), который дал ему определение как «преувеличенное мнение, ассоциируемое с той или иной категорией».

Р. Брислин (1986) в своем определении стереотипа сравнивает его с двусторонним мечом, который, с одной стороны, является «полезным и важным аспектом разумного и рационального мышления» или «категоризацией отдельных элементов, связанных с людьми, которая как раз и проводит разграничение между этими элементами» [Brislin, 1981: с. 144], а, с другой – необходимым когнитивным процессом, любым «…удобным итоговым утверждением, которое люди используют в организации своего собственного либо предполагаемого знания о других». Позднее Д. Довидио (1996) дал стереотипам определение как «…обобщению верований/представлений о группах людей, представлений необоснованных вследствие ошибочного мыслительного процесса, чрезмерного обобщения, фактической неправильности, излишней жесткости, неуместности, рационализации из-за отношения связанного с предубеждениями или предвзятого поведения».

Несмотря на то что сама идея стереотипов часто имеет негативную окраску, они далеко не всегда оказывают плохое влияние. Информация, заключенная в категории, может рассматриваться как источник знаний, которые используются, для того, чтобы сделать умозаключения о людях, когда недоступны другие источники информации, которые могли бы оказаться полезными, если информация, заключенная в категории соответствует действительности [Hamilton and Neville Uhles, 2000]. Так, Р. Брислин отмечает, что «…стереотипы сами по себе не могут быть плохими или хорошими, так как они являются основой человеческого мышления. Когда мы обращаемся к заблуждениям, таким как стереотипы, связанные с предубеждениями или враждебным отношением, необходимы дополнительные определения» [Brislin, 1986].

Стереотипы – это «…чрезмерно обобщенные мнения/убеждения» [Barna, 1985]. Фокусом ответной реакции становятся категории; отдельные элементы сглаживаются, уходят из поля зрения, и информация, заключенная в стереотипе может оказаться неточной. Как отмечает Олпорт, язык распределяет информацию по категориям знания [Allport, 1954], и стереотипы передаются преимущественно через язык; приобретаются в детстве через комментарии и поведение семьи и друзей; через шутки и средства массовой информации. Таким образом, стереотипы способствуют разрастанию предубеждений, если язык используется для описания членов стереотипных групп пристрастным образом для того, чтобы сохранить существующую систему убеждений [Maas and Arcuri, 1996]. Потенциальное негативное влияние стереотипов на межкультурную коммуникацию различно:

- поскольку стереотипы основываются на преувеличении различий, они формируют источ-

ник неточной информации, искажающей восприятие другого во время коммуникации и увеличивающей вероятность неверного толкования [Campbell, 1967, Harding et al, 1969]. Стереотипы, таким образом, могут рассматриваться как «…камни преткновения, препятствующие коммуникации, так как они мешают объективному видению раздражителя» [Barna, 1985];

- люди имеют тенденцию искать подтверждения стереотипам в процессе взаимодействия, что «…ограничивает возможности выбора в коммуникации и приводит к поведению, которое подтверждает стереотип, создавая, таким образом, самореализующееся предположение» [Hewstone and Giles, 1986];
- стереотипы оказывают противоречивый эффект на память, который заставляет людей видеть и «…запоминать поведение, которое служит подтверждением их стереотипам, а также заставляет их «помнить более благоприятную информацию о своих и неблагоприятную информацию о чужих» [Hewstone and Giles, 1986];
- стереотипы могут привести к ошибочным прогнозам относительно поведения других [Gudykunst and Hammer, 1988, Kim and Gudykunst, 1988].

Стереотипы также играют определенную роль при формировании границ группы. Согласно теории социальной идентификации Тайфеля, стереотипные категоризации лежат в основе отношений, складывающихся между группами. Негативную оценку чужих можно рассматривать как механизм для формирования и поддержания границ группы, которые, как упоминалось ранее, относятся к потребности в положительной социальной идентификации, что, в свою очередь, связано с этноцентризмом.

Негативные оценки могут усугубляться иллюзорными взаимоотношениями, формой когнитивной предвзятости, которая возникает, когда в процессе обработки информации ассоциируются характерные, но не связанные друг с другом события. Поведение «чужих», однажды замеченное и получившее негативную оценку, может склонить наблюдателя к тому, чтобы приписывать подобное поведение и сохранять его в памяти как мнение о группе в целом [Hamilton & Gifford, 1976]. В последствии это может привести к тенденции негативно оценивать «чужих» в любой ситуации, усиливая разграничение по признаку «свой–чужой» и улучшая собственную самооценку личности.

Процессы стереотипизации и категоризации также связаны с формированием и сохранением границ группы, которые напрямую соотносятся с этноцентризмом [Levine and Campbell, 1972, Rubovitz and Maehr, 1973]. Жесткость границ категории проявляется в виде принципиального образа мышления, основанного на предубеждениях.

Чтобы понять каким образом избежать потенциально негативного влияния процесса стереотипизации, необходимо понимать, как формируется стереотип. Категории часто основываются на визуально очевидных атрибутах, таких как расовые или гендерные, и могут различаться по наиболее ярким отличительным признакам, значимости или приспособленности в соответствии с социальным контекстом. Сформированный однажды стереотип, закрепленный в сознании, определяет знания, убеждения и ожидания. В результате индивиды в рамках данной категории наделяются характеристиками, присущими категории [Hamilton and Neville Uhles, 2000].

Во время общения с людьми, которые не вписываются в рамки широкой категории, устанавливаются подтипы категории, объясняющие их отличия. Несмотря на то что подтипы категории обладают обобщающим характером, они содержат больше подробностей и могут оказывать на основную категорию одно из двух возможных воздействий. Они могут изолировать нетипичных представителей от основной категории, сохраняя таким образом существующий стереотип, либо они могут «усилить воспринимаемое разнообразие группы, сводя к минимуму возможность делать огульные обобщения» [Hamilton and Neville Uhles, 2000].

В литературе, посвященной стереотипам, отмечается, что преподаватель должен формировать понимание студентами сущности стереотипов. Чтобы студенты, в свою очередь, могли отслеживать, как формируются в их сознании категории и распознавать, в каких случаях они излишне обобщают, делать вывод о том, позволяют ли они информации, которая вступает в конфликт с категориями, сформировавшимися у них ранее, гибко изменять их образ мышления. Примеры материалов, при помощи которых можно поднять уровень информированности студента о природе стереотипов (приложение). Студентам необходимо привыкнуть оценивать свои собственные стереотипы критически.

В ходе проведенного автором исследовательского проекта студенты познакомились с

тем, что такое стереотипы незадолго до летних каникул, а во время каникул они должны были взять интервью о ценностях у человека, приехавшего из другой страны. Было отдельно отмечено, что студенты должны проанализировать, насколько информация, полученная в процессе интервью, соответствовала или не соответствовала их ранее сложившимся стереотипам относительно культуры опрашиваемых. Многие студенты отмечали, что обнаружили различия между реальностью и их сложившимися стереотипами. Казалось, они получали удовольствие от того, что их стереотипы разрушались. Проведенный студентами опрос дал и другие интересные результаты. Во-первых, одна из студенток использовала свои стереотипы в качестве вступления к разговору для того, чтобы преодолеть недостаток своих знаний об интервьюируемой и ее культуре. Данный факт наводит на мысль, что человеку необходимо осознавать причины своего решения, воспользоваться стереотипами в определенной ситуации.

Во-вторых, иногда стереотипы формировались в классе неожиданным образом, как результат недостатка детальных знаний об определенной группе людей. Одна из студенческих групп рассматривала ценностные основания исповеди в католической культуре. Однако из-за отсутствия полных знаний о сути данного явления (в конкретном случае о том, что протестанты не ходят на исповедь), я заметила стойкую тенденцию среди студентов обобщенно относить исповедь ко всем христианам. В связи с этим возник вопрос, почему католики ходят на исповедь, а протестанты – нет. Этого вопрос потребовал дополнительного времени в классе для прояснения, а от преподавателя – способности дать убедительный ответ. В-третьих, выяснилось, что студенты придерживаются стереотипов относительно других японских студентов в своей группе. Некоторые студенты отмечали в своих дневниках как достойный внимания факт, что они заметили различия между собой и другими студентами. Они признали факт, что не все студенты в группе имеют одинаковые ценности, хотя, возможно, они ожидали от своих одногруппников именно этого.

В материалах, представленных в приложении, было предложено студентам попытаться высказать суждения о других, основанные на точной информации, а не на огульных обобщениях. Один из студентов справедливо поинтересовался, каким образом можно убедиться, что знания точны и, следовательно, могут быть зафиксированы в сознании. Не лучше ли для ориентации в знаниях оставаться открытым для любой информации или рассматривать новое знание как предмет постоянно видоизменяющийся? Возможно ли знать все точно и наверняка? Эти вопросы достойны пристального изучения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Задание 1. Что такое стереотип?

Прочитайте приведенный ниже отрывок и ответьте на вопросы после текста.

Мир очень сложен. Ежесекундно наши чувства подвергаются воздействию сотен стимулов и информации. Как мы во всем этом разбираемся? Для того чтобы понять мир, мы упрощаем и организовываем информацию в нашем сознании в категории. Концепция – это группа идей, обозначаемых определенным словом. Стереотип – это набор идей относительно группы людей, которые обозначены или воспринимаются в соответствии с определенной групповой принадлежностью (например, национальность, раса, цвет кожи, пол, местность, и т. д.). Стереотипы – это форма обобщения относительно группы людей. Журналист Уолтер Липпман ввел в научный обиход слово стереотипизация в 1922, чтобы определить, каким образом мы отбираем, организовываем и упрощаем информацию о людях.

1. Как мы воспринимаем и понимаем мир вокруг нас?
2. Что такое концепция?
3. Что такое стереотип?
4. Что такое стереотипизация?

Задание 2.

Определите ваши стереотипы относительно Германии.

Слово: Германия

Определение: страна в Европе.

(http://dictionary.cambridge.org/define.asp?dict=L&key=HW*16733)

Ваши стереотипы, связанные с Германией: _____

Задание 3. Проблемы, связанные со стереотипами.

Стереотипы могут помогать нам, если информация, заключенная в них, точна. Но существует три проблемы, связанные со стереотипами. Во-первых, информация, заключенная в стереотипе, может оказаться ложной или преувеличен-

ной. Мы всегда должны проверять, насколько точна информация, и мыслить гибко, иногда сознательно, видоизменяя свои стереотипы. Во-вторых, мы зачастую применяем стереотипы ко ВСЕМ представителям группы. Мы допускаем, что они похожи друг на друга, таким образом, мы упускаем из виду их различия. Мы должны искать различия между отдельной личностью и группой, к которой мы ее относим. И, наконец, мы часто используем стереотипы для позитивных или негативных суждений относительно людей, однако при этом мы знаем о них недостаточно. Мы можем концентрироваться либо на позитивных аспектах (например: «все англичане – джентльмены»), либо на негативных (например: «все англичане – замкнутые и необщительные»). Это – предубеждение, так как мы составляем мнение о человеке, основываясь на предварительном убеждении, или стереотипе. Вместо этого, нам следует стараться составлять суждения, основанные на точной информации.

1. Как стереотипы могут помогать нам?
2. Какова первая проблема, связанная со стереотипами? Пути ее разрешения.
3. Какова вторая проблема, связанная со стереотипами? Пути ее разрешения.
4. Какова третья проблема, связанная со стереотипами? Пути ее разрешения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Allport G. (1954) The Nature of Prejudice. NY: Doubleday.
2. Barna L. (1985) Stumbling Blocks in Intercultural Communication. (In L. Samovar and R. Porter (eds.) 4th ed.) Belmont, CA: Wadsworth.
3. Brislin R. (1981) Cross-Cultural Encounters. Face to Face Interactions. NY: Pergamon.
4. Brislin, R.W. Prejudice and Intergroup Communication. (In Gudykunst W. Intergroup Communication, 1986.)
5. Campbell D. (1967) Stereotypes and the perception of group differences. American Psychologist 22 p. 817-829.
6. Dovidio J.E., Brigham J.C., Johnson B.T. and Gaertner S.L. Stereotyping, Prejudice and Discrimination: Another Look. (In Macrae, N. Hewstone, M. and Stangor, C. Foundations of Stereotypes and Stereotyping. 1996.)
7. Gudykunst (ed.) Intergroup Communication. London: Edward Arnold.
8. Gudykunst W. & Hammer M. (1988) Strangers and hosts: An extension of UR theory to intercultural adaptation. (In Y. Kim and W. Gudykunst (eds.) Cross-Cultural Adaptation. Beverly Hills, CA: Sage.
9. Hamilton, D.L. and Gifford, R.K., Illusory Correlation in Interpersonal in Interpersonal Perception. A Cognitive Basis for Stereotypic Judgments. Encyclopedia of Psychology Vol.7. 1976, p. 467.
10. Hamilton, D. and Neville Uhles A., Encyclopedia of Psychology. Vol. 7. 2000, p. 342.
11. Harding J., Proshanksy H., Kutner B. & Chein I. (1969) Prejudice and Ethnic relations (in Lindzey and Aronson (2nd ed.) The Handbook of Social Psychology. Reading Mass: Addison-Wesley.)
12. Hewstone M. & Giles H. (1986) Social Groups and Social Sterotypes in Intergroup Communication.
13. Kim Y., and Gudykunst W. (1988) Theories in Intercultural Communication. Newbury Park CA Sage.
14. Le Vine, R. and Campbell, D. Ethnocentrism: Theories of Conflict, Ethnic Attitudes and Group Behaviour, 1972.
15. Lippman, W. (1922) Public Opinion (Reprinted by New York: Free Press, 1965.)
16. Maas and Arcuri, Language and Stereotyping. (In Encyclopedia of Psychology, vol. 7, p. 469).
17. Rubovitz and Maehr, Pygmalian in Black and White. Journal of Personality and Social Psychology 25. 1973, p. 210.

ПОНЯТИЕ КРОССКУЛЬТУРНОГО ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Г.Н. Ловцевич

Ловцевич Галина Николаевна – кандидат философских наук, профессор кафедры лексикологии, стилистики и методики преподавания английского языка Института иностранных языков Дальневосточного государственного университета.

Статья посвящена вопросам межкультурной коммуникации в области преподавания английского языка и роли терминологического словаря как необходимого инструмента. Автор вводит новое понятие кросскультурного терминологического словаря и рассматривает три принципа построения такого словаря: лингвистический, межкультурный и лексокографический.

Ключевые слова:. терминологический словарь, кросскультурный терминологический словарь, обучение английскому языку, лингвокультурный социум, словник, словарная статья, пользователь словарей, социокультурный контекст, социокультурная детерминированность термина.

Изменившиеся в конце XX века геополитическая ситуация в мире и в России, привели к росту международных контактов во всех отраслях науки, в методике преподавания английского языка (АЯ) в частности. В международном профессиональном общении смещение акцента внимания с чисто языковых на межкультурные проблемы, обусловленные, с одной стороны, беспереводным характером профессионального дискурса преподавателей АЯ, с другой – социокультурной детерминированностью науки лингводидактики не может не отразиться на терминографической деятельности. Возникла необходимость создания и теоретического обоснования словаря нового типа, отвечающего современным потребностям профессиональной межкультурной коммуникации. Таким словарем, на наш взгляд, является *кросскультурный терминологический словарь*.

Кросскультурным терминологическим словарем (КТС) следует называть словарь терминов, ориентированный на внешнюю по отношению к пользователю профессиональную культуру и интерпретирующий термины одного языка и одной культуры для пользователя, принадлежащего к другому лингвокультурному сообществу. КТС, описывая терминологию определенной области, в основе своей имеет межкультурную ориентацию, когда объясняет особенности терминосистемы с учетом социокультурных различий контекста ее функционирования и лингвокультурной принадлежности пользователя словаря.

Назначением кросскультурного терминологического словаря (КТС) является оптимизация межкультурного общения российских преподавателей АЯ с зарубежными коллегами. Целью КТС является обеспечение понимания и пользования иноязычной (англоязычной) лингводидактической терминологией в межкультурном профессиональном общении. В качестве основного признака КТС выступает, таким образом, его межкультурная направленность, проявляющаяся в ориентации на профессиональные знания пользователей-специалистов неносителей языка/ культуры. Ведущим принципом кросскультурного словаря должнен быть учет различия национальных методических систем в определенных социолингвистических ситуациях обучения АЯ и, как следствие этого – разных терминосистем.

Лексикографическое описание в кросскультурном словаре определяется следующими лингвистическими, межкультурно-коммуникационными и лексикографическими принципами.

В рамках *лингвистического знания* необходимо учитывать, во-первых, сущность термина как знака особого типа, соотносящего звуковую и буквенную оболочку не с обычным понятием, как это происходит у слова, а со специальным понятием, т. е. зависимость термина от научных понятий определенной области знания, во-вторых, системность терминов, обусловленных системностью соответствующих понятий, в-третьих, социокультурную детерминированность терминов гуманитарных наук. Специфика описания термина в кросскультурном словаре состоит в том, что определяя иноязычный термин, мы определяем обозначаемое им понятие через соотнесение этого значения с другими иноязычными специальными понятиями данной области знания или профессиональной деятельности с учетом культурных особенностей, при-

сущих тому социуму, в котором эти понятия используются в контрасте с социокультурными особенностями пользователей словаря, принадлежащих к отличному лигвокультурному социуму. Следовательно, представление иноязычного термина в кросскультурном словаре – это отражение определенной части терминологической понятийной системы носителя этого языка, принадлежащего к отличному от пользователя словаря лингвокультурному сообществу. Основным принципом составления словарной статьи служит осознание различий двух терминологических систем (входной и выходной), обусловленных разным социокультурным контекстом существования данной научной или производственной деятельности.

С точки зрения *теории межкультурной коммуникации* описание термина предполагает, во-первых, учет того фактора, что процесс «декодирования» информации происходит на фоне как минимум двух лингводидактических культур, а то и трех, во-вторых, соблюдение межкультурной перспективы, которая заключается в осознании «чуждости» явления или понятия, выражаемого термином, в третьих, направленность описания терминов «свое» – «чужое» или «чужое» – «свое». Таким образом, словарь концепуально ориентируется на потребности пользователей словаря в межкультурной коммуникации.

Из данных положений вытекают важные принципиальные характеристики КТС. Прежде всего, это однонаправленность словаря, которая заключается в том, что интерпретация иноязычных терминов всегда направлена/ориентирована только на *специалистов одного лингвокультурного сообщества*. Ориентация только на одно лингвокультурное профессиональное сообщество означает описание иноязычного термина с учетом и на фоне одной профессиональной лингвокультуры, при возможном множестве входящих лингвокультур. Так, например, термин *alternative testing* должен быть по разному представлен КТС для российских преподавателей и японских преподавателей АЯ, что обусловлено степенью расхождения выходных профессиональных культур с входной англоязычной методической культурой, с одной стороны, и различием социокультурного контекста выходных профессиональных лингвокультур – россйкой и японской – с другой.

Преподавание АЯ в Японии ориентировано на традиции преподавания языка в США и соответственно понимание англоязычного термина не представляет трудности, оно эквивалентно пониманию *alternative testing* в США[1]. В то время как в России преподавание АЯ имеет свои собственные традиции и соответственно способы и формы контроля, вследствие чего англоязычный термин требует подробного описания, поскольку его значение прямопротивоположно русскому соответствию *альтернативные виды контроля*. В Российском современном контексте альтернативой традиционным формам контроля выступает объективное тестирование – проблема, ставшая актуальной в связи с поисками стандартизованных форм итогового контроля в выпускных классах средней общеобразовательной школы.

Межкультурная перспектива является ведущей характеристикой КТС, она влияет на левую (словник) и правую стороны словаря (словарную статью). Реализация данной характеристики, которую можно представить в виде алгоритма, происходит следующим образом (рисунок).

1. Отбор входной терминологии (в нашем случае – англоязычные лингводидактические термины) должен происходить с позиции внешней чужой по отношению к пользователю профессиональной лингвокультуры. Это означает отбор терминов по принципу их значимости той среды, в которой они функционируют. К сожалению, на практике данное положение остается гипотетическим. Так, авторы терминологического справочника по тестированию [1], заявив в предисловии о намерении представления в своем словаре ключевых английских терминов по тестированию, на практике его совершенно не реализовывают. Из 125 входных терминов, только 20 % являются важными в англоязычной лингводидактике. К таким выводам нас приводит сопоставление словника словаря российских авторов со словарями по тестированию издательства Кембриджского университета [4, 5].

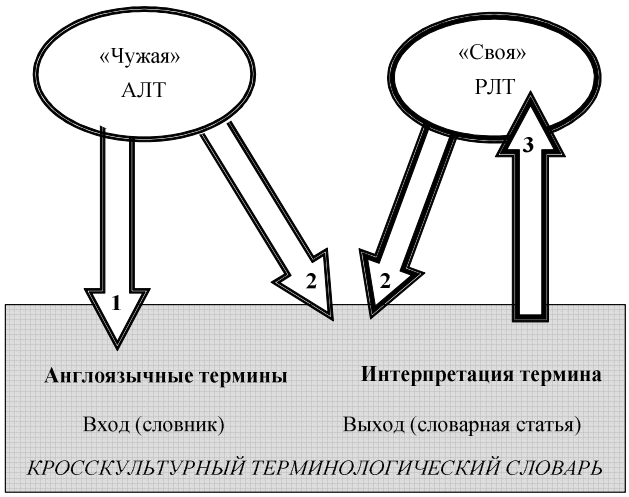
2. Процесс словарной интерпретации термина должен происходить при ориентации А) на чужую и Б) на свою для пользователя профессиональную лингвокультуру.

А) Ориентация на чужую лингвокультуру заключается к том, чтобы интерпретировать входящий термин в том значении, которое он имеет

[1] Термин *alternative test* определяется как инновационные контрольные задания, в отличие от традиционных контрольных заданий в виде объективных письменных тестов на соотвествие или множенственный выбор. Примерами альтернативных контрольных заданий являются устный или письменный рассказ, составление устных диалогов и т. д.

в своей англоязычной терминосистеме, в том социокультурном контексте, который эта терминосистема обслуживает.

Б) Ориентация на свою профессиональную лингвокультуру – это учет социокультурных особенностей контекста преподавателя неносителя АЯ (пользователя словарем), его знаний и интерпретация значения термина на фоне этого социокультурного контекста.

Условные обозначения:

АЛТ – англоязычная лингводидактическая терминология

РЛТ – русская лингводидактическая терминология

Рисунок. Реализация принципа межкультурной перспективы в КТС

До сих пор в практике лингводидактической терминографии наблюдается игнорирование данного положения. Однако обращение к отрицательному примеру поможет продемонстрировать важность соблюдения межкультурной перспективы в терминографическом словаре.

В приведенном ниже примере интерпретации термина *Sheltered English* не соблюдается положение Б (ориентация на профессиональную лингвокультуру пользователя словаря):

«***Sheltered English*** *– an approach to the teaching of second language students based on the Canadian model of immersion education, in which content is taught in English and made comprehensible to the students by special instructional techniques»* [6].

Нами был проведен небольшой эксперимент, когда группе 50 российских преподавателей АЯ, состоящей в равном отношении из преподавателей средних и высших учебных заведений, было предложено изложить на русском языке значение данного термина. С заданием ни один преподаватель не справился. Понимание термина, являющиегося реалией для российского преподавателя не произошло, хотя словарная статья не содержит ни одного незнакомого английского слова. Дело в том, что интерпретация термина в словарной статье содержит признаки, неизвестные российскому преподавателю АЯ: *second language student* (ученик-неноситель АЯ, обучающийся в англоязычной стране в англоязычной школе и не владеющий им на должном уровне); *Canadian model of immersion education (*модель двуязычного образования в Канаде, разработанная в 1965 г. для англоязычных школьников, обучавшихся французскому языку. Основной чертой модели является обучение школьным предметам на неродном для учащихся французском языке с самого начала их обучения в школе), *content is taught in English by special instructional techniques* (содержание учебных дисциплин преподается на упрощенном АЯ). Таким образом, вышеназванный словарь не выполнил свою функцию посредника в межкультурной коммуникации.

В нижеследующем примере словарной статьи не соблюдается положение А (ориентация на чужую профессиональную лингвокультуру при интерпретации термина). Так, англоязычный термин *curriculum* в терминологическом справочнике [3] в обоих значениях (*учебный план и стандарт, образовательная программа*) интерпретируется авторами в российском социокультурном контексте, что никак не прибавляет знания об английском термине, за которым обращаются преподаватели к англо-русскому словарю. Подобным же образом интерпретируется термин *Aims*:

«Aims – цели обучения заранее планируемый результат обучающей деятельности учителя и учебной детельности учащихся.... Это ведущий компонент учебной программы по иностранному языку и обусловливают выбор метода, отбор содержания, средств и приемов обучения. Они могут формулироваться как учителем, так и учащимися... В то же время цели обучения ориентированы на потребности определенной группы учащихся и не могут учитывать индивидуальные интересы каждого учащегося, что приводит к несоответствию между целями обучения и потребностями учащихся. *Примером такого несоответствия могут быть цели обучения языку в педагогическом вузе, расчитанные на подготовку будущего учителя иностранного языка, которые зачастую не соответствуют индивидуаль-*

ным потребностям студентов, желающих овладеть языком, но не ориентированных на работу в школе» [3: с. 73].

Ярким примером трактовки термина в российском контексте является последнее предложение, которое мы выделили курсивом.

3. Пользователь КТС – российский преподаватель АЯ понимает различия русской и иноязычной терминологий и тем самым осознает необходимость интерпретации своей русской терминологии с позиции межкультурной перспективы в кросскультурном общении.

Основными *лексикографическими положениями* для нас является теория лексикографических параметров, предложенная Ю.А. Карауловым, суть которой заключается в том, что словарь позволяет представить самые различные результаты лингвистических штудий, т. е. «…ословаривание лингвистических описаний» [2]. Количество параметров, которые могут быть лексикографированы трудно исчислить. Их количество может быть регламентированно задачами словаря, его адресатом, степенью изученности структурных черт словарного состава. Именно набор лексикографических параметров служит различию словарей.

Если лингвистические принципы регламентируют глубину описания термина, а межкультурно-коммуникативные положения говорят о стратегии описания термина, то лексикографические принципы регулируют способы и приемы подачи информации о термине в словаре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева, Л. Н. Тестирование языковой компетенции. Терминологический словарь-справочник / Л.Н. Беляева, Е.Ю. Северинова. – СПб.: Издательство Инфо-да, 2004. – 166 с.

2. Караулов, Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1981. – 366 с.

3. Колесникова, И.Л. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков / И.Л. Колесникова, О.А. Долгина. – СПб.: Изд-во Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», Cambridge University Press, 2001. – 224 с.

4. Dictionary of Language Testing. – Cambridge University Press, 1999. – 272 p.

5. Multilingual glossary of language testing terms.– Cambridge University Press, 1998. – 404 p.

6. Richards, J. Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics, 3rd edition / J. Richards, R. Schmidt. – Longman, 2002. – 595 p.

ВСТРЕЧА КУЛЬТУР И ЯЗЫКОВ В ПЕРЕВОДЕ

Т.Н. Снитко

Снитко Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Ростовского-на-Дону института иностранных языков.

В данной статье перевод рассматривается в контексте культурных и языковых контактов. «Смысловые» взаимодействия культур и языков в переводе трактуются как определяющий фактор. Последовательно рассматриваются: наиболее характерные случаи отношения культур к переводу и вытекающие из этого культурные следствия; совмещение в переводе смыслов, задаваемых со стороны культуры и со стороны языка (на примере японской и русской культур); культурнозначимые характеристики переводческой деятельности.

Ключевые слова: культура, перевод, смысл, японская культура, русская культура.

Деятельность переводчика заключается в принятии *адекватных переводческих решений* в ситуации, когда приходится сталкиваться с разнообразными трудностями, вызванными различиями в культурах и языках.

Как известно, язык и культура – своего рода «очки», через которые человек, принадлежащий той или иной культуре, видит мир. Поэтому любая чужая культура неизбежно оценивается с позиций своей. Квалифицированный переводчик имеет две пары таких «очков» – для понимания двух культур и двух языков. Однако ситуация перевода – это всегда ситуация «конфликта» двух культур и двух языков. Поэтому переводчик вынужден занять третью позицию, внешнюю по отношению и к одной, и к другой культуре, и *понять природу собственной переводческой деятельности*. Только при условии выполнения этих трех условий переводчик может принимать обоснованные переводческие решения.

Основная задача настоящей статьи – прояснить культурный смысл переводческой деятельности. Последовательно будут рассмотрены следующие вопросы:

1) контакт культур в ситуации перевода (наиболее характерные случаи отношения культур к переводу, и вытекающие из этого культурные следствия);

2) «чем» встречаются культуры и языки в переводе? (как в принципе возможен контакт культур и языков в переводе);

3) «где» непосредственно встречаются культуры и языки в ситуации перевода? (культурнозначимые характеристики переводческой деятельности и проблема адекватных переводческих решений).

1. Контакт культур в ситуации перевода (наиболее характерные случаи отношения культур к переводу)

Всю человеческую историю можно представить как историю *столкновения культур*. Это могли быть «дружеские втречи» или войны, но с точки зрения культуры, важным является лишь то, что в каждом случае возникало *некоторое отношение одной культуры к другой*. Развитие цивилизации и развитие культуры – вещи в определенном смысле независимые.

Как известно, важнейшую роль в истории развития человеческой культуры сыграли *первичные* культуры или пракультуры. Они были настолько уникальными и выработали столько идей, что влиянием на них других культур, как пишет известный культуролог А. Лефевр, можно практически пренебречь [5]. К таким культурам относятся древние культуры Индии, Китая и Греции.

Базовые отличия этих культур в дальнейшем оказались основанием для разделения всемирной культуры на «восточную» и «западную». Современая проблема «Восток – Запад», считающаяся одной из самых сложных в гуманитарных науках, основывается именно на этом различении первичных пракультур. Заметим, что «Восток» и «Запад» – понятия не географические, а соотносительные с типами культурного постижения мира. В то же время, поскольку различение «Востока» и «Запада» было осуществлено в Европе, оно оказалось «односторонним», фактически противопоставляя западное отношение к миру (Европа и Северная Америка) всем остальным способам миропостижения, объединяя их под одним именем «Восток». Европа, таким образом, оказалась со всех сторон окружена Востоком.

В древнейших первичных пракультурах перевод не имел большого распространения, так как все необходимые тексты создавались на языке первичной культуры. А. Лефевр отмечает, что культуры, считающие себя центральными в окружающем мире, не склонны общаться с «Другими», если их к этому не вынуждают [5: с. 13].

За исключением первичных пракультур и случаев полного игнорирования одной культурой

факта существования другой культуры (что происходило, например, при порабощении конкистадорами индейских племен в Америке), в каждом случае контакта культур возникала ситуация, которую можно назвать *ситуацией перевода*. Обозначим контактирующие культуры как культуры А и Б (далее под культурой А будем понимать культуру, на язык которой переводятся тексты культуры Б).

Если посмотреть на историю человечества с точки зрения перевода, то *история переводческой деятельности* окажется одновременно и в значительной мере *историей развития культур*. Взаимодействие культур было тем плодотворнее, чем больше культуры готовы были понять друг друга. В центре этого процесса взаимодействия культур находился *переводчик* как непосредственный *«организатор» межкультурного взаимодействия*.

Подчеркнем: *что* и *как* переводится – определяет дальнейшее взаимоотношение культур. Иначе говоря, *что* люди, принадлежащие к культуре А, знают о культуре Б, *что и как* понимают, принимают или не принимают, находится в непосредственной зависимости от существующей в культуре А традиции перевода. Под *традицией перевода* следует понимать 1) корпус переведенных текстов (количество текстов и их значимость в культуре Б); 2) наличие традиции переводческой деятельности (последнее, как правило, определяет квалификацию переводчиков).

Отметим также, что наличие в культуре развитой традиции перевода оказывает влияние и на нее саму. Это объясняется тем, что в процессе перевода осваиваются не только содержания другой культуры, но и *другие способы понимания, мышления, отношения к миру, другие способы «языкового мышления»* (грамматика, языковой материал во многом задают способы осмысления мира, свойственные той или иной культуре). Следовательно, развитая переводческая традиция может продвинуть культуру к пониманию себя самой, своего своеобразия среди других культур.

Таким образом, отношение культуры к переводу, состав переведенных текстов, культурные контакты или их отсутствие во многом определяют развитие каждой отдельной культуры. *Филологическая по своей природе переводческая деятельность очень многое определяет в развитии большинства культур, а также задает межкультурное движение идей и текстов*.

Рассмотрим несколько наиболее характерных случаев.

«Материковые» культуры в своем большинстве имеют богатую историю разноплановых культурных контактов.

I. Культура А → культура Б (трансляция собственных ценностей через перевод: культура А через перевод собственных текстов на языки других культур ставит задачу транслировать ценности своей культуры в другие культуры).

Для Европы характерна ситуация, при которой духовное пространство национальных культур строится с учетом ценностей, полученных посредством перевода. Через перевод, особенно через перевод сакральных текстов, формируются национальные языки и культуры, образуется их специфическое *духовное пространство* (*совокупность смысловых, идейных парадигм, ценностей, чувств, представлений, знаний, понятий, веры, общекультурных феноменов и способов их освоения*).

Библия является центральным текстом западной культуры. Она распространяется через переводы, поскольку оригинал и те ранние переводы, которые выполняли в разное время функцию оригинала (Септуагинта, Вульгата), становятся недоступными: авторитетные классические языки выходят из употребления и уступают место национальным языкам. Библия переводится на национальные языки, что одновременно способствует их становлению и развитию.

Распространение центрального текста культуры в этом отношении совпадает со становлением большинства европейских культур. В частности, несомненно влияние перевода Мартина Лютера не только на религиозное становление Германии, но и на современный немецкий язык и культуру. Протестантская гебраизированная и эллинизированная Библия Короля Якова (KJV) и католическая Реймсская Библия привели к причудливому сочетанию в английском языке греческих и латинских фрагментов [2].

Самым существенным является тот факт, что *центральный текст западной культуры распространяется целиком через перевод*. Наиболее авторитетные переводы выполняют в разных культурах функцию оригинала, а ранние авторитетные переводы эту функцию утрачивают, поскольку языки становятся недоступными, и дальнейшие переводы на другие языки совершаются уже с версий на современных языках. К 1972 г. Библия была частично или полностью переведена на 1473 языка, причем переводы осуществлялись по инициативе европейцев, которые считали своей миссионерской задачей *распространить по миру центральный текст своей культуры*. Американское Библейское об-

щество координировало переводы Библии на экзотические языки.

Тенденция к распространению собственных культурных ценностей характерна при этом не только для центрального текста культуры. Она проецируется на западную культуру в целом. Отдаленным последствием этого является возникновение идей глобализма и открытого общества, которые также обусловлены *культурной установкой Запада на самораспространение*.

В то же время, как указывает Н.Л. Галеева, относительно перевода в западной культуре складывается парадоксальная ситуация. *Центральный текст культуры функционирует исключительно как перевод, фактически не имея оригинала*, но общее *отношение к переводу* в современной западной культуре в целом снисходительно-толерантное: перевод рассматривается в условиях многообразия языков как неизбежная *вспомогательная деятельность*, а его культурообразующая функция фактически не принимается во внимание [2].

II. Культура А ← культура Б («знакомство» с ценностями других культур через перевод), но отсутствие значительных культурных следствий переводческой деятельности

Противоположная тенденция обнаруживается на Ближнем Востоке. Как известно, еще в домусульманский период здесь сложились переводческие школы, называемые «Домами мудрости», переводившие все доступные тексты из близлежащих культур *на фарси*. Такие центры работали в Бухаре, в Багдаде, где сложились богатейшие древние библиотеки. На фарси, а затем *на арабский* были переведены все античные тексты, рано был сделан перевод Библии. Достаточно сказать, что после утраты античных текстов, сгоревших в Александрийской библиотеке, многие античные авторы переводились на европейские языки не с оригиналов, а с арабского. Известным фактом является то, что на английский язык Аристотель первоначально переводился с арабского.

Между тем ближневосточная культура, переводя все имеющиеся тексты на арабский язык, не стремилась к распространению собственных культурных ценностей посредством перевода. Европейская же культура не испытывала интереса к арабской культуре, имея античную и библейскую традицию.

Центральный текст ближневосточной культуры – *Коран*. В отличие от Библии, *принципиально не переводился на иностранные языки по инициативе мусульман*, как не переводились и другие тексты. Всё переводилось на арабский и практически ничего – с арабского. В арабском языке даже возникли разные термины для перевода вообще и перевода на арабский. Идея «неперевода» Корана заключалась в том, что правоверный должен приобщиться к сакральному тексту на языке оригинала, либо воспитываясь на этом языке, либо выучив его и совершив над собой духовное усилие.

Данный тип культуры Н.Л. Галеева определяет как «губочный»: «…В целом ближневосточную культуру можно охарактеризовать как «губочную культуру», которая, подобно губке, всасывает чужие культурные ценности, но не заинтересована в распространении своих, принципиально оставаясь закрытым обществом, открывающимся для тех, кто готов принять его лингвокультурные законы, не испытывающем необходимости как в самораспространении, так и в навязывании моделей и способов деятельности, которые ее не устраивают» [2].

В ближневосточной культуре *функцию центрального текста культуры выполняет оригинал*, авторитет которого непоколебим, а переводы рассматриваются лишь как его бледная копия, и выполняются в силу необходимости. Исламские завоевания не привели к развитию перевода Корана: вновь обращаемые в мусульманство должны были читать текст на языке оригинала, проделав над собой культурное усилие. В то же время поистине огромный корпус текстов, переведеных на арабский с других языков, не оказал большого влияние на развитие арабской культуры, поскольку базовые культурные смыслы были заданы Кораном.

III. Культура А (← усвоение и интерпретация ценностей культуры Б) с целью развития собственной культуры (культура А → создание собственных ценностей).

Пример Японии в отношении к переводчекой деятельности уникален. Не будучи «материковой» культурой, Япония собственные контакты с другими культурами осуществляла исключительно *с целью развития собственной культуры*. Никогда прежде вплоть до самого последнего времени, когда Япония, наконец, поставила задачу «познакомить» мир со своей культурой, идея распространения собственных культурных ценностей не являлась центральной идеей культуры. В то же время активная деятельность по переводу китайских классических текстов в VI–VIII вв. позволила органично усвоить не только буддийские ценности, но и расширить выразительные возможности японского языка за счет *канго* (слов, созданных из китайских кор-

ней-иероглифов). В период *Мэйдзи* (1868–1912) начали активно переводиться наиболее значимые в культурном и техническом отношении работы с многих языков мира, и теперь Япония имеет в переводе богатейшую коллекцию мировой мудрости. Отметим, что сам факт наличия в стране большого корпуса переведенных текстов определяет культурный статус страны в рамках мировой культуры.

Важно подчеркнуть, что *переводческая деятельность* в японской культуре осуществлялась *как интерпретация*. *Полученные через перевод ценности другой культуры «интерпретировались» в рамках культурных смыслов собственной культуры*. Наиболее характерный пример – Дзэн. Прошедший путь в Японию из Тибета через Китай, Дзэн «породил» своеобразную японскую эстетику и дзэнские формы искусства.

IV. Культура А имеет многочисленные культурные контакты и осуществляет многочисленные языковые заимствования. Идея распространения собственных культурных ценностей не является центральной.

Культурные контакты славян всегда были столь многочисленными, что трудно выделить какие-то определенные культурно-значимые ситуации в истории.

Православие считало собственные ценности самодостаточными и никогда не способствовало культурным контактам с католическими культурами. Традиционно в российском обществе место перевода было во многом «замещено» системой образования (интеллигенция свободно говорила и читала на европейских языках, помимо того, что обязательным являлось изучение церковно-славянского, латыни и древнегреческого).

В то же время в русской литературе перевод был значимым явлением. Многие русские писатели и поэты занимались переводами (переводилась античная классика, художественная литература стран Европы и Востока). В советский период переводческая деятельность также осуществлялась достаточно широко (наиболее яркие примеры: «Библиотека всемирной литературы»; перевод китайской классики Ю.К. Щуцким, В.В. Малявиным; перевод японской художественной литературы).

Характерная для многих культур Западной Европы идея распространения собственных ценностей в другие культуры в России не прижилась. Тем не менее в разные периоды истории идеи славянофильства овладевали умами общества, и это приводило к активному обсуждению российского «особого пути» развития.

Несомненно, различие переводческих тенденций имеет определенные *следствия для культур*. Так, отсутствие традиции перевода Корана дает возможность его *произвольной интерпретации*, что можно видеть из происходящих сейчас в мире событий. Многочисленные *понятийные расхождения* между западным (католическим, прежде всего) и восточным (православным, греческим в своей основе) христианством обусловлены тем, что Библия для восточной (православной) традиции и западной (католической) традиции переводилась с разных источников. *Ветхий завет для православных переводился с греческого языка* (в частности, использовалась Септуагинта), а *для католиков – с латинского*. Как указывает Н.К. Гарбовский, если Иероним переводил Ветхий завет на латинский непосредственно с древнееврейского языка, ко времени перевода практически утраченного, то другие переводы делались с греческих версий, причем перевод на латынь делался с перевода, а не с оригинала [3]. Кстати, как широко известно, и различие используемых буквенных *алфавитов* (кириллицы и латиницы) в славянских странах обусловлено различающимися религиозными традициями. Католические страны используют латиницу (Библия переводилась с латыни), восточно-христианские страны – кириллицу, более близкую финикийскому алфавиту).

2. «Чем» встречаются культуры и языки в переводе? (возможен ли контакт культур и языков в переводе).

Проблема изучения контакта культур в переводе – проблема сопоставления культур. Эта задача принципиально трудна. Леви-Стросс в докладе «Место японской культуры в мире» пишет: «...Культуры по природе своей несоизмеримы. Все критерии, к которым мы можем прибегнуть, чтобы охарактеризовать одну из них, происходят либо из нее же и, таким образом, лишены объективности, либо из другой – и в силу этого несостоятельны. Чтобы вынести правомерное суждение о месте, занимаемом в мире японской (или любой другой) культурой, надо было бы суметь оторваться от притяжения какой бы то ни было культуры. Только при этом невыполнимом условии мы могли бы быть уверены в том, что наше суждение не произвольно ни по отношению к исследуемой культуре, ни по отношению к любой из тех, от которых наблюдатель, сам будучи членом определенной культуры, не может сознательно или бессознательно отделаться» [Леви-Стросс, 1988].

«На поверхности лежат» сопоставления культур на уровне различающихся реалий (рус. «каша», яп. 納豆 *натто* (перебродившая фасоль)) или на уровне различий в объеме передаваемых понятий и их культурной отнесенности.

В качестве примера последних можно привести многочисленные случаи понятийных расхождений между западно-ориентированным и восточно-ориентированным христианством, когда при общности значений слов объем значений, их культурная отнесенность оказываются различными. Ср. например, английское «conscience» и русское «совесть». Английское «conscience» означает и «совесть», и «сознание», причем оба элемента неразделимы, т. е. «совесть» в английском менталитете связана с сознанием, духовностью, что вполне соответствует западной традиции. «Совесть» в русской традиции связана прежде всего с душой, а не с духом и сознанием (совестливый человек, вести себя по совести). Аналогичным образом можно сопоставлять русское «душа» и яп. こころ *кокоро* («сердце-душа»), хотя природа смысловых различий в этом случае иная.

Иногда, сопоставляя культуры, ищут различия в организации «*менталитета культур*», основываясь на различающихся бытовых и социальных привычках (русские, услышав вопрос «как Вы поживаете?», начинают подробно рассказывать о своих делах; японцы не ждут ответа на вопрос «お出かけですか» «О-дэкакэ дэс ка?» «Куда-то идете?») и т. п. Бытовые и социальные привычки, несомненно, связаны с организацией менталитета, однако, их исчисление не ведет к достоверным выводам собственно об организации менталитета.

Таким образом, простое исчисление различий культур и языков в отношении языковых реалий, несовпадений объема выражаемых понятий или социальных привычек, не облегчает задачу переводчика, а следовательно, и не решает проблему сопоставления культур в ситуации перевода. Все, кто занимался переводом, понимают, что несовпадение объема понятий и наличие языковых реалий – лишь верхушка айсберга трудностей, с которыми сталкивается переводчик.

Попробуем найти другой путь сопоставления культур, который бы давал переводчику *системное представление о материале*, с которым он работает (*культуры и языки*, которые «встречаются» в ситуации перевода) и *о переводческой деятельности*.

Начнем с утверждения, что *«встреча» культур и языков осуществляется в переводе как* ***совмещение смыслов.***

В переводе совмещаются смыслы двух культурных пространств. Причем можно утверждать, что переводчик работает одновременно с двумя смысловыми пластами: один пласт смыслов принадлежит области культуры, другой – языку, «языковому материалу». Покажем последовательно эти два случая:

(1) совмещение культур на уровне смыслов, задаваемых «со стороны культуры».

Культуры различаются не столько в отношении описываемых языком реалий, но, прежде всего, и это главное, имеющимися *базовыми культурными смыслами*.

Поскольку переводческая деятельность – это *передача смыслов*, то для принятия адекватных переводческих решений переводчику прежде всего *важно понять состав важнейших,* ***базовых*** *смыслов, которыми живут культуры, контактирующие в переводе*. Только в этом случае может быть принято адекватное и грамотное решение в конкретной переводческой ситуации.

Для понимания того, какие смыслы являются базовыми в культуре, нужно понять:

– принципы организации культур, контактирующих в переводе (*механизм порождения базовых смыслов*);

– особенности развития культур (в частности, *основные источники базовых смыслов*, например: **русская культура** – славянская мифология, античные и библейские сюжеты; **японская культура** – синтоизм, буддизм, конфуцианство, бусидо, эстетика дзэн, особое ощущение времени – смена времен года);

Понимание базовых смыслов, которыми живут культуры, в свою очередь, способно дать более глубокое представление о том, *«как устроена» область литературы* в той или иной культуре, а именно: 1) состав литературных жанров и стилей, их статус в культуре, особенности смысловой и языковой организации текстов разных жанров; 2) различия в «языковом мышлении» контактирующих в переводе культур (возможности, предоставляемые языком, и ограничения, им накладываемые) (например, русский язык – наличие уменьшительно-ласкательных суффиксов, возможность рифмовать слова; японский язык – иероглифика, которая создает дополнительные смысловые возможности, наличие 漢語 *канго* («китайского» по происхождению слоя лексики), 和語 *ваго* (лексики, основанной на иероглифах, созданных в Японии), наличие двух азбук *кана:* ひらがな *хирагана* и カタカナ *катакана* (по-

следней записываются многочисленные заимствования из английского и других «неиероглифических» языков): наличие системы 季語 *киго* («сезонные слова») в трехстишьях 俳句 *хайку* и т. д.

Рассмотрим вопрос о «встрече» культур в переводе на примере японской и русской культур. Японскую и русскую культура принято относить к разным культурным типам: *Восточной* и *Западной* культуре соответственно. Поэтому необходимо задать более широкий ракурс рассмотрения и обсудить наиболее существенные характеристики так называемые «Западной» и «Восточной» культур.

Как уже говорилось, культуры и языки Востока и Запада различаются в столь высокой степени, что задача выявления некоторых подобий на первый взгляд кажется невыполнимой... Это заставляет нас вспомнить известную шутку: На вопрос: «Чем отличаются японский язык и культура от других языков и культур?» самым правильным ответом признается «Всем». Вспомним и Р. Киплинга: «Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet».

Единственная черта, безусловно, объединяющая Западную и Восточную культуры, – это то, что они являются культурами. Однако уже на уровне лексики, обозначающей понятие ‘*культура*’, выявляются скорее различия, чем сходства. Вошедшее практически во все европейские языки слово и понятие ‘культура’ восходит к латинскому cultura и образовано от глагола colo – «возделываю», «обрабатываю землю». Тем самым в европейское понятие культуры привносится идея её некоей искусственности, необходимости «обработать» нечто для получения культурного продукта. В японском языке понятие 文化 *бунка* («культура») передает идею изменения 化 *ка* («изменение»), улучшения под воздействием 文 *бун* («культура», «текст»): вещи временны и преходящи, и лишь перемены постоянны. Ср. высказывание Нисида: «…By culture is meant not the taking of nature as the means of the self, but the seeing of nature within the self. Indeed, culture is the discovery of the self in the very depths of nature» «…Под культурой понимается не отношение к природе как к собственному средству, а способность распознать собственную природу внутри себя. Действительно культура есть открытие себя в глубинах естественного» [10].

Все же в переводе Запад и Восток «встречаются», поэтому попытаемся определить их сущностные характеристики.

Сущностные характеристики Западной (европейской) и Восточной лингвокультур определяются не территориальными и не чисто внешними характеристиками, а *базовыми мыследеятельностными механизмами.*

Как известно, каждая культура вырабатывает собственную модель мира, или иначе *картину мира*, которая характеризует ее разносторонне и целостно. Модель мира включает в себя в качестве обязательного компонента определенную *онтологическую* [*онтос* – гр. ‘сущность’: онтологический – 'сущностный’] *гипотезу – концепцию отношения человека к миру* (человек – природа, человек – общество, человек – другой человек) *и к самому себе*.

Для европейской культры в целом характерно так называемое *познающее отношение к миру*, при котором субъект противопоставляет себя постигаемому как объекту и выделяет в объекте некоторые свойства, делая его своим предметом. Возникает отношение, известное как *«S-O парадигма»* (субъектно-объектная парадигма). Показательны в этом смысле научные предметы европейских наук, полученные при таком подходе. Очень яркий пример – европейская медицина, где человек смотрит на себя как на объект исследования. Важно подчеркнуть, что не только собственно науки функционируют в рамках субъектно-объектной парадигмы, но в значительной степени вся европейская культура. Системы базовых культурных понятий и ценностей также являют собой пример именно такого отношения.

Ценности различных культур Европы, образуя свои иерерхии отношений внутри каждой из культур, в то же время имеют *единую природу*. Механизм их формирования един: они получены через абстракцию как нечто отдельное и представляют собой основные типы объектности. «Объект (позднелатинское objectum – «предмет», лат. objicio «бросаю вперед», «противопоставляю») – то, что противостоит субъекту, на что направлена его предметно-практическая и познавательная деятельность.

Европейская культура оказывается культурой вопросов о разного типа объектах, в том числе и о ценностях. В любом случае познавательное отношение выражается через «познавательную» постановку вопросов об объектах *«Что есть X?»*.

Развивая далее нашу мысль, мы можем охарактеризовать культуры Европы как некий культурный тип, в котором продукты познавательного процесса хранятся в культуре в виде *знания*. Знание, в свою очередь, хранится в виде *понятий*, которые и *составляют основу культуры*.

Базовыми понятиями европейской культуры являются ‘*Бытие*’ и ‘*Бог’*. Каждая отдельная культура «акцентирует свое внимание» на понятиях, производных от этих двух базовых понятий, и обсуждает проблемы ‘истины’, ‘судьбы’, ‘смерти’, 'страха', 'порядка' и т. д. *Ценностями культуры* (культуры Европы антропоцентричны) становятся некие *добродетели, которыми обладали боги Древней Греции.*

Заметим, что впервые вопрос о ценностях в Европе был поставлен Сократом, сделавшим его центральным пунктом своей философии и сформулировавшим его в виде вопроса о том, чт. е. *Благо*. В античной и средневековой философии вопрос о ценностях был непосредственно включен в структуру вопроса о Бытии: *полнота бытия понималась как абсолютная ценность* для человека, выражавшая одновременно этические и эстетические идеалы. Так, в концепции Платона *Единое* или *Благо* было тождественно *Бытию, Добру* и *Красоте*. Такой же онтологической и холистической трактовки относительно природы ценностей придерживается и вся платоническая ветвь философии, вплоть до Гегеля и Кроче. Таким образом, можно видеть, что для культур Европы ценности как предмет человеческих устремлений являются одним из элементов, составляющих *Бытие* (вторым элементом является *реальность*).

«Внутри» онтологическеского познавательного отношения к миру, характерного для большинства европейских культур, *русская культура* задается вопросом о том, *чт. е. Человек*, делая своим центральным вопросом *вопрос о сущности человеческой Души*. Поиски ответа на на него становятся «сверхзадачей» русской литературы. Собственно говоря, вся русская литература построена вокруг этого центрального вопроса русской культуры. Каждый писатель и поэт решает эту задачу по-своему. Художественному осмыслению подвергаются в том числе и самые «темные» стороны человеческой природы (Достоевский). Писатели и поэты как бы пытаются «исчерпать до дна» все возможные чувства человека, уловить малейшие нюансы ощущений, описать все возможные повороты судьбы, человеческие характеры и т. д. ... Отметим также, что в пространстве русской культуры художественная литература занимает исключительно значимое место. Это касается как роли литературы в обществе (вспомним: «...поэт в России больше, чем поэт»), так и «местонахождения» базовых культурных смыслов. *Базовые понятия русской культуры, – душа, ...тоска, любовь, вера, судьба*, – являются главными смыслами произведений художественной литературы.

Интересно, что и философские тексты (русской религиозной философии) по своим жанрово-стилевым, языковым и смысловым характеристикам более близки текстам художественной литературы, а не философским текстам, создаваемым западно-европейскими философами. Русская философия «поэтична» и, обсуждая отношения человека с Богом, обращается к тем же базовым понятиям русской культуры – *душа, ...тоска, любовь, вера, судьба.*

Смысловым основанием культуры Востока является идея Небытия, Пустоты 空 *ку* как творческой потенции Бытия. Небытие 空 *ку* проявляется в мире в виде изначальной жизненной силы 氣 *ки* (понятие 氣 *ки* знакомо в России как один из иероглифов, которыми записывается, например, 合気道 *айкидо*).

Идея существования изначальной жизненной силы, пронизывающей и формирующей весь феноменальный мир, «прочитывается» во всех слоях японской лексики. Множество слов образуется с использованием иероглифа 気 *ки,* демонстрируя существование вещей и явлений как трансформаций жизненной силы. Например: 天気 *тэнки* «погода»、気象 *кисё* «климат»、病気 *бё:ки* «болезнь»、気持ち *кимоти* «настроение»и т. д. Чувства и состояния человека являются результатом “приходов” и “откатов”, “превращений" жизненной силы, например: 気が付く *ки га цуку* «обращать внимание» «жизненная сила поступает». お元気ですか *о-гэнки дэс ка* «как Вы поживаете?» (буквально означает: изначальная жизненная сила с Вами?). Аналогично фраза, употребляемая при прощании 気をつけて *ки о цукэтэ*, и обычно переводимая как «береги себя», имплицирует идею сохранения жизненной силы. Производными жизненной силы 気 *ки* являются пять элементов или пять стихий (火 огонь、水 вода、木 дерево、金 металл、土 земля. Названия дней недели и названия планет связаны с пятью стихиями).

Онтологическая гипотеза Востока отлична от европейской. Отношения между человеком и миром представляются как *отношения между микрокосмом и макрокосмом,* и *акцент* делается *на связях* между этими “мирами”, взаимно прони-

кающими друг в друга. Графически это отношение передаётся знаком «инь-ян» (яп. **陰** *ин* **陽** *ё:*):

Это пример *понимающего* отношения к миру, когда человек соотносит себя с миром, не вычленяя себя из него, рассматривая себя в качестве одного из элементов мира, наравне с другими.

При таком подходе *базовыми культурными* смыслами ***японской культуры*** выступают **氣** *ки* «изначальная жизненная сила» и **和** *ва* «гармония» (их можно назвать понятиями, но иметь при этом в виду, что природа их отлична от природы понятий Европейской культуры, таких как ‘Бытие’, ‘Бог’, ‘Истина’, ‘Благо’ и т. п., полученных в познавательном отношении к миру).

Будучи положенными в основание японской культуры, **氣** *ки* и **和** *ва* определяют существование всех других важнейших смыслов японской культуры: **氣** *ки* – в области отношения человека и феноменального мира (человек – природа); **和** *ва* – в области человеческих отношений (человек – общество; человек – другой человек).

Понятие **和** *ва*, имеющее в своем составе элемент «рис (растение)», указывает на способ формирования японской ментальности как рисовой цивилизации. По данным антропологии, именно культура возделывания риса определила японскую ментальность, поскольку выращивание риса требовало от людей умения работать сообща. *Гармонизация отношений человека с миром*, сформированная как *важнейшая культурная задача*, обусловливает то, что культурной нормой коммуникации является нахождение «согласия» с собеседником. Так, японское **はい** *хай* (обычно переводится как «да») означает *понимание* того, что собеседник чувствует и говорит, а не согласие с тем, что он утверждает, в отличие от английского «yes». Между прочим, русское «да» ближе японскому **はい** «*хай*», а не английскому «yes». Русское «*да*» означает согласие с собеседником; английское «yes» же означает согласие с тем, *что* утверждается в предложении.

Отношения между людьми в Японии – это всегда поиски гармонии в разных ее формах. Суть общения заключается не в самоутверждении собственного «я» (что характерно для западных культур), а в стремлении достичь гармонии с собеседником. В языке коммуникативные стратегии поведения часто проявляются как набор стереотипных фраз, которые следует произносить в той или иной ситуации. Их значительно больше, чем в любом европейском языке и они жестко регламентированы. Так, существуют фразы и ответные реплики на них, которые следует произносить, уходя из дома и возвращаясь домой: **行ってきます。** *Иттэ кимас.* («ухожу и вернусь»);**行っていらっしゃい。** *Иттэ ирассяй.* («уходя, возвращайся»); **ただ今。** *Тада има.* («уже здесь» «а вот и я»);**お帰りなさい。** *Окаэри насай.* («возвращайся», «с возвращением»); реплики, которыми обмениваются сэнсэй и ученики перед началом и в конце урока – *онэгай-симас* (что-то вроде «прошу Вас любить и жаловать») и т. д.

Задача понять **気持ち** *кимоти* «настроение» собеседника является культурной нормой. Интересно, что и само это слово включает иероглиф **気** *ки:***気持ち** *кимоти* можно описательно перевести как «удерживание жизненной силы **気** *ки* в определенном состоянии в течение некоторого времени». Понятия **甘え** *амаэ* «эмоциональная зависимость» **、義理** *гири* «честь», **恩返し** *онгаэси* «связывание корней» («плата добром на добро») и поиск общего решения также отражают важные особенности социального поведения японцев.

Онтологическому вопросу Европы *«Что есть Бытие?»* на Востоке соответствует вопрос *«Что есть мир для меня?»*, или иначе «*Как гармонично прожить жизнь?*».

美 *би* 'красота' в японской культуре рассматривается как проявление гармонии и является важнейшей ценностью. Это, в частности, можно наблюдать в эстетизации среды практически во всех сферах жизни человека, которые сами воспринимаются как проявления тех или иных форм красоты. Эстетика является важнейшей областью культуры, обладающей развитым теоретическим аппаратом. Отметим, что понимание добра и зла специфично и отличается от европейских представлений. *Добро* понимается как следование природе: человек следует природе, а совершенная природа не знает добра и зла. Поэтому и человеческая природа лишена как добра, так и недобра. Добрыми или злыми могут быть лишь те формы, в которых она реализуется, а это вопрос усвоения норм поведения. В свою очередь, *зло* трактуется как то, что *не согласуется с природой и красотой*, нарушает гармонию.

Сверхзадачу японской литературы можно определить как задачу *постижения гармонии и красоты мира и передачи всей возможной гам-*

мы чувств, ощущений, переживаний человека. В этом отношении русская и японская литература сближаются. Поэтому русская литература может быть интересна японскому читателю, так же как японская литература с интересом читается в России. Помимо прочего, это проявляется в сближении «смысловых полей» в художественных произведениях. Описания чувств, выявление человеческих характеров, «зарисовки» чувств и мыслей часто становятся главной темой художественных произведений. Это можно ясно увидеть, если сравнить жанр короткого рассказа в русской и японской литературе с жанром короткого рассказа в английской литературе. В английском рассказе главную роль обычно играет сюжет – 'plot' и в конце рассказа обязателен некий вывод, идея («message»), что редко встречается в японских или русских коротких рассказах-зарисовках; см. например, рассказы Чехова.

Следует иметь в виду, что духовные пространства разных культур характеризуются не только особым составом смыслов, чувств, знаний и т. п., но и *способами* организации мышления.

Способы организации мышления во многом задаются языком (наличие или отсутствие грамматических категорий – категории рода, числа, локальных падежей; наличие или отсутствие иероглифики, особенности формирования лексического состава языка и т. д.);

(2) совмещение культур на уровне смыслов, задаваемых со стороны языка.

Вся человеческая культура «скреплена» языком. В то же время «языковой материал» в двух языках может различаться в очень большой степени, как в случае японского и русского языков.

Язык развивает лексику в наиболее значимых для культуры областях. Так, в русском языке чрезвычайно развита система прилагательных – их в пять раз больше, чем, скажем, в английском языке. Причем благодаря наличию суффиксов, например уменьшительно-ласкательных, возможно выражение разнообразных оттенков смысла. Обширную группу составляют глаголы движения (последние не только трудно переводить, но из-за нюансов передаваемых значений и объяснить иностранцу их специфику бывает практически невозможно).

Если смысловые поля западно-европейских языков (германской и романской групп), – например, английского, немецкого, французского, итальянского, испанского, – близки друг к другу, то русский в этом отношении от них значительно отличается. Еще в большей степени отличается от других языков словарный состав японского языка, в том числе и от русского, хотя развитая система прилагательных в этих двух языках несколько расширяет спектр возможностей перевода (насколько это облегчает работу переводчика, другой вопрос).

Отдельные пласты лексики могут быть чрезвычайно развиты в одном языке и практически отсутствовать в другом. Так, в японском обнаруживается *«дробность»* выражения жизненно важных понятий, таких как 'рис', 'рыба'. Также отличительной особенностью японского языка является богатство лексики, описывающей эмоции и эстетическое состояние, наличие «сезонной лексики» (названия растений, животных, птиц и т. п., вызывающих ассоциации с определенным временем года). Развита лексика, передающая цвет (более 200 наименованийй, причем глаз японца различает эти (в нашем понимании) «оттенки». В западно-европейских же языках в целом небольшой пласт лексики, передающей аналогичные понятия.

Лексический состав языков значительно отличается и в количественном отношении.

На основании изучения языка художественной литературы Минами Хироси в книге 記憶術 *киокудзюцу* «Техника запоминания» [8] заключает, что во французском языке 5 тыс. высокочастотных слов покрывают 96 % текста, в английском языке это количество слов охватывает 93,5 % текста. В японском же языке, как установлено на основании обследования 90 журналов, количество необходимых слов гораздо больше: чтобы понять 93,5 % японского текста, необходимо свыше 15 тыс. слов, а чтобы понять 96 % текста, уже необходимо 22 тыс. слов. Поэтому иностранцам, чтобы читать по-японски, недостаточно знать 10 тыс. слов, требуется более 15 тыс. слов.

Особый пласт лексики составляют культурно-специфические понятия. Русское понятие 'тоска' практически невозможно перевести ни на один другой язык. Японское 思いやり *омоияри* указывает на необходимость интуитивного понимания невыраженных чувств, желаний, мыслей собеседника, а затем на основе этого совершение каких-либо благоприятных действий на основе этого понимания. Немецкое Schadenfreude означает радость от неудачи другого. Японское うらやましい *ураямасий* отлично от русского 'зависть' или английского 'jealousy', это понятие скорее передает восхищение собеседником. Поэтому в японский вошло

ジーエロシ *дзероси* (‘jealousy’) с соответствующим значением, не свойственным ранее японской культуре.

Язык развивает лексику, используя имеющийся лексико-грамматический потенциал. В переводе выявляется различие возможностей, предоставляемых тем или иным языком. Так, Накамура Хадзимэ указывает на отсутствие в японском языке инфинитива, а следовательно, и способа передачи абстрактной идеи, неопределенной ситуации, отношения и т. д.; отсутствие продуктивного способа образования абстрактных имен от глаголов и от прилагательных [6]. В то же время японский язык благодаря наличию иероглифики развил особую эстетику языка. Наиболее характерный пример – 俳句 хайку, самая краткая в мире форма литературного произведения. Будучи написанным на какэдзику мастером каллиграфии, хайку приобретает новые смыслы (текст получает возможность прочитываться нелинейно: значения и смыслы всех слов как бы присутствуют одновременно в поле понимания «зрителя–читателя» и начинают перекликаться между собой, создавая все новые смыслы; помимо прочего, смысловые образы создаются и передающими смысл компонентами иероглифов, а также стилем их написания и т. д.).

Перевод подобных культурно- и языковоспецифичных текстов, художественных и философских в первую очередь, составляет большую проблему для переводчика, который вынужден «бороться» с языком оригинала, чтобы передать близкий или сходный смысл на другом языке.

3. «Где» непосредственно встречаются культуры и языки в ситуации перевода? (культурнозначимые характеристики переводческой деятельности и проблема адекватных переводческих решений).

Культуры и языки встречаются *в переводческой деятельности*. Когда говорят, что перевод сделан хорошо, часто имеют в виду равенство значений оригинала и перевода, хотя в действительности это недостижимо, так как материальное представление значений принципиально различно в разных языках. Все, кто занимался переводом, знают, что значение слова, взятое из словаря, не обязательно будет представлено в окончательном переводе.

Дело здесь не в том, что словарь не способен дать всех значений, а в том, что *невозможно смоделировать все возникающие отношения*. *Отношения между словами, из которых рождаются смыслы, возникают в ситуации, в деятельности*, а в словарь входит лишь инвариант отношения.

В деятельностной теории перевода [1] *перевод трактуется как деятельность по интерпретации текста*, поскольку перевод всегда является содержательным вариантом исходного текста. Отметим, что в деятельностной теории перевода рассматриваются важнейшие составляющие перевода как особого вида деятельности по *пониманию* (*понимание как организованная рефлексия*) и *интерпретации* (*интерпретация как высказанная рефлексия*) текста, и она основывается на четком разведении понятий ‘смысл’ и ‘значение’, а также на базовых представлениях СМД-методологии о деятельности.

Культуры различаются *на уровне предметных представлений* и *на уровне культурных смыслов*.

Если понимать перевод как интерпретацию, то *уровню предметных представлений следует предпочесть уровень культурных смыслов.* Русская *'каша'* может быть переведена для японского читателя как 粥 *о-каю* без особой потери смысла (お粥 *о-каю* «жидкая, сваренная на воде рисовая каша»).

Перевод, понимаемый как интерпретация, ориентирован прежде всего на *понимание* текста как *совокупности культурных смыслов.* Поэтому переводчик должен в первую очередь *ориентироваться в принципах организации и функционирования текста в каждой из двух культур*. Также следует учитывать, что каждый текст является представителем определенного *жанра и стиля,* за каждым текстом стоит целый корпус *прецедентных текстов* (*интертекстуальность*).

Так, например, специфическими характеристиками **философских текстов** являются высокая степень *интертекстуальности* (вся европейская философия представляет собой попытку разнах философов ответить на одни и те же вопросы, которые были заданы философами Древней Греции, и поэтому все философские тексты «разговаривают» между собой) и так называемое «*языковое мышление*». Перевод философских текстов требует максимально возможного сохранения в переводе «*буквальных*» смыслов текста-оригинала. Сделать это собственно в тексте обычно оказывается невозможным даже в близкородственных языках. Поэтому эту функцию выполняют *комментарии*. В отдельных случаях комментарии значительно превышают по объему переводимый текст (переводы Мартина Хайдеггера, переводы древнекитайской классики и т. п.).

Тексты *художественной литературы* должны быть понятны читателю на уровне чувств, поисков смысла жизни и т. д., поэтому иногда возможно точной передаче смыслового поля чужой культуры следует предпочесть уровень «*художественности*» текста-перевода. Текст должен быть написан хорошим языком, чтобы читатель мог получать удовольствие от чтения. Вспомним, что в японской культуре центральной задачей писателя или поэта является установление и передача в художественном произведении некоторой эмоциональной связи с передаваемым предметом или миром. Эта задача выражается понятием японской эстетики 余情 *ёдзё:*, которое можно перевести как «душевный отклик, который возникает у читателя».

Культурный смысл переводческой деятельности определяется тем, что благодаря переводу *культуры могут обмениваться художественными ценностями*. Поскольку состав жанров в разных культурах не совпадает, в переводящую культуру может *транслироваться* не только текст, но и *жанр*. В качестве примера можно указать на «бум» 俳句 хайку в мире, хотя на других языках возможна передача только одного уровня смысла – обычно это «неожиданное» совмещение некоторого события и чувства. Космический (философский) смысл, ощущение времени, а также дополнительные смыслы, порождаемые иероглификой (漢字は雰囲気がある *кандзи га фун'ики га ару* «иероглифы создают (особую) «атмосферу») не могут быть переданы.

В русскую культуру из английской вошли лимерик и сонет; в европейские культуры из русской – былина.

Проблема адекватных переводческих решений связана с очень многими вещами, о которых мы говорили выше. Отметим здесь, что научение *переводческим соответствиям и трансформациям*, подбору оптимальных *эквивалентов и субститутов* для элементов исходного текста не гарантирует высокой переводческой компетенции (ср. знакомую всем из курса сравнительной типологии английского и русского языков рекомендацию: «…английские герундиальные обороты следует преводить на русский придаточными предложениями»). Соответствия, культурные реалии и возможные трансформации неисчислимы, список их всегда открыт.

Для принятия адекватных переводческих решений необходимо учитывать, как указывает Н.Л. Галеева, требование передачи в тексте-переводе *содержательности* и *художественности* текста-оригинала. Первое – означает передачу в переводе *содержания* исходного текста, которое в самом общем виде состоит из суммы значений текста. Требование «художественности» обращено к *смысловой структуре и художественным параметрам* текста [1].

Также следует иметь в виду, что текст – это одновременно *и динамический, и статический объект*. В нем могут актуализироваться и «замирать», а затем актуализироваться вновь разные смыслы, появляться совершенно не предусмотренные автором смыслы. С другой стороны, следует принимать во внимание закономерности *«жизни» текстов-переводов* в переводящей культуре (степень аксиоматичности утверждения о том, что перевод устаревает быстрее оригинала, необходимость повторения переводов одного и того же текста).

Но не все так пессимистично. Многие удачные переводы на разные языки свидетельствуют о принципиальной возможности трансляции *художественности как культурной ценности текста*.

Таким образом, можно заключить, что *культурный смысл деятельности переводчика составляет работа с содержаниями, понятиями и смыслами текста-оригинала и текста-перевода, которая осуществляется как сочетание понимания и интерпретации*. Перевод как культурная задача является важнейшим средством развития мировой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галеева, Н.Л. Параметры типологии художественных текстов в деятельностной теории перевода / Н.Л. Галеева. – Екатеринбург, 1999.

2. Галеева, Н.Л. Культура как перевод / Н.Л. Галеева. – Тверь, 2005.

3. Гарбовский, Н.К. Святой Иероним – покровитель переводчиков / Н.К. Гарбовский // Язык и культура. Лингвистика, поэтика, сравнительная культурология, теория перевода. – М., 2001. – С. 92–108.

4. Леви-Стросс, К. Место японской культуры в мире: доклад на конференции в Киото, 1988; опубликован в ж. Chuo koron в 1990; цит. по: Б. Вальденфельс. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «чужом» // Логос. – М.: Гнозис, 1994. – № 6. – С. 77–94.

5. Lefevere, Andre. Topics in Translation / A. Lefevere // In Susan Bassnett ed. Constructing Cultures: Essays on Literary Translation, Clevedon: Multilingual Matters, 1998.

6. Nakamura, Hajime. Ways of thinking of Eastern Peoples / H. Nakamura. – Honolulu: The Univ. Press of Hawaii, 1981.

7. Nishida, Kitaro. Art and Morality / K. Nishida. – Honolulu: The Univ. Press of Hawaii, 1979.

8. 南博 *Минами Хироси* 記憶術 *Киокудзюцу* «Техника запоминания». – Токио, 1995.

ИНТЕГРАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОСФЕР В НОВОЗЕЛАНДСКУЮ КОНЦЕПТУАЛЬНУЮ КАРТИНУ МИРА

О.В. Николаева

Николаева Ольга Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории английского языка Института иностранных языков Дальневосточного государственного университета.

Исследование посвящено теоретическим проблемам интеграции этнических концептосфер в новозеландскую национальную картину мира. В статье рассмотрены некоторые фрагменты океанийской и китайской концептосфер в составе новозеландской картины мира.

Ключевые слова: концепт, этноконцептосфера, этническая картина мира, новозеландский английский, маори, пакеха, океанийский.

Новозеландская национальная концептуальная картина мира исторически сложилась как двуполярная, представленная взаимодействием двух систем миропонимания: коренного населения (маори) и европейских переселенцев (пакеха).

Однако реалии сегодняшнего дня таковы, что столь очевидная двуполярность концептуальной картины мира новозеландцев постепенно уступает место еще не столь заметной, но быстро набирающей силу тенденции к многополярности. Речь идет о множественных интеграционных процессах в рамках общенациональной концептуальной картины мира, которые заключаются в абсорбации последней разнообразных этнических концептосфер.

Следует заметить, что в отечественных штудиях термины «концептуальная картина мира» и «концептосфера» зачастую используются недифференцированно. Поскольку это неприемлемо для нашего исследования, постараемся их разграничить. Концептуальная картина мира каждого этноса как система мнений, представлений, знаний о мире закрепляет познавательный опыт человеческого коллектива, сформировавшийся в условиях определенной географической и социокультурной среды [2: с. 20]. Полагаем, что концептуальная картина мира состоит из концептов и особым образом структурированных концептуальных кластеров, т. е. концептосфер. Таким образом, концептосфера входит в концептуальную картину мира на правах составляющей и охватывает собой лишь определенную область культуры [1: с. 127]. В нашем исследовании этой областью является та или иная этническая культура, и только в том ее виде, в каком она представлена в Новой Зеландии. В свете вышесказанного такие концептосферы в данной работе названы этническими или иначе этноконцептосферами.

Представляется, что этнические концептосферы – это не что иное, как определенным образом представленные в Новой Зеландии концептуальные картины мира этнических меньшинств, здесь проживающих. Вполне естественно, что мы имеем в виду прежде всего те этнические меньшинства, влияние которых становится все более заметным.

Позволим себе предположить, что при столкновении с принимающей общенациональной системой мировидения этнические картины мира «сворачиваются» до размеров концептосфер и в таком «свернутом» виде стремятся к интеграции. Такое «сворачивание» происходит в основном потому, что в условиях иммиграции представители этнических меньшинств подвержены давлению общего доминирующего концептуального и языкового пространства. С изменением стиля жизни и окружения многие и многие этнические концепты теряют актуальность, вследствие чего эмигранты переживают в некотором роде «выхолащивание» и опустошение своих этнических концептуальных систем, а также зачастую перестают пользоваться родным языком. Это особенно характерно для молодых иммигрантов и иммигрантов, начиная со второго поколения.

Позволим себе небольшое отступление для обоснования этого положения. Весьма любопытными, например, представляются языковые выражения, передающие стремление выходцев из стран Океании к ассимиляции с общей культурой Новой Зеландии. Такие выражения существуют в языках самих иммигрантов из островных стран Тихого океана. Так, в языке Самоа возникло специальное выражение «**fia palagi»** со значением "***wanting to be like a European***" [17]. Иммигранты из Самоа первого поколения (***Island-born Samoans***) воспринимают своих мо-

лодых соотечественников иммигрантов второго поколения (***New Zealand-born Samoans***), которые быстрее и легче адаптировались в новой культурной среде Новой Зеландии как этнических аутсайдеров: «…Even ***New Zealand-born Samoans*** who have two Samoan parents are often ***excluded*** and ***marginalised by older, Island-born Samoans***. They are perceived as being "***fia palagi***", that is, ***wanting to be Palagi (white***) and often have ***limited ability to speak Samoan***» [4]. Молодое поколение утрачивает не только этнические традиции, но и даже глубинные когнитивные установки: «***Young Samoans*** … are seen to be ***going against Fa'asamoa (the Samoan way) in which politeness, courtesy, and respect for one's elders are paramount***» [4]. Возвращаясь на родину, многие выходцы из стран Океании критически осмысливают традиционные этнические ценности: «Many younger Pacific people returning home see ***traditional value structures as inconsistent.***..» [16].

Эти примеры подтверждают выдвинутые ранее положения о давлении общего доминирующего концептуального и языкового пространства, влекущего за собой «выхолащивание» и опустошение этнических концептуальных систем иммигрантов.

В новозеландском английском эта тенденция также нашла свое отражение. Так, любопытным является слово potato, существующее в новозеландском сленге. Согласно лексикографическим источникам, potato – темнокожий полинезиец, ведущий европейский стиль жизни «…a Polynesian brown on the outside, white within» [9]. Интересен и образ картофелины, положенный в основу номинации. Так фиксируется в языке стремление выходцев из Океании к ассимиляции с общей культурой Новой Зеландии.

Так, наиболее значимые для этнического сообщества концепты те, в которых в наибольшей мере воплощены глубинные когнитивные установки, существующие в этническом коллективном бессознательном, имеют больший шанс сохраниться в новых условиях эмиграции. Однако это еще вовсе не означает, что эти концепты способны со стопроцентной вероятностью интегрировать в принимающую общенациональную картину мира. Основное условие для интеграции этих концептов – их релевантность для всего новозеландского концептуального пространства, что возможно при соответствующих благоприятных условиях. Такие жизнеспособные концепты, как правило, находят свою нишу в общенациональной картине мира и развиваются в ней далее.

Суммируя все сказанное, подчеркнем, что концепты, присущие той или иной этнической группе и интегрированные в новозеландскую картину мира и составляют в ней этноконцептосферу. Каковы же наиболее значимые этноконцептосферы в новозеландской концептуальной картине мира (далее ККМ), и почему они так или иначе закрепились в коллективном сознании новозеландского общества нам и предстоит выяснить.

Согласно статистическим данным, этническими меньшинствами, которые все заметнее позиционируют себя в Новой Зеландии, сегодня являются азиатская преимущественно китайская диаспора и переселенцы из островных Тихоокеанских государств и территорий. Каждый пятнадцатый в Новой Зеландии является выходцем из азиатских государств (прежде всего, Китая) и каждый шестнадцатый – из государств Океании: Самоа, Тонга, Фиджи, острова Кука и др. [3: p.113]. Согласно другим источникам, азиатская диаспора составляет 9,2 % населения, полинезийская – 6,9 % [11]. Для сравнения отметим, что коренное население маори составляет 14 %. Как видим, цифры вполне сопоставимые. При этом на фоне стабильной отрицательной динамики процентной доли пакеха (1991 г. – 83 %, 2001 г. – 73 %, 2006 г. – 67 %) [6] нет ничего парадоксального в том, что в дальнейшем маорийская, китайская и тихоокеанская культуры будут оказывать все более значительное влияние на состояние национальной концептуальной картины мира новозеландцев. Уже сегодня в ней стали заметны процессы интеграции китайской и островных океанийских этнических концептосфер.

Сам механизм интеграции этноконцептосфер в более крупное образование – общенациональную концептуальную картину мира, отмеченную двуполярностью, очевидно, не прост и нуждается в специальном теоретическом обосновании. Прежде всего, следует учитывать, что интеграция подобного рода не сводится к простой сумме исходных величин. Итоговый результат, как и его составляющие, оказываются помноженными на целый комплекс дополнительных условий. Это показало выполненное нами ранее исследование вхождения фрагментов концептуальной картины мира маори в новозеландскую общенациональную концептуальную картину мира [2]. В этой работе мы утверждали,

что в процессе созидания нового образования эволюции подвергается все – и исходные составляющие, т. е. те концептуальные системы, которые вступили во взаимодействие, и результат, т. е. общенациональная концептуальная картина мира. Все эти величины обновляются: они уже не те, что были до взаимодействия. Так, например, мировидение маори после длительного контакта с европейцами уже совсем не то, что было до него. А концептуальная картина мира пакеха (именно пакеха, а не британцев, т. е. уже после контакта с маори) уникальна по сравнению с общеевропейской или британской. Результат, полученный в процессе взаимодействия, т. е. единая концептуальная картина мира новозеландцев – это совокупность концептуальных картин мира маори и пакеха, помноженная на совместную практику языковых коллективов, особенности их психологического склада, общность географической и природной среды, удаленность от остального мира и так далее.

В свете вышесказанного интеграция других концептуальных систем, а в частности островной океанийской или китайской этноконцептосфер, представляется еще более сложной, потому что исходных величин становится больше. В условиях современной новозеландской двуполярной концептуальной среды есть все основания выделить, по крайней мере, три картины мира, занимающих более доминантное положение по отношению, например, к океанийской островной этноконцептосфере: ККМ пакеха, ККМ маори и общенациональная ККМ. Существуют и относительно равные концептуальные системы, например, китайская этноконцептосфера. Таким образом, гипотетически, интеграция океанийской этноконцептосферы может осуществляться в ходе следующих процессов:

1) взаимодействия океанийской концептуальной картины мира с концептуальной картиной мира пакеха («ККМ Океании → ККМ пакеха»);

2) взаимодействия океанийской концептуальной картины мира с концептуальной картиной мира маори («ККМ Океании → ККМ маори»);

3) взаимодействия океанийской концептуальной картины мира с общенациональной концептуальной картиной мира новозеландцев («ККМ Океании → общенациональная ККМ »);

4) взаимодействия океанийской концептуальной картины мира с другими этническими картинами мира, например, китайской («ККМ Океании → китайская ККМ »).

Знак → символически указывает на столкновение картин мира и стремление к интеграции одной картины мира в другую. Следует учитывать, что разделение на такие направления в известной степени условно и схематично. Обозначенные векторы не всегда параллельны друг другу, но способны к пересечению, схождению и расхождению. Например, концептуальная картина мира пакеха явно доминировала в общенациональной картине мира новозеландцев практически до 80-х годов XX века. Вследствие этого первое и третье из вышеупомянутых направлений в этот период могли давать сходные результаты. В настоящее время стали заметны существенные изменения в коллективном сознании всего новозеландского общества. Таким образом, размежевание этих направлений становится очевидным. Считаем, что анализ направлений интеграционных процессов не может быть выполнен без учета эволюции как всех составляющих, так и общего целого.

Соответственно, рассматривая интеграцию китайской этноконцептосферы, гипотетически следует учитывать сходные типы взаимодействия: с концептуальной картиной мира пакеха, маори, общенациональной картиной мира и другими ККМ.

Наиболее эффективным способом изучения единиц ментального уровня – концептов, концептосфер и концептуальных картин мира – является, на наш взгляд, анализ языковых данных. Проиллюстрируем ряд выдвинутых теоретических положений на конкретных языковых примерах, найденных в новозеландском английском.

Для начала попробуем показать некоторые фрагменты океанийской этноконцептосферы в новозеландской концептуальной картине мира. По-видимому, отправной точкой интеграции следует считать концепт PACIFIC ISLANDER. Очевидно, формирование такого обобщенного концепта в сознании его носителей и его интеграция в новозеландскую ККМ происходили почти параллельно. ***Повседневное*** осознание иммигрантами самих себя в качестве представителей не только своей исторической родины (Самоа, Фиджи, Тонга и др.), но и более обобщенно – всей Океании, случилось уже на новой родине. Судя по языковым примерам, в Новой Зеландии возникает обобщенная океанийская этническая идентичность, весьма часто называемая словом ***Pasifika***: «*…**Pacific Islanders emphasise their common history** ... **Pacific Islanders*** with a ***broader ethnic identity*** … developed new music, fashion, customs and ways of speaking. This distinctive identity is sometimes referred to as ***Pasifika Aotearoa***» [18]. Ничто так не сближает имми-

грантов в чужой для них стране, как общность культур. С другой стороны, сходное отношение к себе со стороны остального общества также способствует единению представлений о своей идентичности. Иногда эту обобщенную этническую идентичность называют словом ***nesians*** от ***Polynesians***.

Именно концепт PACIFIC ISLANDER и явился тем центром притяжения, вокруг которого сформировалась целая орбита из тематически связанных концептов, образовавших океанийскую этноконцептосферу. Особенно бурно концепт PACIFIC ISLANDER развивался во второй половине XX века. На этот период пришлась основная волна иммиграции из островных государств Тихого океана [3: с. 69]. В 60-х годах прошлого века сложилась лексема «***coconut»***, интересная своей внутренней формой. Кокосовый орех, с одной стороны, является неким символом тихоокеанских культур, а с другой – фиксирует цвет кожи выходцев из Океании. Таким образом, лексема «***coconut»*** подчеркивает признаки «Polynesian ethnicity» и «brown skinned». Кроме того, в определениях содержится помета «dismissive» или «offensive». В 60-х годах XX века это оскорбительное прозвище стояло в одном ряду с «boonga» и «nigger»: «…***Coconut***» – other kids would say. Or people would yell «***boonga***» from car window. Or «***nigger***» [13]. Презрительные выкрики «coconut» в отношении выходцев из островных территорий слышались повсюду. Анализ этой лексемы демонстрирует, что для новозеландского общества 60-х годов XX века, среди которого в этот период преобладает ККМ пакеха, доминантными были признаки темного цвета кожи, чуждости и негативного отношения. Это пример столкновения типа «ККМ Океании → ККМ пакеха». Можно также говорить и о типе «ККМ Океании → общенациональная ККМ», поскольку в тот момент она была практически тождественна ККМ пакеха.

Однако весьма интересным фактом является то, что в словарях последних лет издания отмечена смена коннотации: coconut – «Pacific Islander, a dismissive term in 1960s, ***now positive»*** [9]. Современные контексты подтверждают наличие позитивной оценки: «I pause for a moment to ***honour them.*** ... those young ***"coconuts***" willing to go head to head ***intellectually***! ... They are ***wonderful Pacific men*** in my life!» [19].

Об этом же факте свидетельствует и дальнейшее развитие лексемы, а именно ее вхождение в состав устойчивого сочетания ***coconut tackle***, означающего особый вид спортивного приема в регби. Словарное определение этого устойчивого сочетания – «head-high tackle», т. е. «высокий» захват на уровне головы [9]. Вероятно, здесь отражена ассоциация с высоким ростом спортсменов полинезийского происхождения и с их хорошей спортивной формой. В марте 1997 г. тренер по регби Китч Кристи так прокомментировал это выражение в средствах массовой коммуникации: «I never considered the term racist. It is like referring to it as a ***mango*** tackle» [9]. В этом случае доминантным признаком становится «sporting», т. е. физическая ловкость и хорошая спортивная форма полинезийцев, что является весьма позитивным для общенациональных интересов в спорте. Анализ других контекстов также указывает на усиление данного признака в содержании концепта PACIFIC ISLANDER: «You need to watch an All Black or Kiwis game .....to see the ***important role Pasifika*** people play in our ***nation's sporting success***» [16]. В этом примере прослеживается тип интеграции: «ККМ Океании → общенациональная ККМ» и, вероятно, в подобных случаях целесообразно вести речь скорее об интеграции дополнительных концептуальных признаков, нежели концепта, поскольку он был интегрирован ранее.

Весьма интересным представляется сочетание ***tangata Pasifika,*** которое отражает интеграцию типа «ККМ Океании → ККМ маори». В языке маори выражение ***tangata whenua*** означает «people of the land». Это сочетание отражает духовную связь коренного народа с землей, подчеркивает исконность маори в своей стране. По аналогии с ним образовалось и новое сочетание, которое относится к этническим группам Океании, проживающим в Новой Зеландии. Отношения маори и представителей этих родственных им этнических меньшинств неоднозначны. Различие между ними достаточно велико: «The ***older sibling/younger sibling*** relationship between ***tangata whenua*** and ***tangata Pasifika*** has always been ***awkward***. The ***world views*** and ***lived experiences***, the ***histories*** and a***spirations*** of Maori and Pacific Islanders in New Zealand are ***differrent*** ...» [15]. Однако, несмотря на все различия, сам факт использования лексемы ***tangata*** в сочетании с ***Pasifika*** свидетельствует, пусть еще не о фактическом равенстве выходцев из Океании с коренным народом Новой Зеландии маори, но хотя бы о подсознательной готовности к признанию такого равенства.

Любопытной с точки зрения внутренней формы и плана выражения является лексема «***hu-***

lahaka», ярко отражающая взаимодействие концептуальных картин мира выходцев из Океании и маори. Лексическая единица сложилась сравнительно недавно в 90-х годах XX века и обозначает лицо смешанного происхождения: тихоокеанского и маори: «A person of mixed Maori and Pacific Island descent» [9]. Лексема «***hulahaka»*** образовалась путем словосложения от ***haka*** из языка маори и ***hula*** гавайского происхождения. Оба слова служат наименованием особого рода танца, свойственного маорийской и гавайской культурам.

Так, haka (обрядовый танец хака) в маорийской культуре – церемониальный мужской, первоначально военный танец, сопровождающийся речетативом: «war-like chant with actions» [10]. Хака исполнялся перед сражением для поднятия боевого духа и символического устрашения врага. Выражение лица и глаз при этом действе было ужасающе свирепым, и это впечатление дополнялось быстрым движением вытянутого вперед языка, устрашающими жестами и возгласами. В заключение один из воинов бросал в сторону неприятеля копье. Даже сегодня хака щекочет нервы зрителей во время посещения традиционного представления в маорийском доме собраний.

Таким образом, танец хака в символической форме передает особенности самобытной и некогда очень воинственной культуры маори. Хака отражает целый комплекс ассоциаций, связанных с маори-воином, среди которых физическая ловкость, неустрашимая воля, вызов, граничащий с агрессивностью, кураж и проявление неподдельного интереса к незнакомому и незнакомцам.

О значимости этого образа свидетельствует и его дальнейшее развитие в качестве концептуальной метафоры. Так, яркий концептуальный признак challenge to stranger (вызов, брошенный чужаку) послужил основой для формирования нового признака sports challenge. В результате хака стал ассоциироваться с церемониальным построением, принятым среди спортивных команд (например, в школе) перед соревнованием, как утверждение своей силы (духовной и физической): «…a chanted challenge offered by some sports teams at the beginning of a contest» [8].

Гавайский танец hula-hula (хула-хула) значительно отличается от воинственного, мужского маорийского хака. Когда-то хула-хула был частью религиозных обрядов и сопровождался произнесением особых заклинаний. Считается, что впервые его исполняла богиня, вследствие чего танец и стал священным ритуалом. Сегодня хула-хула – просто танец, который исполняют женщины, как будто рассказывая свою историю при помощи движений бедер и рук: «…a Hawaiian dance in which intricate hand and arm movements tell a story»[8], «a Polynesian dance, involving gentle rocking movements of the hips performed by women» [7]. Танец предполагает специальный наряд, важнейшим элементом которого является юбка из травы (hula skirt).

Таким образом, благодаря известности образов полинезийских танцев хака и хула-хула, они стали в Новой Зеландии еще и обобщенными символами маорийской и океанийской культур, соответственно на что и указывает лексема «***hulahaka»***. Тот факт, что внутренняя форма этого слова сложилась с использованием образа танца, не случаен, поскольку танец – важная часть океанийской культуры вообще (в том числе и маорийской): «Being a ***Pacific Islander***, a lot of that involves singing and ***dancing***. That's ***part of all of our cultures***... and you're raised with that singing and ***dancing*** in everything you do» [12].

Лексема «***hulahaka»*** отражает взаимодействие концептуальных картин мира выходцев из Океании и маори: «ККМ Океании → ККМ маори».

Последний из предложенных нами гипотетически возможных типов интеграции касался взаимодействия океанийской ККМ с китайской ККМ. Таких примеров нам найти не удалось. Вероятно, статус этих картин мира в Новой Зеландии не позволяет им контактировать в достаточной мере. Таким образом, интеграция океанийской ККМ происходит по трем основным направлениям: взаимодействие с ККМ пакеха, маори и новозеландской национальной ККМ.

Рассмотрим несколько фрагментов китайской этноконцептосферы в новозеландской концептуальной картине мира. Китайские иммигранты начали прибывать в страну во второй половине XIX века (с 1865г.) во времена золотой лихорадки. Первоначально они в большом количестве селились в Отаго и Вестленде. С этого времени здесь и начала формироваться китайская этноконцептосфера. Представление о китайском иммигранте первой волны в основном сводится к образу китайца-золотодобытчика. Рано возникшее прозвище китайца-золотодобытчика ***John,*** или ***John Chinaman*** явно свидетельствует об интеграции данного концепта по типу «китайская ККМ → ККМ пакеха».

Необходимо отметить, что большинство ранних языковых примеров свидетельствуют о негативном отношении к выходцам из Китая. Сочета-

нием «***chinese lady***», например, в XIX веке называли на Южном острове туалет с намеком на презрение к китайским золотодобытчикам: «South Island toilet, indicative of low regard for chinese miners» [9]. Все тоже презрительное отношение прослеживается в выражении «***luck of a chinaman***», которое служит для обозначения очень большой удачи часто с подтекстом, что она не заслужена: «…Very luck, enjoying good fortune, sometimes implication you do not deserve it» [9].

Последствия ранней интеграции и сложение негативного образа китайского иммигранта оказались весьма ощутимы и для других концептов китайской этноконцептосферы. Например, представление о традиционной китайской пище сформировалось в том же ключе: ***chinese ballast –*** (презрительное). В целом концепт ЕДА одним из первых проявил способность к интеграции. При этом, попадая в новозеландскую ККМ, т. е. чуждую для него среду, он подвергся соответствующей трансформации. Развиваясь далее уже в рамках новозеландской культуры, этот концепт стал метафорой и пополнил китайскую этноконцептосферу. Так, новозеландский английский изобилует выражениями с компонентом ***chow***. Этим словом называют и еду вообще, и самого представителя китайской диаспоры.

Выражение ***flash as a chow on a red bike*** возникло в ту же раннюю эпоху золотодобычи для обозначения чего-то нарочито показного, слишком яркого. Образность достигается посредством сочетания цветов – желтого (цвет кожи) и красного. ***Chowchow*** – желтый овощной маринад, также по ассоциации с цветом кожи китайца: «…yellow pickles, from Chinese perceived as yellow in skin pigment» [9]. Согласно лексикографическим источникам, данная лексема известна не только в Новой Зеландии, но и, например, в Австралии. В новозеландском английском ее сопровождает негативная коннотация, которая досталась ей вместе с образом осевшего в стране китайца, который после золотой лихорадки занялся овощеводством: «…a term of contempt that followed Chinese into market gardening» [9]. Историк М. Кинг отмечает, что в глазах новозеландцев это было единственное, на что китайцы оказались годны: «... market gardening and retailing fruit and vegetables, occupations which other New Zealanders eventually came to regard as ‘appropriate’ for their Chinese compatriots» [5: с. 369]. Таким образом, в вышеназванных примерах подчеркивается прежде всего цвет кожи, что может быть отражением интеграции типа «китайская ККМ → ККМ пакеха».

Напомним, однако, что в этот период ККМ пакеха была практически тождественна общенациональной ККМ. Как отмечает М. Кинг, по некоторым аспектам страна в то время была более британской, чем сама Британия: «… the country became in some respects ‘more British’ than Britain itself...» [5: с. 175]. Уже с прибытием первых китайских иммигрантов парламент принял ряд законов, устанавливающих налог на въезд для китайцев, а корабли могли ввезти на борту лишь одного китайца на каждые двести тонн груза. Эти меры были призваны ограничить приток китайских иммигрантов [5: с. 369]. Все эти факты свидетельствуют о том, что вышеприведенные примеры скорее отражают оба типа интеграции «китайская ККМ → ККМ пакеха» и «китайская ККМ → общенациональная ККМ».

Хотя налог отменили в 1944 году, а также было принесено официальное извинение китайской диаспоре за многолетнюю дискриминацию, новая волна иммиграции из Китая породила те же страхи. Многие пакеха чувствуют угрозу безопасности по мере того, как усиливается этническое разнообразие Новой Зеландии [5: с. 506]. Вследствие этого негативная оценка продолжает присутствовать и при дальнейшей интеграции китайской этноконцептосферы. Вот, например, одна из сравнительно недавно созданных лексем ***Chowick***. Согласно словарным определениям, это пригород Окленда Howick, где в 1990-е годы селилось много китайцев: «Auckland suburb of Howick, drawing ***dismissive*** attention to where many Asian immigrants settled in 1990s» [9].

Интересно, что в отношении китайцев и других иммигрантов из Азии сегодня все более заметной стала тенденция к обобщению их этнической идентичности (подобно обобщенной этнической идентичности выходцев из Океании). Вследствие этого этнических китайцев часто называют словом ***kiwiasians***. Увеличение китайской диаспоры и связанные с этим опасения зафиксированы в слове ***kiwiasaition***. Данная лексема отражает взаимодействие китайской ККМ с новозеландской национальной ККМ, так как слово ***kiwi*** обобщает собой всех новозеландцев и не акцентирует происхождение.

В целом сегодня элемент Asia все чаще ассоциируется с образом китайца и фиксируется в языковых выражениях. Например, другой пригород Окленда Pakuranga, где также обосновалось значительное количество выходцев из Азии (Китая, прежде всего), в тот же период (1990-е) был назван в газетах ***Paka-Asia*** [9]. Первый элемент

paka в языке маори может иметь значения «a park, a box», что придает всему выражению некоторый ироничный характер. Этот пример отражает взаимодействие китайской ККМ и ККМ маори «китайская ККМ → ККМ маори» в рамках новозеландской концептуальной картины мира.

Сегодня китайских иммигрантов зачастую даже в прессе именуют словом ***banana*** (все та же ассоциация с цветом кожи). В некоторых источниках отмечается, что слово возникло в восьмидесятых годах прошлого столетия и первоначально использовалось китайскими иммигрантами первого поколения в отношении китайских же иммигрантов, родившихся в Новой Зеландии и ведущих европейский стиль жизни (желтый снаружи, белый внутри): «Disparaging term for New-Zealand-born Chinese, suggesting yellow on the outside, white within, used by Chinese immigrants about local Chinese from 1980s» [9]. Похоже, что сейчас и сами этнические китайцы в Новой Зеландии стали также использовать этот образ (но с иронией), чтобы привлечь внимание остального общества к своим проблемам. Например, ассоциация новозеландских китайцев организует ежегодные форумы, которые носят такие названия, как «***Kiwiasians***. Pack ***Banana*** Conference», «Crouching Tiger, Hidden ***Banana*** Conference», «Rising Dragon. Soaring ***Bananas***», or «***Going Bananas***: Multiple Identities» [14]. Везде прослеживается игра слов и ирония. Например, в последнем названии выражение ***to go bananas*** имеет сленговое значение «спятить, рехнуться»). Ирония касается тех страхов, которые существуют в стране не только в отношении китайской иммиграции, но и вообще нарастающего этнического разнообразия новозеландского общества.

По мнению многих, тот факт, что обобщенный портрет современного новозеландца стал гораздо смуглее – это объективная реальность, которая указывает на то, что страна принадлежит к азиатско-тихоокеанскому региону [14]. Вследствие этого можно предполагать, что интеграция этнических концептосфер в новозеландскую ККМ будет продолжаться.

Таким образом, в данной статье были обоснованы теоретические положения, касающиеся интеграции этнических концептосфер в национальную концептуальную картину мира. Рассмотрены лишь некоторые фрагменты интеграции океанийской и китайской этноконцептосфер в новозеландскую концептуальную картину мира. Представленные языковые факты свидетельствуют о трех основных типах интеграции этнических концептосфер в новозеландскую ККМ. Все эти примеры отражают взаимодействие с ККМ пакеха, маори и общенациональной ККМ. Примеров, указывающих на гипотетически возможное взаимодействие этнических ККМ между собой, не обнаружено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедько, М.Г. Время как когнитивная доминанта культуры. Сопоставление американской и русской темпоральных концептосфер: монография / М.Г. Лебедько. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 240 с.

2. Николаева, О.В. Взаимовлияние концептуальных картин мира маори и пакеха в условиях бикультурной среды Новой Зеландии / О.В. Николаева // Вестник НГУ: Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 2007. – Т. 5. Вып. 1. – С. 20–30.

3. Facts New Zealand/ Nicky Chapman. – Auckland: David Bateman Ltd., 2002. – 279 p.

4. Keddell, E. Pavlova and Pineapple Pie: Selected Identity Influences on Samoan-Pakeha People in Aotearoa/New Zealand // Kōtuitui: New Zealand Journal of Social Sciences Online, Vol.1.– 2006,– P. 45-63.

5. King, M. The Penguin History of New Zealand. – Auckland: Penguin Books, 2003. – 570 p.

6. McLauchlan, G. A Short History of New Zealand. – Auckland: Penguin Books, 2004.–216 p.

7. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Longman House, 1992. – 1528 p.

8. Reed Dictionary of New Zealand English (The)/ The first Dictionary of New Zealand English and New Zealand Pronunciation // Third Revised Edition / Orsman H.W. – Auckland: Reed Books, 2001. – 1345 p.

9. Reed Dictionary of New Zealand Slang (The)/All New Edition / David McGill. – Auckland: Reed Books, 2003. – 239 p.

10. Reed Essential Maori Dictionary (The)/ Ross Calman & Margaret Sinclair. – Auckland: Reed Books, 2003. – 147 p.

11. New Zealand Herald (The), December 7, 2006: URL: http://www.nzherald.co.nz/category/story.cfm?c_id=105&objected=10414201

12. New Zealand Herald (The), November 17, 2006: URL: http://www.nzherald.co.nz/event/story.cmf?c_id=791&objectid=10370934

13. New Zealand Herald (The), July 15, 2006: URL: http://www.nzherald.co.nz/topic/story.cmf?c_id=346&objectid=10391310

14. New Zealand Herald (The), November 17, 2006: URL: http://www.nzherald.co.nz/topic/story.cmf?c_id=58&objectid=10395188

15. http://www.radionz.co.nz/nr/programmes/the_macmillan_brown_lectures

16. http://www.scoop.co.nz/stories/PA0703/S00141.htm

17. http://www.TeAra.govt.nz/NewZealanders/NewZealandPeoples/Samoans/en

18. http://www.TeAra.govt.nz/NewZealanders/NewZealandPeoples/Tongans/mi

19. Huia Publishers, January 29, 2007: URL: http://www.huia.co.nz/?p=196

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕННОСТЕЙ, КОММУНИКАТИВНЫХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ В ДИСКУРСЕ О РОССИИ ЖУРНАЛА «НЬЮСУИК»

Э.Г. Меграбова

Меграбова Эмма Граировна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры лексикологии, стилистики и методики преподавания английского языка Института иностранных языков Дальневосточного государственного университета.

Статья посвящена анализу лингвистических средств, воплощающих коммуникативные стратегии авторов дискурса о России американского журнала «Ньюсуик». Определяется характер дискурса (либеральный) и его влияние на выбор коммуникативных интенций и языковых средств. В фокусе исследования – топик «взаимоотношения России со странами Ближнего Зарубежья».

Ключевые слова: дискурс, информация, ценность, образ, топик, коммуникативная стратегия, лингвистические средства, оценка, лексема, семантическое поле, вербализация.

Цель данной статьи – показать, как определенные лингвистические средства, помогающие создавать образ России, реализуют коммуникативные намерения и ценностные установки его создателей. Материал нашего исследования ограничен американским политическим журналом «Ньюсуик». Временные рамки охватывают период с 2006 г. до первой половины 2008 г.; материал исследования касается международной жизни России, ее связей и взаимоотношений с другими странами.

Когда мы обращаемся к предпосылкам материала текста, к социальным факторам, которые принадлежат экстралингвистическому аспекту и определяют характер текста, мы имеем дело с понятием дискурса. Дискурс часто определяется как текст совместно с экстралингвистическими факторами: прагматическими, социолингвистическими, психологическими и т. д.; как текст в ситуациях реальной коммуникации; или речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие [1: с. 136].

Дискурс, который мы намерены проанализировать, принадлежит к институциональному типу дискурса, так как институт масс-медиа представляет собой комплекс учреждений и индивидуальных лиц, выполняющих определенные социальные функции: информировать, убеждать, побуждать к действию, влиять на сознание читателей или слушателей.

Дискурс о России международного журнала «Ньюсуик» идеологически нагружен. Он зависит от суммы политических идей и от основной идеологической доктрины Запада – либерализма. Мы квалифицируем этот дискурс как либеральный: тексты Ньюсуик написаны людьми, разделяющими взгляды, ценности и идеи либерализма, такие как индивидуализм, конкурентность, успех, консьюмеризм, социальная свобода, минимизация роли государства в экономической и социальной сферах, провозглашаемый плюрализм и декларируемая открытость рынка и т. д.

Индивидуализм – самая важная ценность в политической ориентации США на международной арене: «Индивидуализм в его внешнеполитическом аспекте проявляется в рассмотрении существования *собственной* национально-политической общности как *самоцели*, а существования других подобных общностей как средства для ее реализации; в *игнорировании интересов других субъектов* международных отношений при определении собственной внешнеполитической стратегии и тактики» [2: с. 180]. Национальный индивидуализм как принцип ориентации во внешней политике представляет собой специфическую трансформацию идеи Фронтира: США рассматривают даже самые отдаленные уголки мира как зону собственных интересов. Нельзя не согласиться с одним из ведущих авторов «Ньюсуик», Фаридом Закария, который пишет: «Американская ограниченность особенно очевидна во внешней политике… Геополитика – это борьба за влияние: по мере того как другие нации будут играть более активную роль в международной жизни, они будут стремиться к большей свободе действий» [4: с. 29].

Еще один фактор, влияющий на отношение США к другим странам, – это их национальный автоимидж: Америка – универсальная социальная, политическая и нравственная модель, образец для подражания: «Америка – создатель правил для всего мира» [май 12, 2008: с. 2]. Сего-

дня Соединенные Штаты видят свою миссию в глобализации мира: «Спустя столетия… историки, возможно, отметят, что на рубеже 21 в. Соединенные Штаты с успехом осуществляли свою историческую миссию – глобализацию мира» [4: с. 29].

Система либеральных ценностей в дискурсе о России получает свою специфическую реализацию через использование определенных коммуникативных стратегий, способов выражений коммуникативных намерений. Стратегии в массмедиальной коммуникации направлены на конструирование, формирование определенных политических позиций адресатов, поддержки или изменение взглядов и идей читателей (слушателей) в соответствии с идеологией издания.

Вербализация коммуникативных стратегий получает свое выражение в лингвистических стратегиях – применении языковых средств рационального и эмоционального характера: выборе слов, фраз, метафор, эпитетов и т. д.; использование лингвистических средств соответствует реализации коммуникативных намерений.

Актуализация определенной информации в тексте позволяет говорить о топиках дискурса. Топик исследуемого дискурса – отношения России с некоторыми странами Ближнего Зарубежья, Европой как целостным сообществом, Соединенными Штатами.

Принципы развития топика реализуются в дискурсе в форме коммуникативных стратегий. Анализ материала показал, что в процессе производства информации, оценки ее и поисков аргументов для доказательства истинности сообщений выделяются следующие институциональные коммуникативные стратегии: информационные, оценочные и аргументативные.

Информационные стратегии включают стратегии отбора определенной информации, детального развития информации, ограничения информации, замалчивания некоторых фактов (стратегия умолчания) или игнорирование их.

Оценочные стратегии представляют собой стратегии, задействующие средства оценки: стратегию дефамации (атака, неодобрение, презрение, осуждение); стратегию позитивной репрезентации; стратегию противоречия (контраст, поляризация); стратегию аллегории.

Аргументативные стратегии используют средства аргументации: стратегии доверия и надежности основаны на цитировании, свидетельствах очевидцев, надежных источниках информации, цифровых доказательствах.

Информация, касающаяся отношений России с Ближним Зарубежьем, довольно тщательно отбирается: она относится к выстраиванию образа России как возрождающейся державы; как страны «запугивающей» своих соседей и к реакции соседних стран на внешнюю политику Россию. Факты шантажа России со стороны бывших Советских республик затрагиваются только слегка, без дальнейшей детализации. Информация, например, о довольно существенных «вливаниях» в экономику «бывших государств-сателлитов» за счет народа России вообще игнорируется.[1]

Лексические средства вербализации получают свое выражение, в первую очередь, через семантическое поле «конфронтация». Плотность семантического поля «конфронтация» свидетельствует о важности проблемы, как ее представляют авторы журнала Ньюсуик. Неоднократно употребляется прилагательное *resurgent*, формируя вместе с лексемами *restore, assertiveness, Empire imperial, might* и т. д., образ могущественной державы, России, чьи амбиции могут быть опасными для ее соседей: «*Putin…came to power seven years ago with grand hopes for restoring Russia's imperial might – reasserting its influence in its historical "near abroad»…* [янв. 22, 2007: с. 18]. *After years of weakness, a resurgent Russia is striking back* [янв. 30, 2006: с. 24]. Оценка статуса России тяготеет к негативному вектору; лексические единицы *Empire, resurgent power, imperial might* и другие сочетаются с выражениями, предполагающими идею грубой силы: *flex one's muscles; strike back, throw one's weight around: «The Empire Strikes Back. A confident Kremlin is throwing its weight around»* [янв. 30, 2006: с. 24]. Мысль об опасности, исходящей от России, выражена в дальнейшем развитии темы «конфронтация России с ее соседями»: «*The common theme is that Russia has always chosen confrontation»* [март 10, 2008: с. 39]. Чтобы поддержать это высказывание, ее автор, Оуэн Мэтьюз, прибегает к отнесению сегодняшних проблем к разряду вечных (always) и известных всему миру: «*The entire world knows that Russia's trade ethics are purely political»* [май 8, 2006: с. 23]. Мысль о всеохватывающем характере конфронтации и опасности, исходящей от России, видна в перечислении Советских республик и некоторых других стран: «*Apart from growing distrust in Europe and all-out confrontation with Belarus and*

[1] В 70-х и 80-х годах экономика Грузии субсидировалась на 60 %; в социальную сферу Грузии вкладывалось в 15 раз больше средств, чем в Российской Федерации [3: с. 10].

Ukraine, Russia has also locked horns with Poland over agricultural trade. Last year it abruptly, cut off oil supplies to Lithuania's Mazeikin refinery,…and it remains engaged in a bitter trade war with… Georgia… Azerbaijan also joined the swelling ranks of Putin's perceived enemies» [янв. 22, 2007: с. 18].

Информация о России – *the Biggest Bully* (самом отъявленном громиле) [март 10, 2008: с. 39] явно прослеживается в большом семантическом поле «конфронтация, конфликт». Лингвистическая стратегия использования слов с семой, несущей идею «насилия», реализуется в длинных рядах лексем и словосочетаний, которые могут быть подразделены на несколько групп, градуирующих конфронтацию от мягких форм принуждения до довольно жестких. Эти единицы актуализируют различные ментальные схемы, в первую очередь, когнитивные классификаторы «Наш – Другой».

Семантическое поле «конфронтация» может быть представлено согласно следующей схеме: конфронтационные действия – жесткие формы конфликта – (прогнозируемые) результаты конфронтации. Действия России, направленные против соседних стран, получают языковое воплощение в нижеследующих лексических единицах: «*…to impose sanctions, order gas supplies cut off, use energy as a weapon, plan a coup, delay visas for Georgians raise gas prices, doubling gas prices throw one's weight around, barring (Julia Timoschenko) from visiting Russia, spat, bust-up, diplomatic tantrums, political attack; close down* и т. д. Слова *threat, threaten* вызывают чувство опасности, страха, особенно когда предмет угрозы – ядерное оружие: *The Kremlin's key threat: to slap tariffs on Belarusian goods exported to Russia* [янв. 22, 2007: с. 16]. *Putin's latest gambit – to threaten to point nuclear weapons at Ukraine if it joins NATO…* [март 10, 2008: с. 39]. *Then came an essay from Defense Minister Sergey Ivanov entitled "Russia Must Be Strong" full of nuclear swagger and warnings…* [янв. 30, 2006: с. 24]. Результат всех этих конфликтов может привести к печальным и трагическим результатам, инициатором которых оказывается Россия, и это выражено лексемами *to ruin, to destroy, war, warware* и т. д.*: «Saakashvili accuses Russia of "planning to ruin Georgia…» «Saakasvili warns that any attempts to wrest these regions (Abkhazia and South Ossetia) away would force Georgia to "go to war"»* [окт. 16, 2006: с. 40]. «*Dislike of Russia by its neighbours, and distrust among its former allies, is fast rising to almost cold-war level»* [янв. 22, 2007: с. 18].

Стратегия ограничения информации чувствуется в скупых фактах действий против России со стороны некоторых соседних стран: *Moscow is extremely hostile to Georgia's westward till. Washington has sent military advisers and equipped the Georgian Army. With the encouragement of many in Washington, Tbilisi is loudly pushing its desire to join NATO. Seen from Moscow, this looks like a U.S. strategy to encircle Russia, destroying its influence in the region»* [окт. 16, 2006: с. 41].

Лексические образования, формирующие лексико-семантическое поле «конфронтация», содержат рациональную оценку на основе критерия нормы: правильный/неправильный, нормальный/ненормальный, потому что любая форма конфронтации, насилия воспринимается людьми как аномалия. Широкое использование единиц этого семантического поля показывает, что его члены не только обозначают фрагменты информации, но являются компонентами стратегии оценки. Эта стратегия также находит свою реализацию в словах с эмотивной оценкой, они выражают определенные эмоции как реакцию на понятия, предметы или ситуации. В дискурсе о России в таких случаях эмоциональное отношение сопровождается главным образом пейоративной оценкой, что является доказательством оценочной стратегии дефамации России (атаки на Россию, осуждения ее действий). Эмотивно-оценочные прилагательные составляют ядро оценочного вокабуляра рассматриваемого дискурса: «*Vladimir Putin's bellicose language and aggressive style has cost Russia friends in the neighbourhood»* [март 10, 2008: p. 39]. «*Two out of three Lithuanians thought Russia was "the most hostile country" in their own»* [июнь 9, 2008: p. 31] «…Не меньше и роль существительных, носящих эмоционально-оценочный характер *…the brutality of Putin's slapdown on Lukashenko…, the Kremlin's high-handedness…»* [янв. 22, 2007: с. 18].

Метафоризация также является очень эффективным инструментом дефамации; яркие образы, созданные с помощью метафоризации помогают выполнять стратегические задачи: «*…foreign interference would not be tolerated in Russia's backyard; Moscow is doing everything in its power to ensure that wayward former satellites return to its orbit* [янв. 30, 2006: с. 24]. *Rising oil prices filled Kremlin coffers with billions in windfall profits»* [янв. 22, 2007: с. 18]. Метафоризация представляет собой лингвистическую стратегию реализации коммуникативной оценочной стратегии аллегории. Другое лингвистическое средство выражения стратегии аллегории – это употребление фразеологических единиц с переносным

значением. Трансформация (разрушение) фразеологизмов вносит здесь оттенок иронии, делая более выразительной коммуникативную стратегию дефамации (презрения): «*But while Russia's willing enough to play the partner, it won't trim its strategic sails for anyone; …Russia suspended imports of Ukrainian meat – another small turn of the screw»* [янв. 30, 2008: с. 24].

Стратегия поляризации (контраста) проявляется в описании противоречивых сторон облика России: силы и слабости. В этом случае используются различные лингвистические стратегии: метафоризация, антонимия, употребление противительных союзов и т. д.: «*The picture, long term, is of a goliath that doesn't quite recognize its days of dominance cannot last* [янв. 22, 2007: с. 18]. *Putin posed as a powerful, influential big brother but Russia' muscles turned out to be fake»* [март 10, 2008: с. 39].

Стратегия поддержки (защиты) России журнала «Ньюсуик» очень слаба; она ощущается в статье Ливена «Война на Кавказе»: «*Moscow considers itself duty-bound to support Abkhazia and South Ossetia, if only because of fraternal ties. Hundreds of thousands of ethnic Russians live in the republics of the North Caucasus, and the last thing Russia needs is more ethnic unrest in that volatile region… The special danger with Georgia is that it's so laden with emotion. Since the fall of the Soviet Union, Russians have been infuriated by the way Georgia has swallowed billions of dollars in Russian gas subsidies and remittances from Georgian workers in Russia, yet allies itself with a West that has provided only a fraction of this help»* [окт. 16, 2006: с. 41]. В этом отрывке из статьи слово *danger* относится к Грузии, которая получает негативные характеристики: *so laden with emotions, swallow*. Россия представлена в этой статье как страна с мирными намерениями (*fraternal ties, the last thing Russia needs…*); даже слово *infuriated* получает позитивное истолкование.

Стратегия защиты, поддержки находит свое вербальное выражение в отношении авторов Ньюсуик к странам «Ближнего Зарубежья»: «*Tiny, landlocked Belarus is at Russia's mercy; energy-hungry neighbours; Vladimir Putin slaps down hapless Belarus* [янв. 22, 2008: с. 16–18]; *cushy subsides to neighbours; …Georgia is still fatally dependent on energy supplies from Russia»* [май 8, 2006: с. 23]. Лексические единицы *tiny, hungry, hapless, landlocked, fatally dependent, at mercy* создают образ соседних с Россией государств, испытывающих страдания по вине России и образ России – виновника этой политики; таким образом, стратегия дефамации России становится более очевидной благодаря стратегии сочувствия к странам «Ближнего Зарубежья».

Еще одно замечание, касающееся отношения России к соседним странам, кажется весьма важным. Сквозь все описания отношений с Грузией, Украиной и т. д., просматривается другой, задний план: отношения России с Западом, Европой и США, чья политика является явно антироссийской в этой сфере политической деятельности: «*Now all of those countries (Georgia, Ukraine, Azerbaijan and Moldova) are members of an informal anti-Russian, pro-NATO alliance…; "coloured" revolutions in Kiev and Tbilisi brought Western – friendly presidents to power»* [март 10, 2008: с. 39]. «*As Russians see it, the West differing approach to the Balkans and the Caucasus reeks of double standards… Exibit A is the fact that the United States continues to arm and train Georgian forces»* [окт. 16, 2006: с. 41]. Политический аспект отношений России с ее соседями виден даже в культурной жизни, например, в названиях университетов: *the Georgian American University, the American University of Central Asia* [июнь 9, 2008: с. 30].

Запад, Соединенные Штаты воспринимают бывшие Советские Республики как сферу геополитических устремлений. США дают идеологическое обоснование собственным геополитическим интересам, ссылаясь на базовые ценности своих политических тенденций, стремясь, таким образом, создать позитивный автоимидж борца за свободу и демократию.

Автоимидж Соединенных Штатов, базирующийся на одной из декларируемой Америкой ценностей – свободе – носит специфический, мессианский характер: «*…when George W. Bush recently chose to send a message today's masters of the Kremlin, marking the 50th anniversary of the 1956 uprising… the event was heavy with symbolism. "The sacrifice of the Hungarian people inspires all who love liberty", said Bush… "We resolve that when people stand up for their freedom, America will stand with them". Why the cold war rhetoric? In Budapest, there wasn't much doubt that the "freedom-loving" people Bush had in mind were citizens of former Soviet Union countries, like Ukraine and Georgia…»* [июль 3/июль 10, 2006: с. 28].

Другой принцип, краеугольный камень идеологической жизни Запада – это демократия, которая стремится к влиянию на формы правления в других странах. Эта ценность становится, по-видимому, удобным инструментом геополи-

тических интересов США: «*The new thinking is clearly set out in the Unite House's latest national security strategy… Washington's principal foreign policy objective…was now the "support of democratic movements and institutions around the world"… The United States would make a point of "encouraging democracy and withstanding oppression in Central Asia and the Caucasus", said Burns (US Under-Secretary of State), as well as urging "Ukraine and Georgia to work toward ties with NATO and the EU"*. И далее следует очень важное замечание: *In the US view, it seems, Russia has become a major obstacle to America's geostrategic interests*» [апр. 10/апр. 17, 2006: с. 29]. Принцип национального индивидуализма обнаруживается здесь в полной мере: России отказано в праве иметь свои собственные политические интересы в приграничных областях, с которыми она веками тесно связана. И вполне обоснованно звучит мнение Александра Хоменко, возглавляющего культурные программы в Росзарубеж Центре: *«We are being kicked out for political reasons. No matter what we try to do, neighbouring states have anti-Russian agendas»* [июнь 9, 2009: с. 31].

Подытоживая результаты анализа, мы должны сказать, что комплекс коммуникативных интенций, реализованный в либеральном дискурсе о России в виде комплекса лингвистических стратегий, создает однобокий образ России: как страны с имперскими амбициями, как страны «запугивающей» своих соседей. Стратегия игнорирования целого комплекса реальных фактов, касающихся взаимоотношений России с ее соседями, бывшими друзьями, не способствуют созданию правдивой картины фрагмента реальной действительности «Россия и соседние страны».

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс // Лингвистический Энциклопедический словарь / Н.Д. Арутюнова. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 136–137.

2. Баталов, Е.Я. Политическая культура современного американского общества / Е.Я. Баталов. – М.: Наука, 1990. – 256 с.

3. Раззаков, Ф. Спрятанная правда «Узбекского дела»/ Ф. Раззаков// Советская Россия. Отечественные записки. – 2008. – № 16 (162). – С. 10–12.

4. Zakaria, F. The Rise of the Rest / F. Zakaria // Newsweek, May 12, 2008. – Pp. 20–29.

КИТАЙСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ С СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Л. Сун

Сун Ли – доктор философии в области английской лингвистики университета международных исследований (Шанхай); профессор английского языка колледжа иностранных языков Хабринского технологического института; секретарь Китайской ассоциации межкультурной коммуникации; член Консультативного совета Международной ассоциации межкультурной коммуникации.

Автор рассматривает китайский английский как результат процессов децентрализации мирового английского языка и нативизации английского в Китае, приведших к возникновению китайской разновидиности английского языка. Анализ отличительных особенностей китайской разновидности английского (фонетические, лексические, грамматические, прагматические), с социокультурной точки зрения, позволяет автору сделать вывод, что китайская разновидность английского языка – установившийся вариант английского языка, отражающий культурную идентичность и ценности Китая, который расширяет и обогащает семью мировых вариантов разновидностей английского языка.

Ключевые слова: децентрализация, денационализация, диверсификация, нативизация, мировой английский язык, китайская разновидность английского языка, лингвистическое отображение, характеристики китайской разновидности английского языка, культура, культурная идентичность.

С развитием глобализации и углублением многополярности мира растет роль английского языка как языка международного общения мирового сообщества. Число пользователей английским во Внешнем и Расширяющемся круге увеличивается, и они вносят свой вклад в развитие новых региональных вариантов английского языка. Наблюдения последних лет показывают, что общение между гражданами разных стран Юго-Восточной Азии осуществляется преимущественно на английском. А. Киркпатрик даже приводит доводы в пользу того, что пришло время, когда Восточная и Юго-Восточная Азия должны изучать свой собственный вариант английского языка [Kirkpatrick, 2000]. Процессы децентрализации и денационализации английского языка в последнее время очевидны. Английский перестал быть языком, принадлежащим какой-либо одной нации, он принадлежит сегодня всем [Honna, 2003]. Слово «English» даже пишется прописными буквами «ENGLISH», чтобы обозначить, что в наше время уже нет отдельного варианта языка, называемого просто английским [Song & Fu, 2004].

Децентрализация и денационализация английского языка происходят одновременно с диверсификацией и нативизацией его. Непрерывно расширяющиеся контакты Китая с окружающим миром создают возможности как китайцам, так и международному сообществу описывать Китай и его реалии на английском языке, а также выражать свои взгляды на различные аспекты китайской культуры. В Китае, как во всем мире, английский язык больше, чем просто иностранный язык. Пань Цз. С. выделяет четыре основных функции, выполняемые английским языком в Китае: 1) инструментальную, реализуемую в образовании, средствах массовой информации, бизнесе, профессиональном росте, академических обменах и других формах международного сотрудничества; 2) регулятивную, заключающуюся в том, что в силу своего потенциала правительственная и правовая деятельность выводится на международный, многоязычный и мультикультурный уровень; 3) межличностную, наблюдаемую в повседневной коммуникации, характеризующейся кодовым смешением и переключением между друзьями и коллегами на родине и за границей; 4) креативную, проявляющуюся в создании так называемой «контактной литературы» [Pan Z.X., 2005].

Будучи носителем англо-американской культуры, английский язык не в состоянии адекватно передать уникальность китайской культуры, сложившейся за пять тысяч лет развития китайской цивилизации. Чтобы справиться с функцией передачи других культур, например, китайской, английский язык нуждается в расширении. Таким образом, через перевод, транслитерацию, заимствования и другие образные средства, коммуниканты, говорящие на английском языке (китайцы и представители других наций), значительно расширили возможности мирового английского в области описания Китая и китайского образа жизни. В результате подобного обмена между культурами и в рамках одной культуры возник запас слов и выражений, произошедших от китайской культуры и общества, которых ранее в английском языке не было. Средства массовой информации, включая радио, телевидение

и Интернет, различные формы искусства, – фильмы и печатную литературу, созданные китайцами и о Китае, способствовали формированию и распространению лингвистически обособленного варианта, или разновидности английского языка: китайского английского.[1]

За последние двадцать с небольшим лет была проведена серия исследований китайской разновидности английского языка [Jia & Xiang, 1997; Du & Jiang, 2001; Jin, 2004]. Большая часть этих исследований посвящена приемлемости и лингвистическим характеристикам этого достаточно противоречивого варианта. Настоящая статья представляет собой попытку изучить концепцию, характеристики и функции китайского английского, с социокультурной точки зрения. Автор утверждает, что китайская разновидность английского языка является гибридным продуктом глобализации и ассимиляции английского языка, а также распространения английского языка, как международного в Китае. Автор концентрирует свое внимание на трех вопросах: 1) Что такое китайский английский? 2) Каковы характерные черты китайской разновидности английского языка? 3) Какие социокультурные функции выполняет китайский английский?

Концепция китайской разновидности английского языка

Как указывается в научной литературе, термин «китайская разновидность английского языка» (China English) был впервые применен Ге Чуаньгуй (Ge Chuangui), известным китайским лингвистом в 1980 году в статье, посвященной переводу с китайского языка на английский. В последующие двадцать лет китайские исследователи дискутировали по поводу полноправности официального статуса одомашненного варианта английского языка в Китае, а также концепции этого варианта [Du Ruiqing & Jiang Yajun, 2001].

Во время научных дискуссий, посвященных английскому языку, используемому китайцами, применялось много терминов: China English (китайская разновидность английского языка), Chinese English (китаизированный английский), Sinicized English, Chinglish (чинглиш), Chinese-colored English (китайски-окрашенный английский) и Chinese Englishes (варианты английского языка в Китае) [Jiang, 1995, 2003]. Среди них термины «Chinese English» (китаизированный английский) и «China English» (китайская разновидность английского языка) чаще других использовались китайскими и зарубежными исследователями. Автор, как и большинство исследователей, выбрал термин «китайская разновидность английского языка» («China English»), чтобы избежать негативных качеств, приписываемых термину «китаизированный английский» («Chinese English»), который часто понимается как эквивалент «Chinglish», обозначающий «испорченный» английский, смешанный с китайским.

Для автора данной статьи китайская разновидность английского является гибридом\продуктом интернационализации и локализации мирового английского языка. Интернационализация английского языка естественным путем ведет к его нативизации. Два направления развития не противоположны друг другу, а, напротив, дополняют друг друга, так как культурная глобализация – процесс диалектический, в котором глобализация и локализация, гомогенизация и фрагментация, сближение и расхождение, централизация и децентрализация, конфликт и креолизация – не взаимоисключающие противоположности, а неотъемлемые стороны одной медали [Breidenbach & Zukrigl, 1999]. Разные люди/народы интерпретируют мировые события, идеи и институты самыми разными способами и интегрируют эти разнообразные интерпретации в свой образ жизни в процессе творческого использования национального или международного языка в ежедневном общении. С этой точки зрения, глобализация и локализация составляют один процесс: локальное все в большей и большей степени является побочным продуктом и частью глобального. Культурные особенности, такие как национальные культуры Японии или Америки, французская мода или китайская кухня способны привлечь всеобщее внимание, только если они размещаются в рамках глобальной мировой системы; их уникальность и своеобразие не столь очевидны вне глобального контекста [Breidenbach & Zukrigl, 1999].

Автор полагает, что китайская разновидность английского языка – естественное продолжение мирового английского, и, несмотря на то что он

[1] В английском языке все этнические варианты английского языка называются термином «variety». В русской терминологии складывается практика разделять обозначения **вариантов** английского языка, функционирующих в качестве официального языка в так называемом Внутреннем и Внешнем кругах (Inner and Outer Circles), по Б. Качру, где английский является родным или вторым государственным языком, и **разновидности** английского языка в Расширяющемся круге, где функции английского языка как иностранного ограничены, главным образом, внешнекультурным общением.

все еще в стадии становления, он отстаивает свое законное право на место в семье мировых вариантов английского языка. Китайская разновидность английского языка развилась в результате интернационализации и приспособления к китайской культуре мирового английского. Она имеет в основе своей системы английский язык, на котором разговаривают носители, однако, интегрирована с китайским языком и культурой, которые придают ему уникальные фонетические, лексические и стилистические характеристики «китайскости», а также ценности и особенности мышления, которые заключены в этих средствах лингвистического отображения действительности. Все это и отличает китайский английский от других вариантов английского языка в мире. Концептуально – это стандартный вариант английского языка, на котором разговаривают образованные пользователи английского и который обеспечивает как лингвистические, так и социокультурные функции в коммуникации между Китаем и мировым сообществом в целом.

Далее мы рассмотрим правомерность статуса и значение китайской разновидности английского языка с точки зрения ее отличительных социокультурных характеристик и функций.

Характеристики китайской разновидности английского языка

Китайская разновидность английского языка имеет в основе своей глобальный английский, и в то же время расширяется в двух измерениях: лингвистическом и социокультурном. Уникальные характеристики не только отличают китайский английский от других вариантов английского языка, но и обогащают английский язык.

Уникальная сущность лингвистического отображения в китайской разновидности английского языка

Культура питает язык и ни один язык не способен выжить в условиях оторванности от своей культурной среды. Китайская разновидность английского языка не исключение. В качестве носителя китайской культуры и гибрида интернационализации и нативизации английского языка, китайская разновидность английского языка очень продуктивна в описании китайской культуры и общества. Цзинь Хуэйкан [Jin Huikang, 2004] в своей монографии, посвященной китайской разновидности английского языка, дает очень подробный обзор ее описательных и коммуникативных функций. В целом сущностные характеристики китайской разновидности английского языка можно сгруппировать по следующим референциям:

1) **географическим**: разнообразие и уникальность географических условий в сочетании с богатым культурным и историческим наследием Китая дают начало множеству английских выражений. Один из примеров тому – географические названия, передаваемые в наше время при помощи фонетической орфографии пиньинь, а ранее – при помощи системы Уэйда. Приведем только некоторые из них: Beijing (Peking) – Пекин, Tibet – Тибет, Huangguoshu Falls (黄果树瀑布) – Водопад Хуангошу; the Great Wall (长城) – Великая стена; the Forbidden City – Запретный город;

2) **историческим**: частью китайской разновидности английского языка стали имена императорских династий на протяжении всей истории Китая, исторические фигуры и события с ними связанные. Например: Pre-Qing Period (先秦) Период, предшествующий династии Цин, Eight Banners (八旗) – период Восьми Знамен (XVII в.), когда маньчжурские семьи делились по административно-военному принципу, An Lushan Rebellion (安史之乱) – восстание под предводительством генерала Ань Лушаня (VIII в.), Genghis Khan (成吉思汗) – Чингисхан, Silk Road (丝绸之路) – Шелковый путь, Literary Inquisition (文字狱) – литературная инквизиция, imperial eunuch (宦官) – императорский евнух, well-field system (井田制) – «колодезная» система распределения земли в эпоху поздней Западной Чжоу, при которой восемь крайних уделов были частными, а серединный принадлежал общине, peasant association (农会) – союз фермеров, политическая коммунистическая организация в период возникновения КНР, Cultural Revolution (文化大革命) – Культурная революция;

3) **социальным и институциональным**, обозначающим социальные институты: уникальная социальная структура и институты, административная и экономическая структура китайского общества также требуют описательных терминов на английском языке. Примеры таких терминов: descendants of Yandi and Huangdi (炎黄子孙) – потомки Яньди и Хуанди, «желтого

императора»[2]; Huanxia nationality (华夏民族) – народность хуанься; descendants of Dragon (龙的传人) – потомки Дракона; imperial examinations (科举制度) – императорский экзамен на сан чиновника; residence registration (户籍) – регистрация по месту жительства; work unit or danwei (单位) – даньвэй, производственный коллектив; Special Economic Zones (经济特区) – специальные экономические зоны; changing from rural residence registration to urban residence registration (农转非, так же переводится, как «agricultural people to be given non-agricultural status» – «предоставление сельским жителям другого статуса») – смена места жительства в сельской местности на город; contract responsibility system (承包责任制) – система ответственности, при которой местные менеджеры несли ответственность за все доходы и убытки компании (элемент рыночной экономики, введенный в КНР в 1980-е гг.) ; 10th Five-Year Plan (第十个五年计划) – десятый пятилетний план;

4) **политическим**: политическая система Китая во многих отношениях отличается от политических систем англоговорящих стран. Необходимо создать новые выражения, обозначающие это чисто китайские феномены, такие как the eight democratic parties (八大民主党派) – восемь демократических партий, capitalist roaders (走资派) – приспешники капитализма; the Three Represents (三个代表) – три представителя; one country, two systems (一国两制) – одна страна, две системы; five principles of peaceful coexistence (和平共处五项原则) – пять принципов мирного сосуществования и т. д.;

5) **идеологическим:** для передачи на английском языке своеобразия философского и идеологического наследия китайского народа необходимо выработать отдельные референции на английском языке, так как большинство из существующих в английском языке выражений не в состоянии справиться с этой задачей. Те же выражения, которые уже в обороте между представителями Западной цивилизации, несомненно, являются более ранним вкладом китайской культуры в развитие английского языка: латинские слова, обозначающие древних китайских мыслителей и их доктрин, такие как Confucius (Конфуций), Mencius (Мэн-цзы,), Taoism (Даосизм), Mandate of Heaven (Небесный мандат), Golden Mean (Золотая середина), and Neo-Confucianism (неоконфуцианство).

И все же большинство китайских идеологических концепций должны вводиться в международное общение самими китайцами, а основной средой их существования станет английский язык. Например: five constant virtues (三纲五常) – пять добродетелей, Qi (气) – ци, жизненная энергия, yin-yang (阴阳) – инь и ян, five elements (五行) – пять элементов (земля, дерево, металл, огонь и вода), fengshui (风水) – феншуй, yuanfen (缘分) – юань-фэнь, любовь или встреча, предначертанная судьбой, guanxi (关系) – гуаньси, личные связи, знакомства, face work (面子) – стратегии в межкультурной коммуникации, акцентирующие внимание на роли идентичности индивида в социуме, Lei Feng spirit (雷锋精神) – дух самоотверженности и альтруизма, характерный для китайского героя, приверженца Мао, Лэй Фэна.

Многие английские термины, когда используются с рамках китайской культуры, приобретают новые значения и смыслы, такие как: collectivism (集体主义) – коллективизм, revolutionary (革命) – революционный, dragon (龙) – дракон, и intellectuals (知识分子) – интеллигенция;

6) **традиционным**, связанными с народным фольклором: за более чем пять тысячелетий истории своей цивилизации китайцы создали уникальный народный фольклор и уникальный стиль жизни. На китайской разновидности английского языка лежит ответственность за точное описание, а также адекватное представление великих творений и обычаев китайского народа. Референции такого рода включают китайский фольклор, праздники, традиционный национальный костюм, национальную кухню, традиционную медицину, боевые искусства, ремесла, традиционный театр, литературу, систему китайско-

[2] Олицетворение магических сил земли в древнекитайской мифологии (Прошина, З.Г. Перекресток: Англо-русский контактологический словарь восточно-азиатской культуры – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. – 580 с.).

го языка, каллиграфию и многое другое. Некоторые примеры таких референций: gongfu (功夫) – кунфу, восточные единоборства; wushu (武术) – ушу, боевые искусства; Tofu (豆腐) – тофу, соевый творог; Spring Festival (春节) – Весенний фестиваль, китайский лунный Новый год; jiaozi (饺子) – цзяоцзы, китайские пельмени или паланкин, на котором невесту несли в дом жениха; Beijing opera (京剧) – Пекинская опера; Tang Poems and Song Ci (唐诗宋词) – стихотворения эпохи Тан и стихотворные формы *цы* эпохи Сун, paper cut (剪纸) – искусство вырезания из бумаги, and Sun Yat Sen's uniform (中山装) – суньятсеновка, форма Сунь Ятсена, китайский мужской костюм.

Как видно из приведенного выше короткого списка, английский язык используется для отображения любого аспекта жизни в Китае. Этот факт имеет огромное значение как для Китая, так и для международного сообщества, потому что в своем стремлении к миру и дальнейшему развитию им необходимо объединить свои миры. Без китайской разновидности английского языка общение между Китаем и всем остальным миром практически невозможны. И хотя существуют многочисленные трудности в процессе поиска английских выражений, способных отразить специфические реалии китайской культуры, вклад китайской разновидности английского языка в общение, связанное с Китаем и китайцами, и в расширение семьи мировых вариантов английского языка невозможно переоценить. У китайской разновидности английского языка – уникальные перспективы и пути развития относительно мирового сообщества и того уникального образа жизни, который он отображает.

Уникальные средства лингвистического отображения в китайской разновидности английского языка

Уникальные черты китайской разновидности английского языка (его «китайскость») находят свое отражение не только в тех реалиях, которые она описывает, но и в том, как она описывает особенности/характеристики, присущие китайской культуре и обществу. Несмотря на то что в основе китайской разновидности английского языка – стандартный вариант английского языка, доказано, что китайская разновидность обладает значительными отличиями на всех уровнях языковой системы, а именно – на уровне фонетического воспроизведения, лексического формирования, синтаксических структур, прагматического использования и моделей дискурса.

Китайские пользователи английского языка – прежде всего представители определенной социокультурной среды. На каком бы языке они ни говорили, они думают и ведут себя как китайцы. Китайский язык и культурные проекции, приобретенные ими ранее, неизбежно влияют на то, как они пользуются английским языком.

1. Фонетические характеристики

Фонетические особенности речи формируют самое первое впечатление, которое китайцы, говорящие на английском языке, производят на окружающих. Так как данная область еще недостаточно исследована, легко заметить, что английский язык, на котором говорят китайцы, звучит непохоже на английский – носителей языка или другие варианты английского языка. Даже английская речь ведущих новостных программ на китайском телевидении (CCTV International и CCTV English Channel) несет в себе черты китайского акцента, несмотря на то, что их знание английского языка можно описать как близкое к владению носителей языка.

Китайский акцент в английском языке порожден различиями между фонетическими системами двух языков, а также разнообразными акцентами, так называемых носителей языка, преподающих в Китае [Todd & Hancock, 1990]. Ду Жуицин и Цзян Яцзюнь [Du Ruiqing and Jiang Yajun, 2001] отмечают, что наиболее яркие отличительные черты китайского акцента в китайской разновидности английского языка представлены на суперсегментном уровне: в ударении, стыке фонем, ассимиляции, соединительных звуках и т. д. Именно эти суперсегментные элементы в речи выдают «иностранца». Тем не менее большинство китайских исследователей до недавнего времени обращались в своих работах именно к сегментным фонетическим элементам. Цзя Гуаньцзе и Сян Минъю [Jia Guanjie & Xiang Mingyou, 1997] обнаружили, что китайская разновидность английского языка обладает отличительными фонетическими чертами, многие из которых являются результатом отсутствия в китайском языке таких звуков, как /ð/ и /θ/, а также отсутствия разграничения между долгими и краткими гласными, такими как /u:/-/ u/, /ə:/-/ə/, и /i:/-/i/. Они отмечают другую фонетическую особенность на сегментном уровне: это присоедине-

ние гласного пазвука к конечной согласной или между сочетаниями согласных (например, слово /gud/ часто произносится как /gudə/), потому что в китайском языке слова обычно не оканчиваются на согласную, а также нет сочетаний согласных.

Несмотря на то, что упомянутые выше особенности придают речи китайцев на английском языке китайский акцент, как правило, они не вызывают трудностей для понимания. Более того, очень часто китайцы считают понятным английский язык, на котором говорят учителя английского и представители средств массовой информации. Этот интересный факт вызывает сомнение относительно существования идентифицируемых фонетических и фонематических характеристик китайской разновидности английского языка.

2. Лексические характеристики

На лексическом уровне китайская разновидность английского языка отличается от других вариантов английского языка в мире, по меньшей мере, в двух отношениях: лексика, основанная на китайской культуре, и способы словообразования.

Китайская культура создала множество вещей, материальных и нематериальных, которые присущи только Китаю и для которых в современном английском языке нет выражений, адекватно их описывающих. Так, создаются новые термины, чтобы заполнить «лексический пробел». В китайской разновидности английского языка существует много выражений, которые как раз и восполняют эти пробелы или отсутствующие выражения. Английские термины, обозначающие референции/реалии, упомянутые ранее в данной статье, всего лишь несколько примеров из лексикона китайской разновидности английского языка. Кэннон [Cannon, 1988] выделяет 19 категорий китайских заимствований, которые невозможно заменить другими словами, так как реалии, ими обозначаемые, не присущи англоговорящему миру.

Лексика, имеющая в своей основе китайскую культуру, значительно обогатила лексикон английского языка. В статье, посвященной китайским заимствованиям в английском языке, Кэннон [Cannon, 1988] привел 979 слов, заимствованных из китайского языка. В Оксфордском словаре английского языка [Oxford English Dictionary, 2001] 230 заимствований из китайского языка. В кратком китайско-английском словаре имен собственных и терминов (A Concise Chinese-English Dictionary of Chinese Proper Names and Terms) 30 000 словарных статей [Zhang &Yuan, 1994]. Несмотря на то, что пока нет выработанной системы, регулирующей заимствования в английский лексикон из китайского языка, их число будет только расти и гораздо быстрее, чем можно представить.

Говоря о способах словообразования, нужно отметить, что многие китайские заимствования входят в английский язык при помощи следующих средств: перевод, транслитерация, заимствование + английское слово и смешанные способы [Jin Huikang, 2004].

Ранее транслитерация выполнялась по системе Уэйда и в соответствии с диалектами, на которых говорили в районах Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей. В результате существуют разные версии одного и того же слова. Например, слово «ginseng» (人参) – «женьшень» может быть написано следующим образом: «ginseng», «ginshang», «ginsing». Эти варианты написания соответствуют произношению этого слова в различных китайских диалектах. В последнее время для транслитерации китайских заимствований используется новый китайский фонетический алфавит пиньинь (система транслитерации китайских иероглифов буквами латинского алфавита) (hanyupinyin). Пиньинь помогает регулировать китайские заимствования, и в то же время легко усваивается говорящими на мандаринском диалекте или путунхуа. Как следствие, сложилась ситуация одновременного существования слов, ранее заимствованных через систему Уэйда, и более поздних названий тех же феноменов, заново получивших названия в пиньинь, например: Beijing – Peking (Пекин), Daoism – Taoism (Даосизм), jiaozi – dumpling (пельмени цзяоцзы), wushu – martial arts (ушу, боевые искусства).

Многие заимствования из китайского языка пришли в английский через перевод-кальку. Это, наверное, один из самых распространенных способов словообразования в китайской разновидности английского языка, так как многие китайские термины не имеют эквивалентов в английском языке, и перевод-калька оказывается единственным способом передачи значения на английском языке. Например, barefoot doctor (赤脚医生) – «босоногий доктор», деревенский фельдшер, целитель; paper cut – искусство вырезания из бумаги; Great Leap Forward (大跃进) – политика Большого Скачка (Вперед), paper tiger

(纸老虎) «бумажный тигр», нестрашный враг, и reform through labor (劳改) – исправление трудом.

Некоторые заимствования из китайского языка, как отмечает Цзинь [Jin, 2004], были созданы по модели «заимствование + английское слово». Под влиянием китайской культуры, такие выражения, как «tea break» (короткий перерыв на чашку чая), «tea table» (чайный стол), «tea party» (званый чай; общество, приглашённое на чай) сформировались при помощи заимствованного слова «tea» и английского слова.

Существуют и другие смешанные способы заимствований из китайского языка, например, парафраз: «Spring rolls» (春卷) («весенние рулеты», жареные фаршированные блинчики) готовят, заворачивая в блинчики овощи и другие ингредиенты/начинки, и едят их, как правило, во время праздника китайского лунного Нового года; Tomb Sweeping Day (清明节) – день «обметания могил», который также имеет название Pure and Bright Day – Праздник «чистого света» – время, когда люди приходят на могилы своих предков, чтобы смести с них пыль в знак уважения, день поминания.

Независимо от того, каким образом китайские заимствования вошли в английский лексикон, они являются частью глобального английского языка и уникальным вкладом китайской разновидности английского языка. Они многочисленны, а способы их формирования разнообразны, так как они отражают культуру Китая, их невозможно заменить другими словами, и они являются неотъемлемой составляющей коммуникации с китайцами и о Китае.

3. Прагматические характеристики

С точки зрения прагматики, китайская разновидность английского языка отображает социальные взаимоотношения, традиции, ценности и отличительные особенности общественной жизни Китая. Прагматико-лингвистическое и социопрагматическое поведение китайцев, говорящих на английском языке, зачастую отличаются от прагматико-лингвистического и социопрагматического поведения представителей других наций, говорящих на английском языке [Thomas, 1983]. Явление это – скорее социокультурное, нежели чисто лингвистическое. Прагматическое поведение в рамках китайской разновидности английского языка зачастую является проявлением ценностей и норм, присущих китайской культуре и, следовательно, оказывается важнейшим отличительным признаком принадлежности говорящего к китайской культуре.

Группа людей, говорящих на английском языке, может быть отнесена к американскому, китайскому, британскому или австралийскому варианту не только благодаря акценту или выбору слов, но и тому, как эти люди используют слова в повседневной жизни, т. е. реализуют прагматические функции языка. Другими словами, прагматическое поведение – один из важнейших признаков культурной идентичности говорящего. Правила речевого поведения являются общими для людей, принадлежащих одной культуре. В процессе любого акта коммуникации говорящие выбирают из своего культурного сценария устоявшиеся стратегии или инструменты кодирования или декодирования вербальных сообщений. Способы же обработки языковой информации или сообщений в значительной степени зависят от того, как участники коммуникации соотносят себя с окружающим миром и людьми. В этом смысле, говоря об английском языке, как языке международного общения или о его региональном варианте, используемом в Китае, прагматический перенос не должен упрощаться до «отклонений от норм, присущих носителям языка».

Одной из отличительных особенностей прагматических черт китайской разновидности английского языка является перенос поведенческих норм, присущих китайской культуре. Примером может служить стремление к скромности или предпочтение уклончивого стиля в речи во избежание прямой/открытой конфронтации или конфликта в межличностных отношениях. Тем не менее прагматические проявления в речи китайцев на английском языке или прагматические аспекты китайской разновидности английского языка еще недостаточно изучены. В данном случае автор исходит из собственных наблюдений. В частности, при обучении английскому языку на продвинутом уровне студенты склонны отклонять комплименты/похвалу. Студенты используют ограниченные стратегии в ответе на полученные комплименты, что является показателем переноса типичного для китайской культуры поведения в подобных ситуациях. Типичная синтаксическая структура комплимента в китайском языке начинается с местоимения второго лица «you» или именного словосочетания с притяжательным местоимением второго лица «your + noun+ verb» [Jia, 1997]. Эту структуру можно часто услышать в комплиментах, которые

делают китайцы на английском языке: «You look nice today», или «Your dress is so beautiful». В последнее время ценности отдельной личности придается все большее значение. В результате многие китайцы стали принимать комплименты, например, о внешности. Однако реакция большинства китайцев, владеющих английским языком, на комплимент, связанный с их способностями к работе или личными достижениями, будет достаточно застенчивой и скромной [Jia & Jia, 2003; Lin, 1996].

Язык – это лингвистическая система социальной семиотики. В китайской разновидности английского языка выражения, обозначающие обращения, носят ярко выраженный отпечаток китайской культуры [Pan Zhangxian, 2005]. Использование разных терминов при обращении к людям разного социального статуса как раз и является лингвистическим отображением иерархической структуры китайского общества. Даже в неформальных ситуациях предполагается стереотипное использование модели «Профессиональное звание/Официальное звание + Фамилия». Таким образом, для того чтобы выказать уважение учителю по фамилии Ван используется структура «Teacher Wang» («Учитель Ван») or «Professor Wang» («Профессор Ван»), подобно структурам «Director Zhang» («Директор Чжан»), «Manager Li» («Управляющий Ли»), и «Chairman Mao» («Председатель Мао») и т. д. Структура «Comrade + Family Name» «Товарищ + Фамилия» встречается до сих в обиходе среди китайцев, хотя она используется уже не так часто, как это было до реформ и политики открытости в конце семидесятых годов XX века. Если при обращении к старшему по возрасту или вышестоящему по служебному положению не названо звание или должность, это считается серьезным оскорблением или проявлением неуважения. Подобные обращения распространены среди китайцев, владеющих английским языком. Ранее они подвергались критике как нарушения правил английского языка, но в последнее время они становятся все более и более распространенными. Пань Чжансянь [Pan Zhangxian, 2005] отмечает, что речевые акты в китайской разновидности английского языка отражают социальные нормы, распространенные в Китае. Она приводит примеры вручения подарков, обращений, выражения благодарности и приглашений из контактной литературы (contact literature) (литературных произведений, написанных китайскими авторами на английском языке). Эти примеры иллюстрируют, как происходит нативизация английского языка китайцами и как этот процесс обогащает английский язык, привнося китайский колорит.

Прагматическое использование не ограничивается только разговорным языком и устной коммуникацией. Правила и нормы устного общения определяют каким образом формируются и интерпретируются письменные сообщения. Стилистические характеристики китайской разновидности английского языка обнаруживают себя в организации письменной и устной речи, включая выбор слов, модели предложений и структуру дискурса. Лингвистические модели, присущие китайскому языку, часто переносятся и легко распознаются в письменных произведениях на китайском английском.

С точки зрения стиля китайцы обнаруживают устойчивую тенденцию к использованию модификаторов различного рода: например, прилагательные перед именными словосочетаниями, или наречия в сравнительной степени перед глагольными словосочетаниями. Несмотря на то, что китайских учащихся нередко критикуют за приверженность стилю, изобилующему цветистыми определениями, частое использование подобных определений распространено даже среди опытных пользователей языка. Это в первую очередь касается переводов китайской художественной литературы, в которой особенно приветствуются яркие описания.

С точки зрения синтаксиса предложения в китайской разновидности английского языка строятся по моделям, присущим китайскому языку. Это объясняет тот факт, что тексты, написанные китайскими авторами, доступны для понимания соотечественников, но могут оказаться непонятными представителям западной цивилизации. Сравните следующие предложения: «Today is Sunday» (It is Sunday today), «After supper he went out for a walk» (He went out for a walk after supper), «If I have time tomorrow, I'll come to see you» (If I'm free tomorrow, I'll come to see you). Приведенные пары предложений означают одно и то же, однако, предложения за скобками могут звучать неуклюже для слуха носителя английского языка, не знакомого с китайским языком.

Более значительные/заметные стилистические особенности раскрываются в образцах письменного дискурса. Исследования показывают, что наиболее приемлемым стилем дискурса, с точки зрения китайских пользователей, является косвенный индуктивный стиль [Jia and Cheng,

2000; Jia Xuerui, 2005]. Одно из исследований показывает, что во многих письмах-запросах, написанных китайскими учителями английского языка и учеными, сам запрос выражается только в конце письма [Hu Wenzhong, 1999]. Спрашивая у своих учителей-носителей языка разрешения уйти, китайские студенты почти всегда будут ходить вокруг да около. Сначала они дадут полный отчет по проблеме и только в самом конце выразят свое желание отсутствовать в классе, потому что они поступают именно так в случае со своими китайскими преподавателями. Подобные случаи вряд ли можно отнести к категории ошибок, так как большинство компетентных пользователей поступают точно так же.

В то время как преподаватели-носители английского языка, привыкшие к прямым дедуктивным моделям дискурса, часто жалуются на то, что им трудно понять, что имеют в виду их китайские студенты, преподаватели-китайцы испытывают гораздо меньшие трудности в понимании письменных сообщений своих студентов на английском языке. Но после того, как преподаватели-носители лучше узнают китайскую культуру и язык, пространные письменные произведения их студентов становятся более понятными. Несмотря на возможное недопонимание, частичный языковой перенос выполняет свою положительную функцию.

Несомненно, китайская разновидность английского языка обладает уникальными отличительными особенностями, которые раскрывают культурную идентичность, ценности и нормы, и обусловливают отклонения в устной и письменной речи китайцев на английском языке.

Функции китайского английского. Китайская разновидность английского языка как продолжение глобального английского функционирует в качестве средства межкультурной и внутрикультурной коммуникации как для носителей английского языка, так и для тех, для кого английский родным не является. В качестве регионального варианта международного английского языка, она берет на себя важные социальные и культурные роли, присущие только ей.

Китайский английский как носитель культуры Китая. Язык – явление гораздо более широкое, чем система звуков и слов; он используется для описания внутреннего и внешнего мира с точки зрения говорящих на нем людей. Выполняя эту функцию, язык выражает как восприятие мира, так и отношение к миру говорящих на нем людей. В языке сохраняются сведения о человеческой деятельности, таким образом, он становится незаменимым инструментом передачи и развития культуры. С одной стороны, язык порождается универсальной человеческой потребностью в общении, и, с другой – разные группы людей используют его различными способами. Другими словами, язык является и продуктом и неотъемлемой частью культуры. Все вышесказанное, несомненно, применимо и к китайской разновидности английского языка.

Во-первых, китайская разновидность английского языка выросла из потребности в общении с Китаем и о Китае. Культура Китая, принадлежащего восточной цивилизации, очень отличается от культуры англоговорящих стран, принадлежащих западной цивилизации. Существует огромное количество китайских реалий, таких как понятия, социальные нормы, еда, музыка, этническая культура и разнообразные\различные образы жизни, которые абсолютно не знакомы англоговорящему миру, он о них никогда не слышал, их даже трудно представить. Некоторые из этих реалий не поддаются переводу на английский язык, например: qi (气) – ци , Taoism (道) – Даосизм; и yinyuan (姻缘) – иньюань. Поэтому китайцам приходится быть очень изобретательными, чтобы ввести эти чисто китайские реалии в английский язык, на котором они говорят, и донести их значение до собеседников на английском, не зависимо от того, является ли английский для них родным или нет. Английский язык, будучи в высшей степени адаптивным и продуктивным, способен вместить в себя и опыт, накопленный китайской культурой. Лингвистические выражения, обозначающие уникальные китайские реалии, упомянутые ранее в данной статье, всего лишь несколько примеров того, как китайская культура находит отражение в китайской разновидности английского языка. Они обогащают глобальный английский язык новыми выражениями и формируют представление мира о богатой культуре Китая.

Во-вторых, китайская разновидность английского языка, являясь в основе своей продуктом китайской культуры, во многих отношениях формируется по модели китайского языка. Под моделью китайского языка подразумевается то, что, когда китайцы говорят на английском языке, отслеживается тенденция обрабатывать язык под влиянием системы китайского языка, которая усвоена ими ранее. Это явление, конечно, не является неизбежным и не всегда негативно – до

тех пор, пока осуществляется эффективная коммуникация. Фонетические, семантические, прагматические и стилистические характеристики средств лингвистического отображения, упомянутые ранее, показывают, что китайцы сформировали собственный тип мышления, отражающий их представления о мире, и манеру использования языка. Это естественным путем приводит к тому, что китайцы, говорящие на английском языке, в целом придерживаются общих моделей английского языка. Английский язык китайских СМИ, письменный и устный, вызывает множество дискуссий. Несмотря на все разногласия относительно английского языка в средствах массовой информации Китая, все споры касаются одного факта: английский, на котором говорят китайцы обладает общими характеристиками. Эти характеристики – результаты китайского образа мышления, китайского видения мира и приобщения к китайской культуре в целом. И если они используются регулярно, и способствуют эффективной коммуникации, их следует признать моделями китайской разновидности английского языка.

Китайская разновидность английского языка как отображение культурной идентичности и ценностей Китая. Говоря о том, что китайский английский – отображение культурных ценностей и самобытности Китая, мы говорим о социокультурных функциях языка. В процессе денационализации английский язык, как язык международный, не потерял своей культурной идентичности, как утверждают многие. Тот факт, что английский язык стал международным языком, не означает, что он лишен культурной составляющей. Когда английский используется в качестве лингва-франка[3], он просто является средством общения для тех, кто им пользуется. Нормы поведения, верования, ценности и индивидуальные особенности участников коммуникации остаются теми же, независимо от того, что они общаются на английском языке. Бессмысленно заставлять индийцев или китайцев, говорящих на английском языке, вести себя как американцы или британцы, когда они вступают в контакт друг с другом. Концепция английского языка как международного с множеством региональных вариантов, освобождает неносителей от культурных норм, присущих носителям. Им так же нет необходимости вести себя как носители языка, как это происходит при использовании английского для практических целей или при попытках создать обстановку, присущую носителям. «Сила английского языка в том, что его американский вариант отражает культуру Америки, а британский вариант – культуру Великобритании» («The strength of the English language is in presenting the Americaness in its American variety and the Englishness in its British variety») [Kachru, цит. по Honna, 2004]. Подобным образом английский язык как международный должен быть достаточно гибок для отображения культурного своеобразия Китая, когда на нем говорят китайцы. Культурные ценности и самобытность китайцев остаются прежними, независимо от того, на каком языке они говорят.

Когда китайцы разговаривают на английском языке, они остаются китайцами, думая и поступая, как китайцы. Язык является носителем культуры и с его помощью говорящий выражает свои мысли и чувства. Язык также является важным средством выражения и выстраивания идентичности, так как язык представляет собой средство, с помощью которого человек связывает себя с окружающими. В процессе общения человек постоянно вовлечен в выбор соответствующих способов ведения разговора. И этот выбор в значительной степени зависит от видения человека самого себя относительно окружающих. По словам Аронсон, «…само-идентификация может быть расовой (этническое происхождение), национальной (гражданство), религиозной или лингвистической. Однако главный вопрос самоидентификации – взаимоотношения между личностью и группами в данном окружении, так как люди – существа социальные» [цит. по Gao, 1998]. Восприятие взаимоотношений между личностью и другими является важнейшим аспектом культурных ценностей, который нелегко изменить, когда люди начинают изучать новый язык, а вместе с ним и культуру, в нем заключенную. Для японцев неиспользование степеней вежливости в ситуациях, когда они считают это необходимым, означает нарушение социальных норм, или отказ от усвоенных ими норм, как вести себя по отношению к вышестоящим по социальному статусу. Подобным же образом для китайцев чрезвычайно важно знать положение собеседника в социальной группе и в обществе в целом. Традиционно в иерархически структурированном китайском обществе, только когда человек знает свое положение относительно других, он может решить, о чем и как разговаривать с другими. В противном случае он рискует вызвать неодобрение или потерпеть неудачу в со-

[3] Язык межэтнического общения.

циальном взаимодействии. Ожидается, что совет от старшего или вышестоящего человека на рабочем месте воспринимается с одобрением или, по меньшей мере, с молчаливым согласием; любое прямое возражение или отказ, даже оправданные, воспринимаются как неприемлемое поведение. Подобная стратегия или ответ может исходить только от того, кто имеет большую власть над собеседником или равен ему по положению.

Культурная идентичность личности проявляется в том, как человек использует определенный язык. То, как китайцы используют английский язык, будь то их произношение, темы разговоров, кодирование и декодирование сообщений, раскрывает их культурную идентичность. Лингвистические особенности китайской разновидности английского языка служат маркерами, безошибочно указывающими на китайскую культурную идентичность и помогающими проводить различия между «своими» и «чужими». Примеры нетрудно найти среди китайских иммигрантов на Западе. Гао провел серию опросов студентов из КНР, проживающих в Австралии (Gao, 1998). Эти интервью продемонстрировали, что идентичность китайских иммигрантов легко прослеживаются в их речевом поведении на английском языке, как результат сильного влияния их родной культуры, даже если они проявляют сильное желание ассимилироваться с местной культурой.

Китайская разновидность английского языка как воплощение социальных взаимоотношений в Китае. Несмотря на то, что в основе китайскогой разновидности английского языка лежит глобальный английский язык, использование китайского английского – предмет социальных взаимоотношений в Китае. Английский язык – не просто лингвистическое явление. Прагматические правила, по сути своей, являются нормами, укоренными в культуре. На первый взгляд, речевое поведение представляет собой языковые высказывания, продуцируемые говорящими на том или ином языке. Зачастую – это стереотипные выражения, используемые для осуществления различных речевых актов, таких как приветствия, приглашения, соглашения, просьба и т. д. Однако прагматические высказывания – не просто лингвистические конструкции. В их основе лежат культурные нормы, которые определяют, что люди могут делать при помощи языка и как они должны реализовывать свои желания не языковом уровне. Извинения являются универсальным образцом поведения. Однако именно культурные нормы родного языка говорящего определяют ситуации, в которых необходимы извинения, стратегии, которые применяются при выражении извинений, а так же то, как адресат должен отвечать на извинения. В этом смысле извинение как речевой акт – ничто иное, как лингвистическая манифестация того, что говорящий считает оскорбительным и каким образом можно исправить нанесенную обиду. Это вопрос связан не столько с лингвистической, сколько с социокультурной грамотностью, так как именно последняя регламентирует приемлемое речевое поведение, в данном случае, извинения. То, что считается оскорбительным в одной культуре, может не восприниматься как оскорбление в другой [Song & Liu, 2002]. Культурные ценности и убеждения глубоко укоренены в человеческом сознании, они усваиваются и становятся частью нас. Усвоенные ценности и убеждения программируют наше речевое поведение. Они просто остаются с нами навсегда, даже когда мы используем другой язык. Если говорящий считает любого своего собеседника равным себе, он будет придерживаться более неформального и прямого подхода в своей речи. В противном случае, в разговоре с вышестоящими, возможно, будет использоваться более формальный и уклончивый подход.

Отбор речевых стратегий тесно связан с отбором социокультурных норм, так как в конечном итоге речевые нормы являются культурными правилами. Отделить речевое поведение от культурных норм невозможно. Принципы кооперации, выведенные Грайсом (Grice's Cooperative Principles), а также принципы вежливости, выведенные Личем (Leech's Politeness Principle) подвергаются постоянной критике из-за их ограниченности, так как они не характерны для речевого поведения в культурах стран за пределами Внутреннего круга [Bi Jiwan, 1997]. Применяя метод сопоставительного анализа Ладо (Lado), Сун и Лю утверждают, что люди, принадлежащие различным культурам, могут использовать различные языковые формы для выражения одних и тех же значений [Song & Liu, 2004]; более того, различные значения могут быть закодированы в одинаковые лингвистические формы. Соответственно речевое поведение зависит от времени, места, социальных взаимоотношений и множества других факторов. Следовательно, реализация и интерпретация соответствующего речевого поведения могут быть различными в

разных культурах. В случае с китайской разновидностью английского языка, правила речевого поведения также не избежали ограничений, обусловленных нормами китайской культуры. Не признавать это – нереалистично и непрактично.

Выводы

Китайская разновидность английского языка – результат эволюции глобального английского языка в Китае. Он является продуктом интернационализации и нативизации английского языка как языка международного общения в Китае. Нативизацию китайского английского необходимо рассматривать с социокультурной точки зрения, поскольку этот вариант английского языка является воплощением ценностей и норм китайской культуры, а также отражает национальную идентичность китайцев, использующих английский язык. Несмотря на то, что этот вариант английского языка еще только в стадии становления, он является твердо установившимся и развитым вариантом английского языка, выполняющим уникальную роль отображения культурной идентичности и ценностей Китая, а также воплощения социальных и лингвистических взаимоотношений, присущих Китаю. Уникальные характеристики китайской разновидности английского языка таят в себе большие перспективы развития.

Чтобы проиллюстрировать отличительные особенности китайской разновидности английского языка, автор предлагает вниманию читателей статью на китайском английском. Статья была опубликована в газете «Чайна Дэйли» (*China Daily),* которая издается на английском языке. Написана она в преддверии нового тысячелетия и дает читателям возможность в полной мере насладиться китайской разновидностью английского языка и расширить свои знания о культуре Китая.

Happy New Dragon Year!

The nation's new-found wealth has changed many aspects of our daily lives. But a lunar New Year's Eve family reunion lives on as an essential part of the annual calendar for many of us. The same is true of tonight's family feast.

While cabbage and potatoes have given way to fancy foods that many had not even heard of 20 years ago, jiaozi has remained a firm favourite. As the supply of food is no longer a problem in the country, tastes are diversifying and even verging on wired at times.

But the defining moment at the reunion banquet is still the point when steaming hot jiaozi is served. It is perhaps the only thing that can convey the warmth of home and hopes for the family in the coming year.

Eating jiaozi with the family on lunar New Year's Even may alone be justification for many for the long journey home.

The annual tide of Chinese heading home for a Spring Festival family reunion is still matchless human feat.

The strong sentimental attachment to home is like an eternal threat handed down from one generation to another.

People's willingness to pay extra money for a ticket home and to brave the sometimes close-to unbearable crowds has made train and air tickets the most popular buy at this time of the year and ticket speculation a lucrative seasonal job.

Annoying as it is for each home-goer, the gargantuan population flow is only a minor side-effect of the increasing mobility of our society.

Never before has the average Chinese had the latitude to decide for him or herself where to live and work. The days when people were glued to the place where, in most cases, they were born are gone. The economic leverage is breaking down the last policy barring to the free movement of people across regions.

The facts that more and more ordinary Chinese are opting to holiday overseas during the festival more and more countries want to become official destinations of Chinese tourists groups reflects another aspect of the mobility that used to be impossible for many of us.

Mushrooming travel agencies specializing in holiday tours thrive on the bulging pockets of the average Chinese. Even the government is waiting anxiously for the anticipated buying spree during the first week-long public holiday for the Spring Festival.

While sumptuous feasts are already the norm for the average Chinese family, the symbolism of the Spring Festival is becoming purer than ever as an occasion of family reunion.

Let us raise a toast to the happiness of all tonight at our family reunion as we Chinese greet the Year of the Dragon.

China Daily Commentary (цит. по Jin Huikang 2005: с. 156–158).

ЛИТЕРАТУРА

1. Bi, J. W. Politeness is cultural specific // Symposium of 5th international conference on cross-cultural communication. Ed. Jia Yuxin. – Harbin: Harbin Institute of Technology Press, 1997. – pp. 46–51.

2. Breidenbach, J. & Zukrigl. I. The dynamics of cultural globalization. The myths of cultural globalization. Cultural Collaboratory, Research Institute for Austrian and International Literature Cultural Studies.-1999. /Available at http://www.inst.at/studies/collab/breidenb.htm. [Accessed: March, 12th, 2006].

3. Cannon, G. Chinese borrowings in English // 1988American Speech, 63(1), 3–33.

4. Du, R. & Jiang Y. China English in. the past 20 years// Foreign Language Teaching and Research. – 2001, Vol. 4.– pp. 37–41. (In Chinese).

5. Gao, M. C F Influence of Native Culture and Language on Intercultural Communication: the Case of PRC Student Immigrants in Australia. – 1998. Available at http://www.imm.se/intercultural/nr4/gao.htm [Accessed April, 4th, 2004].

6. Honna, N. 2004. English as an Asian language: A multicultural perspective. Lecture at Harbin Institute of Technology on Sept. 2, 2004.

7. Honna, N. Einglish as a multicultural language and intercultural literacy // Southern Review – 2003. Vol. 18, pp. 1–16.

8. Hu, W. Indirectness revisited-On the communicative style in two types of Chinese letters.// Aspects of International Communication–Symposium of 2nd CAFIC Conference on Intercultural Communication. Ed. Wenzhong Hu. – Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 1999. – pp. 315–334.

9. Jia, G. & Xiang M. In Defense of China English.// Foreign Languages and Their Teaching. – 1997, Vol. 5, pp. 34–38.

10. Jia, X.& Jia, Y. The Emerging and Construction of Individualistic Identity in Modern China. // Intercultural Communication Studies. – 2006, Vol. 15 (3).

11. Jia, X.. A Contrastive Analysis of Chinese and American Rhetoric // Intercultural Communication Studies. – 2005. – Vol. 14 (2), pp. 90–101.

12. Jia, Y. X. & Cheng, C. (2002). Indirectness in Chinese English writing // Asian Englishes. – 2002. – Vol. 5 (1), pp. 64–74.

13. Jiang Yajun, 2003 English as a Chinese Language English Today, Vol. 74, No. 2.

14. Jiang, Y. Chinglish and China English. // English Today. – 1995.– Vol. 11, No. 1.

15. Jin, Huikang. China English.– Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2004.

16. Kirkpatrick, A. English as an Asian language // The Guardian. Weekly. – 2000, Nov. 23, pp. 16–22.

17. Lin, D. Studies of Intercultural Communication. Fuzhou: Fujian People's Press. – 1996. (In Chinese)

18. Pan, Z. Linguistic and Cultural Identities in Chinese Varieties of English // Peking University Press. – 2005.

19. Song, L. & Liu, L. Apology in Chinese and English // International Communication Studies. – 2002. – Vol. 11. – pp. 141–154.

20. Song, L. & Liu, L. Contrastive Approach to the Study of Cross-Cultural Communicative Behavior. // Inter-cultural Studies. – 2004, Vol.4 (2). – pp. 39–48.

21. Thomas, J. Cross-cultural pragmatic failure // Applied Linguistics. – 1983. – Vol. 4. – pp. 91–112.

22. Zhang, Z. J. & Yuan X. J. A concise Chinese-English dictionary of Chinese proper names and terms. – Beijing: Beijing University Press, 1994.

О КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ В ИНДИЙСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

И.В. Нагиба

Нагиба Ирина Вадимовна – старший преподаватель кафедры английского языка Восточного института Дальневосточного государственного университета.

Данная статья посвящена особенностям функционирования категории наклонения в индийском английском (ИА), характерным именно для этого варианта английского языка. За этими особенностями могут стоять исторические, интерференционные и лингвистические причины. С точки зрения исторического развития, для ИА характерен стилевой сдвиг в сторону большей формализации языка. Интерференцией автохтонных языков можно объяснить предпочтение носителями ИА перфектных форм сослагательного наклонения. Языковой природе ИА присуща тенденция к сохранению и употреблению, наряду с современными, архаичных грамматических форм.

Ключевые слова: индийский английский (ИА), автохтонные языки, интерференция, сослагательное наклонение, придаточное предложение, перфектная форма, простая форма, old Subjunctive, девиантный, условное наклонение.

Обычно, говоря о межкультурной коммуникации, имеют в виду общение представителей различных культур, при этом под культурой подразумевают культуру той или иной страны, хотя границы культуры и страны совпадают далеко не всегда. Средством такого общения в конце XX – начале XXI века чаще всего становится английский язык, который исследователи называют лингва-франка, т. е. общий язык общения [8: с. 16]. Действительно, языковая ситуация, сложившаяся в мире в настоящее время, практически уникальна, что дало право В.В. Кабакчи назвать ее лингвореволюцией, суть которой сводится к глобальной билингвизации, выраженной формулой АЯ+НацЯ, где АЯ – английский язык, а НацЯ – национальный язык носителя-билингва [7: с. 80].

Английский язык стал глобальным инструментом межкультурной коммуникации, посредством которого неанглоговорящие общества и индивидуумы раскрывают особенности родной культуры и через него же знакомятся с особенностями и достижениями других культур. Важно при этом, что английский язык является нейтральным средством общения, он используется в тех сферах, где у многих языков и народов имеются отрицательные коннотации [24: с. 7–8].

Все вышесказанное в полной мере относится к индийскому варианту английского языка (ИА), который играет роль языка-посредника для индийцев не только вне, но и внутри Индии с ее многонациональным и многоконфессиональным населением.

ИА был выделен, наряду с другими новыми вариантами и разновидностями английского языка, американским ученым индийского происхождения Б. Качру. Он предложил свою модель распространения английского языка в мире, которую называют теорией концентрических кругов или колец, где в первом – внутреннем круге расположились так называемые старые, или старшие [6: с. 21] варианты английского языка: британский английский (БА), американский английский (АмА), канадский английский, австралийский и новозеландский английский. Во втором – наружном круге располагаются такие варианты английского, как сингапурский (СА), индийский (ИА) и др. Это в основном варианты английского языка, для носителей которого он является не родным, а вторым языком, но который активно используется языковым коллективом для внутриколлективного общения.

Третий, или расширяющийся круг составляют разновидности английского языка, используемые в таких странах, как Норвегия, Россия, Китай и т. д., для общения с другими языковыми коллективами вне страны в основном в сфере дипломатии, политики, внешней торговли, международного туризма и прочие.

Б. Качру определяет ИА как институционализированный вариант английского языка, поскольку он поддерживается государственными институтами. ИА внесен в конституцию Индийской Республики (временно), он является официальным языком индийского парламента, на нем ведется судопроизводство в судах высшей инстанции, он также язык среднего и особенно высшего образования. Во многих случаях английский язык более предпочтителен при общении носителей двух разных индийских языков, особенно в южных регионах страны, где крайне неприязненно относятся к хинди и хиндиговорящему населению.

Индийскому английскому, как и всем новым вариантам английского языка, свойственен ряд

своих особенностей, возникших в результате языковой интерференции, под влиянием автохтонных языков в процессе языкового контакта. Такой процесс Качру назвал нативизацией, а в применении к Индии – индианизацией английского языка. З.Г. Прошина определяет нативизацию как приспособление языка к функционированию в новых социально-культурных условиях [10: с. 36].

Результатом такого воздействия является возникновение в новом варианте языка различного рода отклонений от норм его первичных вариантов. Подобные отклонения лингвисты подразделяют на инновации и девиации. Эти отклонения затрагивают все уровни языка, они являются системными, принимают статус узуальной нормы и не мешают взаимопониманию коммуникантов [11: с. 125].

Одной из таких девиаций является нарушение морфологической нормы английского языка в его общепринятых вариантах (БА или АмА).

Нас заинтересовали прежде всего особенности функционирования глагола как части речи, поскольку в условиях жесткого порядка слов и высокой степени аналитизма английского языка глагол является «становым хребтом» английского предложения. Ранее нами уже были рассмотрены особенности использования носителями ИА видовременных форм. Данная работа посвящена проблеме функционирования категории наклонения в индийском английском.

Описывая и анализируя особенности категории наклонения в ИА, мы в основном склонны говорить об особенностях сослагательного наклонения. Повелительное наклонение в ИА, несомненно, обладает своими особенностями, в частности в том, что касается выражения просьб. Так, согласно Р. Мехротре, в ИА в отличие от старых вариантов языка слова «please», произнесенного даже с падением тона, достаточно, чтобы предложение осознавалось не как команда, а как вежливая просьба [25: с. 101–102]. Однако в исследованном материале нам не встретилось сколько-нибудь значимо выраженных девиаций в образовании и употреблении форм повелительного наклонения. Возможно, это опять-таки объясняется стилевыми особенностями журнального и художественного текста, взятого нами для анализа, хотя в художественных произведениях воспроизводится разговорный язык индийского среднего класса 30–50 гг. XX века, за исключением повести «Blood at Sunset» [22: p. 62–82], в которой описываются события XVI века.

Напротив, в том, что касается употребления сослагательного наклонения, отобранный материал представляет собой достаточное основание для анализа. Прежде чем перейти непосредственно к описанию особенностей сослагательного наклонения, свойственных ИА, нам бы хотелось уточнить определение того, что мы понимаем под понятием «сослагательное наклонение» в современном английском языке, поскольку количество теорий, трактующих этот вопрос, достаточно велико. Мы понимаем под «сослагательным наклонением» вслед за К.А. Корнеевой и др. «все способы выражения гипотетического действия», которые «обладают различными оттенками гипотетичности» [9: с. 105].

Следуя данному критерию, мы отобрали в исследуемом материале 743 формы сослагательного наклонения, что составило ≈2 % всех отобранных глагольных форм. Распределение форм по типам предложений в абсолютных величинах и в процентном соотношении приведено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение форм по типам предложения

Тип предложения							
Условные	Сравн. и предик.	Цели и эмоционал.	Дополн. после wish и would	Определ. It is time	Дополн. Предик. Определ.	Прост. Предл.	Уступит.
193 26 %	189 25,4 %	37 5 %	6 0,8 %	4 0, 5 %	31 4,2 %	279 38 %	5 0,7 %

Собственно, девиантных форм было выделено 87, что составило 12 % от всех форм сослагательного наклонения. В табл. 2 приведено распределение девиантных форм в абсолютных величинах и в процентном соотношении.

Таблица 2

Распределение девиантных форм по типам предложения

Тип предложения				
Условные	Сравнительные Предикативные	Цели и эмоциональные	Дополнительные Предикативные Определительные	Простые
55 63 %	2 2 %	1 1 %	2 2 %	29 33 %

Условные придаточные предложения

Основные выделенные девиации сводятся к 4 типам:

1) использование перфектной формы сослагательного наклонения вместо простой для обозначения общих предположений и предположений, относящихся к моменту речи;

2) использование простой формы вместо перфектной при описании прошлой гипотетической ситуации;

3) использование перфектной формы в предложениях так называемых смешанного типа для выражения отношений, эмоций и т. д.;

4) использование элементов сослагательного наклонения в реальных условных предложениях.

Из 55 условных предложений 20 предложений (36 %) приходится на девиантные общие предположения, из которых 12 (22,6 %) содержат перфектную форму в главной части предложения для обозначения ситуации в настоящем:

«If older women could show enough understanding and sympathy toward the younger ones, the very structure of society *would have been* different» [14: p. 165].

Одно предложение (1 %) содержит перфектную форму в условной части, обозначающей ситуацию в настоящем или будущем: «But if he *had had* a fleet of makeup men waiting in the wings, an agent, a contract, a percentage of the profits – what then would he be?» [31: p. 231].

Четыре предложения (7,5 %) содержат перфектную форму как в главной, так и в придаточной части предложения, которые описывают ситуацию в настоящем:

«If Subarna *had started* to cry, he *would have felt* both happy and relieved» [14: p. 42].

11 (22 %) предложений из отобранного материала приходится на употребление простой формы вместо перфектной при описании прошлой гипотетической ситуации:

«Dulo would have been killed if Prabhas and the others *could have* their way» [14: p. 66].

Шесть предложений (≈11 %) представляют собой девиантный смешанный тип, из них четыре относятся к смешанному типу, описывающему отношения и эмоции, а два – причинно-следственные отношения, где причина относится к прошлому, а следствие – к настоящему времени:

«*Had* she *been* good and gentle and kind, would she have survived at all?» [14: p. 142].

«Had they been brought up traditionally, they *would have been* more respectful towards their parents, if only to meet the requirements of tradition» [14: p. 151].

В последнем примере следствие относится к моменту речи.

Четвертый тип отклонения представлен довольно большой группой следующих предложений:

«If I *sleep* on the verandah, we'*d* both *feel* happier, you'll see» [14: p. 197].

Всего число подобных предложений составляет 17, т. е. около 30 % от общего числа девиантных условных предложений. С. Парашер в своей работе отмечает, что носители ИА достаточно часто употребляют подобные предложения, в то время как носители БА предпочитают либо четко выраженные формы сослагательного наклонения, либо четко выраженное изъявительное наклонение в обеих частях предложения. Носители же АмА не против использования индикатива в главном предложении [28: p. 173]. По словам Б. Качру, А. Киндерсли в 1938 г. также отмечал тенденцию употреблять *If I did* вместо *If I do* и *would* вместо *will* для выражения неясного будущего или неопределенного настоящего времени [24: p. 35].

В современных британских грамматиках можно найти сходные предложения: *I'm not tired and I wouldn't sleep* [27: p. 80] и *If I made the wrong decision, I'll apologize* [15: p. 198], но они не идентичны зафиксированным в материале, так как первое не является условным, а второе описывает реальную, а не гипотетическую ситуацию.

С целью подтверждения девиантного характера данных предложений нами был проведен небольшой эксперимент. Данная группа предложений была предложена для просмотра носителю БА (со степенью доктора философии) и двум носителям АмА (один со степенью магистра, другой со степенью бакалавра искусств). Они посчитали подобные предложения неприемлемыми и заменили их либо на индикативные формы (80 % случаев), либо на сослагательное наклонение в обеих частях предложения (20 %).

Подобным же образом были проанализированы и предыдущие три типа девиаций. Девиантными, с точки зрения носителя БА, оказались 89 % предложений и 84 % – с точки зрения носителей АмА. Таким образом, только 11 % и 16 % случаев носители старых вариантов АЯ посчитали нормативными. В основном это были случаи, где возможны оба варианта, например: «*Would* Chinese food *have remained* (or *remain*) authentic if there still was a large Chinese community?» [17: p. 17].

Согласно М. Свону и К. Уолтер, «…некоторые предположения могут быть выражены и перфектной формой при описании настоящей или будущей ситуации, которая теперь невозможна, поскольку так вышло» [30: с. 263]. Именно эти случаи и были опознаны носителями языка как нормативные, остальные были определены как девиантные.

Случаи употребления простых форм вместо перфектных для описания прошлой гипотетической ситуации оказались наиболее спорными, как и смешанный тип условных предложений. Носитель БА отметил данные предложения как ненормативные, в то время как мнения носителей АмА разошлись по поводу следующих предложений: *«Dulo would have been killed if Prabhas and the others could have their way».* Один носитель АмА исправил предложение, дав два варианта в придаточном предложении: c*ould have had* или *had had*, в то время как второй оставил эту фразу без изменения и резко возражал против формы *had had*.. Возможно, это связано с отмеченной Г.А. Вейхманом тенденцией к вытеснению в разговорном АмА сложной формы сослагательного простой формой, даже если по смыслу нужна сложная перфектная форма [2: p. 51]. В предложении *Mammachi often said if only he hadn't been a Paravan, he might have become an engineer* носитель БА без колебаний исправил *hadn't been* на *wasn't*. Носители АмА оценили предложение как приемлемое, хотя один посчитал, что возможны оба варианта: *weren't* a Paravan и *hadn't been* a Paravan.

Такую же трактовку носители АмА предложили для предложения *Mammachi would have despised Margaret Kochamma even if she had been heir to the throne of England* , посчитав приемлемыми и *had been* и *were*, в то время как носитель БА предпочел форму *were*.

Эти же предложения в переводе на хинди мы предложили для обратного перевода двум носителям ИА: одному L□ хинди второму L□ гуджарати, оба с университетскими степенями бакалавра. Степень совпадения с отобранными материалами составила 75 % для носителя L1 хинди и 66 % для носителя L□ гуджарати. Таким образом, практически, во всех случаях употребления в материале перфектной формы, наши индийские коммуниканты также употребили перфектную форму сослагательного наклонения. Результаты эксперимента отражены в табл. 3.

Таблица 3

Сходство трактовок условных придаточных предложений и простых предложений с сослагательным наклонением носителей разных вариантов АЯ

Отобранный материал	Носитель БА	Носители АмА	Носитель L1 хинди	Носитель L1 гуджарати
100 %	11 %	16 %	75 %	66 %

Таким образом, можно сделать предположение о предпочтении носителями ИА перфектных форм для выражения гипотетических ситуаций различных оттенков.

Причины такого употребления, видимо, кроются в языковой интерференции. Так, в языке хинди существует 4 формы условного наклонения и 4 формы сослагательного наклонения: простая, длительная, сложная несовершенная и сложная совершенная. Однако их значения не совпадают со значением простой и перфектной формы сослагательного предложения в английском языке. В самих формах не заложена информация о моменте совершения действия. Эти формы не относятся ни к какому определенному моменту времени. Временной момент определяется либо по контексту, либо выводится из значения обстоятельства времени. Гораздо важнее, что действие мыслится либо как завершенное, либо как длящееся, либо как незавершенное нереальное действие [3: с. 149–159; 4, с. 260–262; 344–345, 411–413]. Другими словами, если действие мыслится говорящим как гипотетическое, но завершившееся в будущем, то носитель ИА, скорее всего, остановит свой выбор на перфектной форме английского сослагательного наклонения, невзирая на тот факт, что носители L□□языка используют такую форму для описания прошлой гипотетической ситуации. И, наоборот, если в прошлом ситуация им оценивается как незавершенная, то и для описания прошлой нереальной ситуации будет выбрана простая или сложная незавершенная форма сослагательного/условного наклонения в родном языке и соответственно простая форма сослагательного наклонения в английском языке. Если проанализировать с этой точки зрения предложение *Dulo would have been killed if Prabhas and the others could have their way*, то становится понятна логика употребления простой формы в придаточном предложении: воли-то ведь Прабхасу и другим не дали, мальчик Дуло остался жив, значит, ситуация в прошлом не завершена.

Нечто подобное наблюдается и в простых предложениях с сослагательным наклонением. Из 29 девиантных предложений 28 имеют перфектную форму для описания общей ситуации или ситуации в момент речи и лишь в одном, напротив, простая форма описывает прошлую гипотетическую ситуацию, которую также интересно проанализировать с точки зрения интерференции. Речь идет о том, что в дом проник вор и унес часть женских украшений, но почему-то не все, и появляется форма *Wouldn't he simply take…?* С точки зрения носителя ИА здесь все логично, ведь вор не реализовал свое намерение, ситуация мыслится как незавершенная, что и отражено простой формой сослагательного наклонения.

Ср.: «Tell me, *would* you *have allowed* someone else to thrash your child to death?» [14: p. 111].

Таким образом, факт важности завершенности действия, а не момента его совершения, вероятно, справедлив не только для реальных действий, но и для описания гипотетических ситуаций.

Сравнительные и предикативные придаточные предложения с союзами *as as if/as though*

В отобранном материале эти предложения оказались третьими по количеству (табл. 1).

Сам по себе факт такого достаточно большого количества сравнительных и предикативных придаточных предложений может быть объяснен несколькими причинами. Большая часть материала представляет собой художественный текст, поэтому одной из причин может быть стилистическая, так как целый ряд предложений представляет собой образные сравнения:

«He took a piece of burning coal in his hand as if *he were playing with a flower*» [13: p. 1].

Но представляется, что это не единственная причина. Второй причиной может быть интерференционная. Союзы *mano* (словно) и *geise* (будто) в хинди присоединяют подлежащные придаточные предложения, выступающие в роли подлежащего, которое отсутствует в главной части сложноподчиненного предложения [3: с. 203]. Возможно, что носители ИА осознают подобные придаточные предложения как подлежащее, имитируя синтаксис предложения в родных языках. Тогда становится понятным количество сравнительных (130) и предикативных (59) придаточных предложений, ряд которых не несет образной нагрузки:

«It was not as if *in the intervening month Pakistan had dismantled* the extensive terrorist infrastructure in PoK» [16: 41].

Вторая особенность, которая четко выделяется в отобранном материале, заключается в преобладании союза *as though* над союзом *as if*. Союз *as if* был употреблен во всем материале 59 раз, в то время как союз *as though* 130 раз, т. е. в 2,2 раза чаще. Так, 101 раз союз *as though* употребляется в сравнительных придаточных предложениях (*as if* 29) и 29 раз в предикативных (*as if* 30). Возможно, что *as though* осознается носителями ИА как более книжный, более уместный в письменной речи вариант союза. Книжная традиция очень сильна в индийской прозе, для языка хинди это – традиция санскрита. Письменная речь и разговорная речь значительно отличаются, что отмечают индийские литературоведы. Еще в начале XX века в прессе разгорались ожесточенные дискуссии по поводу употребления в литературных произведениях тех или иных слов, идиом, частиц [23: p. 247]. ИА в силу истории своего развития также тяготеет к книжности и официальности в целом, и не только в книжных стилях языка. Этой тенденции способствовало два фактора: 1) распространение английского языка как средства делового общения и проникновение его в этом виде и в более интимные сферы общения; 2) введение формального среднего и высшего образования на английском языке. [12: с. 153–154].

Индийцы изучают и усваивают английский в основном из книг, несмотря на широкие международные связи, обучение за рубежом, интернет и т. д. Вероятно, такой изысканный подход к отбору языковых средств повлиял на выбор союза *as though*, хотя согласно британским нормативным изданиям, он ничем не отличается от союза *as if* [29: p. 734; 27: p. 234]. Однако это предположение требует дальнейшего исследования.

Что касается собственно отклонений, то их было зафиксировано всего два, одно связано с употреблением перфектной формы вместо простой при описании общего предположения, второе – при описании ситуации в момент речи:

«Aleyooty Ammachi (речь идет о портрете – Н.И.) looked more hesitant as though she *would have liked* to turn round but couldn't» [31: p. 30].

«Margaret Kochamma's mother was looking away (на фотографии – Н.И.) as though she *would rather not have been* there» [31: p. 240].

Придаточные цели и придаточные после слов, выражающих эмоции

Данные предложения составляют около 5 % от общего числа зафиксированных форм. В работе С. Парашера отмечается, что носители ИА склонны употреблять *could* вместо *can* или *may* для передачи фактической возможности в придаточных цели [28: с. 174]. В отобранном материале нами не было зафиксировано предложений с *may, might* или *should*. Семь предложений имели в придаточной части Present Simple, одно – Past Simple. Остальные имели can/could и will/would по согласованию времен, вполне в соответствии с нормой.

Что касается так называемого эмоционального сослагательного наклонения, то таких предложений было зафиксировано четыре, из которых одно предложение носит отчетливый девиантный характер: «He fears that people *would* cast an evil eye on me» [22: p. 165].

Остальные три распределились следующим образом:

«He grew afraid *lest* somebody *should* again *seize* him» [13: p. 18].

«Soma got worried *lest* it *goes* to Rajjo's house» [22: p. 164].

«He was keen that they *be seen* waiting» [31: p. 273].

Все три предложения носят формальный характер, о чем говорит употребление союза *lest*, формы *old Subjunctive* и глагола *should* [15: p. 96]. Конечно, соотношение сугубо книжных элементов и более разговорных форм невелико, но подобные примеры еще раз служат подтверждением стилевого сдвига ИА.

Союз *lest* был зафиксирован и в двух предложениях цели:

«Take this letter; hold it between your two fingers, not on your palm *lest* it *get* crumpled» [13: p. 56].

«I cannot let somebody touch my body *lest* my mother goddess *becomes* angry» [13: p. 23].

В первом случае, как видно, опять употреблен *old Subjunctive*.

Придаточные предложения после слов со значением волеизъявления

Количество предложений данного типа в отобранном материале составило 31 (4,2 %). Наши данные значительно расходятся с данными С. Парашера, который приводит примеры that-clause с употреблением глагола *may+infinitive*. В его материале зафиксировано 19,6 % подобного употребления. Основу его материала составляли личные и деловые письма образованных носителей ИА. Про сам тип предложения в целом С. Парашер со ссылкой на Р. Куирка пишет, что он употребляется в основном в книжных стилях и в АмА [28: p. 172] и не является важной категорией.

Возможно, наши данные действительно ограничены стилем материала, о чем мы упоминали выше, но из 31 предложения 25 имеют в придаточной части *old Subjunctive*, два имеют глагол *should*, и два носят девиантный характер, имея в придаточном предложении глагол *would* и *must.*

«The position…requires that the applicant *must have* an advanced university degree» [21: p. 47].

«She insisted…that she wouldn't reconvert» [31: p. 26].

Два предложения имеют соответственно *was* и *is* после глагола волеизъявления, что характерно для БА в том случае, если рекомендация в главном предложении выполнена [2: с. 57–58; 27: p. 46].

Согласно Свону, *old Subjunctive* необычен для БА, а в АмА такие конструкции употребляются в формальном стиле [29: p. 580].

Наш материал отобран из популярных журналов и художественных текстов, причем большая часть примеров (19) приходится на художественные тексты, где герои вовсе не стремятся говорить, как члены парламента и тем не менее в предложениях употреблен *old Subjunctive*. Возможно, тому есть ряд причин: 1) стилистико-историческая; 2) интерференционная; 3) лингвистическая.

Выше мы уже говорили о стилевом сдвиге, обусловленном историей распространения английского языка в Индии. Вероятно, до известной степени, употребление *old Subjunctive* объяснимо в журнальных материалах, поскольку речь там идет о политических и судебных действиях:

«The Congress demands that we be together» [18: p. 36].

Но таких примеров, как правило, меньшинство. Кроме того, есть два примера употребления изъявительного наклонения, например:

«Pappachi insisted that a college education *was* an unnecessary expense for a girl, so Ammu had no choice but to leave Delhi and move with them» [31: p. 38].

Если учесть употребление *must* и *would, is/was* и *old Subjunctive* в нашем материале, *may/might* в материале Парашера, то объяснить такое разнообразие форм лишь одним стилевым сдвигом не представляется возможным.

Говоря о влиянии американского английского на индийский английский, необходимо отметить, что влияние такое есть, особенно на молодежный язык крупных индийских городов. Однако в отобранном нами материале было отмечено всего несколько американизмов, как-то *Coca-cola, Elvis Presley, gas station, brunch, US dollar.* В том, что касается морфологии, даже и такого количества американизмов не нашлось. Один раз была отмечена типично американская форма *had gotten* и один раз *had proven*. Кроме того, американизация лишь одной формы сослагательного наклонения в одном типе придаточного предложения выглядит достаточно неубедительно.

В этой связи представляет интерес точка зрения таких лингвистов, как Дж. Дейви и Р. Местри. Оба они полагают, что далеко не все явления в новых вариантах можно объяснить влиянием автохтонных языков или нормативного английского языка XX–XXI вв. Для исторической достоверности, считает Местри, нужно постоянно помнить о том, что английский язык периода колонизации отличался от современного языка и не являлся единственным источником образования нового варианта английского языка [26: p. 453]. Далее он цитирует точку зрения Дейви по этому поводу, о том, что далеко не всякая девиация от современного нормативного английского языка будет обязательным и неоспоримым свидетельством новизны [26: p. 454]. Многие явления, по мнению Местри, которые сейчас считаются девиациями, имеют вполне английское (британское) происхождение и отмечены как таковые в этимологических словарях.

Возвращаясь к разнообразию форм в придаточных предложениях после слов волеизъявления, можно вспомнить, что на протяжении XVII–XVIII веков, в эпоху наиболее интенсивной колонизации полуострова Индостан, английский язык как литературный, а главное как национальный, находился в процессе становления. Именно в этот период зафиксировано большое число не устоявшихся, переходных форм грамматических категорий различных частей речи. Возможно, что широкое разнообразие глаголов после слов волеизъявления, является закрепившимся в ИА пережитком новоанглийского периода развития языка. И.П. Иванова и др. относят возникновение аналитических форм сослагательного наклонения к XVII–XVIII векам [5: с. 190]. К. Бруннер отмечает, что в «…ранних текстах новоанглийского периода сослагательное наклонение было гораздо более распространено. Сослагательное наклонение употребляется в дополнительных придаточных предложениях после глаголов высказывания, желания, предположения» [1: с. 298].

Среди глаголов, послуживших для образования аналитических форм сослагательного наклонения, И. П. Иванова и др. называют *might + infinitive, should + infinitive, would + infinitive* и, частично, *may + infinitive* [5: с. 190]. Возможно, что употребление форм с *might/may* и *old Subjunctive* связано с тем, что эти формы сохранились в ИА с XVII–XVIII вв.

Тот факт, что в ИА сохранились и до сих пор употребляются архаичные формы, подтверждается и другими нашими данными, например:

«*Would* that the Government was able to pull off even this» [21: p. 32].

«Whatever *be* our relations elsewhere…» [22: p. 68]. Всего таких примеров в нашем материале 12 (1,7 %).

Вышеприведенные примеры могут свидетельствовать о том, что ИА имеет тенденцию к сохранению и употреблению архаичных форм не только в том, что касается лексического состава, но и в том, что касается некоторых морфологических категорий, в частности, сослагательного наклонения.

Таким образом, особенности сослагательного наклонения в индийском варианте английского языка, а именно: предпочтение перфектных форм простым в условных придаточных предложениях и употребление архаичных форм, наряду с современными в придаточных предложениях, дополнительных, предикативных, цели, определительных, обусловлены рядом причин, среди которых можно назвать интерференционную, выражающуюся в индианизации английского языка под влиянием автохтонных языков, стилистическую, выразившуюся в стилевом сдвиге ИА в сторону большей формализации речи и лингвистическую, проявляющуюся в тенденции к сохранению и употреблению достаточно архаичных форм грамматических категорий частей речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бруннер, К.* История английского языка / *К. Бруннер*. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. – Т. 2 – 391 с.
2. *Вейхман, Г. А*. Новое в английской грамматике: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / *Г.А. Вейхман*. – М.: ООО «Изд-во Астрель», 2001. – 128 с.
3. *Газиева, И. А*. Элементарная грамматика хинди/ *И.А. Газиева*. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2006. – 240 с.
4. *Дымшиц, З. М.* Учебник языка хинди / *З. М. Дымшиц, О.Г. Ульциферов, В.И. Горюнов*. – М.: Наука, 1983. – Ч. III. – 701 с.
5. *Иванова, И. П.* История английского языка / *И.П. Иванова, Л.П. Чахоян, Т.М. Беляева*. – СПб.: Изд-во «Лань», 1999. – 512 с.
6. *Ильина, С.С.* Обращение в сингапурском варианте английского языка / *С.С. Ильина*. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2007. – 207 с.
7. *Кабакчи, В. В*. Лингвореволюция конца XX века и изменение лингвистической парадигмы // Англистика в XXI веке: материалы конф., 22–24. 11. 2001. – СПб.: Филол. Фак-т СПбГУ, 2002. – С. 80–86.
8. *Ощепкова, В.В.* Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии / *В.В. Ощепкова*. – СПб.: Глосса/Каро, 2004. – 336 с.
9. Пособие по морфологии английского языка / *Е. А. Корнеева* [и др.]. – М.: Высш. шк., 1974. – 232 с.
10. *Прошина, З.Г.* Лингвоконтактология: статус, проблемы, перспективы // Социальные и гуманитарные проблемы на Дальнем Востоке. – 2005. – № 1 (15). – С. 124–128.
11. *Прошина, З. Г.* Английский язык и культура народов Восточной Азии: монография / *З. Г. Прошина*. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2001. – 474 с.
12. *Семенец, О. Е.* Социальный контекст и языковое развитие: территориальная и социальная дифференциация английского языка в развивающихся странах / *О. Е. Семенец*. – Киев: Вища школа, 1985. – 175 с.
13. *Dave, H.* Henceforth. Translated from the Gujarati / *H. Dave*. – Madras: Macmillan India Ltd, 1996. – 89 p.
14. *Debi, A. Subarnalata*. Translated from the Bengali / *A. Debi*. – Chennai: Macmillan India Ltd, 1997. – 213 p.
15. *Hewings, S.M*. Advanced Grammar in Use / *S.M. Hewings*. – Cambridge, Cambridge University Press, 2002. – 340 p.
16. *India Today*. 2004. – Vol. XXIX, № 9. – P. 6–72
17. *India Today*. 2004. – Vol. XXIX, № 26. – P.2–81.
18. *India Today*. 2004. – Vol. XXIX, № 36. – P. 6–63.
19. *India Today*. 2004. – Vol. XXIX, № 50. – p. 8–50.
20. *India Today*.2004. – Vol. XXI, № 51. – P. 1–71.
21. *India Today*. 2005 – Vol. XXX, № 2. – P. 1–78.
22. *Indian Literature*. 2002 – Vol. XLVI, № 31209. – P. 60–192.
23. *Jindal, K. B.* A History of Hindi Literature / *K. B. Jindal* – New Delhi: Munshiram Manjhasal Publishers Put. Ltd, 1993. – 420 p.
24. *Kachru, B.* The Indianization of English: the English Language in India / *B. Kachru.* – Delhi: Oxford University Press, 1983. – 140 p.
25. *Mehrotra, R. R.* How to be Polite in Indian English//Int'l J. Soc. Lang., 1995. – № 116. – P. 99–110.
26. *Mesthrie, R.* The World Englishes Paradigm and Contact Linguistics: Refurbishing the Foundations // World Englishes, 2003. – Vol. 22, № 4. – P. 448–461.
27. *Murphy, R.* English Grammar in Use / *R. Murphy*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 350 p.
28. *Parasher, S. V*. Indian English: Functions and Forms/ *S. V. Parasher*. – New Delhi: Bahri Publications, 1991. – 193 p.
29. *Swan, M.* Practical English Usage / *M. Swan*. – Moscow: Vysšaja Škola, 1984. – 552 p.
30. *Swan, M., Walter, C.* How English Works / *M. Swan, C. Walter*. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 358 p.
31. *Roy*, *A*. The God of Small Things / *A. Roy*. – New Delhi: Penguin Books India, 2002. – 340 p.

КУЛЬТУРНЫЕ КОНСТАНТЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОБРАЗ ВОДНОГО ПРОСТРАНСТВА В ЛИРИКЕ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

Е.Н. Матвеева

Матвеева Елена Николаевна – старший преподаватель Благовещенского государственного педагогического университета.

Данная статья посвящена определению роли культурных констант художественного текста как элементов эстетической коммуникации. Вопрос рассматривается на примере функционирования культурно-значимого образа водного пространства в поэзии Игоря Северянина. В работе используется методика изучения образных парадигм по Н.В. Павлович.

Ключевые слова: культурные константы, художественная коммуникация, эстетическая коммуникация, эстетическое значение, образ, парадигма образов, функционально-семантическое поле.

Одним из факторов, осложняющих коммуникацию, является наличие в тексте сообщения эстетической составляющей, которая предполагает оперирование культурно-обусловленными и субъективно воспринимаемыми образами.

Статус эстетической (художественной) коммуникации является спорным вопросом. В лингвистике сложились два основных подхода: интеллектуальный и формальный. Интеллектуальный подход приравнивал художественную коммуникацию к когнитивным процессам в сознании читателя (А.А. Потебня и его школа), однако, уже А.Г. Горнфельд признавал, что определение искусства как познания «…захватывает одну лишь сторону художественного процесса» [2: с. 42], поскольку не учитывает эмоционально-экспрессивной составляющей. Формализм исходит из того, что художественное произведение, если разрушить его форму, теряет эстетическое действие, и отсюда был сделан вывод, что художественная коммуникация связана исключительно с формой, не зависящей от содержания [8]. Художественная форма – расположение материала, вызывающее эстетический эффект и не связанное с содержанием.

Л.С. Выготский предложил рассматривать художественную коммуникацию как психологический процесс перехода бессознательных психических структур автора в социальное содержание искусства, а само искусство «как социальное разрешение бессознательного» [2: с. 108]. Эстетическая реакция читателя возникает в результате осознания противоречия художественной формы и содержания: столкновение противоположностей, нарушение норм вызывает аффективное состояние. Согласно этой теории, наиболее ярким является восприятие эстетики безобразного, поскольку в ней противоречие доведено до логического завершения. О роли бессознательного говорит и Т.В. Адорно. Красота произведения воспринимается непроизвольно, и гедонистические ощущения этого момента вызывают сосредоточение на эстетических качествах объекта. Интенсивное наблюдение, связанное с осознанной концентрацией сознания, вызывает аналитическую рефлексию, которая и является постижением эстетического опыта. На этом этапе произведение вновь воспринимается как целое, т. е. адекватное познание эстетического вновь замыкается на самом объекте [1].

Еще более проблематичным является определение специфики коммуникативных качеств лирического текста, рассмотренных в трудах Ю.И. Левина. Мир поэтического произведения максимально субъективен и существует по особым, труднoформулируемым законам, в нем доминируют элементы подсознательного и бессознательного, с трудом поддающегося вербализации. Поэтический текст является элементом потенциального коммуникативного акта и обязательно предполагает наличие имплицитного автора и имплицитного адресата, при отсутствии эксплицитного адресата и явной монологичности его можно рассматривать как автокоммуникативный. Кроме того, «…лирика предполагает установление коммуникативной связи особого характера («контакта», «сопереживания») между реальным читателем и имплицитным автором» [5: с. 464], с чем связана характерная черта ее функционирования – потребность в многократном перечитывании и запоминании наизусть, подобная потребности в общении с близким человеком. Субъективность лирики способствует установлению коммуникации читателя с автором, и это же облегчает возможность самоотождествления читателя с автором (или «лирическим героем»), проецирования ситуации стихотворения в личный опыт читателя.

Одним из перспективных направлений в современной лингвистике является изучение текста

как текста культуры, т. е. как отражение всего сложного механизма познания человеком мира. Понятие о культуре как совокупности текстов было разработано в трудах Ю.М. Лотмана по семиотике: «Пространство текста культуры представляет собой универсальное множество элементов данной культуры, т. е. является моделью всего» [6: с. 118], и каждый текст (в широком понимании), с одной стороны, входит составной частью в текст национальной и мировой культуры, а с другой – является ее моделью, построенной по тем же законам. Художественный текст репрезентирует национальную и мировую культуру на определенном этапе развития, и его восприятие требует от читателя знания идей, знаковых фигур и образного языка эпохи создания текста. Отсутствие этих фоновых знаний приводит к культурному шоку, неприятию или неадекватной трактовке текста. Таким образом, одним из необходимых условий успешности эстетической коммуникации является, со стороны автора, оперирование константами культуры, а со стороны читателя – их знание и адекватное восприятие.

Под константами культуры в настоящей статье подразумеваются устойчивые элементы (образ, концепт), характеризующиеся широкой распространенностью, устойчивостью, поливалентностью, содержательной емкостью и высокой аксиологической значимостью. Необходимо отметить, что степень распространенности констант культуры может варьироваться от национальной до общечеловеческой, а степень устойчивости подвержена колебаниям во времени. В случае ограниченного ареала функционирования можно говорить о безэквивалентных константах, восприятие которых в культурном пространстве, отличающемся от исходного, является крайне проблематичным; обращение к общечеловеческим константам, напротив, облегчает межкультурную коммуникацию, поскольку апеллирует к древнейшим матрицам сознания.

В художественном тексте культурные константы способны выступать как образ, символ, мифологема, устойчивый троп. Конкретное семантическое наполнение и эмоционально-экспрессивная оценка зависят как от культурного континуума, в пределах которого творит автор, так и от его собственного представления, выбор же словесного оформления, хоть и ограничен возможностями языка, максимально индивидуализирован. Необычность трактовки или особенностей вербализации затрудняет первичное восприятие текста, однако наличие инвариантного ядра культурной константы обеспечивает возможность адекватной интерпретации. В связи с этим Н.В. Павлович вводит представление о том, что каждый поэтический образ существует в ряду семантически связанных образов, которые в совокупности представляют парадигму, определяющую стереотипы ментального восприятия действительности. Парадигма – «инвариант образа», строящийся по схеме «X → Y», где левая часть – то, что сравнивается, а правая часть – то, с чем сравнивается, связанные отношениями семантического отождествления [7: с. 11]. Понимание образа состоит в соотнесении его с той или иной парадигмой, в выявлении семантического прототипа. Осознание уникальности словесного оформления образа доставляет читателю эстетическое наслаждение.

Наиболее устойчивыми и распространенными константами мировой культуры являются образы природы: светила, воздушное пространство, объекты ландшафта (гора, равнина, водное пространство, дерево, птица и др.).

В качестве примера рассмотрим функционирование в поэзии Игоря Северянина образа водного пространства как культурной константы. Наиболее эстетически значимые образы его творчества группируются вокруг центральной смысловой оппозиции его художественного мира «Человек – Природа», обусловленной коммуникативной задачей поэта отразить в лирике индивидуальную картину мира. Образ воды, водного пространства – один из наиболее разработанных и детализированных, он присутствует в стихотворениях разных периодов творчества поэта, независимо от тех эстетических установок, которые были для него значимы в тот или иной момент. Водный объект является пространственным центром художественной картины мира поэта, точкой развертывания поэтического пространства текста. Коммуникативная ценность образа определяется его связью с эстетической категорией прекрасного: создавая в поэтическом тексте образ водного пространства, поэт транслирует читателю свое представление об абсолютно прекрасном, эстетическом идеале.

Концепт «вода» объединяет ряд конкретных образов лирики И. Северянина: океан, море, река, водопад, озеро, ручей, пруд; таким образом, можно говорить о максимальном представлении культурной константы во всех ее частных проявлениях. Степень разработанности образов и сложность структуры репрезентирующих их функционально-семантических полей текста по-

зволяют высоко оценить их эстетическую значимость и предположить, что в художественной коммуникации они являются ключевыми. В ходе исследования микрополя «море», «река» и «озеро» были выделены как наиболее значимые, поскольку высокая частотность функционирования и разнообразие контекстуальных связей их единиц эксплицируют максимально широкое эстетическое значение ядерных слов.

Следует отметить, что объем микрополей и их соотношение в творчестве И. Северянина не вполне совпадают с теми стереотипами, которые сложились в русской поэзии XVIII–XX вв. Так, «Словарь языка поэзии» фиксирует 31 образную парадигму с компонентом «море» [3: с. 308–314], 20 образных парадигм с компонентом «река» [3: с. 459–462], 17 образных парадигм с компонентом «океан» [3: с. 369–370], 13 образных парадигм с компонентом озеро [3: с. 367–368], 11 образных парадигм с компонентом «водопад» [3: с. 77–78], 10 образных парадигм с компонентом «ручей» [3: с. 470–471], 7 образных парадигм с компонентом «пруд» [3: с. 441]. В поэтических текстах И. Северянина [4] нами отмечено 132 текста, в которых присутствуют единицы микрополя «море», 92 – «река», 68 – «озеро», 22 – «ручей», 10 – «пруд», 9 – «океан», 6 – «водопад». Вместе с тем общая тенденция к включению в текст обозначения водного пространства как необходимой части картины мира, границы и одновременно центра притяжения художественного пространства отражает инвариант восприятия образа как в русской, так и в мировой художественной культуре.

Единство приемов формирования эстетического значения ядерных слов позволяет говорить о целостности и многогранности образа водного пространства в лирике И. Северянина: существуют общие закономерности в синтагматике и использовании языковых средств в образных значениях. В частности, общими для всех микрополей данного поля являются следующие взаимообратные образные парадигмы:

– «небо → водное пространство»: *небо – море перламутра; вознес меня аэроплан в моря расплавленного злата; там утки, точно водолазы, ныряют прямо в небеса; небо океанится; небо морем все объято, волной захлестнута луна. Безволно море. Синегладь. А небо – как оно; быть в море небу дан удел; солнце в небе лучезарно еще не плещется; струи лунные;*

– «водное пространство → небо»: *в озерах поблескивают небеса; как небеса, бездонно ты; синее, как небо; над обнебесенной рекой.*

Обе парадигмы формируют эстетическое значение путем актуализации сем ‘ширина’, ‘глубина’, ‘синий цвет’. В ряде случаев сходство объектов подчеркивается синтаксическими средствами – использованием однотипных конструкций: *лазурь неба и волны; небеса и море – бирюза; только море и небо: море было так небесно, небо — морево; лодочка ли голубая, голубь ли в голубизне неба; преимущество величья земноводной пучины над пучиною небес; побуреет в бурях море голубое, голубое небо.*

Образные парадигмы «водное пространство → небо» и «небо → водное пространство» основаны на сравнении обоих компонентов с зеркалом. В поэтической традиции закреплено образное значение *зеркало* – «ровная и чистая поверхность воды», и в лирике И. Северянина оно используется неоднократно: *зеркало вод; воды зеркальна гладь; светлы зеркальные изгибы; речки лента зеркальная; в зеркальной раме речной; зеркало вечернее; вызеркаленный в пруду; любуется собой в пруде, как в зеркале; как будто в зеркало, смотрясь в широкий плес; залив заснет зеркально.* Однако поэт создает и симметричное метафорическое значение, являющееся окказиональным: *зеркало* – «чистое, прозрачное небо без облаков»: *в зеркале неба; небо, как эмаль.* Единство образов подчеркивается тройным сравнением воды, неба и зеркала, актуализирующим семы ‘светлый’, ‘яркий’, ‘гладкий’: *а звезды, как символ чудесной загадки, и в небе горели, и в зеркале рек*; *зеленеют, синея, зеркала, остывая; бирюзовый штиль, сияющий прозрачностью зеркальной; в зеркале неба корабль луня, восходит тоскующий месяц.* Отметим, что такое восприятие образов воды и неба как симметрии верхнего и нижнего миров также восходит к константе культуры, отраженной еще в мифологических картинах мира.

Парадигмы образов сходства (вербализованных как сравнения и метафоры) также основаны на легко узнаваемых инвариантах:

– жизнь → водное пространство (гиперсемы ‘движение’, ‘естественность’): *так шторм отважный, в морях бушуя, все превращает в сыпучий тлен; и доля всех равна – как брызги волн, что мечет вширь стремнина, и – как волне беспечная волна; в пруде выращиваемая рыбка живет, не ведая про океан*;

– чувство → водное пространство (гиперсемы ‘глубина’, ‘движение’, ‘неуправляемость’): *озера страсти; ты любовью мне сердце запрудь; когда ты гребла, музыкально гребла, не брызги*

текли,— упоенье с весла; наструненные выплески в болоте и судорожно-страстные ручьи; поиссякло ключистое сердце. В поэме «Падучая стремнина» (1922) в метафоре утверждается тождество эмоциональных переживаний лирического героя и течения воды:

Моя любовь – падучая стремнина.Моя любовь – державная река. Порожиста порой ее равнина, но в сущности чиста и глубока.

Парадигма «водное пространство → существо» (гиперсема ‘живое’) включает образы олицетворения: *юнись душой, плескучий океан; приляжет море, как в гамак; ходит море синим шагом; ласково подходит море; нежилось море, упиваясь собой; нежилось море голубым сновиденьем; морей привидения – глыбы ледяные – точат насмешливо лязги; море задремлет; назойливо лижет мне ноги волна; море сковывает латы; по волнам шли седые деды – не паруса ли каравелл?; волна обратно бежит покорно; в ветре галопом бешеным кони мчались куда-то, пенился вал; и море, – и то как-то наго у гор оголенных грустит; из леса выбежала речка; берега дремали; сонные речки; речку сонную баюкал свет заботливый луны; шумит река, пьет дождь, как сок, она; над тихо дремлющим прудом; звучные речи ручья; ручей щебечет на поляне.* Для этой образной парадигмы принципиальное значение имеют глаголы со значением движения и покоя, расположения в пространстве и выражения эмоций, поскольку сходство совершаемых действий является условием уподобления водного пространства существу.

В поэзии И. Северянина образ воды неразрывно ассоциируется с концептом «жизнь», о чем свидетельствует и высокая степень разработанности полей «флора» и «фауна», включающих названия практически всех водных и прибрежных растений и животных европейской части России. Такое восприятие также отражает константу культуры: начиная с глубокой древности, человечество почитало воду как дарительницу жизни. Интересно, что другая сторона амбивалентного представления – вода как стихия смерти – практически не представлена, даже зимнее замерзание трактуется поэтом как сон, а не как умирание, поэтому эмоционально-экспрессивная окраска остается положительной: *идет веселое катанье на лед морской с крутой горы!* Ледоход, таким образом, ассоциируется не столько с возрождением и победой над смертью, сколько с пробуждением: *ежедневно хожу к бело спящей реке измененья следить ледостоя.*

Последовательное отражение констант культуры в содержании текстов помогает читателю преодолеть трудности, вызванные яркой индивидуальностью словесного воплощения образа. И. Северянин использует широкую палитру словесных средств, наделенных эстетическим значением: окказиональные и потенциальные слова, экспрессивно окрашенная лексика, необычная синтагматика, обыгрывание многозначности и особенностей звучания слова и др. Сочетание разноуровневых средств производит впечатление полной новизны и необычности, однако явная связь с образом искусства и мифологии, не являющимся уникальным для русской культуры, позволяют говорить о поэте как продолжателе мировой культурной традиции. Возможно, именно этим и обусловлено возрождение интереса к поэзии Игоря Северянина в современном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно, В.Т. Эстетическая теория / В.Т. Адорно. – М.: Республика, 2001. – 527 с.
2. Выготский, Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 480 с.
3. Иванова, Н.Н. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.) / Н.Н. Иванова. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство «Русские словари»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 666 с.
4. Игорь Северянин. Энциклопедическое собрание сочинений [Электронный ресурс]. – Мультимедиа-издательство «Адепт», 2003.
5. Левин, Ю.И. Лирика с коммуникативной точки зрения / Ю.И. Левин // Левин Ю.И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. – М., 1998. – С. 464–482.
6. Лотман, Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю.М. Лотман. – СПб., 2002. – 544 с.
7. Павлович, Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н.В. Павлович. – М, 1995. – 491 с.
8. Шкловский, В.Б. Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля / В.Б. Шкловский // О теории прозы. – М.: Советский писатель, 1983. – С. 26–62.

«Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2009, № 1 (21)

КОММУНИКАЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ В РАМКАХ КИОТСКОЙ ШКОЛЫ

А.В. Бордиловская

Бордиловская Анна Викторовна – аспирантка кафедры философии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Киотская школа – это группа японских мыслителей XX века, разработавших новое оригинальное философское течение и попытавшихся решить серьёзную культурно-историческую задачу коммуникации интеллектуальных и духовных традиций Японии с научными методами и категориями западной философии.

Ключевые слова: японская философия, Нисида Китаро, Дзэн-буддизм, небытие, Киотская школа, межкультурный диалог, модернизация, европоцентризм, национализм.

Формирование Киотской философской школы

Киотская школа представляет собой сложное явление в истории общественно-политической и религиозной мысли Японии, возникнувшее на стыке веков и эпох и растянувшееся на несколько десятилетий. Ненамеренным основателем Киотской философской школы является Нисида Китаро, считающийся также одним из самых значительных философов современной Японии. В эпоху Мэйдзи (1868–1912), когда Япония вновь стала открыта для мира после двух веков изоляции, возникло целое поколение учёных, посвятивших себя «импортированию» новых научных знаний и областей исследования, включая философию. После многолетнего изучения европейской философии и классической восточно-азиатской мысли, после десятилетия активной практики Дзэн-буддизма, Нисида стал первым японским мыслителем Нового времени, который отошёл от простого овладения западными знаниями и создал собственную оригинальную философскую систему. Его первой и главной работой в этом направлении стало эссе «Дзэн но кэнкю» («О природе добра»), опубликованное в 1911 г. Благодаря данному труду он получил должность на философском факультете Киотского университета, где беспрерывно работал над развитием своих идей и оказывал значительное влияние на формирование нового поколения оригинальных мыслителей, включая двух наиболее известных членов Киотской философской школы – Танабэ Хадзимэ и Ниситани Кэидзи.

Как видно из названия этой философской школы, ее основатели были тесно связаны с Киотским университетом, в то время вторым по престижности университетом в Японии после Токийского. Неудивительно, что данное философское течение возникло именно в Киото – древней столице Японии и центре традиционной культуры, а не в Токио – новой столице и центре модернизации т. е. «вестернизации». Все философы Киотской школы, с одной стороны, посвятили себя изучению западной философии (и внесли значительный практический вклад в знакомство Японии с западно-европейской философией), с другой – крепко опирались на традиции японских мыслителей. Один из представителей этой школы отмечает: «…Основным принципом мыслителей Киотской школы, как людей образованных в традициях Востока, несмотря на всё то, чему они научились у Запада, была попытка свести возможности, скрытые в традиционной культуре, с культурой западной» [24: с. 217].

Тем не менее ошибочно рассматривать Киотскую школу как попытку «…спрятать интуитивную восточную мудрость под маской западной рациональности». Неверным также будет рассматривать её концепцию просто как стремление «…использовать западные философские термины и категории для того, чтобы дать современное описание восточно-азиатского буддизма». Потому что, во-первых, западная философия оказала на них основополагающее влияние, а, во-вторых, идеи мыслителей этой школы слишком оригинальны, чтобы быть просто причисленными к традиционной восточной мысли. Поэтому, характеризуя философов Киотской школы, как мыслителей восточно-азиатского буддизма, или буддизма Махаяна, стоит отметить, что они критично и творчески переосмысливали и развивали эти традиции в диалоге с западно-европейской философией. Важно помнить, что их главной целью было не культурное самовыражение, и даже не диалог между мировыми религиями, а истинно философский поиск истины.

Киотская школа стала широко известна, особенно на Западе, благодаря идеям в области философии религии. В частности, в Северной Америке философия Киотской школы в основном изучается на религиозно-философских факультетах как яркий представитель буддизма Махаяна, особенно в его последних формах – Дзэн и Син. Исследования в этом направлении достаточно плодотворны, но данный подход является слишком ограниченным и односторонним. Во-первых, несмотря на то, что для значительной части представителей Киотской школы философия религии является исходным и конечным пунктом размышлений, их интерес этим не ограничивается. Мыслители школы обращаются к широкому кругу философских вопросов: метафизике, онтологии, эпистемологии, логике, философской антропологии, философии истории, философии культуры, этике, политической теории, философии искусства и многому другому.

Во-вторых, подход представителей Киотской школы к вопросам философии религии абсолютно не догматичен и не ограничен рамками одной религии, например, они привлекают и интерпретируют христианские источники вместе с буддийскими. Даже Ниситани, который действительно пришёл к тому, что стал отождествлять свои идеи с «позициями Дзэн», категорически отказывался от ярлыка «обыкновенного идеолога Дзэн». Он заявлял, что: «…Если мне и приходилось часто выражать позиции Буддизма и, особенно, Дзэн-буддизма, то главная причина этого в том, что мне они кажутся наиболее простыми и безошибочными» [35].

Таким образом, наследие Киотской школы не следует рассматривать ни как философию Буддизма, втиснутую в рамки Запада, ни как глобальный диалог, облаченный в японские одежды. Лучше всего рассматривать его как уникальный вклад в зарождающийся межкультурный диалог с позиций современной Японии, т. е. страны, которая, оставаясь исторически фундаментально обусловленной традиционной культурой, в то же время в силу исторических контактов подверглась существенному влиянию Запада.

Проблема определения специфики школы

До сих пор достаточно сложным и спорным считается вопрос чёткого определения сферы интересов и состава членов Киотской школы. Не вызывает сомнений то, что её основателем был Нисида Китаро. Тем не менее он никогда не ставил целью создать «школу», основанную на собственных идеях; наоборот, многие из учеников и современников отмечают, что Нисида старался поощрять независимое мышление студентов. Кроме того, само название «Киотская школа» стало употребляться её членами гораздо позже, чем во всём мире.

Недавно в Японии вышли в свет две значительные работы, в названиях которых фигурирует термин «Киотская школа»: «The Philosophy of the Kyoto School», составленная Фудзита Масакацу [Fujita Masakatsu, 2001], включающая в себя антологию текстов восьми мыслителей Киотской школы, сопровождаемых эссе современных исследователей; и «The Thought of the Kyoto School» Охаси Рёсукэ [Ohashi Ryosuke, 2004], содержащая пять статей, посвященных противоречивой истории названия «Киотская школа», и семь эссе о потенциальном вкладе мыслителей этой школы в различные направления современной философии. Обе работы во многом дополняют друг друга, но в то же время их авторы предлагают различный подход к проблеме определения специфики школы.

Фудзита придерживается рабочего определения Такэда Ацуси, охарактеризовавшего Киотскую школу как «интеллектуальную сеть, центром которой были Нисида и Танабэ и сформированную совместно теми мыслителями, на кого они оказали непосредственное личное и научное влияние» [30: с. 234–235]. Соответственно в книге Фудзита отмечены такие философы, как Тосака и Мики, наряду с менее противоречивыми фигурами, как Хисамацу Синъити и Ниситани. Преимущество этого предложенного Фудзита относительно открытого определения Киотской школы, как интеллектуальной и межличностной «сети» заключается в том, что оно акцентирует внимание на общности источника влияния, но не игнорирует тот факт, что «членство» в этой неофициальной группе не исключало значительного расхождения с идеями Нисида и Танабэ. Взаимная критика иногда приводила к осложнениям личных отношений, например, Нисида и Танабэ в результате перестали разговаривать друг с другом, но так случалось далеко не всегда: так Ниситани и Тосака оставались в хороших личных отношениях, несмотря на разницу в политических и философских взглядах. В любом случае взаимная критика воспринималась по-философски серьёзно и часто становилась импульсом для дальнейшего развития идей каждого из членов школы. В этом смысле, согласно Фудзита, восприятие взаимной критики может рассматриваться как одна из определяющих характеристик Киотской школы.

Современные исследователи часто цитируют одно из наблюдений Тосака о том, что без критического переосмысления Танабэ идей Нисида не было бы традиции Киотской школы: иначе появились бы просто последователи «Философии Нисида», а не настоящая школа взаимосвязанных, но независимых мыслителей. Одним из наиболее сложных остаётся вопрос о том, насколько независимым от влияния идей Нисида может быть философ, чтобы всё-таки считаться членом Киотской школы. Даже когда следующее поколение мыслителей школы остро ставили под сомнение некоторые аспекты философии Нисида, они в то же время стремились адаптировать и творчески развивать другие общие концепции и идеи. Стремление к совершенствованию через самокритику ярко прослеживается в беспрерывном развитии Нисида своих собственных идей. Нисида называл себя «шахтёром», которому никогда не удавалось задержаться на одном месте достаточно долго для того, чтобы «очистить от примесей руду», которую он добыл.

Таким образом, Киотскую школу, так же как любое другое развивающееся философское направление, следует рассматривать как группу оригинальных мыслителей, которые, не подписываясь под какой-то догмой тем не менее делили и обсуждали ряд общих проблем, идей и понятий. Наиболее существенным из таких объединяющих и спорных вопросов была идея «абсолютного небытия», которая чаще всего упоминается при описании особенностей Киотской школы.

Фудзита Масакацу отмечает, что вопрос определения специфики Киотской школы стоял более остро для западных исследователей, чем для их японских коллег. Он выдвигает две причины этого. Во-первых, Киотская школа никогда не имела в Японии достаточно серьёзного оппонента, на фоне которого можно было бы чётко определить специфику самой школы. Вторая причина в том, что западные исследователи старались вычленить и сфокусироваться на общих характеристиках мыслителей Киотской школы, противопоставляя их Западной философии, но для японских учёных зачастую различия между идеями философов школы представлялись более отчётливыми, чем сходные черты [30].

Охаси открыто ставит под вопрос возможность определения Киотской школы только как сети межличностных и научных отношений. Согласно Охаси, для того чтобы группа мыслителей считалась истинно философской школой «…необходима принадлежность или формирование общей идеи» [38: с. 9]. Для Охаси такой идей для Киотской школы является «абсолютное небытие», поэтому соответственно он предлагает следующее определение школы: «…группа философов, включающая в себя несколько поколений мыслителей, которые развивали свои теории в разных областях философии, основываясь на идеи «небытия» [37: с. 13]. При этом Охаси, с одной стороны, включая в свою работу «The Thought of the Kyoto School» статью Хаттори Кэндзи, посвященную «левому крылу Киотской школы», с другой – до этого открыто исключал Мики из членов школы в связи с его принципиальной марксистской позицией [36: с. 12]. Но Фудзита отмечает, что «в главной своей работе позднего периода «Логика воображения» («The Logic of Imagination») Мики поддерживает предложенную Нисида идею о том, что «Небытие – это то, что выходит за пределы субъективного и объективного и обволакивает их» [30: с. 117–128].

Среди западных исследователей наиболее глубоко изучил вопрос особенностей и членства Киотской школы Джон Маральдо (John Maraldo). Он выделяет шесть критериев, которые исследователи применяли для того, чтобы определить принадлежность мыслителей к Киотской школе:

- связь с Нисида;
- принадлежность к Киотскому университету;
- отношение к японской и восточной интеллектуальным традициям;
- отношение к взаимосвязанным проблемам марксизма, национального государства и войны в Тихом океане;
- отношение к Буддизму и религии в общем;
- отношение к идеи «абсолютного небытия».

Маральдо описывает как каждый из этих критериев по-разному использовался для того, чтобы с 1930-х годов или способствовать признанию философской значимости Киотской школы, или осуждать политические взгляды её членов [32].

Брэт В. Дэвис (Bret W. Davis) предлагает ещё два взаимосвязанных критерия. Первый – это по сути своей двойственное (т. е. не просто полное отторжение или принятие) отношение к западной философии и Западу в целом. Например, Нисида и другие мыслители придерживались критического восприятия западной онтологии для интерпретации восточной меонтологии или «логики небытия» и стремились соединить западную «логику вещей» и восточную «логику разума души».

Второй критерий, который данный исследователь предлагает использовать для характеристики школы – это двойственное отношение к современному Западу (в рамках модернизации или вестернизации Японии). Такая критическая позиция относительно односторонней глобализации современной западной культуры, которая частично принимала неизбежность данного процесса и в некотором смысле даже одобряла необходимость этого, в результате породила идею «прохождения через модернизацию» («overcoming modernity») – преодоления, которое заключалось не в уходе от современной западной культуры, а в прохождении «через и за её пределы». Эта идея прохождения «через и за» заключалась не в простом движении по пути линейного прогресса; она поднимала проблему герменевтического, (ме)онтологического и экзистенциального регресса, радикального «шага назад». Мыслители Киотской школы считали, что критически и творчески переосмысленное возвращение к традициям Востока, в частности восточно-азиатского Буддизма – Махаяна, позволит достичь основополагающего религиозного и философского понимания, необходимого для прохождения «через и за» пределы проблем современного Запада.

Эта идея «прохождения через модернизацию» получила статус как наиболее стимулирующего, так и наиболее спорного аспекта в рамках концепций мыслителей Киотской школы. Некоторыми она воспринимается как выдвижение свежего и значительного восточно-азиатского подхода к текущим спорам относительно постмодернизма в философии и постколониализма в культурологических исследованиях. Но так как идеи «прохождения через модернизацию» развивались в рамках политических теорий периода Второй мировой войны, теорий, в которых народу Японии отводилась главная роль в ходе исторического развития и движения через и за пределы современного уровня развития западного общества, поэтому именно эти идеи мыслителей Киотской школы подвергались наиболее острой критике. При этом важно отметить, что современные японские исследователи, причисляющие себя к последователям постмодернизма, в основном стремятся избегать отслеживания связи между их адаптацией современной западной самокритики модернизации/ Европоцентризма и предшествующей критики той же Киотской школой. Самое главное, что даже после того, как мыслители Киотской школы перестали формулировать идею «прохождения через модернизацию» в политических терминах, они продолжали развивать её в рамках своих послевоенных теорий философии религии и культуры. Таким образом, радикальная проблематизация современной западной культуры может считаться важным критерием определения специфики философии Киотской школы.

Ещё одним значительным западным исследователем Киотской школы является Джеймс Хэйзиг (James Heisig), сменивший Йана Ван Брагта (Jan Van Bragt) на посту главы Университета Религии и Культуры Нанзан в Нагоя, института, который на протяжении нескольких последних декад является центром международного исследования Киотской школы. В своей недавней работе «Philosophers of Nothingness: An Essay on the Kyoto School» Хэйзиг предлагает следовать подходу Такэути Ёсинори, определяя школу на основе «треугольника» её ведущих фигур – Нисида, Танабэ и Ниситани [23: с. 257–278].

В самом деле, эти личности и сформировали ядро того, что стало широко известно как Киотская школа, но важно помнить, что только трое из гораздо более широкого круга оригинальных мыслителей этого направления. Поэтому вопрос о принадлежности различных японских философов к Киотской школе требует отдельного рассмотрения.

Состав школы: представители и связанные мыслители

К проблеме определения принадлежности различных японских мыслителей к Киотской школе Охаси Рёсукэ в своей немецкой антологии Die Philosophie der Kyoto-Schule (1990) предлагал достаточно общий, но тем не менее единый и мотивированный подход: основываться на их отношении к идее «небытия» или «абсолютного небытия». Такой подход позволяет отделить философов школы от традиционной западной онтологии, основой которой является «бытие». Таким образом, Охаси выделяет следующих основных представителей Киотской школы разных поколений: Нисида и Танабэ составляют первое поколение; Хисамацу, Ниситани, Косака Масааки, Симомура Торатаро, Кояма Ивао и Судзуки Сигэтака являются вторым поколением; Такэути Ёсинори, Цудзимура Коити и Уэда Сидзутэру – третье. Кроме того, он также причисляет психолога Кимура Бин к третьему поколению Киотской школы, сдвигая критерий с межличностных отношений на генеалогию мысли [38].

Наиболее влиятельной фигурой третьего поколения, активно действующей сегодня, считает-

ся Уэда Сидзутэру, который провёл серьёзное исследование философии Мейстера Экхарта, Дзэн и Нисида. Цудзимура Коити, который учился у Хайдеггера, Хисамацу и Ниситани, написал ряд достаточно провокационных и влиятельных работ, рассматривающих философию Хайдеггера с позиций Дзэн и Киотской школы. Абэ Масао, бывший студент Хисамацу, является важным представителем Киотской школы и ускорителем межрелигиозного диалога в Северной Америке, хотя он менее известен в самой Японии. Если принять тот факт, что третье поколение Киотской школы уже отходит от дел, то Охаси Рёсукэ, достаточно плодовитый философ, чьи работы на японском и немецком языках освещают широкий круг философских вопросов, может считаться центральной фигурой четвертого поколения. Другие активные представители школы, которых можно причислить к четвёртому поколению, включают Хасэ Сёто, Хорио Цутому, Оминэ Акира, Фудзита Масакацу, Мори Тэцуро, Кавамура Эико, Мацумура Хидэо, Накаока Нарифуми, Окада Кацуаки и Кэта Масако. Надежды на будущее школы связаны с такими молодыми мыслителями, как Минобэ Хитоси, Акитоми Кацуя; докторами философских наук Киотского университета – Мидзуно Томохару, Сугимото Коити, а также группой не японских философов, учившихся вместе с представителями третьего поколения Киотской школы.

Кроме того, можно считать, что наступил поворотный момент в истории Киотской школы, что хорошо прослеживается и в попытке дать ей чёткое определение. В связи с уходом на пенсию из Киотского университета Уэда и Хасэ, а также с созданием в 1998 году в университете отделения истории философии под руководством Фудзита Масакацу, Киотская школа становится больше предметом научного исследования, нежели живой традицией. Но как и в большинстве философских школ грань между критическим исследованием и творческим переосмыслением является очень размытой, поэтому зачастую ретроспективное изучение Киотской школы часто смешивается с дальнейшим развитием философских идей школы.

Важно отметить, что в настоящее время философию Киотской школы исследуют не только в Киото. С момента появления в 1983 году первой книги о Нисида, написанной Накамура Юдзио, работающим и живущим в Токио; Киотская школа постепенно стала привлекать серьёзное внимание учёных и студентов и за пределами Киото. В этом отношении стоит особо отметить Косака Куницугу, чьё чёткое и продуктивное изучение творчества Нисида и других мыслителей способствовало благожелательному и серьёзному анализу текстов Киотской школы. Создание сайта Ассоциации Философии Нисида возможно будет способствовать переходу к новому этапу взаимодействия и обмена знаниями между исследователями Киотской школы из Токио и Киото.

Возвращаясь к вопросу принадлежности к Киотской школе, следует отметить тех философов, которых правильнее называть «связанными с» или «сторонниками» Киотской школы. Наиболее распространённым заблуждением является причисление к представителям Киотской школы некоторых мыслителей, имевших более или менее случайные связи с центральными фигурами школы. Например, Д.Т.Судзуки (Судзуки Даисэцу), который поддерживал личные отношения с Нисида, начиная со школьной скамьи. Он не только познакомил Нисида с практикой Дзэн, но признанным фактом является то, что его интерпретация идей Буддизма Махаяна оказала значительное влияние на формирование некоторых ключевых идей в области философии религии, представленных в последнем эссе Нисида. Однако Судзуки, который благодаря своим заслугам широко известен в области знакомства Запада с Дзэн, не был «взращён» или связан с Киотским университетом. Таким образом, его правильнее всего будет считать мыслителем, «связанным с» Киотской школой.

Другими примерами являются Вацудзи Тэцуро и Куки Сюдзо. Оба мыслителя учились в Киотском университете у Нисида и оба создали философские системы, в которых в разной степени прослеживается влияние его идей. Тем не менее и их деятельность и теории были слишком независимы, чтобы причислять их к внутреннему кругу представителей Киотской школы. Важно помнить, что оба эти «связанных» мыслителя сами по себе были первоклассными философами, чьи оригинальные работы затмевают многих средних, но «полноправных членов» Киотской школы. Важным вкладом в философию, заслуживающим международного внимания и признания, являются новаторская теория Вацудзи «о культуре и климате» (фудо) вместе с его главной работой об этике «промежуточности» (аидагара), а также комбинация строгой логики и экзистенциального подхода в основном труде Куки, посвященном вопросу вероятности, и его провокационные работы по японской эстетике.

Кроме того, есть ещё группа мыслителей, которые развивали свои идеи в большей или меньшей степени под влиянием Нисида и других представителей Киотской школы. Полный список таких «философов под влиянием» будет очень длинным, но среди основных из них можно назвать Такахаси Сатоми, Такидзава Кацуми, Мутаи Рисаку, Юаса Ясуо, Кимура Бин, Сакабэ Мэгуми и Накамура Юдзиро. Философия Киотской школы и сам Нисида оказали влияние и на значительное число не философов, среди которых всемирно известный архитектор Андо Тадао, работавший над проектом музея философии имени Нисида Китаро в префектуре Исикава.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Философы Киотской школы были преданными исследователями различных областей и фигур западной философии, но при этом они поддерживали крепкую связь с восточно-азиатскими традициями, особенно буддизмом. Эта двусторонняя позиция поставила их в исключительное положение «между Востоком и Западом».

Размышления представителей школы не сводились к безучастному академическому сравнению, они также не брали на себя и роли посредников в межрелигиозном диалоге. Как философы, поглощенные экзистенциальными вопросами, они прежде всего искали истину и страстно отстаивали свой подход к восприятию мира и человека в нём. Несмотря на то, что у каждого из членов школы своё понимание истины, их объединяют фундаментальные идеи, среди которых разные интерпретации базисного понятия «абсолютного небытия» и способа достижения истинного «самоосознания» через освобождение от эго.

Наиболее провокационным и спорным с точки зрения межкультурной политкорректности является предположение, высказанное Нисида и поддержанное другими мыслителями Киотской школы о том, что именно современная японская философия, которая, конечно, является уникальной, обладает потенциалом для успешного синтеза опыта Запада и Востока. Конечно, эти идеи, появившиеся в сложный переходный для Японии период развития, наивны и односторонни, но они отражают специфические черты не только японской культуры, но и восточно-азиатского образа мысли в целом. Благодаря спорам, попыткам синтеза и исследованиям в данном направлении можно прийти к конструктивным решениям и интересному межкультурному диалогу.

Трудность в оценке и классификации Киотской школы связана с тем, что, с одной стороны, методы и содержание текстов отражают внутренний диалог с западной философией и ее творческое освоение, с другой – базисные понятия и тезисы отражают превалирующее влияние Востока. И все-таки это не современный пересказ восточно-азиатских буддийских идей, а скорее их творческое и критическое переосмысление и развитие, хотя и такая формулировка будет не совсем корректной. Так как многие мыслители Киотской школы открыто философствуют с позиций Дзэн (Хисамацу, Ниситани, Уэда и др.) и Син (Такэути, Хасэ и др.) буддизма, будет слишком примитивно и неоправданно классифицировать философские системы Нисида и Танабэ как «Восточные» или «Буддийские».

При этом философы Киотской школы никогда не сомневались в том, что «философия» в узком смысле слова являлась продуктом Запада, но признавали, что она, как все западные науки и технологии, имеет универсальное применение. Они также отдавали себе отчёт, что как западная философия не была лишена культурной окраски и специфики, так и восточной мудрости было что предложить для развития философии в постевропоцентрическом мире. Мыслители Киотской школы понимали разницу между потенциальной и реально существовавшей философией и их изыскания были направлены на то, чтобы сделать философию более, а не менее универсальной и мировой.

Утверждения японских мыслителей о том, что идеи, появившиеся в Японии и Азии могут внести значительный вклад в мировую философскую полемику, безусловно, нельзя воспринимать как проявления этноцентризма и национализма. «Японскую философию» Киотской школы следует рассматривать не как реакцию на европоцентризм и оппозицию ему, или японскую версию философии, а как вклад в глобальный философский диалог.

Таким образом, как сами идеи и теории мыслителей Киотской школы формировались на грани и пересечении Запада и Востока, так же и изучение и определение места этой школы велось японскими исследователями – с одной стороны, и их европейскими и американскими коллегами – с другой. Так как одной из основных характеристик философов Киотской школы считается попытка представить Японию и их собственные идеи в

общемировом контексте, то символично, что в связи с широким международным изучением данной школы она все ближе к тому положению, о котором мечтали её основатели: она становится «Японской философией в мире» [22].

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамчик, М.В. Восточная философия / М.В. Адамчик. – Мн.: Изд-во Харвест, 2006. – 320 с.
2. Алпатов, В.М. Япония. Язык и культура / В.М. Алпатов – М.: Изд-во Муравей, 2002. – 224 с.
3. Алпатов, В.М. Япония: язык и общество / В.М. Алпатов – М.: Изд-во Муравей, 2003. – 208 с.
4. Арешидзе, Л.Г. Современная Япония: Политический справочник в схемах и таблицах / Л.Г. Арешидзе, И.М. Крупянко, М.И. Крупянко. – М.: Изд-во Вост. лит., 2003. – 151 с.
5. Востокова, А.С. Страна Восходящего Солнца. От древности до наших дней / А.С. Востокова – Ростов-н/Д: Изд-во Феникс, 2005. – 256 с.
6. Гаджиева, Е.А. Страна восходящего солнца: история и культура Японии / Е.А. Гаджиева – Ростов-н/Д: Изд-во Феникс, 2006. – 249 с.
7. Горегляд, В.Н. Из истории общественной мысли Японии XVII – XIX вв / В.Н. Горегляд. – М.: Изд-во Наука, 1990. – 213 с.
8. Елисеефф, В. Японская цивилизация / В. Елисеефф, Д. Елисеефф – Екатеринбург: Изд-во У-Фактория, 2005. – 527 с.
9. Коваль, С.Н. Ресницы Дарумы (парадигма Кэмпо-Дзэн) / С.Н. Коваль, Ю.Е. Холин – Ростов-на-Дону: Изд-во Феникс, 2005. – 395 с.
10. Мак-Клейн, Джеймс Л. Япония. От сёгуната Токугава – в XXI век / Джеймс Л. Мак-Клейн – М.: Изд-во Астрель, 2006. – 895 с.
11. Накорчевский, А.А. Японский буддизм: история людей и идей (от древности к раннему средневековью: магия и эзотерика) / А.А. Накорчевский – СПб.: Изд-во Азбука-классика, 2004. – 384 с.
12. Оно, С. Синтоизм: Древняя религия Японии / С. Оно, У. Вудард. – М. Изд-во София, 2007. – 160 с.
13. Перфильев, В.О. Япония от А до Я – популярная иллюстрированная энциклопедия / В.О. Перфильев. – М.: Изд-во Япония сегодня, 2000.–640 с.
14. Стэнли-Бэйкер, Дж. Искусство Японии / Дж. Стэнли-Бэйкер – М.: Изд-во Слово, 2002. – 240 с.
15. Фельдман-Конрад, Н.И. Японско-русский учебный словарь иероглифов / Н.И. Фельдман-Конрад. – М.: Изд-во Живой язык, 2004. – 680 с.
16. Фудзинума, Т. Японско-русский словарь / Т. Фудзинума. – Токио: Изд-во Кэнкюся, 2000. – 1184 с.
17. Blocker, H.G. Japanese philosophy / H.G. Blocker, C.L. Starling. – New York: New York State University press, 2001. – 213 p.
18. Breen, J. Shinto in History: Ways of the Kami / J. Breen, M. Teeuwen – Published by Curzon Press, 2000. – 368 p.
19. Carter, R. Watsuji Tetsuro / R. Carter // Интернет: http://plato.stanford.edu/entries/watsuji-tetsuro/
20. Davis, B.W. The Kyoto School / Davis B.W. // Интернет: http://plato.stanford.edu/entries/kyoto-school/
21. Hayashi, S. Culture and Management in Japan / S. Hayashi – Tokyo: Tokyo University press, 1994. – 194 p.
22. Heisig, J. W. Japanese Philosophy Abroad / J.W. Heisig – Nagoya: Nanzan Institute for Religion and Culture press, 2004.
23. Heisig, J. W. Philosophers of Nothingness: An Essay on the Kyoto School / J.W. Heisig – Honolulu: University of Hawaii Press, 2001.
24. Heisig, J.W. Rude awakening / J.W. Heisig, J.C. Maraldo – Honolullu: University of Hawaii press, 1994.
25. Honna, N. An English Dictionary of Japanese Culture / N. Honna, B. Hoffer. – Tokyo: Yuhikaku Publishing Co., LTD., 1986. – 350 p.
26. Kasulis, T. P. Japanese Philosophy / T.P. Kasulis // Интернет http://www.rep.routledge.com/article/G100SECT8
27. Kenneth, G. H. A history of Japan: From Stone Age to Superpower / G.H. Kenneth – Published by Palgrave, 1999. – 242 p.
28. Makoto, O. On Tanabe's Logic of Species / O. Makoto // Интернет: http://www.bu.edu/wcp/Papers/Comp/CompOzak.htm
29. Masakatsu, F. Kyotogakuha no tetsugaku / F. Masakatsu – Kyoto: Showado. 2001.
30. Masakatsu, F. Logos and Pathos: Miki Kiyoshi's Logic of the Imagination / F. Masakatsu – Kyoto: Synthesis Philosophica, 2004.
31. Maraldo, J. Nishida Kitaro / J. Maraldo // Интернет: http://plato.stanford.edu/entries/nishida-kitaro/
32. Maraldo, J. The Problem of World Culture: Towards an Appropriation of Nishida's Philosophy of Nation and Culture / J. Maraldo // The Eastern Buddist, 1995. – № 28/2. – P. 183–197.
33. Milton, W. M. Japan: A Concise History / W.M. Milton – Published in the USA by Rowman & Littlefield Publishers Inc., 1993. – 331 p.
34. Morton, W. S. Japan: Its History and Culture / W.S. Morton – McGraw-Hill, 1994. – 311 p.
35. Nishitani, K. Nishitani Keiji chosakushu / K. Nishitani – Tokyo: Sobunsha, 1986–95.
36. Ohashi, R. Die Philosophie der Kyôto-Schule / R. Ohashi – Freiburg: Karl Alber, 1990.
37. Ohashi, R. Kyôtogakuha to Nihon-kaigun / R. Ohashi – Kyoto: Shinsho, 2001.
38. Ohashi, R. Kyotogakuha no shiso / R. Ohashi – Kyoto: Jinbunshoin, 2004.
39. Sanson, G.B. Japan: A Shoort Cultural History / G.B. Sanson – Published by Charles E. Tuttle Company, Inc., 1997. – 548 p.
40. Schirokauer, C. A Brief History of Japanese Civilization / C. Schirokauer – Published by Harcourt, Inc., 1993. – 323 p.
41. Tsunoda, R. Sources of Japanese Tradition vol. I/ R. Tsunoda, Wm. T. De Bary, D. Keene – New York: Columbia University Press, 1964 – 506 p.
42. Tsunoda, R. Sources of Japanese Tradition vol. II/ R. Tsunoda, Wm. T. De Bary, D. Keene. – New York: Columbia University Press, 1964 – 406 p.
43. Varley, H. P. Japanese Culture / H.P. Varley – Published by University of Hawaii Press, 2000. – 383 p.
44. Xiaofei, T. The Fascist Next Door? Nishitani Keiji and the *Chuokoron* Discussions in Perspective / T. Xiaofei // Интернет: http://www.japanesestudies.org.uk/discussionpapers/2006/Tu.html

ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ ЗАПЕВЫ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЭПОСЕ

А.Н. Варламов

Варламов Александр Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (Якутск).

В статье рассмотрены звукоподражательные запевы в эвенкийском эпосе. Проанализирована эволюция развития звукоподражательных запевов – от подражания звукам, издаваемым животными до словесного обозначения звука на эвенкийском языке. Дана краткая характеристика особенностей семиотического восприятия естественных звуков в традиционном обществе эвенков.

Ключевые слова: эвенки, тунгусы, фольклор, эпос, звукоподражательные запевы, семиотическое восприятие звуков.

Особенностью эвенкийского эпоса является наличие уникальных собственных запевов у всех эпических героев. На первый взгляд, эпические запевы не несут особой информации и напоминают сочетание различных звуков, дополняющих фольклорный образ. А.Н. Мыреева указывает, что в героических сказаниях подобные запевы служат началом прямой речи и заключают речь-песню героя. Часть запевов не несет в себе определенного значения, но выражает звукоподражание [4: с. 94–95].

При внимательном изучении любой запев, встречающийся в эвенкийских сказаниях-нимгаканах, несет определенную информацию о герое-обладателе запева. Запевы в своем звучании не только отображают звукоподражание, но и содержат гораздо более подробную информацию, характеризующую героя. На высокую степень информативности эпических запевов обращали внимание известные отечественные фольклористы. Е.С. Новик указывает на то, что эпические запевы являются важным семантическим компонентом, который определяет статус текста как монолога определенного лица [5: с. 43]. Функциональное значение запевов в фольклоре народов Севера было подробно рассмотрено Ж.К. Лебедевой, которая выделяла запевное слово в качестве основного компонента обрядовой поэзии, выполняющего в эпосе полисемантическую функцию: они заменяют имя героя, указывают на отличительные признаки самого героя [3: с. 49]. Глубокие функциональные свойства эпических запевов в эвенкийских нимгаканах отмечает Г.И. Варламова: «…поющиеся монологи и у эвенков, и у эвенов имеют запевные слова, являющиеся как бы своеобразным кодом, «визиткой» героя. В эвенкийском эпосе запевные слова героев и героинь «труднорасшифровываемы», чаще можно лишь предположить, что этот родовой запев, запевные слова (обязательно начинающие поющийся монолог) восходят либо к родовому названию, либо к названию племени...» [9: с. 3].

Анализ запевов эвенкийских нимгаканов позволяет выделить основные типы запевов эпических героев, которые можно сгруппировать в зависимости от принципа их образования: звукоподражательные запевы; запевы – производные от эвенкийского названия животного или имени героя; запевы, характеризующие своим звучанием родоплеменную принадлежность героев. Отметим, что классификация в данном случае достаточно условна. В этом отношении Ю.И. Шейкин точно отмечает, что сравнительный анализ культур, сохранения архаичных форм звукового поведения, позволяет определить архаический жанр скорее как процесс, нежели как результат [12: с. 5].

Целью данного исследования является попытка рассмотрения эволюции эпических запевов, образованных на основе звукоподражания, как соответствующих наиболее древнему состоянию человеческой речи. Прежде чем приступить к рассмотрению эвенкийских эпических запевов, сформированных по звукоподражательному принципу, стоит остановиться на семиотике языкового общения эвенков и особенностях восприятия ими комплекса природных звуков. Звуковое восприятие природных звуков людьми различных типов культур сильно отличается. Даже в рамках схожих этнографических типов культур различия заметны, не говоря о сравнении с европейской, урбанистической культурой.

Рассмотрим далее некоторые простые примеры. Ухо русского человека привычно ассоциирует лай собаки со словосочетанием *гав-гав!* В среде якутов, проживающих в центральной части Якутии, распространено звукоподражательное словосочетание *нёнг-нёнг*, в среде эвенков совершенно иное – *хунг-хунг* (в обоих случаях *нг* – единый носоязычный звук как в английских словах *sing, long*). Различие звукового восприятия и

воспроизведения у разных народов, естественно, связано с особенностями языка, но имеются и другие, не менее значимые факторы. Прежде всего, это культурные различия, например, социально-экономическая среда. В среде русских и якутов собака чаще является сторожем и издаваемый такой собакой на подворье лай довольно точно соотносится со словосочетаниями-звуками в русском и якутском языках. В среде эвенков собаки редко лают вблизи жилища, так как их основной функцией является охота, и словосочетание *хунг-хунг* отражает голос лающей на зверя собаки, слышный вдали. Показательным примером зависимости звукоподражания от объективных условий естественной среды, демонстрирующим схожее звуковосприятие людьми разных культур, является восприятие якутами и эвенками звучания хрустящего снега. У якутов и эвенков, несмотря на большие языковые и культурные отличия, практически идентичное воспроизведение звука, имитирующего хруст снега: у эвенков *кочир-кочир*, у якутов – *хычир-хычир*. В данном случае культурные различия не способны повлиять на словесное отражение естественного звука, идентичного в среде обоих народов.

Для эвенков, как и других кочевых народов, всецело зависящих от естественных природных условий, умение правильно воспринимать природные звуки чрезвычайно важно. Это касается в первую очередь утилитарности звукового восприятия в хозяйственном цикле: услышать, как токует глухарь (заметил он охотника или нет); как далеко, на кого и в каком направлении (с учетом ветра и рельефа местности) лает собака; как изменятся погодные в соответствии со звуками, издаваемыми ветром и пр. Эвенки-таежники повседневно получают огромную часть необходимой информации из окружающих звуков и умеют правильно ее интерпретировать.

Описываемый акустический канал передачи информации был весьма естественным образом перенесен эвенками и в фольклор. Звукоподражательные запевы формировались на ранней ступени развития эвенкийского эпоса и сохранились как в архаическом эпосе эвенков, так и в эпических произведениях позднего времени.

Для архаических эпических произведений эвенков чаще характерны звукоподражательные запевы животных. Так, в сказании о Чинанае животные имеют запевы, созвучные с производимыми этими животными звуками:

«Тыкен бидерэкин, сор дэгитчерэн.

– Кулук! Кулук! Едянны?

– «Когда он так сидел, ворон мимо пролетал.

– Кулук! Кулук! Что делаешь?» [6: с. 3, 58].

Кулук – запев-звук, издаваемый вороном. Фольклорный запев *«Кулук-Кулук!»* действительно схож со звуком, издаваемым вороном в тайге. Для жителя городской среды ворон, как и ворона, в большей степени ассоциируется со звуками *кар-кар!* Для эвенков звуки, издаваемые вороном совершенно иные, потому что даже такое типично сказочное существо как ворон, в естественной природной среде способен издавать многообразные и совершенно разные звуки. Ворон, пролетающий высоко над головой охотника, застигнутый за добычей врасплох, сидящий на высоком дереве на морозе в минус 50, издает звуки, совершенно не похожие на привычный для большинства из нас – возглас *кар-кар*. Неопытное ухо в тайге может порой перепутать «речь ворона» с голосом другой птицы, лаем собаки или даже с разговором людей.

Звукоподражательные запевы, которые мы условно назовем «запевами архаической формы», характерны для эпоса эвенков Байкальского региона (Читинская и Иркутская области). Такие запевы распространены также в эвенском эпосе, имеющем преобладающие архаические признаки:

1. «Элэкэс-тэкэн хонадилракан, ненгчак эмэддэн, яв-ут-та амнгади дявутникан.

– Уо-у-уон, дорова, этэ-ву

Уо-у-уон, яв хи некэдери?».

– «Так кричал он, указывая на небо. Затем начал рубить шестую опору лабаза. Только начал рубить, к нему подбежал волк:

– Уо-у-у-уон!

Здравствуй дедушка!

Что ты делаешь?

2. «Тадук оранни торэлрэн:

Як айина, ичилдерэп, Хор-хор».

– «Затем заговорил ее олень:

– Как хорошо, что встретились, Хор-хор!» [9: с. 150, 184].

В фольклоре других тунгусо-маньчжурских народов также сильны традиции формирования запевов фольклорных героев на основе звукоподражания. Нанайский и удэгейский фольклор имеет схожие с эвенскими эпические традиции. Нанайские *нингманы* и удэгейские *ниманку* архаичны по форме и по жанровым характеристикам стоят ближе к мифам, в их сюжетах ярко выражено шаманское мировоззрение. Для фольклорных текстов нанайцев и удэгейцев характер-

ны так же звукоподражательные запевы героев-людей. Во многом – это является зависимостью от ярко-выраженной зооморфности персонажей, что является отражением сильного влияния тотемистического культа в мировоззрении этих народов. В тексте о Кукушке, относимом исследователями к эпическому жанру *ниманку,* герой обладает способностью превращаться в кукушку и имеет соответствующий птичий запев. Такую способность герою передает его отец, что также подтверждает влияние тотемистических представлений как части традиционного мировоззрения в фольклоре удэге: «Шел он, шел и стал блуждать. Блуждал, блуждал, три дня блуждал. А отец его дома все ждет, это самое (обо всем знал). «Ой, как жаль!» – видит, парень его блуждает.

Парень Мангасу, экэ-ку,
За своей невестой, экэ-ку,
Идет, экэ-ку.
Три дня, экэ-ку,
Блуждает, экэ-ку.
Свой кукушечий облик, экэ-ку,
Я передам ему, экэ-ку» [10: с. 93].

Вышеописанные примеры демонстрируют очень точное звукоподражание в запевах персонажей-животных. Способ формирования запевов от прямого звукоподражания был наиболее ранним и сохранился в эпосе тунгусо-маньчжурских народов наряду с типами запевов, возникших на более поздних ступенях формирования эпических традиций.

Дальнейшее развитие эпического жанра приводит к распространению использования звукоподражательного способа формирования запевов персонажей, в отражении наиболее характерных черт героя. Многие персонажи в эвенкийском эпосе имеют запевы, имитирующие звук – лязг железа. Как правило, такой запев имеют отрицательные персонажи – враждебные эвенкам *авахи*. В сказании о Кодакчоне запев богатыря-авахи напоминает подобный звук: «Тар авахи истан нунгандулан. Ичэнэ бичэ илан диличи уксукинде бичэ. Эмэденэ, ичэчэ бичэ. Тар ичэнэн авахи турэчиттэн:

Динди, динди!
Динди, динди!
Мата, дорово!
Би ахавунмав
Ахаканма ичэнни?».

– «Вот враг-авахи приблизился к нему. На вид это был трехголовый орел. Прилетел, стал рассматривать. Этот авахи такую речь держит:

Дынгды, дынгды!
Дынгды, дынгды!
Мата, здорово!
Ты не видел девицу,
За которой я гонюсь?» [2: с. 23, 181].

Запев «Дынгды, дынгды!» (дэнгдэ-дэнгдэ) не нуждается в какой-либо расшифровке, так как по сути лишь точно копирует звук металла (по сюжету – стук металлических доспехов враждебного богатыря). Запев авахи дополняет другие сведения о персонаже, представленные в тексте. По имеющемуся запеву и дополнительной информации мы можем соотнести образ отрицательного героя с тюркоязычными скотоводами, имеющими тотемом орла. Запев в данном случае подчеркивает развитое кузнечное ремесло у племени, отождествляемом предками эвенков с эпическими *авахи*. Запев «дынгды-дынгды» является наиболее яркой чертой образа персонажа, одетого в железную броню, издающую металлические звуки. Однокорневым с вышеописанным запевом является запев «Дынгдони-Дынгдони» (Дэнгдони-Дэнгдони).

Запевы, имитирующие звук металла не отражают напрямую принадлежность его обладателя к враждебному племени, а лишь дополняют прочие характеристики. Это подтверждается наличием схожего запева у положительных эпических персонажей. В сказании об «Иркисмондебогатыре», записанном от известного нимнгакалана Н.Г. Трофимова, герой имеет именно такой запев: «Эр дю уркэлэн эмэксэкэн, дулин буга Иркисмэнден дундэлэ ньиргийивкэненэ, нянгняла ухутавчана турэчи-сэхэчи одяран:

– Дингдэни-Дингдэни, дэлэгэй!

… Дулин буһа Иркисмэнден гунмури мата одам».

– «Подойдя к дверям дома, Иркисмондя средней земли заговорил так громко, что голос его прогремел по земле и прокатился по небу:

– Дынгдони-Дынгдони, дэлэгой!

… я средней земли Иркисмондя-мата!» [11: с. 103, 207].

В сказании о девице Секак, героине встречается богатырь Верхнего мира, предстающий в образе железного ястреба. Приведем пример из текста: «Железный ястреб речь держит:

Дэнг, дэлэ, дэлэ!
Дэнг, дэлэ, дэлэ!
Ну, дочь Нингтони-богатыря
Со средней земли,
Секак-девица,
Я расскажу!
Я сын

Из рода Оха,
Утольдина-старика
И Утакан-старушки.
[Я] железный ястреб-птица,
По имени Дюпкулдон-Дюпкулдин,
Мата-богатырь» [2: с. 200].

Как видим, «металлический» запев героя лишь дополняет прочие подробные сведения и подчеркивает обладание железными доспехами. Проанализируем кратко характеристику героя. Превращение героя в ястреба является отражением тотемистических представлений эвенков. Тотем ястреба не характерен непосредственно для эвенков, обладание этим тотемом более характерно для монгольских племен. Это предположение подтверждают имена героя и его отца, образованные при помощи суффиксов *«дин»*, характерные для монгольского языка. Название рода *Оха* сопоставляется Г.М. Василевич с монголами-урянхитами, что она подтверждает сведениями исторических источников [Там же: с. 344].

В эвенкийских героических сказаниях встречаются также иные запевы, имитирующие звук металла. В некоторых сказаниях восточных эвенков, как например, в сказании о Содани-мата враждебный авахи-огенга, имеет запев *кингир-кингир!*

В некоторых случаях идентичный запев имеют и положительные герои. Так, например, богатырь средней земли Коколдокон имеет запев *«Кингир-кингир, кингирмой!»*, образованный от того же корня:

«После этого наш человек Коколдокон-богатырь угрожающе приблизился к сыну авахи, подбрасывая мяч свой и заговорил:

Кингир-кингир, кингирмой!
Авахи нижней земли Сэлэргун-Сэвэендя,
Уж не слишком ли [много] ты смеешься?» [11: с. 222].

В эвенкийском языке слово *кингилами* означает «звенеть», *кингилэн* – ботало, привязываемое на шею оленю. В маньчжурском языке словом *кинг* обозначается «ударный музыкальный инструмент (из тонкого металла в виде чаши из тонкого камня в виде треугольника, в который ударяют деревянным молоточком) [7: с. 395].

Запев эпических героев *«кингир-кингир»* – это пример, более усовершенствованного способа формирования запева через использование термина, обозначающего звучание, приходящего вместо прямого отражения звучания. Возникновение подобного способа маркировки героя было обусловлено развитием мышления и речи в древнем человеческом обществе. Этот процесс напрямую свидетельствует о приобретении способности образного мышления людьми глубокой древности. Способ формирования эпических запевов, когда прямое копирование звуков сменяется словом, обозначающим звук, характерен для большинства эвенкийских эпических произведений.

Запевы, сформированные по такому принципу, наиболее характерны для домашних животных – коня и оленя, как постоянных спутников эпических героев эвенкийских сказаний:

1. «На пегого коня своего сев, уезжает.
Трехслоистых туч выше летит.
И когда едет так, конь говорит:
– *Кинга-киверлой!*
Предназначенный мне,
Хозяин мой!
Говорю опять,
Слушай ты,
Смотри ты» [1: с. 273].

2. «Дикий олень со свежеоголенными рогами…
…После этого –
По-человечьи заговорил он,
По-оленьи захоркал,
По-эвенкийски запел:
«*Энгтэвлэнин-энгтэвлэнин*!
Вот посмотри-ка, хозяин мой,
Эвенк по имени Иркиничэн, ездящий
На диком олене со свежеоголенными рогами» [13: с. 203].

Запев коня формируется от слова *кингами* – ржать, запев оленя от слова *энгтэми* – хоркать. На примерах запевов коня и оленя стоит остановиться подробнее. Анализируя запевы персонажей домашних животных в эвенкийском эпосе, мы можем видеть фольклорное отражение последовательной, исторической смены типа хозяйствования у эвенков. Исторически коневодство пришло в среду предков эвенков гораздо раньше оленеводства. Смена коневодческой культуры на оленеводческую происходила в среде эвенков постепенно и неравномерно в различных территориальных группах. Вообще, эвенкийский тип транспортного оленеводства – малая численность стада, вьючный тип кочевой культуры, верховая езда, – является следствием влияния распространенного ранее коневодства. Отметим, что большая группа эвенков на протяжении всего исторического пути не осваивала оленеводство вообще (часть эвенков, проживающих в Забайкалье и на территории Китая). В большинстве эпических произведений эвенков

герой-одиночка приобретает помощника – коня. Наиболее распространенным запевом коня в эвенкийском эпосе является запев *«торгея, торгея!»:*

«Остановившись там, конь запел опять:
– *Торгея, Торгея*! Хозяин мой, хозяин!
Пни меня слегка ногой, чтоб
Пенечком, брусникой поросшим, я стал!» [6: с. 83].

В эвенкийском языке слова-призводные от корня *«торго»* имеют единое значение – ткань, материя, одежда (матерчатая) и пр. В монгольских и тюркских языках слово имеет тоже значение – ткань, материя, шелк [8: с. 199]. В связи с этим, обозначение коня запевом *«торгея, торгея!»* свидетельствует о приобретении коневодства пешими охотниками либо от монголоязычных, либо от тюркоязычных скотоводов. По мнению ряда исследователей, запев коня *«торгея, торгея!»*, отражает родственную связь с племенем торгачинов. Упоминания о торгачинах встречаются в документах XVII века: «У Избранда-Идеса находим некоторые этнографические сведения о Торгачинах; он говорит, что эти Дауры – отличные стрелки из лука, хорошие земледельцы, сеют ячмень, овес, просо, имеют превосходные стада, ездят на волах, также как и на лошадях; черты лица у них монгольские. Летом они одеваются в бумажные ткани, а зимою – в звериные шкуры. Они составляют независимое племя, избирающее себе главного начальника, говорят на тунгусском языке и платят дань Китаю. Образ жизни Торгачин был, по-видимому, полукочевой. Милованов встретил кочевых Торгачин на р. Дзадуне; «между горами и Науном рекою», – по его словам – «живут Торгачины кочевьем и хлеб сеют» [2: с. 353]. Запев «*торгея-торгея*» может отражать наиболее характерную для конных эвенков особенность – наличие матерчатой запашной одежды, что таежные эвенки-охотники, для которых типичным является замшевый распашной кафтан, не могли не отмечать.

Описываемые Спафарием торгачины, являются прямыми предками современных эвенков внутренней Монголии КНР, практически полностью соответствующие описаниям средневековых торгачинов. При анализе других дополнительных сведений в отношении приобретения тунгусами коневодства, подтверждается версия о монгольских корнях тунгусского коневодства и наиболее вероятным видится киданское влияние, о чем свидетельствуют сюжеты и персонажи в эвенкийском эпосе.

В сказании о Торганэе конь является главным помощником главного героя. По сюжету сказания живут два брата с матерью, имеют одну лошадь. Эта лошадь не используется ими для езды, на охоту братья ходят пешком. Один из братьев женат. Однажды, когда братья уходят на охоту жену Торганая воруют чудовища Каданай и Дёлоной. Торганай вернувшись домой решает бежать за врагами на лыжах. В это время лошадь обращается к нему со следующими словами:

«Вдруг заговорила-напела такими словами:
– *Торгея, Торгея*! Хозяин мой, хозяин!
В левое ухо влезши,
Через правое выйдя увидишь,
Что рожу тебе жеребенка.
Жеребенка рожу я тебе.
На него сев, погонишься ты, – сказала» [6: с. 80].

Из сюжета видно, что лошадь представлена во взаимосвязи с приобретением героем жены (одна жена – одна лошадь). Братья еще не ездят на охоту верхом и даже в погоню за врагами, Торганай решает отправиться на лыжах. Это свидетельствует о самом начале развития конной культуры пешими охотниками-эвенками в тот исторический период. Волшебное рождение коня свидетельствует о становлении новой формы хозяйствования – «культуры конных охотников».

В неопубликованном еще сказании о девице Секак и ее брате Ирани (материалы Г.И. Варламовой) конь имеет сложный двухсоставной запев – *«Торго-энтэронин!»*. Возникновение подобного запева коня обусловлено возникновением нового типа хозяйствования, когда конные охотники стали проникать в таежные зоны и постепенно осваивали оленеводство. Отметим, что в сказаниях это переходное состояние также отмечается. В сказании о сестрице Секакчан и брате Ирани герой путешествует на коне, но описывается и то, что у них имеется собственное оленье стадо. Важным фактом в данном сказании является описываемый тип оленеводства – изгородное содержание, наиболее характерное при смешении оленеводческой и коневодческой культур. Подобное смешение характерно для дальневосточных эвенков, которые еще в начале XX века сочетали содержание коней и оленей. Например, крупная группа эвенков-манягиров, населявшие север Амурской области, при заселении горно-таежных зон перешла полностью на оленеводство. Представители рода Кэптукэ (к которому относится и автор данной работы), кочевавшие в бассейнах р. Зея, полностью сменили транспортное коневодство на оленеводство лишь в 20-х годах прошлого века.

На примере эпических запевов коня и оленя прослеживается следующая схема, отражающая

постепенную смену коневодства на оленеводство: *Кинга-киверлой – Торгея-торгея – Торго-энгтеронин – Энтеронин (энтэвлэнин).* Наиболее простой по типу (звукоподражание) запев коня *«кинга-киверлой»*, предположительно сформирован в более раннее время и, по-видимому, не несет какой-либо дополнительной информации конкретного исторического характера. Запев *«торгея-торгея»* характеризует время развитого коневодства у эвенков и содержит информацию о родственных связях с монголо-язычными племенами. Запев *«торго-энгтеронин»* отражает эпоху смешения хозяйственного типа, когда, наряду с лошадьми, содержались и олени. Запев *«энгтэвлэнин»* встречается в сказаниях, где герой уже не имеет коня, а путешествует на олене, что повествует об историческом времени, когда эвенки полностью перешли на оленеводческий тип хозяйствования.

С развитием эпических традиций усложняется семиотическая система кодирования в запевах. Словесное обозначение звуков переносится на словесное обозначение различных особенностей персонажей эвенкийского эпоса. Таким образом, в эпосе подчеркивается основная сущность образов, их наиболее яркая черта. В сказании о сыне Чинаная основным отрицательным образом является чудовище-сэтэкэ:

«Сэтэкэ лицо засовывает:
– Явико-явико!
Мать-отец ваши умерли уже.
Косточки их пошевелите давайте, –
Говоря так, в окно всунулся.
– Явико-явико! Явико-явико! – говорит» [6: с. 63].

Этимология возникновения запева сэтэкэ, вероятно, объясняется происхождением от глагола «яв» (jав) – хватать, брать, ловить [7: с. 240–241]. Это вполне соотносится с тем, что наиболее яркой чертой образа сэтэкэ является его стремление съесть человека.

Таким образом, сложившийся на основе традиционной кочевой охотничьей культуры, акустический канал передачи информации, характерный для повседневной жизни, был перенесен эвенками и в фольклор. Звукоподражательные запевы характерны для наиболее древней формы эпоса, где менее всего выражены его поэтические характеристики, и сам эпос наиболее приближен к более раннему по происхождению фольклорному жанру – мифу. Именно близость архаического эпоса к мифу и отражение в нем наиболее древнего периода развития этноса обуславливает подобный характер запевов эпических героев. Звукоподражательные запевы эпических героев были начальной ступенью возникновения своеобразной семиотической системы маркировки передаваемой фольклором информации. Часть звукоподражательных запевов, возникших позже, трансформировалась, сменив прямое звукоподражание на словесное обозначение естественного звука.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варламова, Г.И. Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора / Г.И. Варламова. – Новосибирск, 2002.
2. Василевич, Г.М. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / Г.М. Василевич. – М.-Л., 1966.
3. Лебедева, Ж.К. О жанрообразовании в архаическом эпосе народностей Крайнего Севера / Ж.К. Лебедева // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. – Горно-Алтайск, 1986. – С. 48–53.
4. Мыреева, А.Н. О запевах эвенкийских сказаний / А.Н. Мыреева // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. – Якутск, 1980. – С. 93–102.
5. Новик, Е.С. К типологии несказочной прозы / Е.С. Новик // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. – Горно-Алтайск, 1986. – С. 36–48.
6. Варламова, Г.И., Варламов, А.Н. Сказания восточных эвенков / Г.И. Варламова, А.Н. Варламов. – Якутск, 2004.
7. Цинциус, В.И. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / В.И. Цинциус. – Л., 1975. – Т. 1.
8. Цинциус, В.И. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / В.И. Цинциус. – Л.: , 1977. – Т. 2.
9. Кэптукэ, Г.И. Тунгусский архаический эпос (эвенкийские и эвенские героические сказания / Г.И. Кэптукэ, В.А. Роббек. – Якутск, 2001.
10. Симонов, М.Д. Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ / М.Д. Симонов, В.Т. Кялундзюга, М.М. Хасанова. – Новосибирск, 1998.
11. Романова, А.В.Фольклор эвенков Якутии / А.В. Романова, А.Н. Мыреева. – Л., 1971.
12. Шейкин, Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительное исследование / Ю.И. Шейкин. – М., 2002.
13. Мыреева, А.Н. Эвенкийские героические сказания / А.Н. Мыреева. – Новосибирск, 1990.

РЕЦЕНЗИИ

ПРОБЛЕМЫ МОРСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ И США

(рецензия на книгу Б.И. Ткаченко «Проблемы морской экономической границы между Россией и США». – Владивосток: Изд-во Морского государственного университета, 2008. – 112 с.)

Л.В. Забровская

Забровская Лариса Вячеславовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела востоковедения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток).

Вышедшая в свет монография кандидата экономических наук Б.И. Ткаченко, ведущего научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, профессора-консультанта Морского государственного университета имени адмирала Г. И. Невельского, – специалиста в области международных отношений и территориально-пограничных проблем России на Дальнем Востоке с Китаем, Японией и США, – «Проблемы морской экономической границы между Россией и США» посвящена актуальной проблеме современных российско-американских отношений — разграничению морских экономических владений в северной части Тихого океана и в Арктике. Она представляет собой комплексное исследование исторических, политических, правовых и экономических аспектов данной проблемы.

Книга Б.И. Ткаченко имеет прикладной характер и практически ориентирована на нужды Дальневосточного региона в целом, повышение эффективности внешней политики России на Дальнем Востоке по линии российско-американских межгосударственных отношений и направлена на решение проблем обеспечения экономической безопасности как Российской Федерации в целом, так и Дальневосточного региона, в частности.

Не секрет, что в период Горбачева–Шеварднадзе в результате реализации внешнеполитического курса, основанного на «новом политическом мышлении» в сфере международных отношений, был допущен ряд грубых ошибок, нанесших серьезный ущерб национальным интересам России. В Дальневосточном регионе по линии азиатско-тихоокеанских связей с сопредельными государствами речь идет о Соглашении между СССР и США о линии разграничения морских пространств, подписанным Э. Шеварднадзе с санкции М. Горбачева в Вашингтоне в 1990 году. В соответствии с этим соглашением между двумя странами были разграничены исключительная экономическая зона и континентальный шельф в Беринговом и Чукотском морях, Северном Ледовитом и Тихом океанах, т. е. морские экономические владения в районе стыка российской Чукотки и американской Аляски.

Автор рискнул обратиться к ранее практически никем не исследованной и очень сложной теме. Достаточно сказать также, что число публикаций по этой проблеме за 18 лет, прошедших с момента подписания вашингтонского Соглашения 1990 года, измеряется единицами. В основном – это газетные публикации сотрудников Комитета по рыболовству Российской Федерации, озабоченных проблемами своей отрасли.

Данная книга относится к единичным изданиям по актуальной проблеме современных международных отношений – спорам о морских экономических границах государств и является первой и единственной в отечественной научной литературе монографией по проблеме разграничения экономической зоны и континентального шельфа между Россией и США в районе стыка Северо-Востока Азии и Северо-Запада Америки.

Для того чтобы разобраться в столь сложной проблеме, автору пришлось привлечь сведения из далеких друг от друга областей науки — истории и международной политологии, географии, геодезии и картографии, геоморфологии морского дна и морской геологии, международного права и международного морского права.

Книга в структурном отношении состоит из четырех глав, введения, заключения и приложения, содержащего необходимые документы.

Первая глава представляет собой экскурс в историю формирования российско-американской границы в XIX в. – первой четверти XX века в связи с продажей Аляски. Во второй главе рассмотрена проблема разграничения морских экономических владений между СССР и США в ходе переговорного процесса в 70-е – 80-е годы XX века.

Основное содержание монографии заключено в третьей и четвертой главах монографии. Здесь особое внимание уделено анализу исторических, международно-правовых, экономических и политических аспектов Соглашения между СССР и США о линии разграничения морских пространств 1990 года, экономическим и правовым аспектам формирования морской экономической границы между Россией и США в зоне Севера. Аналитическая работа по оценке правовых и экономических проблем данного соглашения представляется актуальной и практически значимой.

Рассматривая две основные проблемы в процессе подготовки Соглашения между СССР и США 1990 года – разграничение между СССР и США, в соответствии с международным морским правом спорной экономической зоны в тех районах, где расстояние между побережьями СССР и США составляет менее 400 морских миль и где 200-мильные экономические зоны СССР и США взаимно перекрывали друг друга, и разграничение спорного континентального шельфа в центральной части Берингова моря за пределами экономических зон СССР и США, автор отстаивает метод срединной линии при разделе спорных участков, оперируя положениями русско-американской Конвенции 1867 года об уступке Аляски. На этой основе автор выполнил собственную карту-схему и показал, как должна проходить срединная линия между территориями морских экономических владений СССР и США в Беринговом проливе, в Беринговом и Чукотском морях. На этой же карте-схеме показано реально проведенное в соответствии с Соглашением 1990 года разграничение в море и дана характеристика уступок СССР и России.

Автор охарактеризовал территориальные потери России в результате подписания Соглашения 1990 года и введения его в действие и привел оценочные данные об утратах СССР (Россией) исключительной экономической зоны и континентального шельфа, данные об экономическом значении ресурсов континентального шельфа в спорных районах, а также данные о реальных ущербах для рыболовной промышленности России от применения Соглашения 1990 года. По новому рассмотрен вопрос с разграничением континентального шельфа на морском дне в свободном пространстве центральной части Берингова моря, не перекрытого экономическими зонами СССР и США, которое с точки зрения физико-географических данных и международного морского права в значительной части является не континентальным шельфом, а международным районом морского дна, являющимся общим наследием человечества.

Автор проанализировал правовые проблемы введения Соглашения между СССР и США о линии разграничения морских пространств 1990 года в действие, выразившиеся в нарушении конституционных прав РСФСР и превышении полномочий СССР при заключении данного Соглашения, проблемы ратификации Соглашения 1990 года в период 1990–2008 годов. Сделаны практические выводы из анализа Соглашения 1990 года о линии разграничения морских пространств между СССР и США и предложены соответствующие рекомендации.

По оценке автора, во-первых, в процессе переговоров между СССР и США (1981—1990 годов) по достижению соглашения о разграничении экономических владений в указанных морских акваториях вполне реальным было заключение принципиально более выгодного для России соглашения.

Во-вторых, неблагоприятный результат был получен по причине неудовлетворительного механизма принятия важных государственных решений в сфере внешней политики в период «перестройки» М. Горбачева, ориентированного не на эффективное решение проблем международных отношений в интересах народа и государства, а на обеспечение реализации провозглашенной М. Горбачевым в качестве государственной идеологической доктрины «нового политического мышления для всего мира». Произошло целенаправленное подчинение интересов СССР как государства интересам политической идеологии, реализовывавшейся во внешней политике группой М. Горбачева в политической элите страны. Уступка морских экономических владений сопредельной стороне была осуществлена исходя из ущербно понимаемых высших политических интересов. При достижении Соглашения между СССР и США о линии разграничения морских пространств 1990 года советская сторона допустила стратегическую ошибку в процессе переговоров с американской стороной, рассчитывая

путем уступок морских экономических владений добиться благоприятного расположения американской стороны в интересах «разрядки международной напряженности, международного мира и согласия».

В-третьих, разграничение 200-мильных экономических зон, как зон рыболовных, не являлось главным вопросом на переговорах по достижению Соглашения между СССР и США о линии разграничения морских пространств 1990 года. Основные уступки были сделаны не в отношении прав на разработку рыбных ресурсов, а в отношении прав на разработку ресурсов континентального шельфа (морского дна и его недр), находящихся как в пределах 200-мильных исключительных экономических зон, так и за их пределами. Советские дипломаты уступили США весьма значительный по площади район нефтеносного шельфа Берингова и Чукотского морей из-за недальновидности высшего политического руководства СССР.

В-четвертых, автор считает, что Соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств 1990 года не отвечает долгосрочным национальным экономическим и политическим интересам России. Оно содержит очевидные территориальные и экономические ущербы для интересов России как в настоящее время (для рыболовства), так и в будущем (для эксплуатации ресурсов морского дна и его недр). Окончательное заключение о территориальных (морских экономических владений — исключительной экономической зоны и континентального шельфа) и экономических потерях России должна сделать независимая компетентная комиссия специалистов по профилю рассматриваемой проблемы. Выводы комиссии следует положить в основу решения парламентом России судьбы подписанного, но не ратифицированного Соглашения 1990 года.

В-пятых, автор считает, для решения вопросов о делимитации исключительных экономических зон и континентального шельфа между Россией и США в Чукотском море и в Арктической зоне в качестве особого обстоятельства для делимитации перекрывающихся зон морских экономических владений целесообразно сохранить линию, установленную Конвенцией 1867 года в точных координатах только в этих акваториях. В Беринговом море следует исходить из альтернативного варианта делимитации – разграничения по срединной линии, которая не противоречит Конвенции 1867 года в части установления трех срединных точек в Беринговом море и нормам международного морского права и часто применяется на практике при решении спорных вопросов делимитации.

В приложении монографии публикуются тексты договоров, соглашений, заявлений и других правовых документов по территориально-пограничному размежеванию между Россией и США в Северо-Восточной Азии, включая Договор между Россией и США от 18/30 марта 1867 года об уступке Русской Америки Северо-Американским Соединенным Штатам.

Книга предназначена, прежде всего, для специалистов-международников, а также тех, кто принимает участие в подготовке и реализации внешнеполитических решений. Она представляет интерес для политологов-международников, научных работников в области внешней политики и международных отношений, преподавателей, аспирантов и студентов, интересующихся проблемами российско-американских отношений.

Специалисты в области международных отношений найдут для себя много нового и интересного из предпринятого в монографии анализа по оценке правовых и экономических проблем Соглашения между СССР и США о линии разграничения морских пространств 1990 года. Опубликованные результаты комплексного исследования могут быть использованы для более обоснованной аналитической проработки проблем российско-американских отношений на Дальнем Востоке, при принятии решений в области внешнеполитической деятельности и в дипломатической практике применительно к решению проблем морской экономической границы между Россией и США.

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

МОДЕЛИРОВАНИЕ ООН КАК ФОРМА СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

С.С. Косихина

В.Ю. Сердюкова

Косихина Светлана Степановна – кандидат исторических наук, доцент, декан факультета международных отношений Амурского государственного университета (г. Благовещенск), руководитель университетского дебат-клуба «Модель ООН на Дальнем Востоке».

Сердюкова Вера Юрьевна – студентка 2-го курса экономического факультета Амурского государственного университета (гр.774-а), член дебат-клуба «Модель ООН на Дальнем Востоке».

Статья посвящена механизму вовлечения студенческой молодежи в политическую деятельность посредством участия в моделировании ООН. Особое внимание уделяется выработке полезных умений и навыков, приобретаемых студентами в процессе дебатирования. Характеризуется Дальневосточная «Модель ООН» как неправительственная организация, участие в которой способствует социализации студенческой молодежи.

Ключевые слова: Модель ООН на Дальнем Востоке, политическая вовлеченность, социализация, молодежь, дебатирование, консенсус, абсентеизм.

В современной России одной из актуальных проблем остаётся вовлечённость молодёжи в общественно-политические процессы. Решению данной задачи посвящены многочисленные мероприятия, проводятся различные акции, создаются околовластные структуры, озвучивается тезис о необходимости молодёжной политики. По мнению многих исследователей, формирование условий для вовлечения молодежи в политические процессы через разные формы самоорганизации и взаимодействия – важнейший ресурс развития России, её выхода на передовые позиции в мире [4: с. 49; 5: с. 57]. Этому препятствует распространённая в молодёжной среде система стереотипов и ценностных установок, абсентеистские настроения, недостаточная политическая грамотность и информированность. Как отмечает российский исследователь Д.О. Напольских, «…низкий уровень политического участия молодёжи, или политический абсентеизм, не является исключительно российской проблемой. Абсентеизм в большей степени наблюдается у молодёжи независимо от её гражданства…» [5: с. 57]. Даже в развитых демократических странах Европы привлечение молодёжи к участию в выборах – самой массовой, общедоступной, простой и наименее время– и ресурсозатратной форме политического участия – представляет собой задачу отнюдь не тривиальную [5: с. 57–58].

Причины широкого распространения абсентеистских настроений в молодежной среде представлены в российской науке достаточно объемно и четко [5: с. 58–59]. Полагаем целесообразным обратить внимание на одну из них, выделенную Председателем ЦИК РФ в докладе на торжественном собрании, посвященном 10-летию российской избирательной системы. Таковой он считает политико-правовую безграмотность, когда большинство молодых людей просто не представляют себе, как можно участвовать в политической жизни страны и мира [1].

В целях преодоления вышеназванных факторов факультет международных отношений Амурского государственного университета еще в 2000 г. подключился к зарождающемуся проекту «Модель ООН на Дальнем Востоке». Моделирование Организации Объединенных Наций — это ролевая игра, во время которой имитируется работа органов системы ООН. Участники играют роли представителей государств – членов Организации и обсуждают текущие вопросы повестки дня ООН. Путем проведения переговоров, действуя на основе принципов дипломатии, участники игры ищут решение глобальных проблем, стоящих перед мировым сообществом. Участие в подобном мероприятии предоставляет уникальную возможность ознакомления на личном опыте с дипломатической работой ООН и процессом принятия решений [3: с. 3].

История моделей началась с того, что в США учащимися колледжей стала моделироваться работа верхней палаты Конгресса – Сената. Так, с момента появления первых междуна-

родных организаций начала имитироваться и их деятельность. Так, студенты Нью-Йоркского университета в 1921 г. решили моделировать Лигу Наций. В настоящее время моделирование работы Организации Объединенных Наций популярно в большинстве стран мира. Одна из основных моделей в Европе – Европейская международная модель ООН в Гааге. В России таковой является Московская международная модель ООН, которая ежегодно проводится на базе МГИМО(У) и собирает около 500 участников. Популярность моделирования ООН растет с каждым годом. Благодаря «Модели ООН» тысячи молодых людей во всем мире узнают о проблемах, типичных для большинства стран современного мира, подключаются к поиску путей их решения. Подготовка к дебатам и их проведение предполагают наличие знаний о том, как вести переговоры: уметь слушать, убеждать, искать союзников, чувствовать, когда надо уступить, а когда надо настоять на своем мнении.

Моделирование ООН – это особая образовательная и воспитательная система, основными элементами которой являются цивилизованная дискуссия, уважение законов и правил, толерантное отношение к «другим», «чужим» точкам зрения и взглядам, формирование консенсуса. Моделирование позволяет лучше понять значение терпимости и важность разрешения споров через диалог и компромисс. «Модель ООН» – это своеобразная школа жизни: делегаты поставлены в условия необходимости выбора стратегии поведения, оперативного принятия решений, лоббирования интересов представляемой страны [3: с. 4]. Иными словами, участие в Модели ООН способствует формированию таких профессионально и жизненно значимых навыков, как публичная дискуссия, отстаивание собственной точки зрения, кулуарная работа, подготовка официальных документов, умение достичь консенсуса на основе разумного компромисса и сотрудничества.

Участие в Модели ООН актуализирует интерес студентов к политической и социальной ситуации в своей стране, стимулирует желание быть активным участником политических процессов. Формат публикации не предполагает выкладку методических рекомендаций по подготовке и проведению Модели ООН. В достаточно проработанном виде они представлены в отдельных публикациях, а также на образовательных вебсайтах ООН и национальных моделей ООН [3; 6; 7]. Мы полагаем уместным охарактеризовать Дальневосточную «Модель ООН» как механизм социализации студенческой молодежи.

Проект сразу имел успех в студенческой среде, что способствовало трансформации клуба «Модель ООН на Дальнем Востоке» из факультетского в общеуниверситетский, а затем – и общегородской. Формат дебат-клуба позволил осуществить систему мероприятий по коррекции стереотипных представлений молодёжи через её вовлечение в альтернативное пространство общественно-политической деятельности, в результате которой приобретается новый опыт, изменяется мировоззрение и складывается новая модель общественно-политических отношений.

Традиционные методы участия в молодёжных отделениях партий или подпольных радикальных группировках, равно как и эпизодические попытки встраивания молодёжи в архитектуру власти (молодежные парламенты, молодёжные общественные палаты), кажутся нам примитивными и бесплодными. Безусловный приоритет мы отдаем вовлечению молодёжи в пространство политического дискурса. Мы также считаем важным развитие отношений с аналогичными молодежными организациями Дальневосточного ФО РФ, стран АТР, направленного:

– на создание условий для интеграции молодых людей в общественную жизнь и поощрение их инициативности;

– оказание помощи молодым людям в получении знаний, навыков, квалификации и признание значимости подобного опыта;

– улучшение ситуации в сферах вовлечения молодежи в общественную жизнь и гражданское общество, укрепление толерантности, развитие неформального образования;

– формирование общего «молодежного пространства».

Проблема политического вовлечения молодежи через «Модель ООН на Дальнем Востоке» предполагает 2 взаимодополняющие части: обучение будущих специалистов тому, как функционируют международные институты (в частности ООН), и создание условий для практического взаимодействия молодых политиков России. Первое направление реализуется через университетский клуб, превращенный в своеобразную «площадку для моделирования работы международных организаций», второе – через институт ежегодно проводимых региональных и международных конференций. Участие студентов в конференциях предполагает:

– презентацию политической системы и ситуации страны, которую представляет команда университета;

– знание политической системы и ситуации Европейского союза, других значимых в международной политике организаций, их позиции по рассматриваемому вопросу;

– открытую дискуссию и работу в группах для выработки и подписания общей резолюции.

На проходивших за период нашего членства конференциях студенты обсуждали проблемы, стоявшие в повестке дня на сессиях Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности – «Борьба против угрозы глобального терроризма», «Кризис инфекционных болезней в Африке», «Обеспечение мирного использования космического пространства», «Гуманитарная помощь странам Африки» и другие. На Третьей международной конференции по Модели ООН в Азиатско-Тихоокеанском регионе (APMUN 2008), проводившейся в городе Инчеон (Республика Корея) в июле 2008 г., работа велась в 4 комитетах, которые занимались обсуждением целей развития тысячелетия ООН – от построения экономики, основанной на знаниях, до уменьшения риска природных катастроф. Организатор конференции – влиятельная международная организация Всемирная Федерация Ассоциаций Содействия ООН (WFUNA) – сформулировала амбициозную цель конференции – формирование в АТР корпуса молодых лидеров, способных в будущем решать конструктивные задачи глобального масштаба. В конференции принимали участие более 180 делегатов из 20 стран мира. Таким образом, еще одной важной составляющей проекта, является включение молодежи в деятельность международных организаций, возможность налаживания широких международных контактов, формирование «капитала человеческих отношений».

Характерной чертой проекта является то, что он находится в полном ведении студентов, которые самостоятельно обеспечивают существование и развитие организации, управляют финансами, принимают стратегические и тактические решения. Это требует высокого профессионализма и ответственности. Через систему мероприятий, осуществляемых на уровне высших ученых заведений и школ города, студенты организуют и проводят привлечение, набор и подготовку новых людей, желающих присоединиться к проекту. Кроме того, члены организации имеют возможность самостоятельно разрабатывать реальные и полезные проекты и воплощать их в жизнь.

Сегодня «Модель ООН на Дальнем Востоке (МООНДВ)» – некоммерческая организация (НКО), специализирующаяся на развитии молодых лидеров и создании институтов, позволяющих им влиять на окружающий мир. В настоящее время она представляет крупнейший на Дальнем Востоке конгломерат, состоящий из 2 некоммерческих организаций, 8 студенческих клубов, 4 программ, одного школьного клуба, более 20 специализированных проектов, нацеленных на развитие гражданского общества и стимулирование молодежного лидерства. МООНДВ объединяет более 200 активных членов и 1000 выпускников в таких крупных центрах, как Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Комсомольск-на-Амуре, Магадан, Южно-Сахалинск, Чита, Петропавловск-Камчатский [2]. МООНДВ представляет собой действенную сеть, включающую одновременное функционирование 20 проектов, которые, в свою очередь, объединяются 4 программами: «Гражданское общество», «Открытые форумы», «Развитие НКО» и «Лидерство» [2].

Программа «Гражданское общество» ориентирована на развитие принципов демократии и гражданского общества в нашей стране и включает проект летний лагерь «Первопроходец». Он направлен на стимулирование саморазвития старшеклассников в области лидерства, умения достигать консенсус, продвигать идеи разнообразия, создавать атмосферу понимания важности разнообразия и толерантного отношения к иным взглядам и позициям. Впервые «Первопроходец» был воплощен в жизнь в августе 2004 года благодаря поддержке фонда «Евразия» ($ 20 000). На сегодняшний день программа стала ежегодным событием, позволяющим объединить 60 талантливых и целеустремленных школьников со всего Дальневосточного ФО РФ. В августе 2008 г. проект «Первопроходец» реализовывался Благовещенским дебат-клубом «Модель ООН на Дальнем Востоке».

Программа «Становление и развитие НКО» направлена главным образом на создание новых клубов и укрепление существующих. Программа объединяет такие проекты, как Ассоциация выпускников, Связи с общественностью, Издательство МООНДВ, Привлечение финансовых средств, Сайт организации, Президентский совет, База данных МООНДВ, Рабочая группа – открытие новых клубов на российском Дальнем Востоке, Рабочая группа – распространение проекта в Сибирь.

Программа «Открытые форумы» стимулирует личностный рост членов МООНДВ, используя механизм дебатов. Открытые форумы объединяют следующие проекты: VI Международная конференция по Модели ООН (в декабре 2007 г. проводилась в г. Благовещенске на базе Амурского государственного университета), подготовка команд МООНДВ для участия в международных конференциях в США (г. Сан-Франциско), Модель ООН по всему миру, видеоконференция, Разработка дебатов в формате НАТО, Международного суда и Международного банка.

Программа «Лидерство» объединяет прочие проекты. Она нацелена на личностный рост членов МООНДВ и развитие организации на территории всей страны.

Каждый проект возглавляется проектным лидером и его командой. Тем самым обеспечивается организационная гибкость МООНДВ и одновременно сохраняется эффективность функционирования организации. Стремление к новым знаниям, возможность участия в развитии организации ежегодно привлекают в МООНДВ сотни талантливых студентов, что по праву делает «Модель ООН на Дальнем Востоке» крупнейшей самоуправляемой студенческой организацией Российской Федерации и одной из наиболее успешных некоммерческих организаций на Российском Дальнем Востоке.

В ходе осуществления проекта «Модель ООН на Дальнем Востоке» формируется альтернативное пространство общественно-политической деятельности для молодёжи, отличное по своей организации, целенаправленности и результативности от традиционных форм. Кроме того, в ходе реализации проекта формируется группа активной в общественно-политической сфере молодёжи, стремящейся к участию в политической жизни, расширению её организационных форм, задающей новые направления и смыслы. Это способствует превращению молодёжи в современного актора политического процесса, от позиции которого будет зависеть принятие определённых государственных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад Председателя ЦИК России на торжественном собрании, посвященном 10-летию российской избирательной системы (29 сентября 2003 г., Москва) // Российский фонд свободных выборов [Офиц. сайт]. 2004. // http://www.rfsv.ru/archivesite/news_arh.htm (02.09.2008).

2. Модель ООН на Российском Дальнем Востоке [Офиц. сайт]. 2007. // http://www.munrfe.ru/index.php?id=1 (25.08.2008).

3. Моделирование ООН: метод. пособие по проведению ролевой игры / В.А. Астапенко, Н.Е. Бестолкова, Е.А. Достанко и др.; под ред. В.В. Радивиновского, А.В. Селиванова. – Минск: Асобны Дах, 2004. – 80 с.

4. Москвин, Д.Е. Изменение стереотипного отношения молодежи к общественно-политической деятельности / Д. Е. Москвин, Г. В. Козлов // Без темы. – 2007. – № 1(3). – С. 49–56.

5. Напольских, Д.О. Политический абсентеизм молодежи в России: история и современное состояние / Д.О. Напольских // Без темы. – 2007. – № 1(3). – С. 57–60.

6. American Model United Nations International [Офиц. сайт]. 1995-2008. //http://www.amun.org/index.php?page=home (14.08.2008).

7. Model UN [Офиц. сайт]. 2002. http://www.un.org/cyberschoolbus/modelun/index.asp (01.09.2008).

СВЕДЕНИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ»

И.И. Докучаев

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, кандидат культурологии, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по связям с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета.

С 22-го по 24-е сентября Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет принимал у себя шестую конференцию, посвященную актуальным проблемам социально-экономического и гуманитарного знания, связанным с судьбой Дальнего Востока России.

Международная научно-практическая конференция под названием «Дальний Восток: динамика ценностных ориентаций» была организована при поддержке гранта № 08-06-99704 р_г Российского фонда фундаментальных исследований, Хабаровского научного центра Дальневосточного отделения Российской академии наук, Правительства Хабаровского края и Еврейской автономной области. Кроме того, помощь оказали Комсомольское-на-Амуре авиационное производственное объединение и нефтеперерабатывающий завод. Хочется сказать их руководителям Александру Ивановичу Пекаршу и Владимиру Владимировичу Мелехину огромное за это спасибо.

В конференции приняли участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Хабаровска, Владивостока, Петропавловска-Камчатского, Южно-Сахалинска, Магадана, Биробиджана и других городов России. Среди участников – два ректора, четыре проректора, 37 докторов наук, профессор и заведующих кафедрами, всего более 200 человек. Активное участие принимали и молодые ученые – аспиранты и преподаватели, количество которых составило 150 человек. Международный статус конференции был подтвержден участием в ней специалистов из США, Канады, Китая, Южной Кореи, Германии. Тема конференции оказалась интересной специалистам по всем областям социально-экономической и гуманитарной науки: философам и социологам, правоведам и политологам, культурологам и искусствоведам, филологам и историкам, экономистам и психологам, педагогам и антропологам.

Формат конференции представлял собой пять пленарных и пять секционных заседаний, на которых представители разных наук вырабатывали общую позицию по существу методологии аксиологического анализа и региональной специфики ценностей. Кроме того, в течение третьего дня конференции было проведено два круглых стола, посвященных проблеме привлечения инвестиций в экономику региона, а также методике воспитания ценностных мотиваций жителей региона, направленных на улучшение его имиджа и формирования привлекательности, снижающей депопуляцию населения.

Международная научно-практическая конференция была посвящена ключевой проблеме социально-экономического развития – динамике ценностных ориентаций. Обсуждалась региональная специфика данной проблемы. Ценности определяют существо бытия человека, общества и культуры, они представляют собой интегративную порождающую модель всех результатов и технологий человеческой деятельности, их выяснение позволяет понять фундаментальные принципы существования нации и региона. Исследование ценностей необходимо осуществлять комплексно и с учетом данных всех социальных, гуманитарных, исторических, экономических и культурологических наук. Оно позволяет свести воедино весь комплекс этих данных, предложить методологию их систематизации. На конференции были обсуждены методологические аспекты аксиологического анализа, его роль в современной системе социально-гуманитарных и экономических наук. Результаты конференции имеют теоретическое и практическое значение. Теоретическое значение они имеют для философии культуры, философии истории и философской антропологии, культурологии, социологии и всеобщей истории, политологии, психологии, правоведения, экономики. Практическое значение – для формирования содержания ключевых дисциплин специальностей социально-гуманитарного и экономического профиля, для разработки пра-

вовых актов, политики и экономического развития региона. В ходе конференции были высказаны различные, возможно, во многом спорные точки зрения. Одна из основных заключается в том, чтобы сформировать, и такие предложения делались, ясную и четко продуманную политическую программу освоения территории. Авторы этой теории полагают, что чисто экономическими способами решить проблемы Дальнего Востока невозможно. Регион дотационный, нерентабельный, а, следовательно, для того, чтобы его развивать, необходимы вложения значительных инвестиций со стороны, прежде всего, государства. Сторонники более либеральной точки зрения полагают, что решать проблему нужно именно экономическими, а не политическими средствами. В частности, речь идет о более широком и разностороннем, взаимовыгодном сотрудничестве со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Но какие бы ни предлагались пути решения, цель одна – стабилизация населения на Дальнем Востоке, а для этого необходимо не только развивать традиционно сложившуюся экономику, ориентированную на военно-промышленный комплекс, но комплексно подходить к решению проблемы, создавая такие условия, чтобы человеку жить здесь было комфортно и интересно.

Работа конференции широко освещалась в СМИ города, края и ЕАО. Телевизионные каналы РТР и НТВ, Русское радио, газеты «Комсомольская правда», «Наш город», «Моя газета», «Ваше право», «Дальневосточный Комсомольск», журналы «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке», «Личность. Культура. Общество», информационные порталы Интернета, принадлежащие администрации города, Российской Социологической Ассоциации представили аналитические обзоры материалов конференции и интервью с ее участниками.

Обзор пленарных заседаний конференции

На первом пленарном заседании, посвященном философским и социологическим аспектам ценностных ориентаций жителей Дальнего Востока России прозвучало семь докладов. **Вячеслав Аркадьевич Сакутин**, доктор философских наук, профессор, директор гуманитарного института, зав. кафедрой философии и философской антропологии МГУ им. Г.И. Невельского, в докладе «Феномен ценности: императив целостности и социальные субституты» высказал соображение о том, что для современного общества характерна подмена ценностей различными социальными нормами и практическими благами. **Илья Игоревич Докучаев**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по связям с общественностью КнАГТУ, в своем докладе «Аксиология в системе социально-экономического и гуманитарного знания» обосновал роль ценностей в формировании междисциплинарного подхода к изучению человека, общества и культуры как центральную. **Николай Михайлович Байков**, доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе ДВАГС, в своем докладе «Ценности современной молодежи: проблемы и противоречия» показал роль возрастного фактора в формировании ценностных ориентаций жителей Дальневосточного региона. **Рудольф Львович Лившиц**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии АмГПГУ, в своем докладе «Нет философии пораженчества! Объективная необходимость освоения Дальневосточных территорий России и субъективная воля к такому освоению», предложил мобилизационно-политический путь освоения Дальнего Востока России и противопоставил его либерально-экономическому. **Александр Семенович Брейтман**, доктор философских наук, профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма ДВГУПС, в своем докладе «О ценностях подлинных и мнимых» отстаивал объективный характер ценностей, вытекающий из общечеловеческой их природы. **Александр Васильевич Готнога,** кандидат философских наук, доцент кафедры философии АмГПГУ, в своем докладе «Патриотизм и псевдопатриотизм» отметил роль консервативных взглядов на формирование ценностей любви к Родине в современной России. **Илья Михайлович Ревич**, доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук ХГАЭП, в своем докладе «Человек и космополис» говорил о формировании общечеловеческого пространства ценностных ориентаций как подлинной среды их существования.

На втором пленарном заседании, посвященном психолого-педагогическим и лингвистическим аспектам исследования ценностных ориентаций жителей Дальнего Востока, выступило семь участников. **Мария Григорьевна Лебедько**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории английского языка ДВГУ, в своем докладе «Сопоставление русских и американских ценностей: динамический аспект» рассказала о глобальной подмене на уровне лингвис-

тических концептов традиционных протестантских и православных ценностей ценностями массовой культуры. **Зоя Григорьевна Прошина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода ДВГУ, в своем докладе «Английский язык в рекламной деятельности Владивостока. К социолингвистическому портрету русского города» показала на примере названий русских социальных учреждений, как английский язык вошел в нашу культуру. Это проникновение оказывается, по ее мнению, губительным как для языка донора, так и для языка реципиента. **Ольга Борисовна Горобец**, доктор филологических наук, профессор, декан факультета языковой коммуникации КнАГТУ, в своем докладе «Аксиологический подход в жанровых исследованиях» продемонстрировала возможности аксиологии в сфере теории текста и теории жанров. **Татьяна Евгеньевна Наливайко**, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики, проректор по учебно-воспитательной работе КнАГТУ, в своем докладе «Инновационные образовательные технологии в системе подготовки преподавателя высшей школы: аксиологический аспект» обосновала роль педагогических технологий в коррекции ценностных ориентаций студента. **Наталья Ефимовна Седова**, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и инновационных образовательных технологий АмГПГУ, в своем докладе «Ценности высшего педагогического образования (на примере опроса студентов педагогического университета)», определила характер и структуры педагогических ценностей современного высшего профессионального образования. **Виктор Владимирович Литовченко**, доктор экономических наук, профессор, декан факультета экономики и менеджмента КнАГТУ, в своем докладе «Современные проблемы подготовки специалистов в системе бизнес-образования Дальневосточного региона» выразил основное противоречие современной региональной подготовке студентов, заключающейся в несовпадении ценностных ориентаций человека и экономических потребностей региона. **Сергей Евгеньевич Ячин**, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии, декан факультета культурной антропологии ДВГТУ, в своем докладе «Россия в метакультурном диалоге со странами АТР» обосновал тезис о том, что только педагогический процесс и межкультурная коммуникация являются технологиями и средой изменения ценностных ориентаций человека на протяжении всей его жизни.

На третьем пленарном заседании, посвященном экономическим аспектам исследования ценностных ориентаций жителей Дальнего Востока выступило пять докладчиков. **Марина Ивановна Разумовская**, доктор экономических наук, профессор, проректор по НР ГОУ ВПО «ХГАЭП», в своем докладе «Экономические ценности предпринимателей Хабаровского края (РФ) и провинции Хейлуцзян (КНР)» показала фундаментальную роль категории ценностей в современном экономическом знании, в ходе сопоставления потребительной и меновой стоимости на региональном материале она продемонстрировала приграничную специфику экономических отношений Китая и России. **Юрий Владимирович Рожков**, доктор экономических наук, профессор кафедры банковского дела ГОУВПО «ХГАЭП» в своем докладе «Формирование инвестиционной культуры российских домохозяйств» определил сущность экономических ценностей на уровне микроэкономических социальных групп. **Давид Кириллович Шевченко**, доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономики и производства ГОУВПО «ДВГТРУ» в своем докладе «Совершенствование противозатратного механизма управления производством» предложил новую методику бережного управления потреблением и производством материальных ценностей. **Геннадий Иванович Усанов**, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента КнАГТУ в своем докладе «Перфоманс-контрактинг – прогрессивная форма государственного управления инновационно-инвестиционной деятельности» определил возможности аксиологического анализа в современной экономической теории управления. **Татьяна Анатольевна Яковлева**, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории КнАГТУ в своем докладе «Влияние постиндустриализма на образовательные ценности жителей региона» рассмотрела ценности постиндустриального общества, связанные с увеличением роли сферы услуг, управления и образования.

На четвертом пленарном заседании, посвященном культурологическим аспектам исследования ценностных ориентаций жителей Дальнего Востока выступило семь участников. **Кирилл Эмильевич Разлогов**, доктор искусствоведения, профессор, директор Российского института культурологии РАН, председатель научного совета «История мировой культуры» РАН, в своем докладе «Система ценностей и массовая культу-

ра» продемонстрировал различие традиционной системы ценностей и системы ценностей, сложившейся в условиях массовой культуры. Это различие он видит в иерархичности и директивности традиционных ценностей, создаваемых элитой общества и воспитываемых у массового человека, тогда как современная культура устроена так, что ценности масс учитываются и политикой, и бизнесом в формировании собственной деятельности. **Татьяна Алексеевна Чебанюк**, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии КнАГТУ, в своем докладе «Ценностный подход к анализу культуры» продемонстрировала возможности аксиологии в сфере наук о культуре. **Юрий Михайлович Резник,** доктор философских наук, профессор, зам. директора Российского института культурологии РАН, главный редактор журнала «Личность, культура, общество», в своем докладе «Гражданское общество в системе ценностных ориентаций российского человека» показал различие социальных ценностных ориентаций основных политико-экономических групп современного российского общества. **Виктория Викторовна Вальковская,** доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии ДВГУПС, в своем докладе «Психология временщика и ее влияние на становление экологического сознания дальневосточника», рассказала о существе экологических ценностей современного дальневосточника и перспективах решения проблемы загрязнения окружающей среды. **Галина Васильевна Алексеева,** доктор искусствоведения, профессор, зав. кафедрой искусствоведения ДВГТУ, в своем докладе «Художественное сознание провинциального города в условиях медиации между сакральной и профанической культурой» определила различие между художественными ценностями провинции и столицы на примере дальневосточного региона. **Александр Георгиевич Никитин**, доктор философских наук, профессор, первый проректор АмГПГУ, в своем докладе «Системность как фактор развития науки» определил различие между аксиологическими и гносеологическими факторами развития науки. **Альбина Игоревна Затулий**, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой информатики и компьютерного дизайна ТОГУ, в своем докладе «Аксиологическое измерение виртуальной реальности» описала аксиологические основания одной из важнейших форм массовой коммуникации современности – интернета.

На пятом пленарном заседании, посвященном политическим и историческим аспектам исследования ценностных ориентаций жителей Дальнего Востока выступило четыре докладчика. **Игорь Дмитриевич Саначев**, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии ВГУЭС, в своем докладе «Ценностные ориентации в системе экономических инвестиций на Дальнем Востоке» рассказал о политических ценностях дальневосточной элиты и влиянии их на экономическое развитие региона. **Елена Александровна Денисова**, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой развития образовательных систем ХКИППКПК, в своем докладе «Инновационные процессы в системе общего образования Хабаровского края» рассказала о ценностных основаниях регионального правотворчества в сфере общего образования. **Надежда Юрьевна Костюрина**, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии КнАГТУ, в своем докладе «Динамика ценностных ориентаций современной социально-гуманитарной науки» на региональном материале продемонстрировала ценностные приоритеты, определяющие выбор тематики научных исследований гуманитариев. **Лев Николаевич Долгов**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и архивоведения КнАГТУ, в своем докладе «Осень 1922: Выбор внешнеэкономических приоритетов для Дальнего Востока России» соотнес ценностные ориентации региональной экономики в осевые периоды выбора перспектив развития – в революционную и современную эпоху.

«ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕЗД» В ПРИАМУРЬЕ

О.Л. Рудых

Рудых Олег Львович – кандидат технических наук, начальник Управления подготовки научных кадров Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Хабаровск).

11 августа 2008 года в Хабаровске состоялся второй этап Международной научно-практической конференции «Современная философия в контексте межкультурных коммуникаций», подготовленной Дальневосточным государственным университетом путей сообщения (г. Хабаровск) и Дальневосточным государственным университетом (г. Владивосток) при поддержке Президиума РФО, РГНФ и инновационной научно-образовательной программы «Инновационный научно-образовательный транспортный комплекс на Дальнем Востоке России». В конференции приняли участие представители философской общественности из Хабаровского края, Еврейской автономной области, Амурской области и участники проекта «Философский поезд». К ее началу был издан специальный выпуск научно-теоретического журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» под названием «Философская мысль Приамурья», в котором двадцать три доктора философских наук из Амурской области и Хабаровского края опубликовали свои наиболее представительные работы.

На пленарном заседании, проходившем в конференц-зале Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ДВГУПС) с приветственным словом выступили: Первый проректор ДВГУПС проф. Ю.А. Давыдов, Первый вице-президент РФО проф. А.Н. Чумаков, проф. Кара Зухал Карахан (Турция), проф. Лю Сяотинг (Китай), проф. Сонг Санг-янг (Корея). Затем вниманию участников конференции был представлен доклад проф. Ю.М. Сердюкова «Подготовка философских кадров высшей квалификации на Дальнем Востоке России», который вызвал живой отклик аудитории и множество вопросов как у российских, так и у зарубежных философов (проф. Иоанна Кучуради и др.).

Открыл конференцию Первый проректор университета профессор **Ю.А. Давыдов**: «Наш университет широкого профиля. В нем идет подготовка по 68 образовательным программам высшего профессионального образования (транспорт, строительство, автоматизация и управление, энергетика, экономика, машиностроение, информатика и вычислительная техника, системы автоматизированного проектирования, юриспруденция, психология, социальная работа, прикладная математика и информатика и др., открыта аспирантура по 46 научным специальностям по 13 отраслям науки, по четырём специальностям имеется докторантура. В ДВГУПС обучается 25 тыс. студентов. В нем работает более 800 преподавателей, в том числе более 100 докторов наук, профессоров. Это один из ведущих технических вузов Дальнего Востока. Данная конференция – знаковое событие для нас, в ней участвуют иностранные специалисты-философы из 7 стран. Философская мысль будет развиваться на Дальнем Востоке благодаря Вашей поддержке, уважаемые участники конференции. В нашем университете с 2004 г. издается журнал "Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке", который включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАКа. Уже вышло два десятка номеров этого журнала. Желаю участникам конференции успешной работы».

Первый вице-президент РФО, главный редактор журнала «Вестник РФО», профессор **А.Н. Чумаков**: «В Вашем вузе наглядно ощущается союз философии и естествознания. Это очень важно иметь ввиду в процессе общения специалистов разного профиля. Спасибо за данную возможность подискутировать о философских проблемах с позиции единения философии и естествознания».

Доктор **Зухал Кара Карахан** (Турция). «Философия в современном мире это своеобразная единая семья. Эта «семья» в значительной мере укрепляется за счет «Философского поезда», на пути которого мы интенсивно общаемся и духовно обогащаемся».

Профессор **Сонг Сан Ен** (Южная Корея): «Нам приятно быть здесь. Особенно мне, так как и ДВГУПС, я родился в 1937 году. XXII Всемирный философский конгресс имеет большое значение. Это значение значительно возрастает по мере продвижения "Философского поезда" по гигантской России. Везде нас встречают очень радушно. Спасибо большое».

Профессор **Лю Сяотинг (КНР)**: «Дамы и господа! Дорогие коллеги! Нас из Китая 3 человека, выступаю я один. У нас в душе нет барьера, хотя в языке он присутствует. Я первый раз нахожусь за границей. Я ощущаю общность чувственного понимания и обращаю большое внима-

ние на это чувство. Я набираюсь плодотворного опыта. Организовать конференцию нелегко. Особенно тяжело организовать "Философский поезд". Профессор А.Н. Чумаков – самый подходящий человек для такой организации. Я благодарю профессора А. Н. Чумакова, всех коллег из России в целом и Хабаровска в частности за великолепную организацию данной конференции. Мы находимся на особом этапе, почти 100 лет назад революция в России потрясла весь мир. Цивилизация испытывает глубокие перемены. Благодаря высокому статусу философии "Философский поезд" обладает большим авторитетом. Мы попрощались с Сеулом и двинулись в философский путь по России. Здесь мне хотелось бы отметить два момента: 1) наш оригинальный поезд является важным продолжением сеульского конгресса. Большинство людей на Земле проживает на Евразийском континенте, поэтому я предлагаю создать Евразийскую федерацию философских обществ. Это укрепит наше общение и дух мировой философии в целом. Кроме того, позволит быстрее преодолеть языковые и другие проблемы; 2) по окончании путешествия на "Философском поезде" можно сформулировать короткую декларацию, в которой представить наши точки зрения. Это послужит началом нового философского пути. Философы – это особая группа людей, они всегда смотрят далеко вперед. Мы должны собрать вокруг философии наши мысли и думы. Желаю успехов "Философскому поезду" и данной конференции».

После приветственных слов, с докладом на тему «Подготовка философских кадров высшей квалификации на Дальнем Востоке России» выступил заведующий кафедрой философии ДВГУПС, Председатель регионального диссертационного совета ДМ 218.003.02 по философским наукам, д-р филос. наук, профессор **Ю.М. Сердюков**. Он сказал следующее:

«Поскольку до 90-х годов XX века на Дальнем Востоке отсутствовала система аспирантур, докторантур и диссертационных советов, то подготовка философских кадров высшей квалификации для региона осуществлялась преимущественно в центральных районах России. В условиях планового хозяйства эта система не давала существенных сбоев, и кадровый потенциал вузов и НИИ поддерживался на приемлемом уровне. Конечно, отдаленность от европейской части России, низкий уровень жизни, тяжелые природно-климатические условия и невысокая насыщенность профессиональной среды порождали проблемы закрепления на Дальнем Востоке квалифицированных специалистов, самоорганизации философского сообщества, интенсивности и качества философских исследований. Но все они не имели системного характера и не приводили к деградации профессиональной среды.

В начале 90-х годов ситуация коренным образом изменилась. Резкий спад финансирования высшей школы, снижение уровня жизни преподавателей и ученых привели к деградации отлаженной исправно функционирующей системы. Повышение квалификации за пределами региона оказалось чрезвычайно затруднено ввиду отсутствия у вузов средств, а привлечение специалистов из европейской части в край и до того для них не слишком привлекательный, в сложившихся условиях стало попросту невозможно.

Единственным способом воспроизводства кадрового потенциала явилось создание региональной системы подготовки философских кадров высшей квалификации. И такая система, включающая философский факультет, сеть аспирантур, докторантур и диссертационных советов усилиями дальневосточников была создана. В начале нашего века в вузах Дальневосточного федерального округа (ДФО) сложилась сеть аспирантур и докторантур по основным философским специальностям: 09.00.01 – онтология и теория познания, 09.00.03 – история философии, 09.00.08 – философия науки и техники, 09.00.11 – социальная философия и 09.00.13 – религиоведение, философская антропология, философия культуры. А во Владивостоке, Хабаровске и Благовещенске функционировали региональные диссертационные советы, принимавшие к защите кандидатские и докторские диссертации по этим специальностям. Ряд дальневосточных научных журналов вошел в известный Перечень ВАК. Тем самым все основные звенья в системе подготовки философских кадров высшей квалификации были созданы: необходимый кадровый потенциал (только в Амурской области и Хабаровском крае сейчас двадцать три доктора философских наук), подготовка студентов по философским специальностям, сеть аспирантур и докторантур, диссертационные советы и профессиональные журналы.

Вместе с тем ситуация далеко не безоблачна. Перманентная реорганизация ВАК, отдаленность нашего региона от центра, отсутствие в экспертном совете ВАК по философии, социологии и культурологии представителя ДФО и некоторые другие факторы привели в настоящее время к дестабилизации сети диссертационных советов. На этот момент из трех диссертационных советов продлены полномочия только одного (г. Благовещенск, АмГУ), принимающего к защите диссертации по специальностям 09.00.11 –

социальная философия и 09.00.13 – религиоведение, философская антропология, философия культуры. Тем самым аспиранты, докторанты и соискатели, подготовившие диссертации по специальностям 09.00.01 – онтология и теория познания, 09.00.03 – история философии и 09.00.08 – философия науки и техники оказались в непростой ситуации: имея готовые работы, они не могут их защитить из-за отсутствия средств на проезд в места дислокации утвержденных ВАК советов и проживания там в период защиты. Совершенно очевидно, что эти проблемы не существовали и не существуют для тех представителей бизнеса и власти, которые хотят осенить себя ученой степенью кандидата или доктора наук. Но они очень существенны, а порой просто непреодолимы для преподавателей вузов и сотрудников НИИ, которые составляют подавляющее большинство среди диссертантов дальневосточных советов по философским наукам. Так, например, за 7 лет существования диссертационного совета ДМ 218.003.02 в г. Хабаровске все 37 соискателей ученой степени кандидата философских наук и 2 соискателя ученой доктора философских наук были аспирантами и преподавателями дальневосточных вузов».

После небольшой автобусной экскурсии по Хабаровску конференция продолжилась на теплоходе (по Амуру) в режиме «круглого стола» «Социально-политические и гуманитарные проблемы развития Дальнего Востока России», где ее участники обсудили ряд проблем, актуальных для различных областей философского знания и установили личные и деловые контакты.

Итогом конференции стало ее заключительное решение.

РЕШЕНИЕ

делегатов Международной
научно-практической конференции
«Современная философия в контексте
межкультурных коммуникаций»
(г. Хабаровск, 11 августа 2008 года)

Заслушав и обсудив доклад д-ра филос. наук, проф. Ю.М. Сердюкова «Подготовка философских кадров высшей квалификации на Дальнем Востоке России» и ознакомившись со специальным выпуском научно-теоретического журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» под названием «Философская мысль Приамурья» делегаты конференции из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Красноярска, Омска, Волгограда, Якутска, Улан-Удэ, Читы, Хабаровска и многих других регионов России, а также философы из Испании, Турции, Словении, КНР, других стран (всего 108 участников) считают нужным заявить следующее:

«1. Высшие учебные заведения Дальневосточного Федерального округа обладают достаточным кадровым потенциалом для обеспечения работы Объединенных диссертационных советов в гг. Благовещенске (Амурская область), Владивостоке (Приморский край) и Хабаровске (Хабаровский край) по специальностям: 09.00.01 – онтология и теория познания, 09.00.03 – история философии, 09.00.08 – философия науки и техники, 09.00.11 – социальная философия и 09.00.13 – религиоведение, философская антропология, философия культуры. Существование этих диссертационных советов обусловлено необходимостью подготовки философских кадров высшей квалификации для вузов и НИИ Дальнего Востока России.

2. Следует удовлетворить ходатайство Совета ректоров ДФО и Дальневосточного государственного университета путей сообщения о продлении полномочий Объединенного диссертационного совета ДМ 218.003.02 по философским наукам, принимающего к рассмотрению кандидатские и докторские диссертации по специальностям: 09.00.01 – онтология и теория познания, 09.00.03 – история философии и 09.00.11 – социальная философия.

3. Для представительства интересов философской общественности Дальнего Востока России в экспертном совете ВАК по философии, социологии и культурологии при очередной ротации следует ввести в ее состав специалиста по истории духовно-академической философии (православные духовные академии) и православной персонологии ректора Уссурийского государственного педагогического института, д.ф.н., проф. Пишуна Сергея Викторовича.

4. Следует удовлетворить ходатайство Совета ректоров ДФО и Дальневосточного государственного университета путей сообщения о включении научно-теоретического журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени «доктора» и «кандидата наук» по философии, социологии и культурологии.

5. Руководству всех дальневосточных отделений РФО следует активизировать работу по установлению тесных и эффективных контактов философской общественности Дальнего Востока с представителями отечественного и мирового философского сообщества».

СВЕДЕНИЯ О ДИССЕРТАЦИЯХ

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДМ 212.056.04 ПО ФИЛОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ ПРИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

(**Председатель** – д-р филол. наук, профессор Е.А. Стародумова;
Ученый секретарь – канд. филол. наук, доцент, Е.А. Первушина)

В ноябре 2008 г. в диссертационном совете ДМ 212.056.04 состоялись защиты следующих диссертаций:

Надёжкина Т.О. **«Мифопоэтическая организация трилогии А. и Б. Стругацких «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер»».**

Кандидатская диссертация по специальности 10.01.01 – русская литература.

Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Первушина Е.А.

В работе впервые произведено исследование мифопоэтической организации трилогии А. и. Б. Стругацких «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер». Автор диссертации проанализировал мифопоэтическую модель мира в указанных произведениях, рассмотрел их мифопоэтический подтекст; обозначил мифопоэтические особенности хронотопа трилогии. При этом мифологизм рассмотрен как инструмент создания авторского мифа.

Аркатова Т.Н. **«Национальный образ мира в прозе В.И. Белова».**

Кандидатская диссертация по специальности 10.01.01 – русская литература.

Научный руководитель – д-р филол. наук, профессор Урманов А.В.

Впервые национальный образ мира в творчестве Белова анализируется в диссертации как целостная структура, подверженная эволюции, отражающая идейные и эстетические изменения художественной системы писателя. В работе проведён анализ предметных образов как эстетических феноменов, несущих в себе память об устройстве и основных качествах национального мира; целостно с точки зрения этнопоэтики исследуется хронотоп прозы Белова, который позволяет выявить глубинные основания национальной картины мира, явленной в произведениях писателя.

Возбранная Т.В. **«Сложносокращенные слова с иноязычным компонентом в современном русском языке».**

Кандидатская диссертация по специальности 10.02.01 – русский язык.

Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Садченко В.Т.

В работе исследуются особенности словообразовательной и семантической структуры сложносокращенных слов с англоязычным компонентом. Одним активных словообразовательных процессов в современном русском языке признается процесс аббревиации, результатом реализации которого являются сложносокращенные слова с англоязычным компонентом. Особо важным представляется обращение к проблеме контаминации таких активизировавшихся в настоящее время языковых явлений, как аббревиация, заимствование, неологизация.

Жарикова Е.Е. **«Ориентальные мотивы в поэзии русского зарубежья Дальнего Востока: генезис, функционирование, типология».**

Кандидатская диссертация по специальности 10.01.01 – русская литература.

Научный руководитель – д-р филол. наук, доцент Бузуев О.А.

Работа посвящена сравнительно-типологическому исследованию генезиса, функциониро-

вания и типологии ориентальных мотивов в поэзии дальневосточного зарубежья, продолжает и развивает уже сложившиеся традиции отечественной компаративистики, актуализирует проблему системного изучения литературы русского зарубежья Дальнего Востока, мотивного анализа лирики дальневосточных поэтов в аспекте оппозиции «Восток– Запад».

Пасевич З.В. **«Русские классики в литературной критике дальневосточной эмиграции».**

Кандидатская диссертация по специальности 10.02.01 – русский язык.

Научный руководитель – д-р филол. наук, профессор Мехтиев В.Г.

Диссертация посвящена исследованию рецепции русской литературы XIX века критиками русского дальневосточного зарубежья. В работе дана общая характеристика газетной и журнальной критики «русского Харбина», определено место русской классической литературы в критике дальневосточной эмиграции, выделены основные вопросы литературно-критических статей о русской классической литературе, выявлена взаимосвязь между особенностями восприятия русской классики и национально-историческим, нравственным самосознанием эмигрантов и др. На основе печатных фондов ГАРФ, ГАХК, фонда «Русское зарубежье» РГБ составлена библиография литературно-критических статей критиков дальневосточной эмиграции.

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДМ 218.003.04 ПО ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ ПРИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

(**Председатель** – д-р психол. наук, профессор К.И. Воробьева;
Ученый секретарь – канд. психол. наук, доцент М.В. Сокольская)

Кравченко Л.В. **«Тип образа мира как фактор оценки личностной значимости жизненных событий»** (защита состоялась 03.12.2008 г.).

Цель исследования – определить взаимосвязь между образом мира и субъективной оценкой значимости для личности жизненных событий.

Объект исследования – психологические факторы оценки жизненных событий.

Предмет исследования – образ мира как психологический фактор оценки жизненных событий.

Методы исследования. *Теоретический план исследования*: анализ психологических отечественных и зарубежных исследований по проблеме взаимосвязи образа мира и жизненного события. *Эмпирический план исследования:* методы организации исследования (сравнительный метод, метод экспертных оценок); методы сбора эмпирических данных: ассоциативный эксперимент, метод тестирования (тест «Смысложизненных ориентаций» Д. Крамбо, Л. Махолика в адаптации Д.А. Леонтьева, Метод предельных смыслов Д.А. Леонтьева, методика «Ценностные ориентации» М. Рокича в адаптации Д.А. Леонтьева, тест «Психологическая автобиография» Л.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржовой). *Методы обработки полученных данных:* метод контент-анализа, статистические методы (кластерный анализ, t-критерий Стьюдента, угловое преобразование Фишера).

Научная новизна и теоретическая значимость заключается в том, что (1) расширены представления об уровневом подходе к качественному анализу ассоциаций, что позволяет судить об особенностях образа мира респондентов; (2) выделены и описаны типы образа мира («Просоциальный», «Социальный», «Эгоцентрический») и их содержательные и структурные особенности; (3) определены основные критерии выделения жизненного события как субъективно значимого; (4) определена ценностная иерархия жизненных событий у испытуемых с различным типом образа мира.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использовать теоретические положения и выводы в консультативной и коррекционной деятельности психологов, а также для профессиональной подготовки в процессе работы со студентами, аспирантами, преподавателями по дисциплинам «Общая психология», «Психология личности».

Сизикова Н.В. **«Смысловой компонент психологической готовности к спортивной деятельности»** (защита состоялась 03.12.2008 г.).

Цель исследования – изучить смысловой компонент психологической готовности к спортивной деятельности.

Объект исследования – психологическая готовность к спортивной деятельности.

Предмет исследования – смысловые характеристики личности, образующие смысловой компонент психологической готовности к спортивной деятельности.

Методы исследования. *Основной метод сбора эмпирических данных* – опрос. *Психодиагностические методики:* методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича; шкала потребности в достижении Ю.М. Орлова; тест мотивации достижения А. Мехрабиана; опросник уровня субъективного контроля (Е.Ф. Бажин, С.А. Голынкина и А.М. Эткинд), 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (форма А); Сокращенный многофакторный опросник исследования личности (В.П. Зайцев); модифицированная для изучения осмысленности спортивной деятельности методика изучения смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева. *Методы количественной и качественной обработки:* корреляционный анализ, сравнительный анализ с использованием критерия различия средних.

Научная новизна и теоретическая значимость заключается в том, что (1) спортивная деятельность представлена и психологически охарактеризована как многоуровневая система; (2) описана структурная и содержательная специфика психологической готовности к спортивной деятельности; (3) раскрыта взаимосвязь между смысловым и другими компонентами психологической готовности, что позволило охарактеризовать смысловой компонент как интегрирующий и основной по своему значению для формирования психологической готовности компонентом; (4) доказано, что изучение смыслового компонента в составе психологической готовности к спортивной деятельности позволяет точнее оценивать как текущую эффективность спортивной деятельности, так и устойчивость намерений достигать высокого результата в будущем, что расширяет научные представления о психологической готовности, ее объяснительную и прогностическую силу.

Практическая значимость исследования состоит в том, что (1) полученные результаты могут быть использованы для повышения эффективности подготовки спортсменов высшего уровня мастерства; (2) вывод об определяющем значении смыслового компонента в развитии психологической готовности к деятельности может стать основой для разработки и внедрения методов научного прогнозирования успешности спортивной карьеры, которые могут применяться как на этапе отбора молодых спортсменов для обучения в спортивные учреждения, так и в ходе мониторинга спортивной карьеры профессиональных спортсменов с целью прогнозирования ее кризисных периодов.

Виничук Н.В. **«Психосемантический анализ представлений о счастье китайских и российских студентов»** (защита состоялась 04.12.2008 г.).

Цель исследования – изучить психосемантический анализ представлений о счастье китайских и российских студентов.

Объект исследования – счастье как психологический феномен.

Предмет исследования – психосемантические различия представлений о счастье китайских и российских студентов.

Методы исследования. *Общенаучные исследовательские методы:* теоретический анализ психологической и философской литературы; сравнительно-аналитический метод. *Частные психологические методы:* ассоциативный эксперимент; семантический дифференциал «Счастье» на китайском языке; семантический дифференциал «Счастье» на русском языке; Семантический дифференциал «Субъективное благополучие» на русском языке; Оксфордский опросник счастья; Шкала субъективного благополучия; Шкала Фордайса; проективная методика «Картина мира»; проективные методики «Прошлое», «Настоящее», «Будущее». *Методы математической статистики:* критерия t-Стьюдента, критерия φ* Фишера.

Научная новизна и теоретическая значимость работы определяется тем, что (1) с помощью методов психосемантики составлены три

частных униполярных семантических дифференциала на китайском и русском языках; (2) выявлены семантические универсалии и факторное пространство счастья в представлениях китайских и российских студентов; (3) обнаружены психосемантические различия представлений о счастье китайских и российских студентов; (4) дифференцированы понятия «счастье» и «субъективное благополучие»; (5) выделены критерии счастья в контексте образа мира и времени.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты могут широко использоваться в практической деятельности психологов и психотерапевтов, работающих с молодыми людьми, в учебном процессе в качестве методических рекомендаций преподавателям, а также в тех областях знания, где необходимо учитывать специфику этнического сознания, что будет способствовать гармонизации межкультурного взаимодействия Китая и России.

Ширяева О.С. **«Психологическое благополучие личности в экстремальных условиях жизнедеятельности** (защита состоялась 04.12.2008 г.).

Цель исследования – выявить и описать содержательные и структурные особенности психологического благополучия личности в экстремальных природно-климатических условиях жизнедеятельности.

Объект исследования – психологическое благополучие личности.

Предмет исследования – структурные и содержательные особенности психологического благополучия личности в экстремальных природно-климатических условиях жизнедеятельности.

Методы исследования. Теоретический анализ психологической литературы по теме исследования. *Психодиагностические методики:* тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Дж.Крамбо в адаптации Д.А.Леонтьева; опросник самооотношения (ОСО) В.В. Столина, С.Р.Пантилеева; самоактуализационный тест (САТ) Э.Шостром в адаптации Л.Я. Гозмана, М.В. Кроза и др.; методика диагностики социально-психологической адаптации (СПА) К. Роджерса и Р. Даймонда в адаптации А.К. Осницкого; шкала личностной тревожности А.М. Прихожан; методика диагностики самооценки Т.В. Дембо, С.Я. Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан; опросник «Дерископ» П. Хеймаса, А.И. Подольского; субъективное шкалирование «Оценка региона». *Методы обработки полученных данных:* статистический анализ (корреляционный анализ, факторный анализ, статистические критерии различия – t-критерий Стьюдента, критерий углового преобразования Фишера), качественный анализ и содержательная интерпретация результатов.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования заключается в том, что (1) конкретизировано и операционализировано понятие «психологическое благополучие»; (2) уточнено психологическое содержание понятия «экстремальная среда жизнедеятельности личности»; (3) разработана теоретическая модель психологического благополучия; (4) показано, что специфика экстремальных условий определяет особенности психологического благополучия личности в данной среде; (5) установлено, что длительное воздействие экстремальных условий может привести к мобилизации личностных ресурсов и формированию определенных способов поведения, позволяющих личности осуществлять полноценную жизнедеятельность; (6) описаны структурные и содержательные особенности психологического благополучия личности в экстремальных природно-климатических условиях жизнедеятельности.

Практическая значимость исследования. Полученные данные о структурных и содержательных особенностях психологического благополучия личности в экстремальных условиях могут выступить основой для создания и внедрения в практику целевых программ психологического сопровождения личности в экстремальных регионах. Результаты исследований могут быть использованы при разработке спецкурсов по психологии личности, экстремальной психологии, экзистенциальной психологии, экологической психологии, психологии трудных ситуаций, психологическому консультированию для студентов колледжей и вузов, программ дополнительного обучения для специалистов, осуществляющих сопровождение личности в экстремальных условиях жизнедеятельности.

Василенко А.Ю. **«Личностные факторы профилактики эмоционального выгорания в процессе профессиональной самоактуализации»** (защита состоялась 04.12.2008 г.).

Цель исследования – выявить наиболее важные для профилактики эмоционального выгорания связи симптомов эмоционального выгорания с личностными особенностями.

Объект исследования – профессиональная самоактуализация личности.

Предмет исследования – личностные факторы профилактики эмоционального выгорания в процессе профессиональной самоактуализации.

Методы исследования. Теоретический анализ, включённое наблюдение, констатирующий срез (пилотажный и основной). *Психодиагностические методики:* опросник самоактуализации личности (Э. Шостром); методика «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О.Ф. Потёмкиной; тест, определяющий уровень эмоционального выгорания (В.В. Бойко, адаптированный Е.П. Ильиным); методика ценностей Рокича; методика, оценивающая степень субъективной значимости истинных и сопутствующих мотивов профессиональной деятельности (Е.П. Ильин); тест гибкости-ригидности (Г. Айзенк); методика «Уровень субъективного контроля» (Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А. М. Эткинд), методика Карпова А.В. и Пономарёвой В.В. для определения уровня рефлексии. Формирующее воздействие опиралось на принципы и методы краткосрочной позитивной психотерапии: тренинг, беседа, аутотренинг. *Дополнительные методы:* анкетирование, беседа. *Методы математической статистики:* непараметрические критерии рангового коэффициента корреляции Спирмена, различий U Манна-Уитни и Т– Вилкоксона.

Научная новизна исследования заключается в том, что (1) обнаружена и исследована взаимосвязь уровня профессиональной самоактуализации с эмоциональным выгоранием личности в контексте феноменологического подхода; (2) выявлены *универсальные* личностные факторы *профилактики* эмоционального выгорания; (3) выявлены факторы, способствующие *возникновению выгорания;* (4) обнаружено отсутствие статистических различий, но наличие качественных особенностей самоактуализации альтруистов и эгоистов, а также вероятность формирования выгорания альтруистов с низким уровнем самоактуализации по интраперсональным критериям и возможность полного отсутствия выгорания эгоистов с высоким уровнем самоактуализации по интерперсональным критериям.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что (1) полученные данные расширяют представление о просоциальной направленности, позитивной экзистенциальной позиции, личностной и социальной интегрированности как факторах профилактики выгорания; (2) выделены *универсальные и специфические* личностные факторы профилактики эмоционального выгорания, а также значимые и второстепенные факторы профилактики и возникновения выгорания по отдельным симптомам и синдрому в целом для различных типов личности (эгоистов и альтруистов).

Практическая значимость исследования заключается в том, что (1) понимание выявленных особенностей мотивационно-смысловых установок разного типа, тенденций самоактуализации альтруистов и эгоистов, факторов, повышающих вероятность эмоционального выгорания, и факторов его профилактики позволит улучшить организацию профессиональной подготовки и переподготовки кадров с целью содействия их профессиональной самоактуализации, профилактизирующей выгорание; (2) с учётом индивидуальных тенденций самоактуализации и формирования симптомов выгорания, можно дифференцировать актуальные и потенциальные возможности профилактики, ориентируясь на них составлять программу профилактической работы, отслеживать её эффективность; (3) материалы исследования могут быть использованы при разработке спецкурсов по проблеме эмоционального выгорания, а также в процессе преподавания «Психологии личности».

***Кулик А.А.* «Картина мира лиц, переживших землетрясение»** (защита состоялась 05.12.2008 г.).

Цель исследования – выявить содержательные и структурные компоненты картины мира лиц, переживших землетрясение.

Объект исследования – картина мира личности.

Предмет исследования – картина мира лиц, переживших землетрясение.

Методы исследования. *Теоретический план исследования*: анализ психологической, философской, культурологической, этнографической литературы по теме исследования. *Методы сбора эмпирических данных:* методика определения нервно-психической устойчивости (НПУ), разработанная в Санкт-Петербургской военно-медицинской академии, модифицированная для целей исследования методика «Незаконченные предложения» (Дж. М. Сакс, С. Леви); методика определения страхов (модифицированный вариант опросника А.И. Захарова), опросник тревожности (Ю.В. Щербатых); комплексная психосе-

мантическая методика (Е.Б. Весна); шкала социально-психологической адаптированности, разработанная К. Роджерсом и Р. Даймондом, адаптированная А.К. Осницким. *Методы количественной и качественной обработки:* статистический анализ (дисперсионный анализ, факторный анализ, критерий Стьюдента, угловое преобразование Фишера), элементы контент-анализа, содержательная интерпретация результатов исследования.

Научная новизна и теоретическая значимость заключается в том, что (1) расширены представления о влиянии экстремальных условий природного характера на личность; (2) определены факторы, влияющие на реконструкцию представлений человека о мире и о себе в мире вследствие переживания психотравмирующей ситуации (землетрясение); 3) выявлены особенности картины мира лиц, переживших землетрясение; 4) модифицированы варианты семантического дифференциала и апробирован проективный рисуночный тест «Карта мира» (методика Е.Б. Весна), которые могут быть использованы для дальнейшего изучения картины мира на материале различных социальных групп, социальных явлений.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при подготовке студентов психологических специальностей, в процессе повышения квалификации психологов-практиков, социальных работников и педагогов, работников служб МЧС. Результаты исследования могут быть использованы при изучении структурных компонентов индивидуального сознания и отдельных сторон содержательной организации картины мира, при разработке общей концепции картины мира личности. Полученные данные могут быть использованы в практике консультирования, при разработке программ реабилитационной работы с лицами, пережившими землетрясение, при организации психологической помощи данной категории населения в регионах с повышенной сейсмичностью.

Черемискина И.И. **«Пространственно-временной аспект образа мира у представителей разнотипных профессий»** (защита состоялась 05.12.2008 г.).

Цель исследования – изучить пространственно-временной аспект образа мира у представителей разнотипных профессий.

Объект исследования – образ мира профессионалов.

Предмет исследования – пространственно-временной аспект образа мира у представителей разнотипных профессий.

Методы исследования. Теоретический анализ источников по проблеме исследования; наблюдение; беседа; ассоциативный эксперимент; метод семантического дифференциала; проективный метод. *Психодиагностические методики:* методика СД Ч. Осгуда (в модификации М.Н. Розеновой); частный вербальный униполярный семантический дифференциал «Хронотоп» (В.В. Калита, Н.В. Петровская); проективная рисуночная методика «Пространство и время» (О.А. Истомина, М.Ю. Орлова). *Методы количественной и качественной обработки данных:* контент-анализ; метод выделения семантических универсалий; факторный анализ; метод экспертной оценки.

Научная новизна и теоретическая значимость заключается в том, что (1) проанализированы основные теоретические подходы к исследованию пространственно-временного аспекта образа мира; (2) расширены представления об образе мира профессионалов; (3) показано, что совокупность пространственно-временных характеристик профессиональной деятельности составляет «профессиональный хронотоп», который находит свое отражение в образе мира субъекта труда; (4) описаны отличия в представлениях о пространстве и времени у отдельных групп специалистов, связанных со спецификой их профессиональной деятельности.

Практическая значимость состоит в том, что полученные в исследовании результаты могут быть применены при психологическом сопровождении профессиональной деятельности, в процессе повышения квалификации специалистов; при подготовке студентов психологических специальностей вузов; при разработке спецкурсов в рамках дисциплин «Психология труда», «Организационная психология».

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.

2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.

3. Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и рекомендации кафедры по месту их обучения.

4. Для аспирантов и соискателей публикация статей бесплатно.

5. Статьи должны быть в объёме от 0,5 до 1 п. л. (20 000 – 40 000 знаков). В них может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем.

6. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.

6.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются дискеты размером 3,5” и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на дискете. Если дискет две и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дискетах (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.

6.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в следующем порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются.

6.3. Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке литературы (фамилии и инициалы авторов печатаются курсивом) составляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ 7.1–2003. Шрифт и межстрочный интервал те же, что и в статье.

6.4. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.

6.5. Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

7. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.

8. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.

9. К статье прилагается короткая аннотация в несколько строк на русском и английском языках, ключевые слова (не более 15), а также название статьи на английском языке.

10. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 262. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 180 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

Извещение **Кассир**	Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) **БИК** 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП) подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2009 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.
Квитанция **Кассир**	Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) **БИК** 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП) подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2009 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.

EDITORIAL

Dear readers,

This second thematic issue of the journal is devoted to a wide sphere of scientific knowledge. The articles consider the theory of cross-cultural communication based on inter disciplinary ties between such studies as linguistics, philosophy, cultural studies, ethnology, psychology, philology, the study of literature and others. The theory of cross-cultural communication is directly connected with practices of international communication and is inseparable from translating and interpreting practices and journalism. Research on the theory of cross-cultural communication promotes successful practice and is very significant for economic and political activities and promotes the implementation of cultural projects. People of the Far East live in multicultural conditions at the cross-roads of Western and Asian cultures thus they experience the problems of cross-ethnic and cross-cultural communication. Competent and skillful resolution of these problems directly influences the future of Russia, the future of international relations and, in general, the future of human civilization. The urgent need to discuss issues related to the theory of cross-cultural communication is borne out by the introduction of this subject in the curriculum of many Russian higher educational establishments and even the launching of corresponding specializations.

This issue contains papers by Russian authors who represent scholars of linguistic contactology, cognitive linguistics, socio-linguistics, contrastive lexicography, philosophy, philology, and folk studies. The issue also contains papers of researchers from China, Japan and Great Britain. The reader will find a synthesis of theories and polemic issues characteristic of the corresponding studies of the West and East. Many of the papers published in this issue are the completed results or fragments of ongoing research which can give a clear idea of the modern directions of humanitarian research in the Far East. We hope the papers published in this issue will arouse interest and lead to further discussion.

Prof. Zoya Proshina

ARTICLES

A SOCIOLINGUISTIC APPROACH TO INTERCULTURAL COMMUNICATION

Y. Jia

X. Jia

Jia, Yuxin – Professor of Sociolinguistics and Intercultural Communication at the Harbin Institute of Technology (China); President of the China Association for Intercultural Studies and a member of the Board of Directors of the China Association of English Education Study; a member of the Board of Directors of the International Association for Intercultural Communication Studies (IAICS); editor in chief of the academic journal «Intercultural Communication Research» and a member of editorial boards of several Chinese and international academic research journals.

Jia, Xuerui – Master of Education; an Associate professor of English at the School of Foreign Languages at Harbin Institute of Technology (China); PhD in English linguistics and Literature; a member of the International Association for Intercultural Communication Studies (IAICS).

The study of the theories of intercultural communication has made tremendous progress in China in recent years. The theories in this field include many aspects of research on culture and communication, which can generally be summed up within the broad rubric of communication across cultures at the cultural level and individual level (Gudykunst, 2003). This paper introduces a sociolinguistic approach to the study of intercultural communication. However, this sociolinguistic approach is different from the traditional sociolinguistic approach in the sense that it takes the position that cultural and social identities are largely communicatively produced. That is, people in the globalizing world are using appropriate linguistic resources to produce and reproduce their rights, style, and cultural and social identities. Therefore, to understand issues of social reality, social change, and social and cultural identity and how they affect and are affected by cultural, social, political, and ethnic divisions we need to gain insights into the communicative processes by which they arise. This paper seeks to present or develop an interpretive sociolinguistic approach to explain intercultural communication phenomenon in the Chinese context, hoping to uncover the role language behavior plays in the production and reproduction of cultural and social identities in general.

Key words: intercultural communication, identity, communication process, language behaviour, sociolinguistics.

Introduction

There are several theories about and approaches to incorporating culture in communication theories in the study of intercultural communication. The theories fall into two dimensions in general. In the first dimension, theories are used to describe and explain how communication varies across cultures at the cultural level. In the second dimension, theories are designed to describe and explain how communication varies between people from different cultures or to describe and explain how communication varies at the individual level [Gudykunst, 2004, 2005]. Both of these approaches use culture as variables in their explanation and description of the communication differences [Hofstede, 1980; Kluckhohn & Strodtbech, 1961; Parsons & Shils, 1951].

However, it seems that more approaches or different perspectives are needed to describe and explain or interpret human interaction.This is especially true in terms of language use which may account for the role communication plays as well the role culture plays in cross-cultural communication. We tend to think that a sociolinguistic approach, that concerns the interplay of society, culture and language, may contribute uniquely to the description, explanation, and interpretation of cross-cultural differences in the area of language use. This approach may also bring into full play the role of communication in the exercise of power and control and in the production and reproduction of social identity [Gumperz, 1982]. Additionally it may bring into full play the role culture plays as variables in interpreting and explaining cultural differences.

Sociolinguistic Approach to Intercultural Communication

Sociolingistics as a study of language use related to social and cultural factors is of fundamental importance to the study of intercultural communication. Language is not merely a system of sounds, grammar, and meaning. It is social behavior and it is influenced and conditioned by social and cultural norms, rules, and cultural values. It is the differences in these factors between cultures that lead to misun-

derstandings and even worse outcomes in intercultural interactions. Inevitably, knowledge about these factors as well as the cultural variations in these aspects should be the main concern of intercultural communication at every level. The development of knowledge and intuitive sensitivity to the sciolinguistic or socio-cultural differences will engender deep interest and scholarly research into this new field.

Sociolinguistic approach to the study of intercultural communication is important but hitherto under-discussed. However, scholars have been doing contrastive research on speech acts and interactional principles both at the cultural level and individual level. They have explored situations of communication between cultural groups in today's world. Even though the research work has been based on snatches and instances of everyday interactions and case studies, we may seek to develop interpretative sociolinguistic approach to interactions out of these snatches and instances. We can start from snatches, stick them together and combine them into a systematic and coherent framework. This framework also includes those theories, concepts, and propositions that appear in other approaches. These may just as well fall into our sociolinguistic scope.

The Basic Premises and Guiding Principle for the Sociolinguistic Approach

The Role of Communication: Communication as Social and Cultural Identities. The assumption that social and cultural identities are communicatively produced constitutes the premise of the sociolinguistic approach. This premise is grounded in Gumperz' statement regarding language and communication of identity (1982): «social processes are symbolic processes but symbols have meaning only in relation to the forces which control the utilization and allocation of environmental resources». Gumperz also points out that traditionally, we used to regard gender, ethnicity, class etc. as given parameters and boundaries within which we create our own social identities. However, in today's world which is shrinking into a global village, the ever increasing intercultural contacts demonstrate that these parameters are not constants that can be taken for granted but are communicatively produced. «Therefore to understand issues of identity and how they affect and are affected by social, political, and ethnic divisions we need to gain insights into the communicative processes by which they arise» [Gumperz, 1982].

Symbolic processes are social processes. But symbols and communication do not exist in isolation. They should be analyzed in relation to the social and cultural environment, including the people who are using them. The most important characteristic of the social and cultural environments in which we live and in which we use symbols to communicate is the intense and ever increasing cultural and ethnic diversity, which is best characterized as cultural pluralism or globalization. What distinguishes today's world from the world of yesterday is the modes of interaction among subgroups and the ways in which individuals of different backgrounds must relate to each other and to the system by which they are governed. [Gumperze, 1982].

Nowadays there is a widely shared–almost taken for granted–view that globalization is taking place throughout almost all aspects of the world. As a result, intercultural contact is increasing rapidly and dramatically. Cultures, economies, and politics appear to merge across the globe through the rapid exchange of information, ideas, knowledge and investment. However, in spite of this, recent experience has shown that physical closeness and economic interconnectedness between and among people from different cultures cannot automatically guarantee effective communication and friendly interpersonal relationships. Greater intercultural contact may actually reinforce cultural and social distinctions and create separation. The experience of increasing global contact has made us realize that intercultural contact, though inevitable, is not always successful. It is the diversity of communicative behavior of different cultures that always creates miscommunication and misunderstanding. Different behavior can appear strange and, at times, even bizarre as it often fails to meet our usual expectations. Even when the natural barrier of a foreign language is dissolved, we may still fail to understand and make ourselves understood due to the differences in mechanisms of communication: the subconscious processes of inference that result from situational factors, social presuppositions and sociolinguistic or discourse conventions or norms. All this suggests that talk or communication itself constitutes cultural and social identity. Just as Gumperz points out, «Where communicative conventions and symbols of social identity differ, the social reality itself becomes subject to question. On the other hand, however, both talk and social reality are part of and serve to maintain an ideology which takes on a historical life of its own». Communication in today's world plays a role that it has never played before. The role of communication in social interactions today has become the resources of individuals' social and cultural identity: «Communicative resources thus form an integral part of an individual's symbolic and social capital, and …this form of capital can be every bit

essential as real property resources were once considered to be» [Bourdieu, 1973].

Sociolinguistic Relativity as the Guiding Principle for Sociolinguistic Approach. We assume that the concept of sociolinguistic relativity serves as the guiding principle for the sociolinguistic approach to the study of intercultural communication.

The concept of sociolinguistic relativity was introduced by Nassa Wolfson in her Perspectives: Sociolinguistics and TESOL (1989). Sociolinguistic conventions or norms can be defined as culturally and socially shared expectations of appropriate behaviors [Gudykunst and Kim, 1992; 贾玉新, 1997]. Wolfson considers this concept to be relevant to the studies of communication across societies and cultures. According to Wolfson, sociolinguistic relativity refers to the phenomenon that the norms that inform the speakers' knowledge as to what is appropriate to say to whom, and under which conditions show considerable variation from community to community around the world, not only from one language group to another but within language groups as well.

The concept of sociolinguistic relativity can in fact be regarded as an extension of cultural relativity, which is proposed in opposition to the concept of linguistic relativity. The concept of cultural relativity, according to many communication scholars, usually refers to the phenomenon that human behavior including language use, as well as way of thinking and so on are culturally related. That is, culture influences human behavior, thinking, and so on. And as a result, when people from different cultural backgrounds encounter each other, they tend to judge and evaluate each other's behavior according to their own value systems.

Sociolinguistic relativity refers to the phenomenon that each culture has its own unique value systems and as a result each culture has its own conventions or norms for its language use. Stated differently, sociolinguistic conventions or norms that influence the way people speak and write in a given culture differ from culture to culture. However, the differences between culturally related sociolinguistic conventions are not a matter of better or worse – they are just a matter of being different or a matter of emphasis.

Conventions or norms for language use are far from universal. Different cultures have different sociolinguistic conventions or norms for the use of interaction and discourse conventions and the differences in values and conventions exist in great intensity and with a wide variety of language behavior. This is what is called sociolinguistic diversity. The intensity of pragmatic conventions or norms calls for our great attention; because of this lack of knowledge of pragmatic diversity, people from different cultural backgrounds often misunderstand each other. They misinterpret and misunderstand the intent of the speakers because they tend to interpret and judge the behavior of people from a different cultural background with their own cultural standards and values.

Related to the concepts of sociolinguistic relativity and diversity is the concept of pragmatic transfer which means the use of conventions or norms from one's own culture when interacting with people from a different culture. And in fact it is not uncommon that people tend to subconsciously and automatically transfer many of the mechanisms of their native speech and written discourse conventions to the use of a different language when they come to interact with people from different cultures. This phenomenon, is referred to as interference or transfer, which was early recognized as bilingualism by such researchers as Uriel Weinreich, who says that those instances of deviation from the norms of either language which occur in the speech of bilinguals as a result of their familiarity with more than one language, i.e. as a result of language contact, will be referred to as interference phenomena (1953). This phenomenon has gained wide currency in recent years through the research of applied linguists who have focused on foreign or second language learning and teaching. It is in recent years that this phenomenon has been introduced into studies of cross-cultural communication. The adoption of such a point of view, we hope, will help us reduce the negative results of the misunderstandings which are bound to arise when people interact between cultures.

The Role of Culture: Culture as Explanatory Variable for Communication Behavior. The sociolinguistic approach requires incorporating culture in communication theory and treating culture as a theoretical explanatory variable. Only when culture is treated as a theoretical variable, can differences in language behavior including interaction and discourse organization styles be well described and explained.

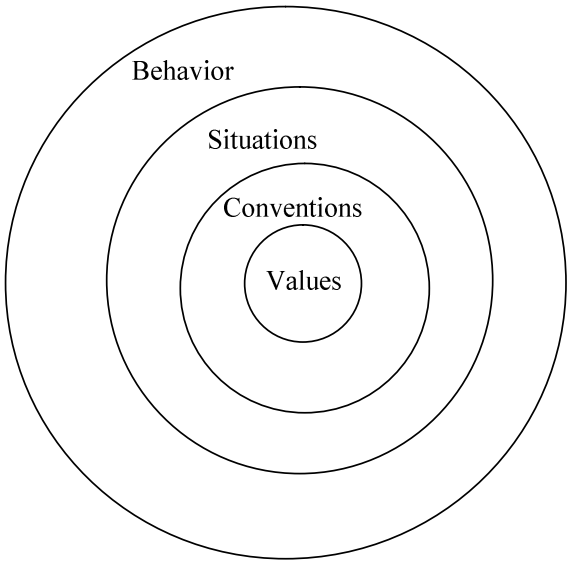
We believe that differences in language behavior are very likely to lead us to the thought that it is necessary to consider the differences at the level of culture in the first place. When we encounter differences in speech behavior between cultures, for example, we resort to culture for help to find reasons behind the differences. Culture is the first and the

most important factor that programs the way we behave and explains why we do so.

Communication is culture specific and at the same time, there are systematic similarities and differences between cultures. According to many scholars, the similarities and differences can be explained and predicted theoretically by using culture as a variable. When culture is treated as a theoretical variable, differences in language behavior including interaction and discourse organization styles can well be accounted for.

Culture is manifested in different layers of depth, ranging from inner core values, through outer core conventions and norms, to the surface level communication behavior including interaction and discourse styles

A diagrammatic representation of the different layers of culture:

It is difficult to conceptualize culture. According to Kroeber and Kluckhohn, (1952) there are 164 definitions of culture. Despite the problems in defining culture, we adopt Spencer-Oatey's definition in this dissertation as it fits our way of looking at the relationship between culture and language use: «Culture is a fuzzy set of attitudes, beliefs, behavioral conventions, and values that are shared by a group of people, and that influence each member's behavior and his/her interpretations of the 'meaning' of other people's behavior» (1999: p. 2).

From this figure, we can easily see that values, the inner core, are the essential determining factor that shapes conventions or norms, which in turn shape communicative behavior including language behavior in a given situation. In this light, we regard conventions and norms as part of or the outer-manifestation of values in a given culture. Conventions or norms, as mentioned earlier, are culturally and socially shared expectations of appropriate behaviors [Gudykunst and Kim, 1992; Lustig and Koester, 1999; 贾玉新, 1997]. Stated differently, they are guidelines for expected and accepted behaviors in a society.

We may also regard language behavior, the surface level of culture, as the outer-manifestation of values and conventions or norms.

Language behavior or language use is part of cultural values and conventions or norms and cultural values and conventions or norms, do enter into face-to-face (intercultural) communication to create «an interactional space in which the subconscious and automatic sociolinguistic processes of interpretation and inference can generate a variety of outcomes» [Gumperz, 1982] and a variety of interpretations. In such an interactional encounter, our most cherished expectations, assumptions, and ways of thinking cannot travel across cultural boundaries. What is customarily expected and understood becomes incomprehensible in a diverse culture. Cultural values form the basic principles that program the way we think and behave. They set the background criteria for how we should communicate appropriately with others, say, with people from different cultures. «They set the emotional tone for how we interpret and evaluate cultural strangers' behavior» [Ting-Toomey, 1999]. They influence our overall self-conception, and our self-conception, in turn, influences our behavior.

In this light, language use, including interaction and discourse organization styles, can be defined as a cultural construct because it is not only influenced by but also acts on cultural values in one way or another. Stated differently, the differing cultural values impose different conventions or norms upon the use of language including interaction and discourse organization styles. The values are enacted in a variety of manners of communication. Values in this way can be used as variables for explaining and interpreting the similarities and differences in communication between cultures.

According to Gudykunst and others (2003), we need to treat cultures as theoretical variables. On the basis of these variables, there are different dimensions by which a culture can be employed to explain communication between cultures [Kluckhohn and Strodtbeck, 1961; Hall, 1976; Hofstede, 1980]. These dimensions of cultural variabilities have been used to different extent by communication scholars

for years in explaining cultural differences and similarities in communication between cultures.

Overview of Sociolinguistic and Discourse Conventions

Although people in the world may have similar communicative tasks to accomplish or problems to solve in order to survive and to get along with each other, the realizations of these tasks and the resolutions of these problems as social practices are culture specific. The variation can be analyzed from several different perspectives.

1) People from different cultural backgrounds may have different cultural assumptions about the situational and other contextual factors that influence communication as well as appropriate behavior and intentions within it.

2) People from different cultural backgrounds may have different pragmalinguistic conventions or norms for selecting strategies and interpreting their use in given contexts [Hellen Spencer-Oatey, 1999].

3) People from different cultural backgrounds may hold differing principles conditioning and programming their interaction in given contexts [Hellen Spencer-Oatey, 1999].

Investigation of Spoken Interaction and Discosurse Conventions

Sociolinguistic and Discourse Conventions as Culture-Specific. Despite differences in language use between cultures, scholars have made many efforts to design universal principles, maxims, or conventions, such as Grice's Cooperative Principle (1975), Leech's Politeness Principle (1983), Searle's Speech Acts (1975), Brown and Levinson's Face Theory (1987), and so on. The generalizations proposed in these works provide useful insights into the mechanisms of language use. However, these universal principles, maxims or conventions should not be seen as absolutely true. For example, according to Lim (2003), Searle's assertion that ordinary conversational requirements of politeness normally make it awkward to issue flat imperative sentences and explicit performatives and that politeness is the chief motivation for indirectness is only an illusion and are simply manifestations of Anglo-Saxon cultural values. Matsumoto (1988) criticized Brown and Levinson, saying that they have ignored the interpersonal or social perspective on "face" and they have over-emphasized the notion of individual freedom and autonomy. Gu (1998) points out that it is not that concerns about autonomy, imposition, and so on do not exist in Eastern cultures, but rather that they are not regarded as "face" concerns. Grice's principle of cooperation, the four maxims of conversation, and the implicature-generating mechanisms are also specific to the North American culture. Asians are not likely to presuppose these principles or maxims to trigger implicatures, as evidenced by Chinese, Japanese and Korean conventions. According to Zhaoxiong He (何兆熊), Grice's principle does not explain why people may violate cooperative principle and communicate with each other in an implicit and indirect way (2000: 167). Brown and Levinson's universal Face Theory (1987) also received criticism for the claimed universality of their theory. Even though it was based on a dozen languages from all over the world, the theory reveals a strong Anglocentric bias. Anglocentrism allows English-speaking scholars to make cross-cultural generalizations of their ethnographic knowledge by examination of some isolated examples from other languages. Evidence shows that scholars have been greeted by culture-specific differences [Blum-Kulka, House, & Kasper 1989]. Pragmatics and cross-cultural communication should concentrate on studies of specific uses of language or should be more sensitive to cultural relativity and diversity.

Even if there do exist universal principles, to some extent, the maxims included in these principles may vary in importance and emphasis from culture to culture. In sociolinguistics as well as in the studies of intercultural communication, one of the ways of «unpackaging» culture is by drawing on Leech's (1983) Politeness Principle, which consists of six maxims dealing with interpersonal and social relationships. The maxims claimed by Leech in fact reflect the sociopragmatic conventions people seem to follow in managing interpersonal and social relationships. Leech argues that people are often far more indirect than Grice's Cooperative Principle suggests. Leech maintains that the Japanese culture attaches greater weight to the Modesty Maxim than the British culture does, and that conversely the Agreement Maxim is more important in Britain than in Japan. He maintains that such differences can thereby explain why the Japanese typically respond to compliments with greater modesty than the British do. Likewise, according to some scholars, the Modesty Maxim is much more favored in China and some other Asian countries than in European countries.

The maxims put forward by Grice, Leech and others in the West, are in general based on verbalized interactions or verbalized meanings. Preciseness, clarity, expressiveness, brevity, disambiguity,

explicitness, directness, assertiveness, and so on, are the conventions in many of the Western countries. However, these may not represent Chinese communication. The ways in which the Chinese communicate, the ways in which they generate implicature, for example, fall outside the scope of Grice's theory. One of Grice's maxims for cooperative conversation is manner, which suggests that the speaker should avoid obscurity of expression and ambiguity (1975). This direct style of communication is a convention or norm in North America despite the extensive use of indirect communication. Grice's principle would not be accepted as a convention or norm, however, in East Asia. In the Chinese culture which is oriented to collectivism and relationship, for example, it seems that the traditional rule of communication which does not advocate demanding, rejecting, asserting oneself, or criticizing the listener straightforwardly, is a much more dominant socio-pragmatic convention than Grice's maxim of manner. For the Chinese and Japanese, to understand the real intention in communication, what needs to be employed on many occasions may not be the knowledge of conversational maxims and contextual information but pure intuition obtained through long contact with others or what is called Kan by the Japanese scholar Tae-Seop Lim (2003: p. 65). This point has been examined and verified by many scholars. Koreans, according to Lim (1996), have to develop noon-chi to figure out the intention, desire, mood, and attitude of the speaker from ambiguous messages.

Indeed, there is hardly anything universal about the conventions or norms of speaking and writing. In the communication of the Chinese cultural context, conventions and norms are unique and it is these culture specific conventions or norms that dictate the way the Chinese speak and write.

Pragmalinguistic Conventions as Culture Specific. Pragmalinguistic conventions or norms refer to the fact that different cultures or communities have different sets of norms or conventions operating in the process of selecting strategies and interpreting their use in a given context. This phenomenon is related to speech acts in particular, such as requesting, refusing, complimenting, and apologizing. Although different cultures or communities may share similar acts or functions of language, the conventions of strategies performing these functions or acts may vary with cultures. Although much research remains to be done in this area, a fruitful beginning has been made. Empirical analyses of speech or pragmalinguistic behavior have been centered around forms of address, apology, greeting, request, compliment, invitation, and so on.

To uncover the specific Chinese conventions or norms of speech behavior, empirical studies were conducted by Jia and Huang (1997) and Song Li (2002) on apology-making as well as the behavior of complimenting, among university students, in which the most distinctive features of apology and compliment behavior and the socio-cultural variables that influence the selection of apology strategies in a Chinese context are explored.

The examination and analysis of the case study of the behavior of request in Chinese and American cultures [Xuerui Jia, 2006] also prove that Chinese culture largely prefers pragmalinguistic conventions unique to its own culture.

Differences in the speech behavior of request between Chinese and American cultures lie in the semantic sequence or order of the components that make up a request or in the use of supportive moves, as well as in the way a request is stated. For example, the Chinese very often prefer to embed their requests in supportive moves, such as lengthy explanations, or facework and justifications which are often placed at the beginning; while Americans may place requests at the very beginning and if they do use supportive moves, such as reasons or justifications for their request, they are very likely to place them after the request.

We tentatively call the lengthy explanatory and preliminary remarks, or supportive moves *frame*, the purpose of which is to set up a shared background or an atmosphere in which some sort of good relationship or connection is hopefully to be set up.

The indirect style in the Chinese culture and the direct style in the American culture may differ in the extent to which communicators reveal their intention through the implicitness or explicitness of their content messages. The indirect style in the Chinese culture may find expression in the implicit statement of the speaker's intention while the direct style may find expression in the explicit statement of the speaker's intention.

The implicit request is often used, in the Chinese culture between people who are friends and acquaintances, or at least, who have had personal contact with each other for a long time and hence share a good understanding of each other's conditions for needs and wants, the condition for request, for example. The speaker adopting the implicit style is likely to avoid verbalizing the intention straightforwardly and hence the interpretation of the intention requires the listener to discern the cues from the speaker. It is not uncommon that the listeners would most probably rely on tacit understanding

or intuition based on years of contact with the person who makes the request. The explicit request is used both in Chinese and American cultures, however, the Americans are inclined to lay more emphasis on verbal performance than the Chinese, paying much attention to grammatical structure, lexical and phrasal selection, subjunctive mood and conditional moods, etc. Even when Americans attempt to express their intention implicitly, their intention can be less difficult to discern from the context. On the Chinese side, communication is often listener oriented, in the sense that it is the listener who is responsible for discerning the meaning through tacit understanding or intuition or reading the speaker's mind from the contextual cues whereas on the American side, it is the speaker who is responsible for stating his or her intention clearly and logically so that the listener can get or deduce the meaning forthrightly.

Obviously, misunderstanding and miscommunication are inevitable when Chinese and Americans meet in many request situations, as each side may act intuitively and unconsciously according to their own cultural standard and conventions. Americans may complain about the Chinese for their «beating about the bush» in their requests and ask them to say what they mean. By being implicit, the Chinese may leave the impression of being «insincere» and «untrustworthy» on the Americans. The Americans may leave no better impression on the Chinese – the Chinese may complain about the Americans for their being too forthright and straightforward in their requests. The Americans may leave the impression of being blunt, impolite, and even rude to the Chinese.

Sociopragmatic Conventions as Culture Specific. As mentioned earlier, the so called universal principle proposed by Western scholars may not operate in the interactions of the Chinese cultural context. For example, one of Grice's sociopragmatic conventions or maxims for cooperative conversation is *manner* which suggests that the speaker should avoid obscurity of expression and ambiguity [Grice, 1975]. This direct communication is a norm in North America, despite the extensive use of indirect communication. Grice's principle, however would not be accepted as a norm in Chinese culture, which prescribes not to demand, reject, assert yourself, or criticize the listener straightforwardly. In fact, going indirectly or in a roundabout way in demanding, rejecting, asserting oneself or criticize others in many situations is a much more dominant principle than Grice's maxim of manner.

Sociolinguistic conventions or norms are cultural conventions. They are the outward manifestations of values and beliefs. They are socially shared expectations of appropriate behaviors in a given situation or context. In this light, cultural conventions or norms are themselves sociolinguistic conventions or norms and language use is their main concern. Conventions or norms vary with cultures in terms of their importance and intensity. Unlike values, however, conventions or norms can change over a period of time, whereas values are much more enduring. Different cultures, may have a different range of options of sociolinguistic conventions, either indirect, implicit, covert, or direct, explicit, and overt in their management of social relationship in everyday interactions. Even if people from different cultural backgrounds speak the same language, say, English, the English they speak may be characterized by different sociolinguistic conventions. We tend to assume that it is the attitude and meaning that are conveyed through one set of conventions and interpreted through another rather than the differences in accents or in grammatical structure that often bring about breakdowns of communication.

Traditionally, sociopragmatic norms or conventions have been addressed by many scholars in China such as Chinese principle of politeness, and so on. Nowadays, some scholars such as Dr. Gu Yueguo and professor He Zaoxong have addressed the issue of politeness in Chinese culture from the sociolinguistic or pragmatic perspective. In the study of this area we should especially mention the theories related to sociopragmatic conventions such as the Updated Face and Face-Negotiation theory contributed by Stella Ting Toomei, and similar theories which are Chinese culture specific, by Wensheng Jia and Huang Guangguo, and Yuxin Jia.

Many scholars have written on Chinese communication, but one of the most recent and comprehensive publications on this is Gao and Ting-Toomey's *Communicating Effectively with the Chinese* (1998). They have listed four features to represent communication in the Chinese culture: *hanxu* (含蓄), *tinghua* (听话), *keqi* (客气) and the *insider effect on communication*. By *hanxu*, they mean «one does not spell out everything but leaves the 'unspoken' to the listeners» [1998: p. 17]. In communicating with others the Chinese prefer to be implicit rather than explicit. In other words, one does not bring everything out into the open. Something is left unsaid and the listener is expected to read the speakers' mind or to guess the message from the situation or the context. *Tinghua* is listening-centeredness, which

means the Chinese pay a lot of attention to listening in communication and hierarchy plays a part in who is supposed to talk and who is supposed to listen. By *keqi*, they mean that people should be polite. However, this does not mean the use of polite expressions alone. It implies the value of reserve, humility, and modesty and the use of appropriate expressions to show one's reserve, humility, and modesty. Finally, by the *insider effect on communication* they mean that there is in general a clear distinction between their in-group and out-group and people tend to be involved with their in-group but are reluctant to interact with strangers.

Indirectness Resources as Individual's Social Capital in the Chinese Culture

Indirective interaction style as a communicative resource in the Chinese context in fact forms an integral part of an individual's symbolic and social capital [Gumperz, 1982] and in today's China this form of capital can be every bit as essential as real property resources were once considered to be [Bourdieu, 1973]. Chinese indirect interaction style serves as an important sociopragmatic convention for people to manage communication and interpersonal relationship, or to manipulate people, in the term of Huiqing Chang (1995).

Huiqing Chang (1995) when talking about the Chinese preference of indirect interaction style, points out that manipulating interpersonal interactions, whether through verbal or other means has always been an important topic in Chinese philosophical and political thinking. The complexity of Chinese social and interpersonal relationships creates the need for interactants to negotiate and manage relational positioning via exchange of verbal messages, whether with good intentions or under the guise of superficial harmonious interaction [Chang, 1999, 2001, 2005]. Interaction skills function as a lubricant to the interpersonal system. Appropriate use of such skills, will help one create a desirable social network and bring personal advantage to those who employ them, particularly in a world that emphasizes relationship, favor or human emotions (*renqing*); and face needs. To achieve personal or individual's goals, one can use a variety of indirect linguistic forms, ambiguous expressions, indirect speech acts, hidden words, and so on. Anyway, whether one is sincere in taking care of the needs of participants or merely interested in gaining advantage or power, knowing how to talk appropriately with people from different social positions so as not to spoil seemingly pleasant, harmonious situations is highly valued in Chinese culture.

Linda Wailing Young (1982) argues that, on the basis of the data derived from a variety of formal speech encounters, including an academic conference and a number of business meetings involving Chinese speakers of English as active participants, in discourses such as explaining, justifying and persuading, the organization of the discourse mirrors the order presented in the topic-comment utterance. The relationship of the main point to the rest of the discourse is in the order of the semantic relationship of topic to comment. According to her, in most cases, the Chinese discourse patterns seem to be the inverse of English discourse conventions in that definitive summary statements of main arguments are delayed till the end.

According to Xuerui Jia's empirical study and investigation, in fact, the indirect – direct dichotomy in spoken interaction finds a parallel in written discourse across Chinese and American cultures. It seems that the differences in preference of interaction styles like these across these two cultures are in no way incidental. It is systematic. The examples and facts in both spoken and written discourses provided in her dissertation provide evidence to support the fact that there is a Chinese preference for the steady unraveling and build-up of information before arriving at the important message. All this boils down to the point that indirect interaction style in fact is the preference of the Chinese. They prefer the conventions of frame-main sequence or what is called the inductive/indirect style while the Americans prefer the conventions of the main-frame sequence or what is called the deductive/direct style. The differences in preference of interaction styles like these across these two cultures are in no way incidental. They are systematic.

To prove the hypothesis of Chinese preference of the indirect/inductive convention, Ms Xuerui Jia conducted examinations and made analysis of data derived from a considerable number of Prize Essays by non-English majors, model essays by English majors of Peking University, essays written by American speakers, and hundreds of abstracts of papers presented at the 2005 Symposium on Intercultural Communication in China, as well as paper abstracts published in American journals, (written by native US American scholars). The conclusion reinforced the assumption that in Chinese writing in English the indirectness or inductive approach is a general preference, and therefore dictates Chinese cultural identity in their communications. As some of the data and case studies are based upon academic writings, the conclusion may, relatively speaking, sound more convincing. The convention reached in

the discussion may be more representative of Chinese English writing discourse. And the authors tend to think that the Chinese preference towards the orientation of harmonious social and interpersonal relationship can be traced to culture specific notions of acceptable discourse conventions.

Contents Compared	Chinese Culture	American Culture
Relation Orientation	Harmony	Autonomy
	Interdependence	Independence
Interaction Style	Indirect	Direct
Semantic Sequence	Frame-Main Sequencing	Main-Frame Sequencing
Activities: Request	Facework/ Justification or reasons –Main point	Call-Answer-Topic
	Facework-Justification/ Reason- Request	Request-Justification/ Reason
	Implicit	Explicit
		Verbal Context / Grammatical Structure
	Implicit	Explicit
Conflict negotiation and resolution	Indirect facework strategies	Direct facework strategies
	Third Party	Confrontation
	Tacit Understanding, intuition	Verbal Context-based Understanding
	Low Degree of Illocutionary Clarity	High Degree of Illocutionary Clarity
Written Discourse	Inductive / Indirect	Deductive / Direct
	Frame (Topic)-Main (Comment) (Modifier-Modified) (Subordinate-Main)	Main-Frame Main-Subordinate

Actually both of these indirect or inductive styles and direct or deductive styles are found in both spoken and written discourses in Chinese and American cultures. That is to say, there is nothing inherently Chinese or American about these styles. Nevertheless, Xuerui Jia argues that there is a great probability that the Chinese tend to prefer an indirect or inductive style in more situations than the Americans.

Up to now, a very large amount of work from different perspectives and different disciplines has been done on the Eastern indirectness vs. Western directness difference of both spoken and written discourses as well as the factors that bring about the difference. Each perspective and discipline has provided insight into this area.

The indirect interaction and discourse conventions in the Chinese culture vs. the direct interaction and discourse conventions in the American culture are demonstrated in the table.

The Concept of Face and Facework as Culture Specific

The Concept of Face as Cultural Product. The concept of face plays an important role in human interaction. It is important to recognize that face and facework serve as essential sociopragmatic conventions or norms operating in the management of human interaction and interpersonal relationships.

In essence, the concept of face is not only social in nature. It is at the same time a psychological and cultural product. As a social and cultural product, face entails both cultural-universal and culture specific aspects [Ting-Toomey, 1994]. However, scholars in the West have over-emphasized the universal aspect and paid inadequate attention to the cultural aspect of it

Erving Goffman (1959) in his seminal work takes a sociological approach in describing face, regarding face as a means of managing impressions for human being in their social interpersonal interactions in the society. Goffman metaphorically describes people as performers on the stage, presenting and projecting various kinds of face or self-identity.

Brown and Levinson (1987) in a classic monograph, extended Goffman's concept of face and took a sociolinguistic approach in describing face and associated strategies. They regarded face as the public self-image every individual desires for himself or herself. They developed a rich theory of linguistic politeness around Goffman's concept of face. They proposed the dual concepts of positive and negative face as the basic wants of any individual in social interactions. The positive face refers to the self image to be affirmed, appreciated, and approved of. The negative face refers to an individual's freedom to act and freedom from imposition [Brown and Levinson, 1987]. Both the positive and negative faces serve as social mechanisms regulating interpersonal relationships in terms of linguistic expressions.

Goffman, Brown, and Levinson all argue that the claim or desire for face is a universal phenomenon underlying interpersonal relationships and interactions. The ethical approach undertaken by Goffman, Brown, and Levinson is an attempt to discover a general theory that underlies human interaction and communication. However, this approach does not pay adequate attention to the cultural factors that

influence the concept of face and facework, and therefore inevitably invite criticism.

Cross-culturally speaking, for example, what is polite behavior for another person in interaction in a given culture may very likely be very impolite in a different culture. What constitutes positive face may become negative face. «I am having a party this weekend. Come if you *want*» is a polite invitation in a given situation in the United States. It however can be a face threatening act in a similar situation in the Chinese cultural context. In the American society, this kind of way of invitation demonstrates the addresser's concern for the addressee's time and freedom of action. In the Chinese society, however, it can be very impolite as it in no way takes the feelings of the other person into account, especially when this interaction occurs between friends. Likewise, a compliment is considered an important strategy or a typical face-lauding act as it is often intended to have a positive effect on the addressee especially in the Western cultural context. However, it can have a negative effect on the addressor as it may make the complimentee feel uncomfortable in the Chinese context.

As a cultural product, face may differ from one culture to another in terms of concept, nature, and functions. So much so that the so called universal theory regarding the concept of face advocated by Goffman, Brown and Levinson, etc. may not be adequate to account for the concept of face underlying interpersonal relationships and interpersonal interactions in the context of the Chinese culture as well as many others, as the universal theories are mainly based upon Western self-oriented and individualistic cultures.

Scollon & Scollon argue that there are three factors in communication that bring about differences in the concept of face between people in the East and West. They include the relative emphasis given to information and relationship, the hierarchical nature of interpersonal roles and, the contrast between negotiation and ratification of such roles.

Hu (1944), Scollon and Scollon (1994), and Wenshan Jia (1997) argue that, contrary to the Western view of face, which is largely transactional, the Eastern view of face is fundamentally moral in nature. In the Chinese way of thinking, the concept of face includes two aspects, namely, *lian* (脸) and *mianzi* (面子) and there should be a clear distinction between these two. The former refers to an individual's inner qualities or the inner sense of character while the latter refers to an individual's outer sense of self in terms of the reputation one has achieved. However, the Westerners lay emphasis on the aspect of outer sense of face or *mianzi* rather than *lian*. Obviously, this aspect of the conception of face is transactional in nature as opposed to the concept of *lian* which is moral in nature. «*Lian* is the primary carrier of moral codes» [Wenshan Jia, 1997]. And the loss of face may function as «a condemnation by the group for immoral or socially disagreeable behavior» (1997). Obviously, the quality of manhood or character-based concept of face is not favoured by the Western scholars. Hu also offers the distinction of inside and outside in terms of interpersonal relationships. In this way, the loss or gaining of an individual's face may be connected with the loss or lauding of the face of his or her in-group members.

Chang & Holt (1994), Gu (1990), Matsumoto (1987), and Ting-Toomey (1988) etc. argue that Brown and Levinson's theory of politeness is a highly rational model rather than a relational one as the conceptions of positive face and negative face are mainly based on the individualistic cultural framework or self-oriented [Wensheng Jia, 1997-8]. The self-oriented or individualistic orientation-based concept of positive and negative face naturally results in the idea of face as impression management in interpersonal interaction which reflects the individualistic orientation of the western culture. This may run counter to the concept of face in the Eastern culture.

Many scholars tend to agree that China, Japan, and many cultures in the East are collectivism oriented while the United States, Canada and many others in North America and Europe are individualism oriented. Obviously, individualism-collectivism can be used as important cultural variables to explain the cultural differences between these countries in face negotiations and the management of conflict. Following this individualism-collectivism dimension, experiment data seem to prove that the cultural differences lie in the fact that the collectivism oriented cultures such as Japan and China may favor interdependent face while individualism oriented cultures such as the U.S.A. and other Western cultures seem to favor independent face in their social interactions.

In the West, people tend to be independent, autonomous, isolated, and unique. Geertz (1975) describes a Westerner «as a bounded, unique, more or less integrated motivational and cognitive universe, a dynamic center of awareness, emotion, judgment, and action organized into a distinctive whole and set contrastively both against other such wholes and against a social and natural background». Western individualism oriented culture requires «construing

oneself as an individual whose behavior is organized and made meaningful primarily by reference to one's own internal repertoire of thoughts, feelings, and action, rather than by reference to the thoughts, feelings, and actions of others» [Markus and Kitayama, 1991].

According to Markus and Kitayama (1991), the interdependent face predominates in the Eastern cultures and some collectivism oriented cultures in the West, because the self intersects with others. Or the self exists in the intersections of overlapping selves or in relations with others. In social interaction, it is not the independent self but the interdependent self that most likely underlies people's behavior. It is the self-in-relation or self-in-context that serves as the social mechanism regulating people's behavior in their interpersonal relationships.

Many research data highlight the fact that where interdependent face or self-construal predominates, conformity will be more emphasized and where independent face or self-construal predominates, conformity will be less emphasized. Yuxin Jia and his colleagues found that the Chinese are very much concerned with social appropriateness. Whether their behavior is appropriate or not to the situation in their speaking and writing is regarded as most important in their social interaction. And more often than not they prefer indirectness in their communications in their daily interaction. In contrast, Americans often prefer a direct and confrontational style of speaking and writing.

In the collectivism oriented Chinese cultural context, face serves both as an end and a means in realizing or building up harmonious relationships, which is the ultimate goal of the society. As an end, it stands as a moral code for the accomplishment of virtue of man and woman, which each member of the society strives for so as to become a person of complete virtue. In this way, mienzi or face is the ideal goal for each member in the society to reach in the cultivation of manhood and womanhood. Therefore, people fear losing face (丢脸) as it may likely lead to the loss of, in different degrees, the quality of manhood or womanhood (丢人). As a means, it serves as reward or sanction or simply as «*a substitute for strict legislation regarding duties and rights and obligations among men*» [Cheng; 1986]. In this sense, mienzi or face, helps people to build up good character and establish good interpersonal relationships, which in turn leads to social harmony. In whatever sense, face in the Chinese context is moral and relational.

The Chinese Indirect Facework Strategies vs. Americans' Direct Facework Strategies in Conflict Negotiation and Resolution. Conflict is a well-nigh inevitable part of relationships in our lives. All of us experience conflict in our lives of one kind or another. It occurs in intimate and non-intimate relationships. We all probably know clearly that conflict is an emotionally laden, face-threatening experience. However, seldom do we know that conflict negotiation and resolution in different cultures involves different face-saving, face-enhancing and face-attacking strategies and in managing and resolving conflict, although both indirect and subtle and direct and explicit facework strategies are used, some cultures may emphasize indirect facework strategies and some cultures may emphasize direct facework strategies. We tend to assume that, like the concept of face, faceword strategies adopted by Chinese and American cultures in negotiating and resolving emotional and relational conflicts also differ.

According to Xuerui Jia's case studies, the differences in face negotiation in negotiating and resolving conflict may in general be illustrated in the following diagram.

	Chinese Culture	American Culture
Cultural Orientation	Collectivistic /Relational	Individualistic
Face Orientation	Other face and mutual face concern	Self-face concern
Attitude to Conflict	A threat to relationship	Involvement with others
Relationship	Interdependent	Independent
Facework Strategies	Indirect	Direct
	Implicit, third person's help, process oriented, (rhetorical) question,	Explicit, outcome oriented
	Non-verbal nuances and subtleties to signal meanings	fewer non-verbal behavior
	low illocutionary clarity (intuition and tacit understanding)	high illocutionary clarity
	Forbearance, avoiding, obliging,	Competitive, dominating, Aggressive, challenging

The clear distinction in negotiating and resolving conflict between Chinese and Americans seem to have to do with the differences that exist in their cultural attitude towards conflict.

The Chinese who are harmony or relationship

or connection oriented in general hold a negative attitude towards conflict. To the Chinese, conflict is a threat to interpersonal rapport and interpersonal relationship or connections. Being in conflict means one's relationship or rapport and affiliation are facing danger. Hence, conflict should be avoided at all costs. Once conflict, or dispute, occurs, it should be settled, preferably, without direct confrontation.

To many Americans, conflict may not necessarily be the opposite of rapport or affiliation. According to Tannen (1990: p. 291–292), being in conflict may mean being involved with each other. Although it is true that many of them are more comfortable using language to express rapport, many of them are more comfortable using it for self-display. The situation is really more complicated than that, because self-display, when it becomes part of a mutual struggle, is also a kind of involvement or bonding. Conflict may be valued as a way of creating involvement with others. So, to many Americans, conflict is not a threat to relationships or connections. It is the necessary means by which relationships can be negotiated, so much so that it is to be accepted and may even be *sought, embraced, and enjoyed* [Tannen 1990: p. 150]. As a result, direct facework strategies, even confrontation and aggression are often preferred.

China English as Cultural Identity and Carrier of Chinese Cultural Value

China English as Carrier of Chinese Cultural Values

Social processes are symbolic processes but these symbols have meaning only in relation to cultural and social contexts. Our point is that cultural and social identities are largely established and maintained through communication. Therefore, to understand issues of social reality, social change, and social and cultural identity and how they affect and are affected by cultural, social, political, and ethnic boundaries or division we need to gain insights into the communicative processes by which they arise. Gumperz (1982) argues that «where communicative conventions and symbols of social identity differ, the social reality itself comes subject to question. On the other hand, however, both talk and social reality are part of and serve to maintain an ideology which takes on a historical life of its own».

The situation at present is that Anglo-American English has been considered as standard English. However, this so called standard language «hides an underlying diversity in values and discourse conventions» and «these conventions have long been dismissed as nonstandard language practices» [Gumperz, 1982]. Today's world situation is changing and in the present world linguisitic, interactional, and discourse conventions which continue to exist are facing the need for standardization, and they have in fact forced a reevaluation of their cultural, social and legitimate communicative significance. After all, they act out the cultural values and identities of the speakers and they constitute social and cultural reality.

Up to now, a considerable number of papers have explored the rules, norms or conventions that underlie the use of English as a lingua franca in the Chinese cultural context. These papers provide evidence for the fact that the rules, norms, and conventions that operate in the use of English in many situations in the Chinese cultural context are to different degrees different from those that operate in interactions in the western cultures and they hence may serve as markers of Chinese social realities, as well as social and cultural identity.

The variety of English used by the Chinese is generally called China English, which develops from both internationalization and indigenization of Anglo-American English. It has the native-speaker based world English as its core system but integrates with Chinese symbolic systems that are underpinned with Chinese cultural values, hence distinguishing itself from Anglo-American English with its unique Chineseness at the linguistic level such as the phonetic, lexical, syntactic as well as pragmatic level such as pragmalinguistic, sociopragmatic, discourse conventions, and stylistic modes of communications and so on.

China English is a standard variety of English used by competent Chinese speakers of English and serves both linguistic and socio-cultural functions for communications between the Chinese and the world community at large.

Culture nurtures language and no language is able to survive if taken out of its cultural environment. China English is no exception. As a carrier of Chinese culture and a hybrid of internationalization and nativization of English, China English is highly productive. Symbolic process in fact is a social process as mentioned earlier; looked at in this light, in general, China English both as symbolic and social process largely bears or carries the following cultural values and social meanings [Jin Huikang, 2003]:

- geographic references;
- historical references;
- social and institutional references;
- political references;
- ideological references;
- folk culture references.

As can be seen from the above rather limited list of descriptive terms, English is used for every aspect of life in China. This is of great significance for both China and the international community, because China and the world need to enter one another's world in their pursuit of peace and further development. Without China English, communication between China and the world is almost impossible today.

Sociolinguistic Conventions of China English as Cultural Identity

Symbolic processes are social processes, people use linguistic symbols to create sociolinguistic or pragmatic conventions or norms in their social or communicative processes. The conventions or norms are signals of interpersonal relationship and they are in fact signals of membership or cultural identity. We tentatively imply here where communicative conventions (including interaction and discourse conventions) differ, the social and cultural realities themselves become subject to question. That is, communicative conventions are social and cultural reality. They are part of and serve to maintain the ideology that makes the cultural identity of a person.

The Chineseness of China English is not only exhibited in what it represents but also in how it represents cultural and social processes. And what is more, cultural identity rely on linguistic symbols to establish (sociolinguistic or pragmatic) conventions that are significantly distinct. Although built on an educated variety of English, China English has proved to be distinctively different at many levels of the symbolic system, including phonetic, lexical, and syntactic phenomenon at the linguistic level and sociolinguistic or pragmatic and discoursal conventions or what is called the level of language use. Chinese speakers of English are first and foremost socio-cultural beings. Whatever language they use, they will think and behave like Chinese. The Chinese language and conventions and values that are encoded in the language that they have acquired early in their socialization process will stubbornly persist when they come to speak English or other languages.

Sociolinguistically or pragmatically speaking, China English represents Chinese social conventions, cultural values and identity. The pragmalinguistic and sociopragmatic performances of Chinese English speakers are often found to be different from those of other English speakers. This fact is, more often than not, a socio-cultural matter rather than a purely linguistic one.

Sociolinguistic or pragmatic rules are defined by cultural conventions or norms which are underpinned by cultural values and they in turn reflect those constraining values and norms. In this sense, sociolinguistic or pragmatic performances in interpersonal communication are social realities, cultural and social identities, as well as the enactment of values. As people from the same culture have a shared knowledge of social norms for proper conduct, many cultural stereotypes are based on how a cultural group realize their speech behavior.

What identifies a group of English speaking people as American or Chinese, British or Australian, is not only the accent, choice of word, but also the way these people use words to realize everyday speech or pragmatic functions. In other words, sociolinguistic behavior is one of the significant markers of the speakers' cultural identity. Among members of a culture, there are shared rules of conduct in realizing speech behavior. In spite of the fact that many Chinese English learners can speak English fluently; it is, however, unavoidable and inevitable that they tend to transfer Chinese sociolinguistic and pragmatic conventions or rules to the use of English in face-to-face interaction. The fact is that «transferred behaviors» are even recurrent among competent Chinese English speakers including advanced learners, teachers, and professors. The discussion in this paper that deals with pragmatic and sociolinguistic use is not limited to spoken language or oral communication. The rules and norms that regulate oral communication also define how written messages are produced and interpreted.

The Emergence and Construction of Individualistic Identity through Communication in China Today

Fortunately, today, some scholars have successfully studied from a sociolinguistic perspective how a great number of people, particularly the young, have constructed their new cultural and social identity and style through active appropriation of linguistic resources since the economic reforms and open-door policies were adopted in China. .

Xuelai Jia and Yuxin Jia for four years followed the steps of a famous Chinese soccer star in his journey towards the establishment and construction of a new individualistic identity in China.

This study, applying a sociolinguistic approach to the study of intercultural communication, examines and analyzes the emergence and construction of the individualistic identity in today's China. It examines and analyzes how the newly emerging ideological discourse which makes up the component of the individualistic identity enters into a space

of intercultural or intracultural communication in the process of which the emerging individualistic identity mobilizes linguisitic resources in its competition and negotiation with the traditional ideology to assert and reassert and claim its right, entitlement, and identity and eventually establish itself.

The data analysis of this paper concludes with the following points:

1) the author agrees with and reinforces the idea that identity derives from cultural and social context and is established by the self and others. Identity constitutes an integral part of communication. It emerges, and is developed, established, and constructed through communication;

2) the individualistic identity is emerging and developing in today's China due to economic globalization and the establishment of the free market, and the Western influence, etc. in China. The emergence and establishment of the individualistic identity is accomplished through long years of dialogue and negotiation with the well-established traditional discourse;

3) the individual identity may be similar to the individualistic identity. However, it may also be different in many aspects from the individualistic identity in the West;

4) the newly emerging individualistic identity may adopt sorts of communication patterns unique to its culture and at the same time it may adopt what is called universal cultural patterns across cultures.

The point that new identities are constructed through linguistic resources in China today also finds expression in Qing Zhang's PhD dissertation «Chinese Yuppies» (unpublished).

In her dissertation, Qing Zhang successfully studies how Chinese yuppies, a new professional group working for foreign businesses that has emerged since the economic reform and open-door policy of Mainland China in the late 1970's, construct their style and social identity through active appropriation of linguistic resources. She journeys through various theories in sociolinguistic variation, gender-related variation, linguistic market, style and identity while giving critiques of the existing theories and past studies, which leads to her new approach of thinking about and analyzing linguistic variation data. Gender differences are also considered and discussed in the analysis of the linguistic variation data of Chinese yuppies' with the elucidation of the social history of linguistic variables and social identities.

Her initial hypothesis that «patterns of linguistic variation are related to the interaction between the various constraints and opportunities which the yuppies face in the international business sector and their active appropriation of linguistic resources to construct a Chinese yuppie style and identity» is successfully demonstrated. She finds that yuppies use Beijing Mandarin variants significantly less than state professionals and that they adopt the full tone from non-Mainland varieties, which she dubs a «deterritorialized» variety of Mandarin. Another finding is that gender difference is mild among the state professionals but dramatic among the yuppies. Female yuppies overwhelmingly lead in the use of the new Mandarin variety.

Differences in Concept of Self and Self-Expressions in Chinese and American Cultures

As mentioned earlier, in our sociolinguistic framework, culture is used as an explanatory variable to account for why people in different cultures behave the way they do. In the following we just use the concept of self and self expression in Chinese and American cultures as a variable to explain why differences in interaction occur.

Philosophically speaking, among others, the Chinese and Americans' sociolinguistic conventions or norms are also consistent with the concept of self in terms of interpersonal relationships in these two cultures. Cross-culturally speaking, the differences in interaction and discourse organization styles and self-expressions can be attributed to the differences in the concepts of the Eastern self and the Western self and their self-expressions.

The concept of self is not something we are born with. But it also does not develop in a vacuum. It is not until we begin to interact with others that we achieve any sense of self at all. Self is part of the social world which we live in. It is not only something we have but also something given to us by society. The self cannot be differentiated from the nexus of social relationships in which the individual participates. We become aware of who we are, based on our relationships with others.

The Chinese or Confucian self is different from the Western view of self as it is basically conceptualized in relation to others. It is social and relational in nature and it is just this relational and interdependent self that lies underneath the Chinese behavior – including face behavior – and renders it just as relational and interdependent. In essence, the Chinese self is more a self in relationships and less a self in isolation than that in the American culture [Scollon, 1991]. Asians are therefore more or less considered to be seeking harmonious relations, in which self is downplayed or depreciated.

In the Chinese context, «人» or a human being is perceived as a social being, firmly rooted in the nexus of relationship. Relationship is inseparably an aspect of the self. The ideal of manhood or of the fine quality of a human being is defined in the Chinese character as «仁» (benevolence), which is a homophone of the word «人» (human being), which, etymologically by the combination of the Chinese ideographic characters of «人» and «二» (meaning two), literally means two persons. In fact the Chinese culture is embedded in the way Chinese characters are formed. Deducing from the formation of the character «仁», we may have the following ideological ideas underlying the Chinese concept of self.

The structure of «仁» = 人+ 二=二人/ 人二

The literal translation: manhood=two persons, who are interdependent. From this we can draw the following implications about the nature of the Chinese self:

1) self is conceptualized as in the relationship of two interdependent persons or a collective self;

2) self is identified in relation to others or as relational, focusing less on the isolated self and more on the relational self, less autonomous and more obliging and accommodating to others. Stated differently, relationship is part of self or self is part of relationship. Or simply, self exists in relations;

3) self actualization is the realization of benevolence, which stands for ideal manhood specified on the basis of (kinship) relationship. The achievement of good relationship/harmony is the ultimate goal of self-actualization. However, the individual self can never achieve ideal manhood alone as 仁 stands for the relationship between two interdependent persons;

4) self or an individual resides and survives in the nexus of social relationships, in the judgment and approval or disapproval of others. Therefore, the Chinese are very particularly sensitive to situations and what to say and how to say it in the society;

5) others or groups one belongs to in social interaction are often more important than the individual self. On many occasions, what one says seems to be less important than who speaks to whom and how.

The notions suggested by the formation of this Chinese character have a profound implication for cross-cultural communication. It is not only the hierarchical power relationships that operate in interpersonal interactions. According to Scollon and Scollon (1995), the most crucial point for the Chinese is that the Confucian self consists of participation in these (and many other) social relationships. One is oneself to the extent one enacts his or her part of such relationships. In the Confucian or Chinese sense of self, one is more a self in human relationships, and less a self in isolation. Godwin Chu notes, «A self of this nature is not highly assertive, but seeks to accommodate (and also oblige the author) others and in return receives enduring social support» [1985: 259, quoted in Scollon and Scollon and Kirkpatrick 2000: 144]. To establish relationship or harmony, obliging and accommodating others are deemed to be the most important mechanism in interpersonal interactions. This necessarily leads to, for example, an indirect style in communication and a configural mode in reasoning as well as self-effacing acts, and so on.

According to Confucius, the use of appropriate words and speech and the ability to adjust to various situations and relational positioning is a gift to a person. Confucius taught people to be prudent and cautious in speaking as he believed that «what a man of complete virtue cherishes is cautiousness of every action». Confucius also advised his disciples to be sensitive, obliging, and empathetic to the audience and to be modest in speaking and behavior as well as in appearance. Speaking skills function as a lubricant to the interpersonal system. Appropriate use of such skills will help one create a desirable social network and bring personal advantage to those who employ them, particularly in a world that emphasizes relationships, human emotion (*renqing*), and face needs. Such a preference for skilled speaking certainly paved the way for Chinese indirectness and implicitness in communication, since it requires one to have the ability to use words effectively to create desirable situations and achieve harmonious relationships; so much so that self-expression in the Chinese culture is the expression which is not part of the self but the relationship with others. That is, self-expression is the enaction of his/her part of relationship with others.

Further Study

In general, in the study mentioned above, more attention is paid to the examination and analysis of communication at the cultural level. According to Schwartz (1994) and Bond (1999), more attention should be paid to beliefs, attitudes, and behavior that are related to individual differences in value priorities. At the same time, when proposing culture as the construct of situations, we should further study the relationship between interactional conventions and situational factors and how they operate in the

process of communication in given situations.

On the whole, more work and efforts are needed to bring together the notions of values, maxims, situation, script, communicative conventions in order to provide a coherent approach to the study of intercultural communication (Bond, et al, 1999).

REFERENCES

1. Abrams, J., O'Connor, J. & Giles, H. 2003. Identity and intergroup communication. In W. B. Gudykunst (Ed.), *Cross-cultural and intercultural communication* (pp. 209-224). Thousand Oaks: Sage Publications.

2. Birenbaum, A. & Sagarin, E. 1976. *Norms and human behavior*. New York: praeger.

3. Blum-Kulka, S. & House, J. 1989. Cross-cultural and situational variation in requesting behavior. In S. Blum-Kulka, J. House & G. Kasper (Eds.), *Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies* (pp.123-154). Norwood: Ablex Publishing Corporation.

4. Blum-Kulka, S. 1989. Playing it safe: the role of Conventionality in indirectness. In S. Blum-Kulka, J. House & G. Kasper (Eds.), *Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies* (pp.37-70). Norwood: Ablex Publishing Corporation.

5. Blum-Kulka, S., House, J. & Kasper, G. (Eds.) 1989. *Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies*. Norwood: Ablex Publishing Corporation.

6. Bond, M. H. 1988. Finding universal dimensions of individual variation in multicultural studies of values: the Rokeach and Chinese value surveys. *Journal of Personality & Social Psychology* 55: 1009-1015.

7. Bond, M. H., Zegarac, V. & Spencer-Oatey, H. 1999. Culture as an explanatory variable: problems and possibilities. In H. Spencer-Oatey (Ed.), *Culturally speaking: Managing rapport through talk across cultures* (pp. 27-40). London: Cassell Academic.

8. Bourdieu, P. 1973.*Cultural Reproduction and Social Production.* In *Knowledge, Education and Cultural Change.* R.Brown, (Eds.)London: Tavistock.

9. Brown, G. & Yule, G. 1983. *Teaching the spoken language*. Cambridge: Cambridge University Press.

10. Brown, P. & Levinson, S. C. 1987. *Politeness. Some universals in language usage.* Cambridge: Cambridge University Press. Originally published as Universals in language usage: Politeness phenomena. In E. Goody (Ed.) (1978), *Questions and politeness: Strategies in social interaction.* New York: Cambridge University Press.

11. Cai, G. 1993. *Beyond bad writing: Teaching English composition to Chinese ESL students*. Paper presented at the College Composition and Communication Conference, San Diego, CA.

12. Carroll, D. W. 2000. *Psychology of language*. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press.

13. Chang, H. C. & R. Holt. 1994. A Chinese perspective on face as inter-relational concern. In S. Ting-Toomy (Ed.), *The challenge of facework: Cross-cultural and interpersonal issues* (pp. 95-132). New York: State University of New York Press.

14. Chang, H. C. 2005. *On Chinese indirectness: A multidimensional exploration.* Paper presented at the International Conference on Language, Culture, and EFL Teaching, Harbin, China.

15. Chao, Y. R. 1963. *A grammar of modern spoken Chinese*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

16. Christopher, R. C. 1982. *The Japanese mind: The Goliath explained*. New York: Simon & Schuster. Reprinted in 1984 by Fawcett and by Ballantine.

17. Chu, G. 1985. The changing concept of self in contemporary China. In Marsella, Anthony J. George DeVos & Francis L. K. Hsu (Eds.) *Culture and self: Asian and Western perspectives.* New York: Tavistock Publications.

18. Coulmas, F. 1997.*The Handbook of Sociolinguistics.* Blackwell Publishers Ltd.

19. Ehninger, D. & Brockriede, W. 1963. *Decision by Debate*, New York, NY: Dodd, Mead & Company.

20. Fagan, E. R. & Cheong, P. 1987. Contrastive rhetoric: Pedagogical implication for the ESL teacher in Singapore. *RELC: A Journal of Language Teaching and Research in Southeast Asia* 18: 19-31.

21. Foley. W. A.1997.*Anthropological Linguistics: An Introduction.* Blackwell Publishers Ltd.

22. Gao, G. & Ting-Toomey, S. 1998. *Communicating effectively with the Chinese*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

23. Geertz, C. 1973. *The interpretation of cultures.* New York: Basic Books.

24. Geertz, C. 1975. On the nature of anthropological understanding. *American Scientist* 63: 47-53.

25. Goffman, E. 1967. *Interaction ritual: Essays in face-to-face behavior.* New York: Anchor Books.

26. Goss, B. 2003. Hearing from the deaf culture. *Intercultural Communication Studies* 12 (2): 9-24.

27. Grice, H. P. 1975. Logic and conversation. In P. Cole & J. Morgan (Eds.), *Speech acts*, vol. 3 of *Syntax and semantics.* New York: Academic Press.

28. Gu, Y. 1998. Politeness and Chinese face. Lecture given in the Department of Linguistics, University of Luton, Summer 1998.

29. Gudykunst, W. B. & Kim, Y. Y. 1992. *Communicating with strangers: An approach to intercultural communication.* New York: McGraw-Hill, Inc.

30. Gudykunst, W. B. & Lee, C. M. 2003. Cross-cultural communication theories. In W. B. Gudykunst (Ed.), *Cross-cultural and intercultural communication* (pp. 7-33). Thousand Oaks: Sage Publications.

31. Gudykunst, W. B. (Ed.) 2003. *Cross-cultural and intercultural communication*. Thousand Oaks: Sage Publications.

32. Gudykunst, W. B. (Ed.) 2005. *Theorizing about intercultural communication*. Thousand Oaks: Sage Publications.

33. Gudykunst, W. B. 1995. Anxiety/uncertainty management (AUM) theory: Current status. In R. L. Wiseman (Ed.), *Intercultural communication theory* (pp. 8-58). Thousand Oaks, CA: Sage.

34. Gudykunst, W. B. 2003. Cross-cultural communication: Introduction. In W. B. Gudykunst (Ed.), *Cross-cultural and intercultural communication* (pp. 1-5). Thousand Oaks: Sage Publications.

35. Gudykunst, W. B., Matsumoto, Y., Ting-Toomey, S., Nishida, T., Kim, K. & Heyman, S. 1996. The influence of cultural individualism-collectivism, self construals, and individual values on communication styles across cultures. *Human Communication Research* 22: 510-543.

36. Gumperz, J. J. & Cook-Gumperz, J. 1982. Introduction: Language and the communication of social identity. In J. J. Gumperz (Ed.), *Language and social identity* (pp. 1-21).

Cambridge: Cambridge University Press.

37. Gumperz, J. J. (Ed.) 1982. *Language and social identity*. Cambridge: Cambridge University Press.

38. Gumperz, J. J., Aulakh, G. & Kaltman, H. 1982. Thematic structure and progression in discourse. In J. J. Gumperz (Ed.), *Language and social identity* (pp. 22-56). Cambridge: Cambridge University Press.

39. Hall, E. T. 1976. *Beyond culture*. New York: Doubleday.

40. Hansell, M. & Ajirotutu, C. S. 1982. Negotiating interpretations in interethnic settings. In J. J. Gumperz (Ed.), *Language and social identity* (pp. 85-94). Cambridge: Cambridge University Press.

41. Hinds, J. 1990. Inductive, deductive, quasi-inductive: Expository writing in Japanese, Korean, Chinese, and Thai. In U. Connor & A. M. Johns (Eds.) *Coherence in writing: Research and pedagogical perspectives* (pp. 87-110). Alexandria, VA: TESOL.

42. Hofstede, G. 1980. *Culture's consequences: International differences in work-related values.* Beverly Hills, CA: Sage.

43. Hofstede, G. 1991. *Cultures and organizations: Software of the mind.* London: McGraw-Hill.

44. Honna N. 2005. *English as an international language*. Tokyo: コンテンツワークス株式会社.

45. Hsu, F. 1981. *Americans and Chinese: Passage to difference*. Honolulu: University of Hawaii Press.

46. Hu, H. C. 1944. The Chinese Concept of Face. American Anthropologist. 46,45-64.

47. Jia, W.S. 1997. *Facework as a Chinese Conflict-Preventive Mechanism* : *A Culura/Discourse Analysis.* In Intercultural Communication Studies. Volume VII:1.

48. Jia, X. R. 2005. A contrastive analysis of Chinese and American rhetoric. *Intercultural Communication Studies* 14 (2): 90-101.

49. Jia, X.R.2006. *The Chinese Indirectvs. Americans' Direct Interaction and Discourse Organization Styles: A Contrastive Study of Communiclation Conventions in the Management of Relationship.* (Doctoral Dissertation, unpublished).

50. Jia, Y. X. 2005. The Chinese concept of face and face negotiation involved in conflict resolution. In N. Honna (Ed.), *English as an international language* (pp. 251-271). Tokyo: コンテンツワークス株式会社.

51. Jia,X.L. 2004. *The Construction of Individualistic Identity in the Conflict and Negotiation with the Traditional Discourse*. Unpublished.

52. Kaplan, R. B. 1966. Cultural thought patterns in intercultural education. *Language Learning* 16: 1-20.

53. Kasper, G. 1992. Pragmatic transfer. *Second Language Research* 8(3): 203-231.

54. Kearney, P. & Plax, T.G. 1996. *Public speaking in a diverse society*. Mountain View, CA: Mayfield Publishing Company.

55. Kim, K. 1996/7. A comparison of rhetorical styles in Korean and American student writing. *Intercultural Communication Studies* 6 (1): 115-150.

56. Kim, M. S. 1993. Culture-based interactive constraints in explaining intercultural strategic competence. In R. L. Wiseman & J. Koester (Eds.), *Intercultural communication competence* (pp.132-150). Newbury Park, CA: Sage.

57. Kim, M. S. 1995. Toward a theory of conversational constraints: Focusing on individual-level dimensions of culture. In R. L. Wiseman (Ed.), *Intercultural communication theory* (pp. 148-169). Thousand Oaks, CA: Sage.

58. Kirkpatrick, A. 2005. English across cultures: Identity and communication. In N. Honna (Ed.), *English as an international language* (pp. 161-170). Tokyo: コンテンツワークス株式会社.

59. Kirkpatrick, A. 2005. Pragmatic issues in English communication in Asia. In N. Honna (Ed.), *English as an international language* (pp. 171-182). Tokyo: コンテンツワークス株式会社.

60. Kluckhohn, F. & Strodtbeck, R. 1961. *Variations in value orientations*. New York: Row, Peterson.

61. Kotani, M. 1994. Ways of arguing in two cultures: A case analysis of a negotiation between Japanese and American business professionals*. Intercultural Communication Studies* 4 (1): 59-82.

62. Kroeber, A. L. & Kluckhohn, C. 1952. *Culture: A critical review of concepts and definitions* (Vol. 47, No. 1). Cambridge, MA: Peabody Museum.

63. Leech, G. N. 1983. *Principles of Pragmatics.* London: Longman.

64. Li, X. S. & Jia, X. R. 2001. Interpersonal relationship and intercultural communication. *Intercultural Communication Studies* 10 (3): 27-32.

65. Li, X. S. & Jia, X. R. 2004. Face negotiation in conflict resolution in the Chinese context. *Intercultural Communication Studies* 13 (1): 29-35.

66. Li, X. S. & Jia, X. R. 2006. Why don't you speak up?: East Asian students' participation patterns in American and Chinese ESL classrooms. *Intercultural Communication Studies* 15 (1): 192-206.

67. Lim, T. S. 1994a. The structure of face and the determinants of face needs in Korea. *Korean Journal of Journalism and Communication Studies* 32: 207-247.

68. Lim, T. S. 1994b. Facework and interpersonal relationships. In S. Ting-Toomy (Ed.), *The challenge of facework: Cross-cultural and interpersonal issues* (pp. 209-229). New York: State University of New York Press.

69. Lim, T. S. 2003. Language and verbal communication across cultures. In W. B. Gudykunst (Ed.), *Cross-cultural and intercultural communication* (pp. 53-71). Thousand Oaks: Sage Publications.

70. Lindsley, S. L. & Braithwaite, C. A. 1996. "You should 'wear a mask'": Facework norms in cultural and intercultural conflict in maquiladoras. *International Journal of Intercultural Relations* 20: 199-225.

71. Lustig, M. W. & Koester, J. 1999. *Intercultural competence: Interpersonal communication across cultures.* New York: Addison Wesley Longman, Inc.

72. Makino, Y. 1998-99.Transcultural speechmaking principles-Mechanisms of linear logic and configural logic-. *Intercultural Communication Studies* 8: 103-123.

73. Markus, H. R. & Kitayama, S. 1991. Culture and the self: implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review* 98: 224-253.

74. Matsumoto, Y. 1988. Reexamination of the universality of face: politeness phenomena in Japanese. *Journal of Pragmatics* 12: 403-426.

75. Mishra, A. 1982. Discovering connections. In J. J. Gumperz (Ed.), *Language and social identity* (pp. 57-71). Cambridge: Cambridge University Press.

76. Morisaki, S. & Gudykunst, W. B. 1994. Face in Japan and the United States. In S. Ting-Toomy (Ed.), *The challenge of facework: Cross-cultural and interpersonal issues* (pp. 47-93). New York: State University of New York Press.

77. Oetzel, J. G., Ting-Toomey, S. & Chew, M. 1999. *Face and facework in conflicts with parents and siblings: A*

cross-cultural comparison of Germans, Japanese, Mexicans, and U.S. Americans. Paper presented at the annual meeting of the National Communication Association, Chicago.

78. Rogan, R. G. & Hammer, M. R. 1994. Crisis negotiations: A preliminary investigation of facework in naturalistic conflict discourse. *Journal of Applied Communication Research* 22: 216-231.

79. Rosaldo, M. 1984. Toward an anthropology of self and feeling. In R. Shweder & R. LeVine (Eds.), Culture theory: Essays on mind, self, and society. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

80. Ross, R. S. 1990. *Understanding persuasion*. Englewood Cliffs: Prentice Hall.

81. Rottenberg, A. T. 1991. *Argument*. Boston: Bedford Books of St. Martin's Press.

82. Schwartz, S. H. 1994. Beyond individualism/ collectivism. New cultural dimensions of values. In U. Kim, H. C. Triandis, C. Kagitcibasi, S. C. Choi & G. Yoon (Eds.) *Individualism and collectivism: Theory, method, and applications* (pp. 85-119). Newbury Park, CA: Sage.

83. Scollon, R. & Scollon, S. W. 1995. *Intercultural communication: A discourse approach.* Cambridge: Blackwell Publishers.

84. Scollon, R. 1991. *Eight legs and one elbow. Stance and structure in Chinese English compositions.* Paper presented at International Reading Association, Second North American Conference on Adult and Adolescent Literacy, Banff.

85. Scollon, R., Scollon, S. W. & Kirkpatrick, A. 2000. *Contrastive discourse in Chinese and English--a critical appraisal.* Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press.

86. Searle, J. R. 1965. What is a speech act? In M. Black (Ed.), *Philosophy in America*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

87. Searle, J. R. 1969. Speech acts. New York: Cambridge University Press.

88. Searle, J. R. 1975. Indirect speech acts. In P. Cole & J. Morgan (Eds.), *Speech acts*, vol. 3 of *Syntax and semantics.* New York: Academic Press.

89. Spencer-Oatey, H. (Ed.) 1999. *Culturally speaking: Managing rapport through talk across cultures*. London: Cassell Academic.

90. Spencer-Oatey, H. 1999. Introduction: Language, culture and rapport management. In H. Spencer-Oatey (Ed.), *Culturally speaking: Managing rapport through talk across cultures* (pp. 1-5). London: Cassell Academic.

91. Spencer-Oatey, H. 1999. Rapport management: A framework for analysis. In H. Spencer-Oatey (Ed.), *Culturally speaking: Managing rapport through talk across cultures* (pp. 7-26). London: Cassell Academic.

92. Tannen, D. 1982. Ethnic style in male-female conversation. In J. J. Gumperz (Ed.), *Language and social identity* (pp. 217-231). Cambridge: Cambridge University Press.

93. Tannen, D. 1990. *You just don't understand.* New York: Ballantine Books.

94. Thomas, J. 1983. Cross-cultural pragmatic failure. *Applied Linguistics* 4(2): 91-112.

95. Ting-Toomey, S. & Cocroft, B. A. 1994. Face and facework: Theoretical and research issues. In S. Ting-Toomy (Ed.), *The challenge of facework: Cross-cultural and interpersonal issues* (pp. 307-339). New York: State University of New York Press.

96. Ting-Toomey, S. & Kurogi, A. 1998. Facework competence in intercultural conflict: An updated face-negotiation theory. *International Journal of Intercultural Relations* 22: 187-225.

97. Ting-Toomey, S. & Oetzel, J. G. 2003. Cross-cultural face concerns and conflict styles: Current status and future directions. In W. B. Gudykunst (Ed.), *Cross-cultural and intercultural communication* (pp. 127-145). Thousand Oaks: Sage Publications.

98. Ting-Toomey, S. 1985. Toward a theory of conflict and culture. In W. B. Gudykunst, L. Stewart & S. Ting-Toomey (Eds.), *Communication, culture, and organizational processes* (pp.71-86). Beverley Hills, CA: Sage Publications.

99. Ting-Toomey, S. 1988. Intercultural conflict styles: A face-negotiation theory. In Y. Y. Kim & W. B. Gudykunst (Eds.), *Theories in intercultural communication* (pp. 213-238). Newbury Park, CA: Sage.

100. Ting-Toomey, S. 1999. *Communicating across cultures.* New York: The Guilford Press.

101. Tirkkonen-Condit, S. & Lieflander-Koistinen, L. 1989. Argumentation in Finnish versus English and German editorials. In M. Kusch & H. Schroder (Eds.), *Text, interpretation, argumentation* (pp. 173-181). Hamburg, Germany: Helmut Buske Verlag.

102. Toulmin, S. 1958. *The uses of argument*. Cambridge: Cambridge University Press.

103. Triandis, H. C. 1988. Collectivism vs. individualism: a reconceptualization of a basic concept in cross-cultural psychology. In G. Verma & C. Bagley (Eds.), *Cross-cultural studies of personality, attitudes and cognition* (pp. 60-95). London: MacMillan.

104. Wardhaugh, R. 1986,1992,1998. *An Introduction to Sociolinguistics.* Blackwell Publishers Ltd.

105. Watzlawick, P., Beavin, J. B. & Jackson, D. 1967. *Pragmatics of human communication. A study of interactional patterns, pathologies, and paradoxes.* London: Norton.

106. Wolfson, N. 1989. *Perspectives: Sociolinguistics and TESOL.* Cambridge: Newbury House Publishers.

107. Young, L. W. L. 1982. Inscrutability revisited. In J. J. Gumperz (Ed.), *Language and social identity* (pp. 72-84). Cambridge: Cambridge University Press.

108. Yum, J. O. 1997. The impact of Confucianism in interpersonal relationships and communication in East Asia. In L. A. Samovar & R. E. Porter (Eds.), *Intercultural communication: A reader* (pp. 78-88). Belmont: Wadsworth Publishing Company.

109. Zarefsky, D. 1996. *Public speaking*. Allyn and Bacon: A Simon & Schuster Company.

110. Zhang, Q. 2004. Chinese Yupies. (Ph D. Dissertation) Unpublished.

111. 何兆熊. 2000. 新编语用学概要. 上海: 上海外语教育出版社.

112. 何兆熊主编. 2003. 语用学文献选读. 上海: 上海外语教育出版社.

113. 孔宪倬主编. 2002. 北京大学英语专业学生优秀作文选. 北京：北京大学出版社.

114. 孙骊评析. 2000. 全国大学生英语作文竞赛获奖作文集. 上海: 上海外语教育出版社.

115. 束定芳主编. 2001. 中国语用学研究论文精选. 上海: 上海外语教育出版社.

116. 王本华. 2002. 实用现代汉语修辞. 北京：知识出版社.

117. 王秋海主编.1999. 美国大学生作文选. 北京：世界知识出版社.

118. 胡文仲主编. 1999. 跨文化交际面面观. 北京 : 外语教学与研究出版社.

119. 许余龙. 2002. 对比语言学. 上海: 上海外语

120. 贾玉新. 1997. 跨文化交际学. 上海: 上海外语教育出版社.

121. 贾雪睿、李晓石. 2001. 汉英语篇逻辑模式对比分析. 《外语学刊》第 4 期.

MANAGING STEREOTYPES IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

S. Houghton

Houghton, Stephanie – Doctor of Philosophy in Education, an Associate Professor in the Center of Fundamental Education at the University of Kitakyushi (Japan).

The paper considers the nature of stereotypes and their potential influence upon intercultural communication as well the possible ways of resolution of the contradictions generated by stereotypes. The author provides the description and results of her research of the stereotyping within the groups of Japanese university students at the University of Kitakyushi (Japan).

Key words: stereotype, cognitive process, stereotyping, category, thought, ethnocentrism, «us-them».

The purpose of this paper is to consider the nature of stereotypes and how they can be managed in intercultural communication classes based upon my own classroom research conducted in the academic year 2003-2004 in a Japanese university. Firstly, let me consider the nature of stereotypes and their potential effects. How can we define stereotypes? The term was originally coined by Walter Lippman in 1922 to liken the cognitive stereotyping process to the way a printing press works when it prints identical symbols again and again but later the definition was developed by Allport (1954) who defined it as *«an exaggerated belief associated with a category»*.

Brislin (1986) defines stereotypes as a double-edged sword, on the one hand, a *«useful and important aspect of intelligent and efficient thinking» or «any categorization of individual elements concerned with people, which mask differences among those elements»* [Brislin 1981, p. 44] and on the other hand, a necessary cognitive process; a *«convenient summarizing statement people employ in organizing their knowledge or presumed knowledge about others»*. Dovidio (1996) more recently defined it as *«a generalization about beliefs about groups unjustified because of faulty thought processes, over generalization, factual incorrectness, inordinate rigidity, inappropriate attributions, rationalization from prejudiced attitude or discriminatory behavior».*

Though the very idea of stereotypes is often negatively valenced, their effects are not always bad. Information held in the category can be considered a source of knowledge used to make inferences about people when other kinds of information are not available, which can be useful if the information held in the category is correct [Hamilton and Neville Uhles, 2000]. Indeed, Brislin points out that *«stereotypes themselves cannot be evil since they are so basic to human thought. Additional adjectives are necessary when referring to wrongs such as prejudicial stereotypes or hostile stereotypes»* [Brislin, 1986].

On the other hand, stereotypes are *«over-generalized beliefs»* [Barna, 1985] and since the categories become the focus of response, individual elements are glossed over and the information held in the stereotype may be inaccurate. As Allport points out, language fences information into categories of knowledge [Allport, 1954] and stereotypes are transmitted primarily through language; learned from childhood through the comments and behaviors of family and friends; through jokes and the media. Stereotypes can thus allow prejudice to fester if language is commonly used to describe members of stereotyped groups in a biased way in order to perpetuate the existing belief system [Maas and Arcuri, 1996]. The potential negative effects of stereotypes upon intercultural communication are various:

- since they are based upon exaggerated points of difference, stereotypes form a source of inaccurate information [Campbell 1967, Harding et al, 1969], distorting perception of the other during communication and increasing the likelihood of misunderstanding. Stereotypes can therefore be seen as *«stumbling blocks for communication because they interfere with objective viewing of stimuli»* [Barna, 1985];
- people tend to seek confirmation of stereotypes during interaction, which both *«constrains communicative alternatives and causes stereotype-confirming behaviour in the other, thus creating a self-fulfilling prophesy»* [Hewstone and Giles, 1986];
- stereotypes have an adverse effect upon memory, causing people to see and remember behaviour that confirms their stereotypes, also leading them to *«remember more favourable information about in-group members and less favourable information about out-group members»* [Hewstone and Giles, 1986];
- stereotypes can lead to inaccurate predictions about behaviour [Gudykunst and Hammer, 1988; Kim and Gudykunst, 1988].

Stereotypes also play a role in the definition of group boundaries. According to Tajfel's social identity theory outlined above, stereotypical categorizations lie at the heart of inter-group attitudes. Negative evaluation of the out-group can be seen as a mechanism for forming and maintaining group boundaries, which, as mentioned earlier, is related to the need for positive social identity, which is related to ethnocentrism.

Negative evaluations can be accentuated by illusory correlation, a form of cognitive bias, which takes place when distinctive but unrelated events are associated during information processing. Behaviors of out-group members noted and evaluated negatively on different occasions may bias the observer to associate and remember them as beliefs about the group [Hamilton and Gifford, 1976]. This may lead to a tendency to evaluate those members negatively on every occasion thereafter, reinforcing the in-group and out-group distinction and enhancing the self-esteem of the individual concerned.

Stereotyping or categorization processes also relate to the formation and maintenance of group boundaries, which has been shown to relate directly to ethnocentrism [Levine and Campbell, 1972, Rubovitz and Maehr, 1973]. Rigidity of category boundaries has been shown to be a key aspect of prejudicial thinking.

In order to understand how to avoid the potential negative effects of stereotyping processes, one needs to understand how stereotypes are formed. Categories are often based on visually obvious attributes such as race or gender and may vary in saliency, relevance or differentiation according to the social context. Once a category has been set up in the mind, knowledge, beliefs and expectancies are added and individuals within the category are thereafter imbued with the characteristics attached to the category [Hamilton and Neville Uhles, 2000].

Through interaction with people who do not fit into the broader category, category sub-types are set up to account for the differences. Though still general in nature, category sub-types contain more detail than the main category and can have one of two effects upon the main category. They may isolate atypical members from the main category, thus preserving the existing stereotype, or they may *«increase perceived diversity of the group diminishing ability to make sweeping generalizations»* [Hamilton and Neville Uhles, 2000].

Thus, it is implicit in the literature on stereotyping that teachers must foster student awareness of what stereotypes are in order that students can monitor how categories are forming in their mind, to recognize when they are over-generalizing and whether they are allowing information which conflicts with their existing categories to modify their thought patterns in flexible ways. Examples of materials which can be used to raise student awareness of the nature of stereotypes can be found in Appendix 1. Students need to get comfortable with reflecting upon their own stereotypes in a critical way.

As part of my research project, students were taught about stereotypes just before the summer and during the holidays, they had to interview a person from a foreign country about their values. I encouraged them to consider how far the interviewee met or broke the stereotypes they held of their interviewee's culture prior to the interview. Many students reported finding differences between their stereotypes and reality. They seemed to enjoy being surprised when their stereotypes were broken. Other interesting results include firstly, that one student used her stereotypes as a smooth conversation opener in her summer interview to overcome her lack of knowledge about the interviewee and her culture. This suggests that one needs to be conscious of the reasons why one chooses to make use of stereotypes in a particular situation.

Secondly, stereotypes sometimes formed unexpectedly in class as a result of the lack of detailed knowledge about a particular group of people. One class considered the value underpinnings of confession in Catholic culture but in the absence of knowledge to the contrary (in this case, that Protestants do not go to confession), I noticed a persistent tendency in students to generalize the custom of going to confession to all Christians. This begged the question of why Catholics go to confession but Protestants do not which took up extra class time and requires the teacher to be able to give a convincing answer. Thirdly, students also appeared to hold stereotypes of the opinions or ideas of the other Japanese students in their class. Some students reported as noteworthy in their diary the fact that they had identified differences between themselves and other students in recognition of the fact that not all students in the class have the same values when they had perhaps expected them to.

Finally, in the course materials in appendix, I encouraged students to strive to judge others based on accurate information rather than over-generalization but one student rightly wondered at what point one decides that knowledge is accurate and can therefore take on a more fixed place in the mind? Isn't it better for one's orientation to knowledge to remain open in that any information or new knowledge be constantly regarded as subject to mod-

ification? Is it possible to know anything for sure? These were questions worthy of consideration.

APPENDIX

Task 1. What is a Stereotype?

Read the following paragraph and answer the questions below.

The world is very complex. Every moment, our senses are bombarded with hundreds of stimuli and pieces of information. How do we make sense of it all? To understand the world, we simplify and organise information in categories in our mind. A concept is a group of ideas labelled as a word. A stereotype is a group of ideas about a group of people who are labelled by (perceived) group membership (e.g. nationality, race, colour, gender, city etc.). Stereotypes are a form of generalization about some group of people. Journalist Walter Lippmann introduced the word stereotyping in 1922 to refer to way we select, organise and simplify information about people.

1. How do we make sense of the world?
2. What is a concept?
3. What is a stereotype?
4. What is stereotyping?

Task 2. Define your Stereotype: Germany.

Word: Germany

Definition: a country in Europe

(http://dictionary.cambridge.org/define.asp?dict=L&key=HW*16733)

Your Stereotype of «Germany»:_____

Task 3. Problems with Stereotypes.

Stereotypes can help us if the information in them is correct but there are three problems. Firstly, the information in the stereotype can be wrong or exaggerated. We should always check the accuracy of the information and think flexibly, sometimes consciously changing our stereotypes. Secondly, we often apply stereotypes to ALL members of a group. We presume they are similar, so we miss differences between them. We should look for differences between the person and their group. Finally, we often use stereotypes to judge people positively or negatively without knowing much about them. We may focus too much on either positive aspects (e.g. all Englishmen are gentlemen) or negative aspects (e.g. all Englishmen are reserved.) This is prejudice because we `pre-judge` the person based on the stereotype. We should try to judge based on accurate information instead.

1. How can stereotypes help us?
2. What is the first problem with stereotypes? How can we solve it?
3. What is the second problem with stereotypes? How can we solve it?
4. What is the third problem with stereotypes? How can we solve it?

REFERENCES

1. Allport G. (1954) The Nature of Prejudice. NY: Doubleday.
2. Barna L. (1985) Stumbling Blocks in Intercultural Communication. (In L. Samovar and R. Porter (eds.) 4th ed.) Belmont, CA: Wadsworth.
3. Brislin R. (1981) Cross-Cultural Encounters. Face to Face Interactions. NY: Pergamon.
4. Brislin, R.W. Prejudice and Intergroup Communication. (In Gudykunst W. Intergroup Communication, 1986).
5. Campbell D. (1967) Stereotypes and the perception of group differences. American Psychologist 22 p. 817–829.
6. Dovidio J.E., Brigham J.C., Johnson B.T. and Gaertner S.L. Stereotyping, Prejudice and Discrimination: Another Look. (In Macrae, N. Hewstone, M. and Stangor, C. Foundations of Stereotypes and Stereotyping. 1996.)
7. Gudykunst (ed.) Intergroup Communication. London: Edward Arnold.
8. Gudykunst W. & Hammer M. (1988) Strangers and hosts: An extension of UR theory to intercultural adaptation. (In Y. Kim and W. Gudykunst (eds.) Cross-Cultural Adaptation. Beverly Hills, CA: Sage.
9. Hamilton, D.L. and Gifford, R.K., Illusory Correlation in Interpersonal in Interpersonal Perception. A Cognitive Basis for Stereotypic Judgments. Encyclopedia of Psychology Vol.7. 1976, p. 467.
10. Hamilton, D. and Neville Uhles A., Encyclopedia of Psychology. Vol. 7. 2000, p. 342.
11. Harding J., Proshanksy H., Kutner B. & Chein I. (1969) Prejudice and Ethnic relations (in Lindzey and Aronson (2nd ed.) The Handbook of Social Psychology. Reading Mass: Addison-Wesley.)
12. Hewstone M. & Giles H. (1986)Social Groups and Social Sterotypes in Intergroup Communication.
13. Kim Y., and Gudykunst W. (1988) Theories in Intercultural Communication. Newbury Park CA Sage.
14. Le Vine, R. and Campbell, D. Ethnocentrism: Theories of Conflict, Ethnic Attitudes and Group Behaviour, 1972.
15. Lippman, W. (1922) Public Opinion (Reprinted by New York: Free Press, 1965.)
16. Maas and Arcuri, Language and Stereotyping. (In Encyclopedia of Psychology, vol. 7, p. 469).
17. Rubovitz and Maehr, Pygmalian in Black and White. Journal of Personality and Social Psychology 25. 1973, p. 210.

THE NOTION OF A CROSS-CULTURAL TERMINOLOGICAL DICTIONARY

G.N. Lovtsevich

Lovtsevich, Galina Nikolaevna – Candidate of Philology, Professor of the Department of Lexicology, Stylistics, and the Methods of English Language Teaching of the Institute of Foreign Languages at the Far Eastern National University, Vladivostok.

The paper introduces the idea of a new type of terminological dictionary that is a crosscultural terminological dictionary. The author argues that it is the type of dictionary that can meet the contemporary requirements for intercultural professional communication in culture-dependent subject fields. The three principles (linguistic, intercultural and lexicograpgical) are at the bases of the crosscultural dictionary construction. The author exemplifies the above mentioned principles by creating the dictionary of ELT terms for Russian teachers of English.

Key-words: terminological dictionary, cross-cultural terminological dictionary, English Language teaching, culture-dependent subject field, headword, dictionary entry, dictionary user, sociocultural context, culturally loaded terms.

Drastic changes in geopolitical conditions in the world as a whole, and in Russia in particular, at the end of the 20th century have led to an increase in international cooperation in every field, including English Language Teaching (ELT). Contemporary international professional ELT discourse is characterized by a common English language, a fluent command of which is central to professional training. However, despite this common language, there are failures and misunderstandings in communication between professionals. Most of these communication failures are a result of the fact that many ELT terms are culturally-loaded, as ELT is one of the most culture-dependent areas of knowledge. The approaches, methods and techniques of ELT have evolved in specific cultural contexts, which have molded and developed them further. There are thus major differences between Russian and British or American ELT.

Thus the current conditions of intercultural professional communication in ELT call for a new type of a terminological dictionary – a cross-cultural terminological dictionary. A cross-cultural terminological dictionary is a dictionary which explains terms used by specialists of one linguaculture to specialists from a different linguaculture. It is a dictionary for intercultural communication which interprets terms foreign to the user of the dictionary taking into account the differences between the sociocultural context of the source culture and that of the target culture.

The main function of a cross-cultural dictionary of ELT terms is to foster the intercultural professional communication of Russian teachers of English and Russian ELT specialists with their peers from outside Russia. The main aim of the dictionary is to be a useful tool for Russian ELT professionals in their comprehension and use of English terminology in ELT. The main feature of the dictionary is the awareness of differences in national ELT systems which serve different socio-cultural needs and the consequent socio-cultural loadedness of ELT terms.

The lexicographical description of ELT terms in a cross-cultural dictionary should be guided by the following linguistic, intercultural and lexicographical principles:

- **Linguistic principles**. A term should be treated as part of a language lexicon that refers to a specific subject field. The term depends on a concept in that subject field which in its turn is a part of a system of concepts depicting the subject field. In culture-dependent subject fields terms are socio-culturally loaded. Thus a cross-cultural terminological dictionary entry for a term describes the concept denoted by the term in relation to other concepts of a given knowledge area in the sociocultural context in which they function and serve.

Moreover, the term is in a language foreign to the user of the dictionary. The description of such a term is a reflection of the conceptual system of a native speaker who belongs to a different socio-cultural context from that of the user of the dictionary. This leads to one of the main principles of a cross-cultural dictionary, that it should be based on awareness of the differences of source and target terminology.

- **Intercultural communication principles**. The theory of intercultural communication focuses on contexts in which interlocutors come from different cultural contexts and see culture, like language, as one of the main barriers to communication. This perspective is equally applicable to intercultural professional communication in culture-dependent subject fields. This leads to the principle that the dictio-

nary should be based on awareness of the fact that the dictionary user's culture is different from that of the native speaking specialist. This principle affects dictionary construction in several ways.

A cross-cultural dictionary is always unidirectional; it should be prepared for the use of user-specialist who belongs to only one linguaculture. This means that source terms (in our case English language ELT terms) are to be explained in the dictionary with Russian ELT specialists in mind. The users' culture determines the way the term is presented in the dictionary. To illustrate this, let us take the American term *alternative testing*. The dictionary presentation of the term will be different if the dictionary is for Japanese teachers of English or for Russian teachers of English. Since ELT in Japan is based on the U.S. American tradition, the understanding of an American term does not present many difficulties for a Japanese ELT teacher: alternatives to traditional testing forms in Japan are similar to what is called «alternative testing» in the U.S[1]. In Russia, though, ELT has developed its own tradition and the ways and forms of testing in Russia are different from those in the U.S., so what is considered «alternative» also differs. As a result, the tests in Russia which are considered to be «alternative» are objective tests (which has certainly become an issue in the search for appropriate forms of testing for secondary school leavers) and this is just the opposite of what is meant by *alternative* testing in the U.S. So the American term needs to be explained in a much more fundamental way to Russian teachers than it does to Japanese teachers.

The intercultural perspective of a dictionary is a key feature of both the left part of the entry (the headword) and the right part (the entry itself). The realization of this feature is a kind of algorithm which can guide us in constructing the dictionary entry (see Diagram 1).

1. Selection of terms. The selection of terms, in this case ELT terms, must be done from the standpoint of the source (foreign) culture. This means that the leading principle in the selection of terms should be their importance in the source linguaculture. Unfortunately in practice this principle is seldom implemented. Thus the authors of a dictionary of testing terms [1] claim, in their introduction, to be guided by the principle of selecting the most important testing terms in English, but in practice they do not follow this principle: in fact, only 20% of the headwords in their dictionary are also among the headwords in two major English dictionaries of language testing terms [4, 5].

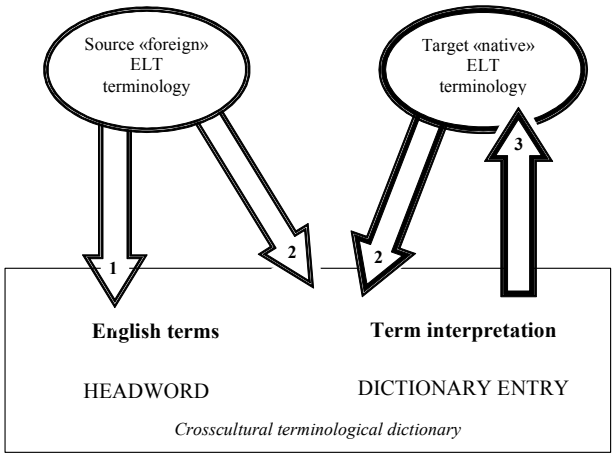

Diagram 1

2. Interpretation of terms. The right part of a dictionary entry should be oriented both to the source culture and the target (native) culture.

a) Source-culture orientation is needed when explaining the meaning and usage of the term in its native linguacultural context.

b) Target-culture orientation is needed when explaining the meaning and usage of the term in a way that will have meaning in the socio-cultural professional context of the user of the dictionary, who is a non-native speaker of English.

So far in ELT terminography principle 2 has largely been ignored, as we can see in the following examples, which clearly demonstrate the importance of an intercultural perspective in a terminological dictionary.

Here is the entry for the term *sheltered English* from the Longman dictionary [6] in which principle 2b is broken:

***«Sheltered English** – an approach to the teaching of second language students based on the Canadian model of immersion education, in which content is taught in English and made comprehensible to the students by special instructional techniques».*

We conducted a survey among group of 50 Russian teachers of English, from both tertiary and secondary schools. They were asked to read this dictionary entry and explain the meaning of the term in Russian. Every single teacher failed. They failed to understand a term which has no referent in the Russian ELT context, though it was explained in the

[1] Alternative testing – various types of assessment procedures that are seen as alternatives to traditional standardized testing. Procedures used in alternative assessment include self-assessment, peer assessment, portfolios, student-teacher conferences, interviews, and observations.

dictionary entry. This was not due to the difficulty of the language used. Every word in the entry was familiar to the teachers. However, the meaning of these words in the foreign linguaculture is quite beyond them, because the author does not take into account the linguacultural background of the users of the dictionary. For them to understand, keywords in the dictionary entry would need to be glossed as follows:

Second language student – a learner, a non-native speaker of English, with low English proficiency, studying in an English language environment, in an English-medium school.

Canadian model of immersion education – a model of bilingual education in Canada, developed in 1965, for English-speaking children, studying French as a non-native language. The main feature of the model is teaching school subjects through the medium of the French language to non-native speakers of French, from their first years at school.

Content is taught in English by special instructional techniques – school subjects are taught in simplified English.

Thus the Longman dictionary fails to take an intercultural perspective and offers an explanation that makes sense only in the source linguacultural context.

In the following example, the dictionary entry fails to follow principle 2a (Source-culture orientation is needed when explaining the meaning and usage of the term in its native linguacultural context.)

The English term *curriculum* is explained in an ELT English-Russian handbook [3] by Russian authors. It has two meanings; a syllabus and a framework or national standard, but these are explained by the authors only in the Russian sociocultural context. This is not an explanation of the English term at all. The authors make the same mistake when they explain the term *aim*. They choose a foreign term but in interpreting it completely forget about the foreign context, interpreting it only in the Russian context.

3. Awareness. The Russian user of a cross-cultural terminological dictionary becomes aware of cross-cultural differences in ELT terminology in the source and target cultures. This makes the dictionary user aware of the need, when interacting with a fellow-professional from a different socio-cultural context, to explain Russian terminology from the point of view of the foreign interlocutor.

Lexicographic principles. Here we draw on the theory of lexicographical parameters suggested by Karaulov [2]. A great deal of linguistic information can be represented in a dictionary. The number of possible parameters is huge. The actual number for a given dictionary is delimited by the goals of the dictionary, its users, and the extent to which the term being described has been analyzed. It is the parameters used in describing a word which identify the type of dictionary. Our next goal will be to identify these parameters.

If a dictionary's linguistic principles affect the depth of the description it contains, then its intercultural principles affect the strategies used in describing terms and its lexicographic principles affect the techniques and ways of representing information used.

REFERENCES

1. Беляева, Л. Н. Тестирование языковой компетенции. Терминологический словарь-справочник / Л.Н. Беляева, Е.Ю. Северинова. – СПб.: Издательство Инфо-да, 2004. – 166 с.

2. Караулов, Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1981. – 366 с.

3. Колесникова, И.Л. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков / И.Л. Колесникова, О.А. Долгина. – СПб.: Изд-во Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», Cambridge University Press, 2001. – 224 с.

4. Dictionary of Language Testing. – Cambridge University Press, 1999. – 272 p.

5. Multilingual glossary of language testing terms.– Cambridge University Press, 1998. – 404 p.

6. Richards, J. Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics, 3rd edition / J. Richards, R. Schmidt. – Longman, 2002. – 595 p.

MEETING OF CULTURES AND LANGUAGES WITHIN TRANSLATION

T.N. Snitko

Snitko, Tatiana Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics at the Rostov-on-Don Institute of Foreign Languages.

The paper is an attempt to interpret translation as «the meeting point of languages and cultures» and to dwell on different situations of meaningful interactions of languages and cultures in translation viewing them as conditioning factors for target translation. The observation centers around three main topics: cultures contacting in translation; languages contacting in translation; cultural meaning of «translation activity».

Key words: culture, translation, meaning, Japanese culture, Russian culture.

To cope with a great number of difficulties, caused by differences in cultures and languages, a translator has to make adequate translation decisions in each particular case. Language and culture are often referred to as «glasses» through which a man sees the world. It is also common to treat any foreign culture from the standpoint of one's own. It is readily apparent from the above that a qualified translator has to have two pairs of «glasses» to be able to understand two cultures and two languages. Furthermore, as a «translation situation» is always a «situation of conflict» between two cultures and two languages, a translator has to remain «in-between»; and he should understand the nature of his own «translation activity». Only under these three conditions can the translator make adequate «translation decisions».

The paper's main objective is *to determine a cultural meaning of translation activity*. The following questions are to be considered:

1. Which cultures contact in translation? (most typical «attitudes» of the cultures to translation and cultural effects resulting from them);

2. What do cultures and languages come into *contact «with»*? (principal possibility of contacts of cultures and languages in translation)

3. «*Where*» in particular do cultures and languages meet in a «translation situation»? (culturally meaningful characteristics of «translation activity» and the problem of adequate translation choices).

1. Culture contact in translation (most typical cases of the attitude of different cultures to translation)

Human history can be represented as a history of cultural contacts. Whether those were friendly contacts or «collisions», wars, is of less significance, if we think about cultures and their interactions. What really matters is the *establishing of some kind of relation of one culture to the other* resulting from the «contact». The development of civilization and the development of culture can be treated independently.

As is widely known, some *primary* cultures or «pre-cultures» played a very important role in world cultural history. «They were so unique and produced so many ideas of their own that we can disregard the influence of other cultures upon them» [5]. These are the ancient cultures of India, China and Greece. Their basic characteristics served the basis for the distinction of «Eastern culture» and «Western culture». The so-called «East-West problem», which is considered to be one of the most difficult in humanities, is based on the distinction of primary cultures.

It is worth mentioning here that the very notions of «East» and «West» do not belong to the sphere of geography, but are related to different «attitudes to the world» developed by cultures. Furthermore, as the distinction between «East» and «West» was established by the Europeans, it came to be «one-sided», juxtaposing a «Western attitude to the world» (Europe, North America) to all other «world attitudes», naming the latter «East». Thus, figuratively speaking, Europe came to be surrounded by the «East».

In primary cultures translation did not play a significant role as all the most important texts were written in the language of the primary culture. A. Lefevere stresses that cultures considering themselves «central» do not communicate with other cultures unless they are forced to do so. He writes: «Cultures that do not pay much attention to the Other are not just cultures that consider themselves central in the great scheme of things; they are also cultures that are relatively homogeneous… Cultures that are relatively homogeneous tend to see their own way of doing things as 'naturally', the only way, which just as naturally becomes the 'best' way when confronted with other ways. When such cultures themselves take over elements from outside, they will, once again, naturalize them without too many qualms and too many restrictions» [5: p. 14].

If we do not take into account primary cultures and exclude cases of complete disregard by one culture of the existence of the other (such an example is of the Spanish conquistadors involved in the conquest of the Americas), then we should state that in each case of contacting cultures there emerged a «translation situation». We shall refer to contacting cultures as 'A' culture and 'B' culture. A culture involved in translating texts of another culture we shall term the 'A' culture.

The history of translation is to a great extent *a history of cultural contacts*. Cultural contacts can be called effective if contacting cultures were eager to understand each other. 'A translator' played the role of «mediator» or «organizer» of cultural interactions.

Another thing to note is that *what* is being translated and *in what way* it is being translated influences further interactions between the cultures. In other words, *what* people of culture 'A' know about culture 'B', *what* and *to what extent* they understand, what they accept or what they are against, depends directly on the tradition of translation existing in their culture.

Under the tradition of translation we understand 1) the bulk of translated texts (their number and status in culture 'B'); 2) the existence of a translation tradition (the latter determines the translators' qualifications).

The existence of a developed translation tradition in a culture influences the culture as a whole. The reason for this is that in translation not only «the contents» («the themes») of the other culture, but also *different ways of understanding, different modes of thinking, different attitudes to the world, different ways of thinking within the language»* (grammar and language in general determine to a great extent the attitude to the world in a particular culture) are being transmitted. The existence of a developed translation tradition in a culture helps the understanding of its peculiarities and its unique place among other cultures.

To sum up, the attitude of a culture to translation, the number and quality of translated texts, and the existence or lack of contacts with other cultures determine the development of each particular culture. Translation activity, philological in nature, influences the development of cultures a great deal and helps the intercultural exchange of ideas and texts.

Several characteristic cases.

I. Culture 'A' → culture 'B' (the values of culture 'A' are transmitted into other cultures by means of translation).

«Continental» cultures usually have a history rich in cultural contacts. Translation played a very important role in the cultural formation of Europe. National languages and cultures were formed under the influence of sacred texts translated from classic languages into the different languages of Europe and a specific European mentality (ideas, values, feelings, notions, beliefs and so forth) was born.

The Bible, being the central text of Western culture, was transmitted in translations because the original texts and earlier translations that served as the original texts for some time (Septuagint, Vulgate) had become inaccessible: authoritative classical languages went out of use and were replaced by national languages. Translation of the Bible into national languages favoured their formation and development.

Translation of the Bible and formation of most of the European cultures happened at the same time in history. For example, the translation of the Bible by Martin Luther influenced not only the religious formation of Germany, but also played a very important role in the shaping of the modern German language and culture. The circulation of the Protestant King James' Bible (influenced by Hebrew and Greek) and the Catholic Rheims Bible (influenced by Latin) resulted in the combination of Greek and Latin fragments in the English language [2].

The fact that *the central text of Western culture was transmitted into all the cultures of Europe in translation* is of utmost importance. Most authoritative translations came to be treated as the original, while earlier translations lost that status. By 1972 the Bible had been translated into 1473 languages. It had been done on the initiative of Europeans who considered transmitting the main text of their culture into the cultures of the world their «missionary task». An American biblical society coordinated the translation of the Bible into «exotic» languages.

The tendency to transmit the values of the European culture into other cultures became one of the most important ideas of the European culture as a whole. Modern ideas of «globalization» and «open society» are only the natural consequences of the «expanding» orientation of Western culture. Still, as N. Galeyeva points out, the attitude towards translation in European culture is paradoxical: the central text of the culture is circulating in translation, actually not having an original, but the general attitude to translation in Western culture is that of condescension and tolerance. Translation is looked upon as unavoidable supplementary activity, while its culture-formative function is not taken into account [2].

II. Culture 'A' ← culture 'B' (a culture «learns» the values of other cultures but the translation activity leads to no cultural effects).

Quite the opposite tendency is found in the Near East. As is widely known, already in the «pre-Muslim» period of history all accessible texts of neighbouring cultures were translated into Farsi by translators in «translation schools», which were called «Houses of Wisdom». The most famous translation centres were in Bukhara and Baghdad, where there existed rich ancient libraries. Most texts of classical antiquity were translated first into Farsi and later into Arabic. It is worth mentioning, that when antique classical texts were lost in a fire in the Alexandria library, they were translated into European languages from Arabic, and not from the Greek original. It is also a well-known fact, that Aristotle's texts were first translated into European languages from Arabic and only later from Greek.

Meanwhile, while translating different texts into Arabic, Arabic culture was not interested in transmitting the texts of its own culture into neighbouring cultures. European culture in its turn did not show any interest in Arabic culture as it had antique and biblical tradition.

The Koran, the central text of the Near East culture, has never been translated into other languages on the initiative of Muslims. Neither have other texts been translated. Lots of texts were translated into Arabic but nothing from Arabic into other languages. In Arabic there were special terms to denote «translation in general» and «translation into Arabic». A true believer was supposed to know or to learn Arabic and read the Koran in the original.

This type of culture is termed by N. Galeyeva a «sponge culture» (I would term it also an «adsorptive culture»). Galeyeva writes that the culture of the Near East as a whole can be called a «sponge culture», it «sucks up» cultural values of other cultures like a sponge, and it is not interested in transmitting the values of its own into other cultures. It principally remains a closed society, and «opens itself» only to those who are eager to accept its «linguacultural» laws [2].

The original text (the Koran written in Arabic) is the central text in the Culture of the Near East. Its authority is unshakeable. Translations are considered insignificant and are done only when necessity arises. Arab Muslim conquests did not lead to the translation of the Koran. Neither did the texts translated into Arabic influence the development of Arabic culture. The reason was that all the basic ideas of the culture were those of the Koran.

III. Culture 'A' (← acquisition and interpretation of the values of culture 'B') with the aim to develop a culture of its own (culture 'A' → generates its values).

The attitude of Japanese culture to translation is unique. Being an «island culture», Japan came into contact with other cultures with the aim *to develop its own culture*. The idea of transmitting the values of its own culture into other cultures did not appear until the end of the 20th century when Japan established «The Japan Foundation» and started the process of «introducing» the Japanese culture to the cultures of the world.

In the 6th – 8th centuries, translation of texts of Chinese classics allowed Japan not only to accept Buddhism but also to increase the expressive potential of the Japanese language by means of the borrowing of Chinese characters and words. The Meiji period (1868-1912) marked the start for translation of most important technical and cultural works from different languages of the world. At present Japan can boast to have one of the richest collections of translated books in the world. As already stated, the number of translated texts can determine the cultural status of the country among the cultures of the world.

One of the most significant facts is that *translation activity* in Japan *was conducted as interpretation*. *Values of other culture were interpreted within the sphere of cultural meanings of Japanese culture*. Zen can serve as a vivid example. Born in India, it reached Japan through China, and only in Japan did it give rise to the so called «Zen art forms» and Japanese aesthetics.

IV. Culture 'A' has numerous cultural contacts; there are numerous language borrowings but the idea of transmitting its own values into other cultures is of no importance.

The cultural contacts of the Slavs (their relations with other nations can be rather called «permeating») have always been so extensive that it is difficult to point to any particular period in their history.

The Orthodox Church considered its values sufficient and did not favour cultural contacts with Catholic cultures. In Russian society in general translation was «replaced» by a system of education. It was the norm for an educated person to be able to read books in most important European languages, and Latin and Ancient Greek.

At the same time translation occupied an important place within Russian literature. Many Russian writers and poets were involved in the translation of ancient classic literature and literatures of the world. The process continued even in the Soviet period

(«World Literature Library» series, or translations of Chinese classics done by Y. Shutskii, V.V. Malyavin, or different translations of Japanese literature can serve as good examples). Though the idea of transmitting its values into other cultures was not prevalent in Russian culture, ideas of slavophilism gained strength several times in Russian history.

There is no doubt that differences in translation traditions had definite impacts on the cultures. Thus, for example, the lack of a tradition of translation of the Koran paved the way for its arbitrary interpretation, of which modern history gives many examples. Numerous differences in the notions of Western (first of all, Catholic) Christian tradition and Eastern (Greek, Orthodox) Christian tradition are conditioned by different Bible versions. The Orthodox Church used the Greek version (Septuagint) and the Catholic Church used the Latin one. N.K. Garbovskyi points out that Ieronim translated The Old Testament from Old Hebrew into Latin, and all the other translations were made from Greek, not from Old Hebrew which was lost by that time, and they were translations of previously translated texts and not translations of the original.

It is also worth mentioning here, that the use of Latin and Cyrillic alphabets in Slavic countries is conditioned by different Christian traditions. Catholic countries use the Latin alphabet (the Bible was translated from Latin) and Eastern Christian countries use the Cyrillic alphabet which is closer to the Phoenician alphabet.

2. What do cultures and languages come into contact «with»? (principal possibility of contacts of cultures and languages in translation)

The problem of studying culture contact in translation is in fact a problem of comparison of cultures. The problem is difficult in principle. Levi-Strauss observes that cultures are incompatible in nature. He explains that all criteria we can apply to characterize one of them, are derived from it and thus lack objectivity, or they are derived from the other culture, and are invalid. To be able to determine the place of Japanese (or any other culture) among the cultures of the world, one should disregard the existence of any culture at all. Only under such an impossible condition can we be sure that our judgement is not arbitrary either in regard to the culture we are studying, or any other culture; and the viewer, who belongs to some culture, can not disregard it, be it consciously or unconsciously [Леви-Стросс, 1988].

Comparison of differences in things and phenomena in cultures (Ru. «каша» (gruel), Jp. 納豆 *natto* (fermented beans)) or comparison of notions in different cultures (taking into account their «volumes» and cultural references) are superficial. To give an example of the latter, let us compare E. «conscience» and Ru. «совесть». The English «conscience» refers to the mind, while the Russian word «совесть» refers first and foremost to the soul, not to the mind (совестливый человек, вести себя по совести). In the same way we can compare the Ru. «душа» and Jp. こころ *kokoro*.

Some comparative studies in «cultural mentality», take into account differing social and everyday life habits. For example, when asked «Как Вы поживаете?» («How are you doing?») Russians usually give a detailed answer, while Japanese do not expect to hear an answer to the question «お出かけですか» «O-dekake desu ka?» «Where are you going?», «Are you going somewhere?» and so on. There is no doubt that everyday life and social habits are somehow related to the mental organization of the culture, but mere enumeration of such differences can not lead to trustworthy conclusions about the mentality organization of the culture.

Mere enumeration of differences of any kind does not make translation easier, neither does it help to solve the problem of comparison of culture contact in translation. Every translator knows that differences in volumes of notions or difference in things and phenomena are only the tip of the iceberg of the difficulties he meets.

Let us try to think of a systematic way to treat the material (cultures and languages, «meeting» in translation) and a translation activity to be able to compare cultures.

We shall start with the assumption that a «*meeting» of cultures and languages is a convergence of «meanings» («senses»).* «Meanings» of two cultural spaces are conjoined in translation. A translator has to do with two different meaning levels: one level is that of the culture and the other is that of a language («language material»). In what follows, we shall consider these two cases.

(1) Convergence of cultural meanings in translation

Cultures differ first and foremost in their *basic (cultural) meanings*. As translation activity is translation of meanings, to take adequate decisions in translation a translator should understand *the composition of basic meanings in the cultures contacting in the translation*. This will allow a translator to make a competent decision in a particular translation situation.

To grasp what meanings are basic in a culture, one should understand the following:

1) the principles of organization of the cultures, which are contacting in translation (*mechanism of formation of basic meanings*);

2) specific features of development of the cultures (*main sources of basic meanings*; e.g.: **Russian culture** – Slavic mythology, themes of Classic Antiquity and the Bible; **Japanese culture** – Shinto, Buddhism, Confucianism, Bushido, Zen aesthetics, specific attitude to seasons);

A knowledge of basic meanings of the cultures in its turn can help the understanding of:

1) the composition of literature in a culture, i.e. literary genres and styles, their status in a culture, peculiarities of meaning and language use in texts of different genres;

2) the differences in «language thinking» of cultures contacting in translation (possibilities provided and restrictions posed by the language) (Russian: diminutive suffixes, possibility of rhyming words; Japanese: characters provide additional possibilities of meaning formation; 漢語 *kango* (words «Chinese» in origin), 和語 *wago* (words written in characters originated in Japan); two *kana* syllabaries*:* ひらがな *hiragana* and カタカナ *katakana* (words borrowed from non-character languages are written in *katakana*); 季語 *kigo* («season words») in 俳句 *haiku,* and so on.

In what follows I shall consider the problem of «meeting» of cultures in translation by means of comparison of the Japanese and Russian cultures.

The Japanese and Russian cultures belong to different cultural types: *Eastern* culture and *Western* culture. As the cultures are so different it seems impossible to find similarities of any kind at all. The situation is described by a joke: The only right answer to the question «How are Japanese language and culture different from all other languages and cultures?» is «They have nothing in common at all». We can also quote here R. Kipling, «Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet».

What might follow from the above the fact that the West and the East are both cultures. Even the comparison of the word and notion of «*culture*» in European languages and in Japanese shows more differences than similarities. European «culture» originated from Latin «cultura», a noun derived from the verb «colo» («cultivate» soil), and implies the idea of being worked up «artificially». Unlike European «culture», the Japanese notion of 文化 *bunka* («culture») implies the idea of change 化 *ka* («change») or development under the influence of 文 *bun* («culture», «text»): things and phenomena are transient and only changes are constant. K. Nishida writes: «By culture is meant not the taking of nature as the means of the self, but the seeing of nature within the self. Indeed, culture is the discovery of the self in the very depths of nature» [10].

Let us turn now to the *main characteristics of Western (European) and Eastern «linguacultures».* The first thing to note is that their basic characteristics are due to the difference in their *basic «thinking mechanisms»*.

Every culture produces a «World model» («World picture») which comprises an ontological hypothesis (Greek ὄντως *ontos* means «essence»): «Man – World» relation («Man – Nature» relation, «Man – Society» relation, «Man – Man» relation) and the relationship of a Man to himself.

The «World model» of a **European culture** is formed by a *Cognitive* grasping of the World. A Man treats himself as the «Subject» (individual) and the World as the «Object». By means of ascribing some qualities to the «Object», the Man turns it into the «Subject» (like the subject of a scientific research and not «Subject» (individual); English does not provide the exact term). The case is usually described as the *«S-O» paradigm* (Subject-Object paradigm). «Subjects» of European sciences serve as a good example. Thus, for example, in European medicine a Man treats himself as an Object. It is interesting to note that not only sciences function within «S-O paradigm» but European culture as a whole does this. Systems of cultural notions and values are also a product of the relationship described above.

Values in different cultures of Europe may differ and may form different hierarchies within different cultures but they have a common origin. Their formation mechanism is common to them all: they are formed by means of abstraction and represent main types of objectivity. «Object» (Latin «objectum» is derived from «objicio», (I) throw something ahead, oppose something to something) is something opposed to «Subject», something to which his cognitive activity is directed.

European culture is a culture of questions about different types of objects, values being among them. In any case a cognitive attitude is expressed by the «cognitive» questions about objects: «*What is X?*». «Products» of cognitive process are stored in a culture as *«knowledge*». Knowledge is stored in its turn in the culture in the form of *notions*, *which form the basis of the culture*.

Basic notions of European culture are the *«Being»* and «*God*». Every European culture centres around the notions «derived» from these two basic notions, and then «discusses» problems of «the truth», «destiny», «death», «fear» (Germ. Angst), «order» (Germ. Ordnung) and so forth. Some *virtues of the Gods of Greek Antiquity turn into cultural values* (European cultures are anthropocentric).

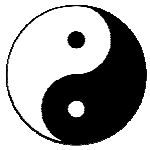
Socrates was the first to pose the question about values. He made it central to his philosophy and formulated it as the question about «the Good». In Ancient and Medieval philosophy the question about values belonged to the sphere of questions about «the Being». *The absoluteness of the Being was understood as the ultimate value for Man* and was the expression of ethic and aesthetic ideals. In Plato's views «The Good» was identical to «the Being» or «the Beauty». The same ontological holistic attitude is characteristic of the Platonic philosophy trend comprising also Hegel and Croce. Thus, as can be seen from the above, human aspirations are treated as one of the constituents of the «Being» (the other is «Reality»).

Within a European cognitive attitude to the World, Russian culture makes *the question about the Human Soul* central. Search for the answer for the question becomes «the utmost task» of Russian literature. In fact, Russian literature as a whole is built around this question. Every writer and poet answers the question in his own way. Even «the darkest» sides of a human soul are portrayed in literary works (Dostoyevsky). Writers and poets try to give an exhaustive description of human nature, and to do so explore human characters and fates, paying attention to the subtlest differences in human feelings and sensations. This can explain the fact that Russian literature occupies a very important place within Russian culture. The same can be said about the role of literature in a society («… a poet in Russia is more than a poet», E. Evtushenko). Moreover, basic notions of Russian culture such as *душа* («soul»), *тоска* («toska», «melancholy»), *любовь* («love»), *вера* («faith»), *судьба* («fate»), can be found as basic ideas in literary works. It is interesting to note that philosophy texts (Russian religious philosophy) have more common features with literary works than with European philosophy texts. Russian philosophy is poetic: while discussing the relation of Man to God, it once again resorts to the notions of *душа* («soul»), *тоска* («toska» «melancholy»), *любовь* («love»), *вера* («faith»), and *судьба* («fate»).

The basic meaning in Eastern culture is that of Nothingness, 空 *ku* which is treated as the source of Being. 空 *ku* is manifested in the phenomenon world as 氣 *ki,* «a life force». The presence of the idea in Japanese culture can be registered in different lexical groups. Lots of words have the character 氣 *ki* in their structure, implying the existence of things and phenomena as 氣 *ki* transformations. To give some examples, 天気 *tenki* «weather»、気象 *kisho:* «climate», 病気 *byo:ki* «illness», 気持ち *kimochi* «mood, temper» and so on. Human «moods» and feelings result from comings and goings of 氣 *ki*: 気が付く *ki ga tsuku* «pay attention» [lit. «氣 *ki* comes»]; お元気ですか *o-genki desu ka* «How are you doing?» (lit. «Is 氣 *ki* with you?»]. A phrase 気をつけて *ki wo tsukete* used when parting and usually translated into English as «Take care», implies the idea of presence of 氣 *ki.*

Five elements (火 fire, 水 water, 木 tree, wood, 金 metal, 土 soil, earth) are derived from 氣 *ki* and in fact are its different states. Days of the week in Japanese comprise these five elements (the other two are the Sun and the Moon).

The ontological hypothesis of the East is different from that of the West. The relationship of man and the world is understood as the relationship of Microcosm to a Macrocosm with «relation» being the most significant part. Graphically it is represented by the «In-Yang» sign (Jp.陰 *in* 陽 *yo*):

It is an example of an *understanding* attitude to the World, when Man treats himself as an integral part of the World, as one of the elements among other elements, equally significant.

氣 *ki* «life force» and 和 *wa* «harmony» can be treated as *basic cultural meanings of the Japanese culture*. It should be noted however, that they differ in nature from notions born within a cognitive approach (such as «Being», «God» or the «Good» of European culture)

As they form the meaning basis of Japanese culture, 氣 *ki* «life force» and 和 *wa* «harmony» determine the existence of all other most important

meanings of Japanese culture: 氣 *ki* does so in respect to Man and the world of phenomenon (Man – Nature), and 和 *wa* does so in respect of human relations (Man – society; Man – another Man).

The notion of 和 *wa,* having a «rice plant» as one of the components of the character, suggests the way the Japanese civilization was formed. According to the anthropological data, rice cultivation (necessity of cooperation) formed the Japanese mentality. Harmonious relations with the surrounding World became an important task in culture; they formed specific social norms of behaviour, based on the idea of the necessity to find agreement with the interlocutor. Japanese はい *hai* (usually translated as «yes») means «understanding» of what is said and felt by the interlocutor, and does not imply agreement with what is stated in the sentence, unlike the English «yes». By the way, Russian «*да*» is closer to Japanese はい *hai,* than to English «yes». Russian «*да*» means agreement with the interlocutor; English «yes» means agreement with what is stated in the sentence.

Relations between people in Japan are always a search for harmony in different forms. Communication does not lead to domination of one of the interlocutors. Japanese is rich in set phrases to express different communicative strategies. For example, there are phrases and answers used when leaving the house and coming back home: 行ってきます。*Itte kimasu.* («(I am) leaving and shall be back home»); 行っていらっしゃい。*Itte irasshai*. («leaving, come back home!»); ただ今。*Tada ima*. («(I am) here»); お帰りなさい。*O-Kaeri nasai*. («Come back home!»); phrases a master and a student exchange at the beginning of the lesson – *o-negai shimasu* («I am asking you») and so on.

The task of understanding the 気持ち *kimochi* «mood» of the interlocutor is a cultural norm. It is interesting to note that the word 気持ち *kimochi* comprises the character 気 *ki* and can be translated in a literary form as «to keep 気 *ki* in some state for some time». The notions of 甘え *amae* «emotional dependence», 義理 *giri* «honour», 恩返し *ongaeshi* «honour» are also important characteristics of the social behaviour of the Japanese.

The ontological question of Europe «What is Being?» has the form of «What is the World for me?», but «What must I do to live a harmonious life?» in the East.

美 *bi* «Beauty» is treated as the manifestation of «Harmony». It is a very important value which is seen in the aesthetic approach to all spheres of life treated as manifestation of beauty. Aesthetics is the most important theoretical sphere of Japanese culture. It is interesting to note, that understanding of «the Good» and «the Evil», usually thought of by Europeans as being universal, is different in Japanese culture, unlike expectations. «*The Good*» is treated as «behaviour in accordance with nature»: *a Man harmonizes himself with Nature*; and Nature is neither good nor evil, only the forms of its manifestation can be treated as good or evil, so «the Good» means the acquisition of norms of behaviour. «*The Evil*» is treated as being opposite to Harmony, something that *destroys Nature and Beauty*.

The utmost task of Japanese literature can be formulated as *understanding of the harmony and beauty of the world by way of portraying the subtlest feelings of a Man*.

In this respect Russians and Japanese are very close. Maybe it is the reason why Russian literature is of interest to Japanese readers and vice versa. Descriptions of human characters, feelings and thoughts often become the main themes in literary works in Russian and Japanese culture. The tendency is vividly seen if we compare short stories in Russian and English literature. In English short stories, «plot» and «message» play an important role, unlike Russian and Japanese ones (Chekhov' stories are a good example).

To a significant degree, cultural spaces differ in *ways of organization of thought, grounded in language* (presence or absence of grammatical categories; use of an alphabet or characters, peculiarities of vocabulary formation and so on).

(2) Convergence of cultural meanings conditioned by language

Human culture depends on and is grounded in language. «Language material» is versatile and so two languages may differ to a great extent, and such is the case of Russian and Japanese.

Cultures develop vocabularies in their most important spheres. Thus, e.g., there are five times more adjectives in Russian than in English. With the help of different types of suffixes still more new adjectives are built to express shades of meaning. One more extremely developed lexical group is verbs of motion which was born, probably due to the neces-

sity to describe complicated relations with the extreme space of the country. Verbs of motion are very difficult to translate into foreign languages and equally difficult is an attempt to explain their meaning to a student of Russian as a foreign language.

The «meaning spheres» of western European languages (Germanic and Romance group) do not differ to such a great extent. The «meaning sphere» of Slavic languages differs from that of Germanic and Romance languages. But difference in the «meaning spheres» of Russian and Japanese is really great.

Vocabularies of different languages differ also in number.

Minami Hiroshi noted in his book 記憶術 *kiokujutsu* «Memorizing technique» (8) that 5 thousand of the most frequent words in French «cover» 96 % of the text, in English they cover 93,5 % of the text, while in Japanese the number of words is much more: to understand 93,5 % of the text 15 thousand words are necessary, to understand 96 % of the text one needs 22 thousand words. That is why to be able to read texts in Japanese, foreign students need to learn more than 15 thousand words (10 thousand words are insufficient).

Culture-specific notions form a special group. The Russian notion of «toska» (roughly «melancholy») can be translated in no other language. Japanese 思いやり *omoiyari* implies the necessity to understand intuitively the feelings, wishes, and thoughts of an interlocutor and demands favoured treatment of him based on the intuitive understanding.

German «Schadenfreude» means the «joy one feels at the failure of the other». Japanese うらやましい *urayamashii* differs both from Russian «зависть» and English «jealousy»; うらやましい *urayamashii* implies admiration. That is why «jealousy» ジーエロシ *jeroshi:* («jealousy») was borrowed into Japanese to denote a new feeling.

Languages develop their vocabulary with the help of existent lexico-grammatical possibilities. Possibilities provided by languages are vividly seen in translation. Thus, Nakamura Hajime points to the lack of the infinitive in Japanese, and hence, the impossibility of expressing abstract ideas, uncertain situations, and vagueness of relations etc.; the lack of a productive way of building abstract nouns from verbs or adjectives [6].

By means of using characters Japanese developed a very peculiar aesthetics of language. Japanese 俳句 *haiku* is the shortest literary form in the world. When written on a calligraphy scroll by a calligraphy master the poem acquires new meanings. The text can be written not linearly: meanings and senses of words are present simultaneously and build «word-to-word» and «meaning-to-meaning» relations producing new senses for the «reader-observer» of the poem scroll. New senses are born also due to meaningful elements inside characters; the way and style of writing also helps to create the meaning effect.

Translation of culture- and language-specific texts poses great difficulties for the translators who have to «struggle» with the language of the original to find a «reasonable» meaning applying another language material.

3. «Where» in particular do cultures and language meet in translation situations? (cultural characteristics of translation activity and the problem of adequate translation decisions)

Cultures and languages meet in translation. It is usually considered that equivalence of meaning of the original text and the translation text makes a «good» translation, though this ideal is practically unattainable because of the difference in «material» representation of meanings in different languages. Every translator knows that the «dictionary» meaning of the word is not necessarily found in the final variant of translation. The reason for this is not that the dictionary is unfit but the *impossibility of modelling all the meaningful relations between the words, used in different situations;* while dictionaries register only the invariant relation.

In theory of translation (1) *translation is treated as the activity of interpreting the text*, because translation is always a meaningful variant of the original text. The activity translation theory treats translation as a special type of activity of understanding (understanding is «organized» reflection) and of interpreting (interpretation is uttered reflection) of the text, and it is based upon the distinction of notions of «meaning» and «sense», and resorts to ideas and notions of SMD-methodology (system-thinking activity-methodology) about «activity».

Cultures differ in «*things and phenomena» representations and in cultural meanings*. If translation is understood as interpretation, cultural meanings should be thought of as being more important than things and phenomena representations. Russian *«каша»* («gruel») can be translated in Japanese as 粥 *o-kayu* without considerable loss in meaning (お粥 *o-kayu* «tin rice gruel»).

The main strategy of translation understood as interpretation is treating the text as an accumulation of cultural meanings. A translator should know the *principles of text organization and of its functioning in two cultures*. One more thing that should be taken into account is that each text belongs to a particular genre and style, and as such has a number of *precedent texts* (*intertextuality*).

To give an example, philosophy texts are «intertextual» to a great extent as most European philosophers answer the questions posed by philosophers of Ancient Greek; and all the philosophy texts «talk» to each other. It is an example of «*language thinking*». A translator of philosophy texts has to keep to the «literal» meanings of the original text, but the task is unattainable even in affinity languages. To solve the problem translators resort to commentaries. In some cases commentaries become even larger in size than the texts (translations of Martin Heidegger's works or of Ancient Chinese classics).

Literary works should appeal to the feelings and thoughts of the readers, and this makes artistic portrayal more preferable than «truthful» translation of the original text. The translation text should be written in good language to make the reader enjoy the text. In Japanese culture one of the main features of a literary work is to establish an emotional reference to the description, which should evoke some emotional feeling in the reader. The idea is expressed by the notion of Japanese aesthetics 余情 *yojo:* «emotional echo of the reader».

Cultures can *exchange their cultural values in translation*. As there are different genres in different cultures, they can be transmitted from one culture into the other together with the translation of texts. Thus, the genre of 俳句 *haiku* is being transmitted into quite a number of world cultures, though only the «surface» meanings are translated. Usually it is an unexpected combination of some event or description of nature and a feeling that is possible to transmit in translation. Cosmic (philosophical) meanings, time perception or meaning implications of characters (漢字は雰囲気がある *kanji ga fun'iki ga aru* «characters create a special atmosphere») can not be translated as the meanings belong to the cultural space of Japanese culture. English limericks and sonnets were borrowed into Russian culture; Russian «bilina» was borrowed into European cultures.

The problem of adequate translation decisions is manifold. Translators should not only be trained to find lexical or grammatical equivalents and substitutes or to import transformations and paraphrases (e.g. in the course of «comparative typology of English and Russian» students are recommended to translate English gerundial phrases with the help of subordinate clauses in Russian). Lexical and grammatical forms, sentence transformations are numerous. Content and artistic value of the original text should be transmitted into the translation text. These are most important requirements for adequate translation decisions, as N. Galeyeva stresses. The requirement of «artistic value» deals with the meaning structure and «artistic parameters of the text» (1). Text is dynamic and static at the same time. Meanings can be born or they disappear; and this happens independently of the intentions of the author of the text. When transmitted into the other culture the text starts a new life, according to the cultural norms of the culture.

Though apparently a pessimistic view above, world culture gives numerous examples of successful translations. This speaks for the principle possibility of translation of artistic values of the text as particular cultural values.

To conclude, the cultural meaning of translation activity comprises understanding and interpretation of contents, notions and meanings of the original text. Translation as a cultural task is an important means of development of world cultures.

REFERENCES

1. Галеева Н.Л. Параметры типологии художественных текстов в деятельностной теории перевода. Екатеринбург, 1999.

2. Галеева Н.Л. Культура как перевод. Тверь, 2005

3. Гарбовский Н.К. Святой Иероним – покровитель переводчиков // Язык и культура. Лингвистика, поэтика, сравнительная культурология, теория перевода. М., 2001. С. 92–108.

4. Levi-Strauss K. The place of Japanese culture in the world. – Report at the conference in Kyoto, 1988. – published in 中央公論 *Chuo koron*、1990. – Cit: Б. Вальденфельс. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о "чужом" // Логос. – М.: Гнозис, 1994. – № 6. – С. 77 – 94

5. Lefevere André Topics in Translation // In Susan Bassnett ed. Constructing Cultures: Essays on Literary Translation, Clevedon: Multilingual Matters. 1998

6. Nakamura Hajime. Ways of thinking of Eastern Peoples. – Honolulu: The Univ. Press of Hawaii, 1981.

7. Nishida Kitaro. Art and Morality. – Honolulu: The Univ. Press of Hawaii, 1979.

8. 南博 *Minami Hiroshi* 記憶術 *Kiokujutsu* «Memorizing technique». Tokyo, 1995.

INTEGRATION OF ETHNIC CONCEPTUAL FIELDS INTO THE NEW ZEALAND WORLDVIEW

O.V. Nikolaeva

Nikolaeva, Olga Vasilievna – Candidate of Philology, an Associate Professor of the Department of History of English Language at the Institute of Foreign Languages at the Far Eastern National University.

This research is devoted to theoretical problems of the integration of ethnic conceptual fields into the New Zealand national worldview. Some fragments of Pacific and Chinese conceptual fields in the New Zealand worldview are highlighted.

Key words: concept, ethnic conceptual fields, ethnic worldview, New Zealand English, Maori, pakeha, Oceanic.

The New Zealand national worldview historically formed as bipolar, presented by the interaction of two concepts of the world: from the indigenous population (Maori) and the European settlers (pakeha).

Nevertheless today the obvious bipolarity of the New Zealand worldview is gradually being replaced by but the rapidly growing tendency to multipolarity. This is revealed in numerous processes of integration, or absorption of multiple ethnic conceptual fields into the New Zealand national worldview.

It should be noted that in Russian linguistics the terms «worldview» and «conceptual field» (both considered conceptual entities) are often interchangeable. Not sharing this point of view, I will try to draw a distinction between them. A conceptual worldview of any ethnic group is a system of views, values, opinions, and beliefs which arranges the cognitive experience of people and is formed in a certain geographical and socio-cultural environment [2: p. 20]. Presumably a worldview consists of concepts and structured conceptual clusters, i.e. conceptual fields. Thus, a conceptual field is included in a worldview as a constituent, which covers a certain cultural realm [1]. In this paper the realm is the ethnic culture in the form it is presented in New Zealand. Considering the above-mentioned ideas, such conceptual fields are named ethnic.

Let us suppose that ethnic conceptual fields are small replicas of ethnic minority worldviews (those minorities are implied which produce a more and more noticeable effect on the New Zealand culture).

During contact with the New Zealand national worldview, ethnic worldviews shrink to the size of conceptual fields and in such a form strive to become integrated into the host worldview. This shrinking is caused by the fact that during immigration ethnic minority worldviews undergo pressure from the dominating conceptual and linguistic mainstream. Different lifestyles and different environments of the new home country make many ethnic concepts irrelevant. Therefore the native conceptual systems become deficient and hollow. Immigrants often stop using their native languages. This is especially typical of young immigrants and second generation immigrants.

Let me make a digression to prove this. I find very interesting those language expressions which express the willingness of immigrants from Pacific countries to assimilate into the mainstream New Zealand culture. Such phrases exist even in the native languages of immigrants. In the Samoan language there is a special phrase ***fia palagi*** which means «***wanting to be like a European»*** [17]. First generation immigrants (Island-born Samoans) treat their fast assimilating young compatriots (New Zealand-born Samoans) as ethnic outsiders: «Even ***New Zealand-born Samoans*** who have two Samoan parents are often ***excluded*** and ***marginalised by older, Island-born Samoans***. They are perceived as being «***fia palagi***», that is, ***wanting to be Palagi (white***) and often have a ***limited ability to speak Samoan***» [4]. The young generation gives up not its only ethnic traditions but also its native-culture values and norms: «***Young Samoans*** … are seen to be ***going against Fa'asamoa (the Samoan way) in which politeness, courtesy, and respect for one's elders are paramount***» [4]. When expatriate Oceanians come back to their native countries many of them are critical of traditional ethnic values: «Many younger Pacific people returning home see ***traditional value structures as inconsistent***...» [16].

These examples prove the above-mentioned ideas that the pressure of the mainstream conceptual and language space leads to the emasculation of the immigrants' native conceptual systems.

New Zealand English also reflects this tendency. Let us consider the word ***potato*** as an example. According to dictionaries a ***potato*** is «Polynesian brown on the outside, white within» [9]. The image is based on the contrasting colors of potato peel and flesh. The word reflects the eagerness of expatriate

Oceanians / Pacific migrants to assimilate into the general New Zealand culture.

Nevertheless the most important concepts for ethnic minorities which bear deep cognitive principles existing in their ethnic sub-consciousness have the best chance of surviving during immigration. This does not mean that these concepts are capable of absolute integration into the New Zealand national worldview. To integrate they must become relevant for the New Zealand conceptual mainstream. Under favorable circumstances such vital concepts can find their own niche in the national worldview and develop there.

To sum up the above-mentioned ideas let us say again that the concepts of some ethnic minority worldviews integrate into the New Zealand national worldview and form an ethnic conceptual field within it. What are the most important of these concepts and why do they integrate into the New Zealand conceptual worldview?

According to statistics, Asians, mainly Chinese; diasporas and immigrants from Pacific countries are becoming more and more conspicuous ethnic minorities in New Zealand. Every fifteenth New Zealander is a migrant from Asia (particularly China) and every sixteenth is from the Pacific: Samoa, Tonga, Fiji, and the Cook Islands [3]. Other sources indicate that the Asian diaspora is 9.2% of the total New Zealand population, and Polynesian is 6.9% [11]. Maori, the indigenous population is 14%. As we see, the figures are quite comparable. Against the background of the steadily decreasing dynamics of the pakeha/other ratio (1991 – 83%, 2001 – 73%, 2006 – 67%) [6] it is not at all surprising that in the future Maori, Chinese and Pacific cultures will produce a more noticeable effect on the New Zealand worldview. Even now the integration of Chinese and Pacific conceptual fields has become visible.

The process of integration of ethnic conceptual fields into the larger entity, the New Zealand mainstream worldview, marked by biculturalism, is evidently not an easy one and needs some theoretical base. Firstly, it should be noted that integration of this kind is not the process of adding an extra unit to a whole. The final result and all the constituents are being complicated and modified. My previous research into the integration of the Maori worldview into the New Zealand national worldview showed that in the process of creating a new conceptual system everything undergoes evolution: all the initial entities, i.e. those conceptual units that came into contact, and also the final national worldview [2]. All these units are being renewed so that they are not what they used to be any more. For example the Maori worldview after long contact with the European worldview is not what it was before. The pakeha worldview (pakeha, not British, after contact with the Maori) is different compared to the common European or British view. The result of the interaction of Maori and pakeha is the sum of these two worldviews complicated by their shared life experiences, their particular psyches, common geographical and natural environment, remoteness from the rest of the world and so on.

As follows from the above, the integration of the other ethnic conceptual fields seems even more complicated because there are more initial entities. The New Zealand bipolar worldview consists of at least three dominant conceptual structures as related to a Pacific conceptual field: the pakeha worldview, the Maori worldview, and the New Zealand national worldview. There are also relatively equal structures, for example, the Chinese ethnic conceptual field. Thus theoretically the integration of Pacific ethnic conceptual fields may take place during the following processes:

1) interaction of the Pacific worldview with the pakeha worldview («Pacific worldview → pakeha worldview»);

2) interaction of the Pacific worldview with the Maori worldview («Pacific worldview → Maori worldview»);

3) interaction of the Pacific worldview with the New Zealand national worldview («Pacific worldview → New Zealand national worldview»);

4) interaction of the Pacific worldview with other ethnic worldviews, for example, Chinese («Pacific worldview → Chinese worldview»);

Symbol → indicates the interaction of worldviews and integration of one worldview into the other. It should be noted though that the division into the vectors is schematic and, to some extent, conventional. The vectors are not always parallel to each other and are capable of crossing, converging and diverging. For example, the pakeha worldview was predominant in the national New Zealand worldview till the 1980's. This means that the first and the third vectors at that period could yield similar results. Today the shifts in the common consciousness of New Zealand society are obvious, so these vectors have diverged. I think that the analysis of the vectors of integration processes cannot be fulfilled without taking into account the evolution of all the constituents and the whole.

Considering the integration of the Chinese ethnic conceptual field theoretically similar types of interaction are possible: interaction of the Chinese worldview with the pakeha worldview; interaction

of the Chinese worldview with the Maori worldview; interaction of the Chinese worldview with the New Zealand national worldview; and interaction of the Chinese worldview with other ethnic worldviews, for instance, Pacific.

The most effective way of studying mental entities (concepts, conceptual fields and worldviews) is language analysis. Language provides the best access to mentality. Let us illustrate some of the theoretical ideas with language examples found in New Zealand English.

Firstly, let us try to trace the integration of the Pacific conceptual field into the New Zealand worldview. Evidently, the starting point of the process is the concept PACIFIC ISLANDER. The creation of this broad concept in Pacific people's mind was almost concurrent with its integration into the New Zealand worldview. Day to day viewing themselves as the representatives not only of their historical small island homeland (Samoa, Fiji, Tonga), but of a much broader (the whole Pacific), was acquired by immigrants in their new home country. From the language examples, New Zealand immigration generated a broader ethnic identity, often named ***Pasifika***: «***Pacific Islanders emphasise their common history*** ... ***Pacific Islanders*** with a ***broader ethnic identity*** … developed new music, fashion, customs and ways of speaking. This distinctive identity is sometimes referred to as ***Pasifika Aotearoa***» [18]. Nothing binds immigrants in a foreign country together more, than similar cultures. On the other hand, similar attitudes to them from the rest of the New Zealand community also enhance the unification of their views about their own identity. Sometimes this broader ethnic identity is named ***nesians*** derived from ***Polynesians***.

The concept PACIFIC ISLANDER was that very centre of gravity, which attracted the whole orbit of thematically bound concepts which formed the Pacific conceptual field. The concept rapidly developed in the second half of the 20th century. That period witnessed the largest wave of immigration from the Pacific [3]. In the 1960's the lexeme ***coconut*** appeared, which is interesting in its inner form. On the one hand, the coconut is a symbol of Pacific cultures. On the other hand, it gives a clue to the skin color of Pasifika people. Thus the lexeme features the ideas of «Polynesian ethnicity» and «brown skin». Additionally the definitions are marked as «dismissive», or «offensive». In the 1960's the nickname was in the same group as «boonga» and «nigger»: «***Coconut***» – other kids would say. Or people would yell «***boonga***» from the car window. Or «***nigger***» [13]. Shouts of contempt «coconut» were heard from everywhere. The analysis of the lexeme shows that the New Zealand community of the 1960's with the predominant pakeha worldview emphasized the features «dark skin», «being alien», and «negative attitude». This is an example of the «Pacific worldview → pakeha worldview» type of integration. The type «the Pacific worldview → the New Zealand national worldview» is also possible in this case, because at that time the latter was almost equal to the pakeha worldview.

The curious fact is that in recent dictionary editions a connotation shift from negative to positive can be observed: coconut – «Pacific Islander, a dismissive term in 1960's is ***now positive»*** [9]. Modern contexts also prove positive esteem: «I pause for a moment to ***honour them.*** ... those young ***«coconuts***» willing to go head to head ***intellectually***! ... They are ***wonderful Pacific men*** in my life!» [19].

Let us consider the further evolution of the word within the phrase ***coconut tackle***, which is, according to the dictionary – «head-high tackle» [9]. Here we see, probably, association with the good sporting shape of Polynesian sportsmen. These sportsmen are usually tall and strong. In March 1997 the rugby coach Kitch Christie gave the following comment on this expression to the mass media: «I never considered the term racist. It is like referring to it as a ***mango*** tackle» [9]. In this example the dominant feature «sporting» is very positive for national interests in sport. Contexts indicate the enhancement of this idea within the concept PACIFIC ISLANDER: «You need to watch an All Black or Kiwis game .... to see the ***important role Pasifika*** people play in our ***nation's sporting success***» [16]. The example highlights the integration of the type «Pacific worldview→New Zealand national worldview». Probably this is the case of integration of extra conceptual features rather than the whole concept, which had been integrated previously.

Special attention should be drawn to the phrase ***tangata Pasifika,*** which reflects the integration of «Pacific worldview → Maori worldview» type. The matter is that in the Maori language there is a phrase ***tangata whenua***, meaning «people of the land». The phrase indicates the spiritual unity of the Maori people with the land. It emphasizes the idea of the Maori being indigenous in their country. A new phrase ***tangata Pasifika*** formed by analogy with ***tangata whenua*** has appeared and refers to the Pacific minorities in New Zealand. The relationship between Maori and kindred ethnic groups of Pasifika is not smooth. There is a wide gap between them: «The ***older sibling/younger sibling*** relationship be-

tween ***tangata whenua*** and ***tangata Pasifika*** has always been ***awkward***. The ***world views*** and ***live experiences***, the ***histories*** and a***spirations*** of the Maori and Pacific Islanders in New Zealand are ***different*** ...» [15]. In spite of the differences, the fact of employing the lexeme ***tangata*** in combination with Pasifika testifies to the equality of Pasifika to Maori, though not yet actual but a potential willingness to admit this equality.

The word ***hulahaka*** which vividly illustrates the interaction of Maori and Pasifika worldviews is interesting from the point of view of form and image. This lexical unit has quite recently appeared (in the 1990's) with the meaning «a person of mixed Maori and Pacific Island descent» [9]. The word ***hulahaka*** is a compound, which derived from Maori ***haka*** and Hawaiian ***hula***. Both of them are the names of special Maori and Hawaiian dances.

The ceremonial Maori posture dance ***haka***, originally performed by men before warfare, was accompanied by chants: «war-like chant with actions» [10]. In the early days the haka served to symbolically intimidate the opposition and to encourage warriors before the battle. The expression of face and eyes was fierce and it was accompanied by protruding movements of the tongue, menacing gestures and shouts. At the end of the dance one of the warriors threw a spear in the direction of the enemy. Even today visitors, viewing the traditional performance on the ***marae*** (a traditional Māori tribal meeting place), become quite horrified.

Thus ***haka*** dance symbolically reveals the characteristic features of the authentic, once warlike Maori culture. The ***haka*** reflects the whole range of ideas, connected with the Maori warrior: agility, strong will, challenge bordering on aggressiveness, courage and genuine interest in strangers and everything new.

The significance of the ***haka*** image can be revealed through its employment as a conceptual metaphor. For instance, the concept feature «challenge to stranger» became the base for a new feature «*sports challenge*». As a result the modern ***haka*** is associated with the ceremonial performance of sports teams (for example, in schools) before a competition as an assertion of their spiritual and physical strength: «a chanted challenge offered by some sports teams at the beginning of a contest» [8].

The Hawaiian dance ***hula-hula*** considerably differs from the Maori warlike male *haka*. The *hula-hula* accompanied by chants used to be a part of religious rites. The dance was believed to be originally performed by a goddess and hence it became a sacred ritual. Today the hula-hula is just a dance usually performed by women: «a Hawaiian dance in which intricate hand and arm movements tell a story» [8], «a Polynesian dance, involving gentle rocking movements of the hips performed by women» [7]. The dance is performed in special clothes, the most important part being a hula skirt, made of grass.

Thus, the word ***hulahaka*** indicates that the famous Polynesian dances haka and hula-hula in New Zealand became common symbols of the Maori and Pacific cultures. The image employed in the word hulahaka is not a random choice, because dancing is an essential part of the Pacific (as well as/and Maori) culture: «Being a ***Pacific Islander***, a lot of that involves singing and ***dancing***. That's ***part of all of our cultures***... and you're raised with that singing and ***dancing*** in everything you do» [12].

The lexeme ***hulahaka*** reflects the interaction of Pasifika and Maori worldviews: «Pacific worldview → Maori worldview».

The last of these suggested types of integration concerned interaction of Pacific worldview with Chinese worldview. I did not manage to find any examples to illustrate this. Probably their status in New Zealand does not yield any visible results. Thus the fruitful integration of the Pacific worldview with that of New Zealand is reduced to three major interactions: with the pakeha, Maori, and New Zealand national worldviews.

Let us consider some fragments of Chinese conceptual field in the New Zealand worldview. Chinese immigrants started to arrive in the country after 1865 during the Gold Rush. Originally they settled in large numbers in Otago and Westland areas. At that time the Chinese conceptual field began to integrate into the New Zealand worldview. The early concept of a first generation Chinese immigrant integrated came as the image of a Chinese gold-miner. ***John,*** or ***John Chinaman*** - the early nicknames of Chinese goldfield miners. This example testifies to the «Chinese worldview → pakeha worldview» type of integration.

It should be noted that the majority of early language examples show a negative attitude to Chinese immigrants. The phrase ***chinese lady***, for instance, in the 19th century contemptuously meant «toilet»: «South Island toilet, indicative of low regard for Chinese miners» [9]. The same negative allusion is traced in the phrase ***luck of a chinaman***, meaning undeserved luck: «Very lucky, enjoying good fortune, sometimes the implication that you do not deserve it» [9].

The consequences of early integration and creation of a negative image of the Chinese immigrant

influenced other concepts of Chinese conceptual field. For example, traditional Chinese food was perceived in the same manner: ***chinese ballast*** (contemptuous for rice). On the whole, the concept FOOD became one of the first Chinese concepts capable of integration. The new environment of New Zealand worldview absorbed the alien concept and modified it. The concept underwent further evolution within the New Zealand worldview, became a metaphor and enriched the Chinese conceptual field. New Zealand English has an abundance of phrases with «***chow***» component. The word may mean both «food» and «a representative of Chinese diaspora».

The expression «***flash as a chow on a red bike***» also appeared during the early period of the Gold Rush and meant «something ostentatious, too showy». The image is based on the combination of colors: yellow (allusion to skin pigment) and red. ***Chowchow,*** yellow pickle, contains the same allusion: «yellow pickles, from Chinese perceived as yellow in skin pigment» [9]. According to dictionaries this word is well-known not only in New Zealand, but also, in Australia. In New Zealand English it is accompanied by a negative connotation, which stuck to the image of the Chinese settler, who turned from the goldfields to market gardening: «a term of contempt that followed Chinese into market gardening» [9]. A New Zealand historian M. King stated: «... market gardening and retailing fruit and vegetables, occupations which other New Zealanders eventually came to regard as «appropriate» for their Chinese compatriots» [5: p. 369]. Thus these examples highlight the allusion to skin pigment and thus illustrate «Chinese worldview → pakeha worldview» type of integration.

We should not ignore the fact that during this period the pakeha worldview was practically equal to the New Zealand national worldview. According to M. King: «... the country became in some respects «more British» than Britain itself...» [5: p. 175]. After the arrival of the first Chinese immigrants the New Zealand Parliament imposed a poll tax «to be paid by each Chinese entering the country, and ships were permitted to bring only one Chinese passenger per 200 tons of cargo» [5: p. 369]. These steps were aimed at restriction of Chinese immigration. That is why, considering the above-mentioned examples, it is more appropriate to mention both types of integration: «Chinese worldview → pakeha worldview» and «Chinese worldview → New Zealand national worldview».

The poll tax was abolished in 1944 and the Government officially apologized to the Chinese for discrimination [5: p. 369] but the new wave of immigration from China generated the same phobia. Many pakeha feel insecure as New Zealand becomes more ethnically diverse [5: p. 506]. Therefore negative esteem is still present in the further integration of Chinese conceptual field. The word «***Chowick***» is one of the recent examples. According to dictionary definitions, it is «Auckland suburb of Howick, drawing ***dismissive*** attention to where many Asian immigrants settled in 1990's» [9].

It should be noted that the recent trend is that Chinese and other Asian immigrants are frequently united by one broad ethnic identity (like the broad ethnic identity of Pacific Islanders). As a result Chinese are sometimes called ***kiwiasians***, like Koreans and Japanese**.** The growing Chinese diaspora and fears that it raises are expressed by the word ***kiwiasiation***. The word reflects the interaction of the Chinese worldview with the New Zealand national worldview, because the element ***kiwi*** unites all New Zealanders regardless of ethnicity.

On the whole the component Asia is more and more often associated with the image of Chinese and is employed in many linguistic expressions. For example, ***Pakuranga***, the other suburb of Auckland, where Asian migrants live in large numbers was named in newspapers ***Paka-Asia*** [9]. The first component ***paka*** in the Maori language may mean «a park, a box», and it ironically flavors the whole phrase. This example reflects the interaction of Chinese and Maori worldviews and «Chinese worldview → Maori worldview» type of integration.

Today Chinese immigrants are often named even in mass media ***banana*** (again an allusion to skin color). Some sources indicate that the word appeared in the 1980's and was originally used by first generation Chinese immigrants about New Zealand-born Chinese immigrants: «Disparaging term for New-Zealand-born Chinese, suggesting yellow on the outside, white within, used by Chinese immigrants about local Chinese from 1980's» [9]. It seems that today even the Chinese diaspora employs that image (but ironically) to attract the attention of the rest of the New Zealand community to their problems. For instance the Association of New Zealand Chinese organizes annual forums, which have the following names: «***Kiwiasians***. Pack ***Banana*** Conference», «Crouching Tiger, Hidden ***Banana*** Conference», «Rising Dragon. Soaring ***Bananas***», or «***Going Bananas***: Multiple Identities» [14]. All the names feature pun and irony. For example, pun can be traced in the latter (***to go bananas*** means «to become crazy or angry») as well as irony about the phobia, concerning not only Chinese immigration, but the growing ethnic diversity of the country in general.

Many people think that the family photograph of New Zealanders has become more swarthy, and this is a real fact that indicates that the country lies within the Asian-Pacific Region [14]. Therefore we can assume that the integration of ethnic conceptual fields into the New Zealand worldview will continue.

This research was devoted to some theoretical principles concerning the integration of ethnic conceptual fields into the New Zealand national worldview. We have considered only a few fragments of the Pacific and Chinese conceptual fields within the New Zealand worldview. The linguistic examples presented in the paper illustrate three major processes of integration of ethnic conceptual fields: interaction of the ethnic pakeha and Maori worldview with the New Zealand national worldview. No examples of interaction between the Chinese and Pacific minority worldviews were found.

REFERENCES

1. Лебедько М.Г. Время как когнитивная доминанта культуры. Сопоставление американской и русской темпоральных концептосфер. Моногр. / М.Г. Лебедько. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 240 с.

2. Николаева О.В. Взаимовлияние концептуальных картин мира маори и пакеха в условиях бикультурной среды Новой Зеландии. / Вестник НГУ: Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 5, вып. 1. – Новосибирск: изд-во Новосибирского ун-та, 2007. – С. 20–30.

3. Facts New Zealand / Nicky Chapman. – Auckland: David Bateman Ltd., 2002. – 279 p.

4. Keddell E. Pavlova and Pineapple Pie: Selected Identity Influences on Samoan-Pakeha People in Aotearoa/New Zealand // Kōtuitui: New Zealand Journal of Social Sciences Online, Vol. 1.– 2006. – P. 45–63.

5. King M. The Penguin History of New Zealand. – Auckland: Penguin Books, 2003. – 570 p.

6. McLauchlan G. A Short History of New Zealand. – Auckland: Penguin Books, 2004. – 216 p.

7. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Longman House, 1992. – 1528 p.

8. Reed Dictionary of New Zealand English (The)/ The first Dictionary of New Zealand English and New Zealand Pronunciation // Third Revised Edition / Orsman H.W. – Auckland: Reed Books, 2001. – 1345 p.

9. Reed Dictionary of New Zealand Slang (The) /All New Edition / David McGill. – Auckland: Reed Books, 2003. – 239 p.

10. Reed Essential Maori Dictionary (The) / Ross Calman & Margaret Sinclair. – Auckland: Reed Books, 2003. – 147 p.

11. New Zealand Herald (The), December 7, 2006: URL: http://www.nzherald.co.nz/category/story.cfm?c_id=105&objected=10414201

12. New Zealand Herald (The), November 17, 2006: URL: http://www.nzherald.co.nz/event/story.cmf?c_id=791&objectid=10370934

13. New Zealand Herald (The), July 15, 2006: URL: http://www.nzherald.co.nz/topic/story.cmf?c_id=346&objectid=10391310

14. New Zealand Herald (The), November 17, 2006: URL: http://www.nzherald.co.nz/topic/story.cmf?c_id=58&objectid=10395188

15. http://www.radionz.co.nz/nr/programmes/the_macmillan_brown_lectures

16. http://www.scoop.co.nz/stories/PA0703/S00141.htm

17. http://www.TeAra.govt.nz/NewZealanders/NewZealandPeoples/Samoans/en

18. http://www.TeAra.govt.nz/NewZealanders/NewZealandPeoples/Tongans/mi

19. Huia Publishers, January 29, 2007: URL: http://www.huia.co.nz/?p=196

INTERACTION OF VALUES, COMMUNICATIVE AND LINGUISTIC STRATEGIES IN DISCOURSE ABOUT RUSSIA OF NEWSWEEK MAGAZINE[1]

E.G. Megrabova

Megrabova, Emma Grairovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Lexicology, Stylistics, Methods of Teaching of English Language of the Institute of Foreign Languages at the Far Eastern National University.

The article is devoted to the analysis of linguistic means which express communicative strategies of the authors of discourse about Russia in American Newsweek magazine. We describe the character of the discourse (liberal) and its influence on the choice of communicative intentions and language means. The research is focused on Russia's «relations with countries of the «near abroad».

Key words: discourse, information, value, image, topic, communicative strategy, linguistic means, evaluation, lexeme, semantic field, verbalization.

The aim of my paper is to show how certain linguistic means help to create an image of Russia and actualize the communicative intentions and value orientation of its makers. The material for my investigation is limited to the American political weekly Newsweek. The time frames are from 2006 to the first half of 2008; the scope of the material of the investigation refers to the international life of Russia, its connections and interrelations with other countries.

When we address the preconditions of the text material, the social factors which belong to its extralinguistic aspect and determine the character of the text, we deal with the notion of discourse. Discourse is often defined as a text together with extralinguistic factors: pragmatic, sociolinguistic, psychological, etc.; a text in situations of real communication; or speech considered as a purposeful, social action [1: p. 136].

The discourse I intend to analyse, belongs to the institutional type of discourse, as the institution of mass media is a complex of official establishments and individuals fulfilling certain social functions: to inform, to convince, to persuade, and to influence the awareness of readers or listeners.

The discourse about Russia in the international magazine Newsweek is ideologically loaded. It depends on the sum of political ideas and on liberalism as the main ideological doctrine of the West. I qualify this discourse as liberal: the texts of Newsweek are written by people sharing the views, values and ideas of liberalism, such as individualism, competitiveness, success, consumerism, social freedom, minimization of the role of the state in economic and social spheres, the proclaimed pluralism and the proclaimed openness of the market, etc.

Individualism is the most important value in the political orientation of the USA in the international arena: «Individualism in its foreign policy aspect is seen… in considering the existence of *one's own* national-political community as a *end in itself* but the existence of other similar communities as a means for its realization; individualism is displayed by *ignoring the interests of other subjects* of international relations in the process of forming one's own strategy and tactics in foreign policy» [2: p. 180]. National individualism as a principle of foreign policy orientation is a specific transformation of the idea of the Frontier, «Pax Americana»: the USA considers even the most remote places of the world as a zone of its interests. It is hard to disagree with one of the leading authors of Newsweek, Fareed Zakaria, who writes: «American parochialism is particularly evident in foreign policy… Geopolitics is a struggle for influence: as other nations become more active internationally, they will seek greater freedom of action» [4: p. 29].

One more factor influencing the attitude of the USA towards other countries is its national self-image: America is a universal social, political and moral model, a pattern for imitation: «America is the global rule-maker» [May 12, 2008: p. 29]. Today the United States sees its mission as globalizing the world: A generation from now…historians…might note that by the turn of the 21st century, the United States had succeeded in its great historical mission – globalizing the world [4: p. 29].

The system of liberal values in the discourse about Russia has its specific realization through the use of certain communicative strategies, means of expressing communicative intentions. Strategies in mass media communication aim at forming definite

[1] The research on the topic was made possible through the funding by Russian Foundation for Humanities (RGNF). Grant "Language Representation of the Image of Russia in Publicistic Discourse in the West and East". Project № 06-04-00433a.

political positions in the addressees, maintaining or changing the views and ideas of readers (listeners) according to the ideology of the publication.

Verbalization of communicative strategies finds its expression in linguistic strategies – use of language means of a rational and emotional character: choice of words, phrasemes, metaphors, epithets, etc., adjusting the use of linguistic means to the realization of communicative intentions.

Actualization of certain information in the text permits discussion about the topics of discourse. The topic of the given paper is Russia's relations with some countries in «the near abroad», with Europe as a whole community and with the United States.

The principles of topic development are realized in the discourse in the form of communicative strategies. The analysis of the material has shown that communicative institutional strategies are singled out in the process of producing information, evaluating it and finding arguments to prove the truth of statements: informative strategies, evaluative strategies and argumentative ones.

The informative strategies include the strategies of selecting certain factual information, developing it in details, restricting some kind of information, hushing up some facts or ignoring them.

Evaluative strategies represent strategies, involving means of evaluation: strategy of defamation (attack, disapproval, contempt, denouncing); strategy of positive representation; strategy of contradiction (contrast, polarization); strategy of allegory.

Argumentative strategies deal with means of argumentation: strategies of trustworthiness and reliability are based on citations, evidence of eyewitnesses, reliable sources of information and figure proofs.

Information concerning the relations of Russia with «the near abroad» is thoroughly selected: it refers to building up Russia's image as a resurgent power; Russia's «bullying» of its neighbors and the reaction of neighboring states to Russia's foreign policy. The facts of «bullying» of Russia by its former Soviet republics are only touched upon without any further details. And the information, for instance, about massive donations into the economy of «former satellites» at the expense of Russia's people is absolutely ignored.[2]

Lexical means of verbalizing informative strategies are realized initially through the semantic field of «confrontation». Density of the semantic field «confrontation» shows the importance of the problem, as the Newsweek authors present it. Multiple use of the adjective *resurgent* together with lexemes *restore, assertiveness, Empire imperial, might*, etc., forms the image of a mighty power, Russia, whose ambitions may become dangerous for its neighbors: «*Putin…came to power seven years ago with grand hopes for restoring Russia's imperial might – reasserting its influence in its historical «near abroad»…»* [Jan. 22, 2007: p. 18]. « *After years of weakness, a resurgent Russia is striking back»* [Jan. 30, 2006: p. 24]. The estimation of Russia's status is drawn to the negative vector; the units *Empire, resurgent power, imperial might*, etc., are combined with expressions, implying the idea of rough force: *flex one's muscles; strike back, throw one's weight around: «The Empire Strikes Back. A confident Kremlin is throwing its weight around»* [Jan. 30, 2006: p. 24]. The idea of danger coming from Russia is expressed in the further development of the theme «Russia's confrontation with its neighbors»: *The common theme is that Russia has always chosen confrontation* [March 10, 2008, p. 39]. To support this statement the author, Owen Mathews, resorts to extrapolating today's problems to eternity (always) and to the whole world: *The entire world knows that Russia's trade ethics are purely political* [May 8, 2006: p. 23]. The idea of overwhelming danger and confrontation is revealed in the enumeration of Soviet republics and some other countries: *Apart from growing distrust in Europe and all-out confrontation with Belarus and Ukraine, Russia has also locked horns with Poland over agricultural trade. Last year it abruptly, cut off oil supplies to Lithuania's Mazeikin refinery,…and it remains engaged in a bitter trade war with… Georgia… Azerbaijan also joined the swelling ranks of Putin's perceived enemies* [Jan. 22, 2007: p.18].

The information about Russia – *the Biggest Bully* [March 10, 2008: p. 39] is clearly seen in the large semantic field «confrontation, conflict». The linguistic strategy of using words with semes, implying the idea of «violation» is realized in long rows of lexemes and word combinations which may be subdivided into several groups grading confrontation from mild forms of repression to rather severe ones. These units primarily actualize different mental schemes, the cognitive classifiers «Them-Us».

The semantic field «confrontation» may be structured according to the following scheme: actions of confrontation – severe forms of conflict – (prognosticated) results of confrontation. Actions from Russia directed against the neighboring coun-

[2] In the 1970's and the 1980's the economy of Georgia was subsided by 60%; there was pumped into the social sphere of Georgia 15 times as much money as into the Russian Federation [Razzakov, 2008: 10].

tries are verbalized in the following lexical units: *to impose sanctions, order gas supplies cut off, use energy as a weapon, plan a coup, delay visas for Georgian, raise gas prices, doubling gas prices, throw one's weight around, barring (Julia Timoschenko) from visiting Russia, spat, bust-up, diplomatic tantrums, political attack; close down, etc.* The words *threat, threaten* arouse the feeling of danger, fear, especially when the subject of threat is nuclear weapons: *The Kremlin's key threat: to slap tariffs on Belarusian goods exported to Russia* [Jan. 22, 2007: p. 16]. *Putin's latest gambit – to threaten to point nuclear weapons at Ukraine if it joins NATO…* [March 10, 2008: p. 39]. *Then came an essay from Defense Minister Sergey Ivanov entitled «Russia Must Be Strong» full of nuclear swagger and warnings…* [Jan. 30, 2006: p. 24]. The result of all these conflicts may lead to sad and tragic results, the initiator of which turns out to be Russia, and that is expressed in the lexemes *to ruin, to destroy, war, warware,* etc.: *Saakashvili accuses Russia of «planning to ruin Georgia»… Saakasvili warns that any attempts to wrest these regions (Abkhazia and South Ossetia) away would force Georgia to «go to war»* [Oct. 16, 2006, p. 40]. *Dislike of Russia by its neighbours, and distrust among its former allies, is fast rising to an almost cold-war level* [Jan. 22, 2007: p. 18].

The strategy of limitation of information is observed in the limited use of facts about actions against Russia on the part of some neighboring countries: *Moscow is extremely hostile to Georgia's westward tilt. Washington has sent military advisers and equipped the Georgian Army. With the encouragement of many in Washington, Tbilisi is loudly pushing its desire to join NATO. Seen from Moscow, this looks like a U.S. strategy to encircle Russia, destroying its influence in the region* [Oct. 16, 2006: p. 41].

Lexical formations which form the lexico-semantic field «confrontation» contain the rational assessment on the basis of the criterion of norm: right/wrong, normal/abnormal, because in any form of confrontation, violence is accepted by people as an anomaly. The abundant use of units of that semantic field shows that its members do not only denote fragments of information but they are components of strategy of assessment, evaluation. This strategy also finds its realization in words with emotive assessment, which express certain emotions as a reaction to notions, things or situations. Emotional attitude in these cases is accompanied by assessment, mainly pejorative in the discourse about Russia, which is a proof of the evaluative strategy of defamation of Russia (attack against Russia, denouncement of its actions). Emotive – evaluative adjectives make up the core of evaluative vocabulary of the discourse under consideration: *Vladimir Putin's bellicose language and aggressive style has cost Russia friends in the neighbourhood* [March 10, 2008: p. 39]. *Two out of three Lithuanians thought Russia was «the most hostile country»/to their own* [June 9, 2008: p. 31]… No less is the role of nouns of emotive – evaluative character: *…the brutality of Putin's slapdown on Lukashenko…, the Kremlin's high-handedness…* [Jan. 22, 2007: p.18].

Metaphorization is also a very effective instrument of defamation; vivid images created by means of metaphorization help to fulfil the strategic tasks: *…foreign interference would not be tolerated in Russia's backyard; Moscow is doing everything in its power to ensure that wayward former satellites return to its orbit* [Jan. 30, 2006, p. 24]. *Rising oil prices filled Kremlin coffers with billions in windfall profits* [Jan. 22, 2007, p. 18]. Metaphorization is a linguistic strategy of realization of the communicative evaluative strategy of allegory. Another linguistic means of allegory is the use of phraseological units with figurative meaning. The transformation (violation) of phraseologisms brings in here the note of irony, emphasizing the communicative strategy of defamation (contempt): *But while Russia's willing enough to play the partner, it won't trim its strategic sails for anyone; …Russia suspended imports of Ukrainian meat – another small turn of the screw* (Jan. 30, 2008: p. 24).

The strategy of polarization (contrast) manifests itself in describing contradictory aspects of Russia: strength and weakness. Different linguistic strategies are used in this case: metaphorization, antonomy, contradictory conjunctions, etc.: *The picture, long term, is of a goliath that doesn't quite recognize its days of dominance cannot last* [Jan. 22, 2007: p.18]. *Putin posed as a powerful, influential big brother but Russia' muscles turned out to be fake* [March 10, 2008: p. 39].

The strategy of support (defense) of Russia is very weak on the pages of Newsweek; it is felt in the article by Lieven «War in the Caucasus?»: *Moscow considers itself duty-bound to support Abkhazia and South Ossetia, if only because of fraternal ties. Hundreds of thousands of ethnic Russians live in the republics of the North Caucasus, and the last thing Russia needs is more ethnic unrest in that volatile region… The special danger with Georgia is that it's so laden with emotion. Since the fall of the Soviet Union, Russians have been infuriated by the way Georgia has swallowed billions of dollars in Russian gas subsidies and remittances from Georgian work-*

ers in Russia, yet allies itself with a West that has provided only a fraction of this help [Oct. 16, 2006: p. 41]. In this extract from the article the word *danger* refers to Georgia, which gets negative characteristics: *so laden with emotions, swallow*. Russia is represented here as the country with peaceful intentions (*fraternal ties, the last thing Russia needs…*); even the word *infuriated* gets its positive explanation.

The strategy of defense and support gets its verbal expression in the attitude of the Newsweek authors to the countries of the «near abroad»: *Tiny, landlocked Belarus is at Russia's mercy; energy-hungry neighbours; Vladimir Putin slaps down hapless Belarus* [Jan. 22, 2008: p. 16-18]; *cushy subsidies to neighbours; …Georgia is still fatally dependent on energy supplies from Russia* [May 8, 2006: p. 23]. The lexical units *tiny, hungry, hapless, landlocked, fatally dependent, at mercy* create the image of the neighboring countries experiencing sufferings through Russia's fault and the image of Russia which is to blame for this policy; thus the strategy of Russia's defamation is emphasized through the strategy of sympathy to the «near abroad» countries.

One more commentary on Russia's attitude to the neighboring countries seems rather important. Through all the descriptions of relations with Georgia, Ukraine, etc., there is seen another, background aspect: the relations of Russia with the West, Europe and the USA, whose policy is obviously anti-Russian in this sphere of political activities: *Now all of those countries (Georgia, Ukraine, Azerbaijan and Moldova) are members of an informal anti-Russian, pro-NATO alliance…; «colored» revolutions in Kiev and Tbilisi brought Western – friendly presidents to power* [March 10, 2008: p. 39]. *As Russians see it, the West's differing approach to the Balkans and the Caucasus reeks of double standards… Exibit A is the fact that the United States continues to arm and train Georgian forces* [Oct. 16, 2006: p.41]. The political aspect of Russia's relations with its neighbours is seen even in the cultural life, reflected, for instance, in the names of Universities: *the Georgian American University, the American University of Central Asia* [June 9, 2008: p.30].

The West, the United States in particular, perceives the former Soviet republics according to their geopolitical aims. The USA gives the ideological foundation of its geopolitical interests, referring to the basic values of its political disposition, thus trying to create the positive self-image of the fighter for freedom and democracy.

The self-image of the United States, based on freedom as one of America's declared values bears a specific, messianic character: *…when George W. Bush recently chose to send a message to today's masters of the Kremlin, marking the 50th anniversary of the 1956 uprising… the event was heavy with symbolism. «The sacrifice of the Hungarian people inspires all who love liberty», said Bush… «We resolve that when people stand up for their freedom, America will stand with them». Why the cold war rhetoric? In Budapest, there wasn't much doubt that the «freedom-loving» people Bush had in mind were citizens of former Soviet Union countries, like Ukraine and Georgia…* [July 3/July 10, 2006: p. 28].

Another principle, the foundation-stone of Western ideological life, is democracy, which tends to draw into its orbit the regimes of other countries. This value seems to become a convenient instrument of US geostrategic interests: *The new thinking is clearly set out in the White House's latest national security strategy… Washington's principal foreign policy objective…was now the «support of democratic movements and institutions around the world»… The United States would make a point of «encouraging democracy and withstanding oppression in Central Asia and the Caucasus», said Burns (US Under-Secretary of State), as well as urging «Ukraine and Georgia to work toward ties with NATO and the EU».* And further there goes a very important remark: *In the US view, it seems, Russia has become a major obstacle to America's geostrategic interests* [Apr. 10/Apr. 17, 2006: p. 29]. The principle of national individualism is revealed here to a full extent: Russia is denied the right to have its own political interest in borderline zones, with which it has been closely connected for centuries. And the opinion of Aleksandr Khomenko, the head of cultural programs at Roszarubezh Center, sounds well-grounded: *«We are being kicked out for political reasons. No matter what we try to do, neighboring states have anti-Russian agendas»* [June 9, 2009: p. 31].

Summing up the results of the analysis it must be said that the complex of communicative intentions verbalized in the complex of linguistic strategies in the liberal discourse about Russia creates a one-sided image of Russia: as a country with imperial ambitions, as a country «bullying» its neighbours. The strategy of ignoring the whole complex of actual facts, concerning the interrelations of Russia with its neighbors and its former friends does not contribute to creating a truthful picture of the fragment of reality «Russia and its neighboring countries».

REFERENCES

1. *Arutyunova, N.* Diskurs // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Discourse// Linguistic Encyclopedic Dictionary] (*N.D. Arutyunova*)/ In Russian. – Moskva: Sov. entsicl, 1990. S. 136–137. [*Arutyunova, N.D.* Discourse/ *N. Arutyunova* // Discourse // Linguistic Encyclopedic Dictionary. M.: Sov. encycl, 1990.]

2. *Batalov, E.* Politicheskaya kul'tura sovremennogo amerikanskogo obchestva [Political Cultural of Modern American Society] (*E.Ya. Batalov*)/ In Russian. – Moskva: Nauka, 1990. – 256s. [*Batalov, E.Ya.* Political Cultural of Modern American Society/ *E. Batalov.* – M.: Nauka, 1990. – p. 256.]

3. *Razzakov, F.* Spryatannaya pravda "Yzbekskogo dela" [The Hidden Truth of the "Uzbekistan case"] (*Fyodor Razzakov*)/ In Russian// Sovetskaya Rossia. Otechestvennye zapiski. – 2008. - № 16 [162]. – s. 10-12. [*Razzakov, F.* Spryatannaya pravda "Yzbekskogo dela" [The Hidden Truth of the "Uzbekistan case"] (*Fyodor Razzakov*)/ In Russian// Sovetskaya Rossia. Otechestvennye zapiski. – 2008. - № 16 [162]. – p. 10-12.]

4. *Zakaria, F.* The Rise of the Rest / F. *Zakaria* // Newsweek, May 12, 2008. Pp. 20-29.

CHINA ENGLISH FROM A SOCIO-CULTURAL PERSPECTIVE

Song Li

Song, Li – Doctor of Philosophy in English Linguistics; professor of English at the School of Foreign Languages, Harbin Institute of Technology (China); Secretary of China Association for Intercultural Communication and a member of the Advisory Board of the International Association for Intercultural Communication.

The article considers China English as a result the process of decentralization of the world English and nativization of English in China which generated chinese variety of English. The author provides analysis of key features of Chinese English (phonetic, lexical, grammar, pragmatic, etc.) from a socio-cultural perspective. This aloows the auther to draw the conclusion that Chinese English is an established variety of world English which reveals the cultural identity and values of China and expands and enriches the family of world Englishes.

Key words: decentralization, denatiolization, divercification, nativization, World English, World Englishes, Chinese English, variety of English, linguistic representation, characteristic features of Chinese English, culture, cultural identity.

Introduction

With the development of globalization and multiculturalization, English is increasingly being used as an international language in the global community. English users in the Outer Circle and Expanding Circle have multiplied and will continue to contribute to the development of new regional varieties. It is observed that among South East Asians, communication is more likely to be conducted in English. A.Kirkpatrick even argues that it is time for East and Southeast Asia to learn its own version of English [Kirkpatrick 2000]. Obviously English has now become decentered and denationalized. English has become nobody's own language, or it is the property of all [Honna 2003]. The word English is even capitalized as ENGLISH to indicate that there is no single version of the language called English today [e.g. Song & Fu 2004].

Decentralization and denationalization of English goes hand in hand with the diversification or nativization of the language. The ever increasing contact between China and the outside world has created opportunities for the Chinese and the international community to describe things Chinese and to express in English their views about various aspects of China and the Chinese, though each from their own perspectives. In China, as it is elsewhere around the world, English is more than a foreign language. Pan Z.X. [2005] observes that English has four major functions for the Chinese: 1) instrumental in education, the media, business, professional promotions, academic exchanges and other forms of international communication; 2) regulative in its potential to update government and legal work to a more international, multilingual and multicultural level; 3) interpersonal in everyday communication characterized by code-mixing or switching between friends and colleagues at home and abroad; and 4) creative/imaginative as used in the production of «contact literature».

As a carrier of Anglo-American culture, the established English language system is obviously inadequate in representing the unique creations by the Chinese over their five thousand years of civilization. English will have to be extended if it is to undertake the role of carrying other cultures, e.g. the Chinese culture. Thus by means of translation, transliteration, borrowings and other creative means, both international and Chinese speakers of English have greatly enhanced world English in its capacity to communicate about China and the Chinese way of life. As a result of such intercultural and intracultural communication, there has emerged a reservoir of words and expressions originated from Chinese culture and society that were formerly non-existent in the English language. The media, including radio, TV and the Internet, various forms of arts, including films and printed literature by and about the Chinese have contributed greatly towards the formation as well as the spread of a distinctive linguistic derivation of English: China English.

Over the last 20-odd years, numerous research has been conducted into China English [e.g. Jia & Xiang 1997; Du & Jiang 2001; Jin 2004], most of which have been centering on the acceptability and the linguistic features of this rather controversial variety. This article, however, attempts to look into the concept, features and functions of China English from a more sociocultural perspective. The author contends that China English is a hybrid of English

globalization and indigenization and an extension of English as an international language in China. The author will focus on the discussion of the following three questions: 1) What is China English? 2) What is characteristic of China English? 3) What sociocultural functions does China English play?

Conceptualizing China English

As recorded in academic literature, the term «China English» was first used by Ge Chuangui, a renowned Chinese linguist, in 1980 in an article on Chinese-English translation (91-92). In the following twenty years or so, Chinese scholars have disputed the legitimate status of an [1]indigenized variety of English in China as well as the conceptualization of such a variety [see Du Ruiqing & Jiang Yajun 2001 for an overview].

Many terms have been employed in the scholarly discussions of English used by the Chinese, including China English, Chinese English, Sinicized English, Chinglish, Chinese-colored English and Chinese Englishes [Jiang, 1995, 2003]. Among them, «Chinese English» and «China English» have been most popularly used by different Chinese and international scholars. The author has chosen to use China English as most scholars have done to avoid the negative qualities assumed with Chinese English, which is often understood as the equivalent of Chinglish–«broken» English originated from Chinese.

To the present author, China English is the hybrid of internationalization and localization of world English. Internationalization of the English language naturally leads to its nativization. The two trends of development are not contradictory but complementary to one another for cultural globalization is a highly dialectic process, in which globalization and localization, homogenization and fragmentation, convergence and divergence, centralization and decentralization, conflict and creolization are not exclu opposites, but inseparable sides of the same coin [Breidenbach & Zukrigl, 1999]. Different people interpret world events, ideas and institutions in highly diverse ways and integrate these diversified interpretations into their own ways of life through the creative use of a national or international language in everyday communication. From this perspective globalization and localization are one process: the local is increasingly a spin-off and part of the global. Cultural peculiarities, e.g. the national cultures of Japan or America, French fashion and Chinese cuisine can only be spotlighted as what they are when placed in a global world system; their unique identities would not be recognized outside this global context [Breidenbach & Zukrigl, 1999].

The author believes that China English is the natural extension of world English and, though still in its infancy, it stands out as a legitimate normative member of the world English family. China English, developed from both internationalization and indigenization of world English, has the native-speaker-based world English as its core system but integrates with the Chinese language and culture, distinguishing itself from world English(es) with its unique Chineseness in the phonetic, lexical, syntactic, stylistic means of linguistic representation as well as in the values and perceptions embedded in them. Conceptually it is a standard variety of English used by competent Chinese speakers of English and serves both linguistic and socio-cultural functions for communications between the Chinese and the world community at large.

The legitimacy and significance of China English will be discussed below with a focus on its distinctive sociocultural features and functions.

Characteristics of China English

China English is based on international English but extends in both linguistic and socio-cultural dimensions. The unique characteristics not only distinguish China English from other varieties but have also enriched the English language.

Unique entities of linguistic representations in China English

Culture nurtures language and no language is able to survive if taken out of its cultural environment. China English is no exception. As a carrier of Chinese culture and a hybrid of internationalization and nativization of English, China English is highly productive in describing Chinese culture and society. Jin Huikang [2004] in his monograph on China English gives a very detailed account of the descriptive and communicative functions of China English. In general, the entities characteristic of China English can be largely grouped into the following categories:

1) geographic references

The diverse and particular geographic conditions with its rich cultural and historical heritage across China have given rise to a great many English expressions. One such is the place names in the form of Chinese pinyin and in former times in the form of the Wade System. Beijing (Peking), Tibet, Huangguoshu Falls (黄果树瀑布), the Great Wall (长城), the Forbidden City , to name only a few.

[1] This article is based on the author's presentation entitled «China English and English Teaching in China» at the 14th NATE @ 7th FEELTA conference, Vladivostok, June 26-28, 2008.

2) historical references

The names of dynasties throughout Chinese history, the historical figures and events that go with them are part of China English. Examples are Pre-Qing Period (先秦), Eight Banners (八旗), An Lushan Rebellion (安史之乱), Genghis khan (成吉思汗), Silk Road (丝绸之路), Literary Inquisition (文字狱), imperial eunuch (宦官), well-field system (井田制), peasant association (农会), Cultural Revolution (文化大革命).

3) social and institutional references

The unique social structure and institutions, administrative and economic structure also demand descriptive terms in English. Such terms are: descendants of Yandi and Huangdi (炎黄子孙), Huanxia nationality (华夏民族), descendants of Dragon (龙的传人), imperial examinations (科举制度), residence registration (户籍), work unit or danwei (单位), Special Economic Zones (经济特区), changing from rural residence registration to urban residence registration (农转非 also translated as «agricultural people to be given non-agricultural status»), contract responsibility system (承包责任制), 10th Five-Year Plan (第十个五年计划).

4) political references

The political system in China is in many ways different from that in English speaking countries. Both the Chinese and English speaking people have to create new expressions for reference to these native Chinese phenomena, such as the eight democratic parties (八大民主党派), capitalist roaders (走资派), the Three Represents (三个代表), one country, two systems (一国两制), the five principles of peaceful co-existence (和平共处五项原则), etc.

5) ideological references

English references must be made in communication about the philosophical and ideological heritages of the Chinese people as many of them cannot be described by existing English expressions. And those expressions already in circulation among Westerners are no doubt earlier contributions of Chinese culture to the English language, Latin words for ancient Chinese thinkers and their doctrines, such as Confucius, Mencius, Taoism, Mandate of Heaven, Golden Mean, and Neo-Confucianism.

Most Chinese ideological concepts, however, have to be introduced by the Chinese themselves and the priority medium to be used is the English language. Some examples are the five constant virtues (三纲五常), Qi (气), yinyang (阴阳), five elements (五行), fengshui (风水), yuanfen (缘分), guanxi (关系), face work (面子), Lei Feng spirit (雷锋精神).

Many English terms are attributed new meanings or connotations when used in the Chinese culture, as in collectivism (集体主义), revolutionary (革命), dragon (龙), and intellectuals (知识分子).

6) folk culture references

With more than five thousand years of civilization, the Chinese have created a unique folk culture and enjoyed a unique way of life. The responsibility rests with China English for accurate description as well as adequate introduction of the great creations by the Chinese people and the customs of their everyday life. These references include Chinese folklores, festive activities, Chinese clothing, cuisine, traditional medicine, martial arts, crafts, folk theatre, literature, Chinese language system and calligraphy, etc. Some examples are: gongfu (功夫), wushu (武术), Tofu (豆腐), Spring Festival (春节), jiaozi (饺子), Beijing opera (京剧), Tang Poems and Song Ci (唐诗宋词), paper cut (剪纸), and Sun Yat Sen's uniform (中山装).

As can be seen from the short list of descriptive terms showcased above, English is used for every aspect of life in China. This is of great significance for both China and the international community, because China and the world need to enter one another's worlds in their pursuit of peace and further development. Without China English, communication between China and the rest of the world is almost impossible today. Although there are many difficulties in getting the English expressions for specific references in the Chinese culture, the important role of China English expressions cannot be overstated in its contribution to communication about China and with the Chinese, and to the extension of world English with its unique perspectives and ways of relating to the world as well as the splendid way of life it represents.

Unique means of linguistic representation in China English

The Chineseness of China English is not only exhibited in what it describes but also in how it de-

scribes those things and properties pertaining to the Chinese culture and society. Although built on an educated variety of English, China English has proved to be distinctively different at all levels of the language system, namely phonetic production, lexical formation, syntactic structures, pragmatic usage and discourse patterns.

The Chinese speakers of English are first and foremost socio-cultural beings. Whatever language they use, they will think and behave as Chinese. The Chinese language and the cultural perspectives that they have acquired early in life will inevitably influence the way they use the English language.

1) Phonetic features

Phonetic features are the first impression Chinese speakers of English give to others. Although not much has been done in this area, it is easily observable that the English spoken by the Chinese sounds quite different from that of the native speakers and other nonnative speakers as well. Even news anchors on CCTV International and CCTV English Channel carry with them a Chinese accent though their English can be described as near native.

The Chinese accent in English spoken by the Chinese is said to come from the differences between the phonetic systems of the two languages and the various accents of so-called native speaker teachers in China [Todd & Hancock 1990]. Du Ruiqing and Jiang Yajun [2001] points out that the most distinctive features of Chinese accent in China English are exhibited on the supra-segmental level, such as stress, juncture, assimilation, and linking sound etc. It is these supra-segmental elements that make Chinese speakers' English sound like "foreigner talk". However, more research attention has been given to the segmental phonemic elements by Chinese scholars. Jia Guanjie & Xiang Mingyou [1997] finds out that China English does have distinctive phonetic features and many of them the result of absence in the Chinese language such sounds as /ð/and /θ/ and the lack of distinction between a long vowel and a short one as in /u:/-/ u/, /ə:/-/ə/, and /i:/-/i/. They also observe that another segmental phonemic feature of China English is the addition of an /ə/ sound after the ending consonant or in between consonant clusters (e.g. /gud/ is often pronounced as /gudə/), because in the Chinese language words usually do not end with consonants and there is no consonant cluster.

Although the above features have given a Chinese accent to Chinese speakers of English, they generally do not cause difficulty of understanding for others. Moreover, very often the Chinese find it easy to understand the English spoken by Chinese English teachers and media people. This interesting fact counter proves the existence of identifiable phonetic and phonemic features in China English.

2) Lexical features

On the lexical level, China English differs from other varieties of English in at least two respects, the Chinese culture based vocabulary items and the ways of word formation.

The Chinese culture has created many things, tangible and intangible, that are unique to the Chinese and no expressions in the existing English lexicon are adequate for their description. Thus new terms are created to fill up the «lexical gap». There are as many China English expressions as there are such absences or gaps. The English reference terms mentioned earlier in this article are but some examples of vocabulary in China English. Cannon [1988] lists 19 categories of Chinese borrowings, which are irreplaceable by other words as they are unique to the English speaking world.

Chinese culture based vocabulary has greatly enriched the English lexicon. In his article on Chinese borrowings in English, Cannon [1988] listed 979 loan words from Chinese. The Oxford English Dictionary [2001] has 230 Chinese borrowings. And in A Concise Chinese-English Dictionary of Chinese Proper Names and Terms [Zhang &Yuan, 1994] there are as many as 30, 000 entries. Although there is still a lack of regulation system, Chinese borrowings in the English lexicon will still increase and at an even greater speed than one can imagine.

With regards to the ways of word formation, many Chinese borrowings are introduced into the English language through means of translation, transliteration, borrowing + English word, and miscellaneous methods [Jin Huikang, 2004].

Transliteration was done by the Wade System in early times and mainly according to the dialects spoken by people from the South China Sea and East China Sea areas, as a result of which there exist different versions of the same noun. For example, ginseng (人参) can be spelt as ginseng, ginshang, ginsing as pronounced by different Chinese dialect speakers. In recent Chinese borrowings, hanyupinyin (Romanized phonetic notation system for standard Chinese) is used for transliteration. This is helpful for the regulation of Chinese borrowings and at the same time easily applicable by contemporary speakers of Chinese Mandarin or putonghua. A subsequent phenomenon is the co-existence of formerly loaned words through the Wade System or other means and the newly named one with hanyupinyin,

such as Beijing-Peking, Daoism- Taoism, jiaozi-dumpling, wushu-martial arts.

Translation from Chinese original forms is responsible for many borrowings. This is probably the most commonly adopted way of word formation in China English as many Chinese terms have no equivalent in English and to transmit the meaning of those terms translation is often the choice made through lack of alternatives. For example, barefoot doctor (赤脚医生), paper cut, Great Leap Forward (大跃进), paper tiger (纸老虎), and reform through labor (劳改).

Some Chinese borrowings are, as pointed out by Jin [2004], created by loans + English words. Influenced by Chinese culture, expressions such as tea break, tea table, tea party are formed with the borrowed word «tea» and an English word.

There are miscellaneous other means for Chinese borrowings. Paraphrasing is another case of choosing from lack of alternatives. Spring rolls (春卷) are made by rolling up pastry with vegetable and other ingredients which were originally eaten when spring comes. Tomb Sweeping Day (清明节 also called the Pure and Bright Day) is the time for people to visit the tombs of their ancestors by sweeping the dust from them as an expression of respect.

No matter how they have got into the English lexicon, Chinese borrowings are part of world English and unique as contributions of China English. They are rich in number, flexible in means of formation, expressive of Chinese culture, irreplaceable by other words and indispensable for communication with the Chinese and about China.

3) Pragmatic features

Pragmatically speaking, China English represents Chinese social conventions, cultural values and identities. The pragmalinguistic and socio-pragmatic performances [Thomas, 1983] of Chinese English speakers are often found to be different from those of other English speakers. This fact is, more often than not, a socio-cultural matter rather than a purely linguistic one. Pragmatic behavior in China English is often the enactment of Chinese cultural values and norms and therefore, an important marker of the speakers' Chinese cultural identities.

What identifies a group of English speaking people as American or Chinese, British or Australian, is not only the accent, the choice of word, but also the way these people use words to realize everyday speech or pragmatic functions. In other words, pragmatic behavior is one of the significant markers of the speakers' cultural identity. Among members of a culture, there are shared rules of conduct in realizing speech behavior. In any communication event, the speakers are engaged in choosing from their cultural scripts the prescribed strategies or devices to be used in encoding and decoding verbal messages. And the ways speakers of a given language process information or messages depend considerably on how they themselves relate to the world and the people around them. In this sense, pragmatic transfer should not be simplified as deviations from «native speaker norms» in the case of English as an international language or a regional variety as used by the Chinese.

One striking pragmatic feature of China English is the adoption of Chinese cultural norms of behavior, such as the concern of modesty or the preference for the indirect style of speaking to avoid direct confrontation of conflicts in interpersonal relationships. However, not much empirical study has been done regarding Chinese English speakers' pragmatic performance or the pragmatic aspect of China English. A case in point is the author's personal observation of the habitual turning down of compliments in teaching advanced Chinese English learners and their limited strategies selected in response to the compliments received, which is a marked transfer of compliment behavior in Chinese. The typical syntactic pattern of compliment in Chinese that begins with the second person pronoun «you» or an NP with a second person possessive pronoun «your + noun+ verb» [Jia, 1997] is also often heard in compliments given by Chinese English speakers, such as «You look nice today», «Your dress is so beautiful». Even if the value of individuality has been on the rise [Jia & Jia 2003; Lin 1996], which has led many Chinese to accept a compliment on some matters, e.g. on their appearance, most Chinese English users will still react rather shyly and modestly to praise about other more serious matters such as their abilities at work and personal achievements.

Language is fundamentally a linguistic system of social semiotics and the use of addressing terms by the Chinese is undoubtedly marked with Chineseness [Pan Zhangxian, 2005]. One of the linguistic representations of the hierarchical structure in Chinese society is the distinctive use of different addressing terms for people of different social status and social relationships. The formulaic usage of Professional Title/Official Title + Family Name is expected in social interactions and even on informal occasions. So «Teacher Wang» or «Professor

Wang» is used for a teacher whose family name is Wang to show respect for the teacher, as with «Director Zhang», «Manager Li», and «Chairman Mao», etc.. «Comrade + Family Name» is still in practice among the Chinese though not as frequently and widely as it was before China's reform and opening-up in the late 1970s. Not to use titles when addressing someone senior in power because of his or her age, position or profession is a big offence or a lack of personal respect. Such usage of addressing terms is often adopted by Chinese English speakers and used to be criticized as breaching of English rules, but it is more and more accepted now. Pan Zhangxian [2005] points out that speech acts in China English are reflections of Chinese social norms. She quotes examples of gift-giving, addressing, expressing thanks, making invitations from contact literature (literature written by Chinese in English) to illustrate how English is nativized by the Chinese and how it contributes to the English language by bringing the Chinese flavor into the language.

Pragmatic use is not limited to spoken language or oral communication. The rules and norms that regulate oral communication also define how written messages are produced and interpreted. Stylistic features of China English are to be found in the way Chinese English speakers organize their writing or speech, including their choice of words, sentence patterns and discourse structure. Patterns of Chinese language use are often transferred and easily identifiable in China English writings.

In terms of diction, the Chinese are found to have a strong preference for the use of modifiers, for examples adjectives before noun phrases, degree adverbs before or after verb phrases. Although Chinese English learners are often blamed for their fondness of flowery diction, the frequent use of modifiers is quite noticeable even among competent Chinese English users. This is especially true in the translation of Chinese literature which is hailed for its beauty as created by vivid descriptions.

In terms of syntactic structure, China English organizes the sentence in a Chinese pattern, and that explains why the Chinese can understand what they write in English but Westerners may not. Please compare the following sentences: "Today is Sunday" (cf. It is Sunday today) , «After supper he went out for a walk» (c.f. He went out for a walk after supper), «If I have time tomorrow, I'll come to see you» (c.f. If I'm free tomorrow, I'll come to see you). The pairs of sentences all mean the same but those outside the brackets may sound awkward or uncomfortable to native English speakers with no knowledge of the Chinese language.

More prominent stylistic features are to be found in the written discourse patterns of the Chinese English users. Research findings show that for the Chinese the most preferred style of discourse is the indirect inductive pattern [for example, Jia and Cheng, 2000; Jia Xuerui, 2005]. One study reveals that in many inquiry letters by Chinese English teachers and scholars, the inquiry is made only at the end of the letter [Hu Wenzhong 1999]. In asking for leave from their native speaker English teachers, the Chinese students will almost always beat around the bush, giving account of the problem first and expressing the wish for absence from class at the very end, just as they will do in Chinese with their Chinese teachers. This can hardly be categorized as a mistake since the majority of competent Chinese English speakers will just do the same.

While native speaker teachers, who are used to direct, deductive discourse patterns, often complain about the trouble they have in figuring out the meaning of their Chinese students' writing, the Chinese teachers feel less difficulty in understanding messages in the students' English writing. And even the native speaker teachers find the incomprehensible writings become more comprehensible after they get to know the Chinese culture and language better. Language transfer does have its positive function in spite of all the confusion it may cause.

It goes without doubt that there is a distinctive «Chineseness» in Chinese English speakers' use of English. The Chineseness discloses the culture identity and the cultural values and norms underlying the seemingly deviant ways of speaking and writing by the Chinese English users in general.

Functions of China English

China English, as an extension of international English, functions as a medium of intracultural and intercultural communication with both native and nonnative speakers of English. And as a regional variation of international English, China English undertakes important social and cultural roles that can not be enacted by any other forms of English.

China English as carrier of Chinese culture

Language is more than a system of sounds and words; it is used to describe the inner as well as the external world as seen by its speakers. In so doing, the language used presents both the way its speakers perceive the world and the way they relate to the world. Language keeps record of human activities so much so that it is an indispensable tool for the transmission and development of culture. On the one hand, language is borne out of the universal human need for communication and on the other, it is used in different

manners by different groups. In other words, language is both a product and an inseparable part of culture. This certainly applies to China English.

First of all, China English developed out of the necessity for communication with and about China. There is a wide gap between Oriental China and the Western English speaking cultures. So there are many Chinese things, such as Chinese notions, social norms, food, music, ethnic cultures, and various ways of life, which are unique to English speakers, and untold and unheard of, or even undreamed of in English. Some of these Chinese things are untranslatable, such as qi (气), Taoism (道) and yinyuan (姻缘). Therefore, the Chinese have to be innovative enough to bring these Chinese things into the English language they use and in turn to the English speakers they communicate with, native and nonnative alike. Adaptive and productive as it is, the English language should be able to carry the weight of Chinese cultural experience. The linguistic expressions for unique Chinese entities mentioned earlier in this article are but some examples of China English as reflections of Chinese culture. They contribute greatly to the English family with abundant expressions and the rich Chinese culture they depict to the world.

Secondly, China English, as basically a Chinese cultural product, is in many ways shaped in the Chinese mode. By the Chinese mode, it is meant that when competent Chinese English speakers use English for communication they tend to process the language as influenced by the Chinese language system they have formerly acquired. This is indeed unenviable and not necessarily deplorable as long as communication in such manner is effective. The phonetic, semantic, pragmatic and stylistic characteristics in the means of linguistic representation stated in the previous section show that as cultural and social beings, the Chinese have set up in their mindset their own perspectives about the world and habits in using the language. This will naturally lead to some general preference in the patterns of English employed by the Chinese. There have been many discussions about the English, spoken or written, used in the Chinese media. In spite of the attitudes towards the ways English is used in Chinese media, all the arguments spotlight one fact: the English used by the Chinese does have some common characteristics. These characteristics are actually results of Chinese patterns of thought, Chinese perspectives of the world and Chinese enculturation in general. What should be done is not to abolish them but to recognize them as patterns of China English if they are regularly used and effective in communication.

China English as representation of Chinese cultural values and identity

To say that China English is a representation of Chinese cultural values and identity is to talk about the socio-cultural functions of the language. In the process of denationalization, English as an international language has not become deculturalized as many have claimed or wish to. The fact that English has become an international language does not suggest it is culture free. If English is used as a lingua franca, it is only a medium of communication for its users, and their norms of behavior, beliefs, values, and identities should remain the same in spite of the English language they use. It is meaningless to make non-native speakers, e.g. Indians and Chinese, behave like Americans or British when they come into contact with one another. In understanding the concept of English as an international language with many regional variations, the nonnative English speakers are relieved from the imposition of native speaker cultural norms and the burden of pretending to be native-speaker like in using English for pragmatic purposes or trying in every way they can to put on an air of the native speakers'. «The strength of the English language is in presenting Americaness in its American variety and Englishness in its British variety» [Kachru, qtd. in Honna, 2004]. Likewise, English, as an international language, should be flexible enough to present the Chinese cultural identity when used by the Chinese. The cultural values and identity of the Chinese people remain the same whatever language they speak.

When they use English, they are still Chinese, thinking and behaving as what they are. Language is the most important carrier of culture and it is used to express what its speakers think and feel. Language is also an important means of identity expression and construction because language is used as a medium through which a person relates the self to different others. In the process of communication, one is constantly engaged in the selection of appropriate ways of speaking. And to a great extent, this selection is regulated by how one sees himself/herself in relation to others. As Aronson says, «Self-identity can be racial (ethnic origin), national (citizenship), religious or linguistic. However, the main issue of self-identity is the relationship between the individual and groups in a given environment because human beings are social creatures» [qtd in Gao, 1998]. The perception of relationship between self and others is an important dimension of cultural values which can not to be easily changed when people start learning a

new language and the culture embedded in that language. For the Japanese not to use honorifics when they feel needed means breaking the social norms or giving up what they have learned to be the right way to relate themselves to those that are senior in social status. Similarly, for the Chinese, it is extremely important to know one's position in the affiliated social groups and the whole society at large. In the tradition of a hierarchically structured and high-context Chinese society, only when a person knows how he/she is related to the others can he/she decides what and how to speak in front of others. Otherwise he/she will risk sanction or failure in social interaction. A suggestion from a senior person or someone in charge at a workplace is always expected to be applauded or at least given silent consent; any direct rejection, whether justified or not, is taken to be inappropriate because such a strategy or response can only come from someone with more power over the speaker or someone having enough solidarity with the speaker.

A person's cultural identity is saturated in his/her use of a given language. The way Chinese use English, be it the way they sound, the topics they bring into an interaction, the style of language, or the encoding and decoding of particular messages, all help to disclosure the Chinese identity whether they like it or not. The linguistic properties of Chineseness in China English all serve as perfect markers of Chinese identity and for in-group and out-group distinction between Chinese and foreigners. Examples are not difficult to come by among Chinese immigrants in the West. Gao [1998], in the discussion of a series of surveys and interviews of PRC students with residence status in Australia, demonstrates that the identities of the Chinese immigrant students are easily traceable in their English speech behavior as a result of the strong influence of their native culture, even though they may have a strong desire to assimilate with the local culture.

China English as embodiment of Chinese social conventions

Though it has world English as its common core, the use of China English is subject to Chinese social conventions.

English language use is not a mere linguistic matter. Pragmatic rules are in fact culturally rooted norms. On the surface, speech behaviors are linguistic utterances produced by speakers of a language. Very often they are formulaic expressions used to perform different speech acts such as greetings, invitation, agreement, request etc. However, pragmatic utterances are not simple linguistic constructs. What lie below the surface level are cultural norms that define what people can do with language and how they should realize what they wish to do in that language. Making apologies is a universal behavior but what situation requires an apology, what strategies are to be used to realize an apology and how the addressee should respond to an apology are all regulated by the cultural norms the speakers live by. In this sense, the speech act of apology is but linguistic manifestation of what the speakers regard as offensive and how the offence is to be repaired. It is mostly the socio-cultural literacy rather than the linguistic literacy that licenses people to enact appropriate speech behavior such as an apology. What is considered as offensive in one culture may not be taken as such in another culture [Song & Liu 2002]. Cultural values and beliefs are deeply rooted in people's mind; they are internalized and become part of us. The internalized values and beliefs program our speech behavior. They simply stay in us all the time even when we use a different language. If the speaker regards everyone as of equal power, he will tend to adopt a more informal and direct approach in his speech. Otherwise a more formal and indirect approach will probably be used for those with more power.

The selection of speech strategies is closely related to the selection of socio-cultural norms because speech rules are cultural rules after all. No speech behavior is detached from cultural norms. Grice's Cooperative Principles and Leech's Politeness Principle are constantly criticized for their limitations as they are not found to govern speech behaviors in cultures other than the Inner Circle countries [e.g. Bi Jiwan, 1997]. In applying Lado's method of contrastive analysis, Song & Liu [2004] assert that people from different cultural backgrounds may use different linguistic forms to express the same meaning; and likewise, different meanings may be coded in the same linguistic form and appropriate communicative behavior is subject to its distribution in terms of time, place, social relationships etc. Therefore, the enactment and interpretations of appropriate speech behavior can be quite different across cultures. In the case of China English, rules of speech behavior cannot escape the constraint of cultural norms either. Not to acknowledge this is unrealistic and impractical.

Conclusion

China English is the evolution of world English in China. It is the hybrid of internationalization and nativization of English as an international language in China. The nativized aspects of China English should be looked at from a more socio-cultural pers-

pective as this newly arising variety is the representation of Chinese cultural values and norms as well as the identities of the Chinese speakers. Although it is new to the family of world Englishes, China English is as good as any other well-established or newly developed variety of English in its unique role as representation of Chinese cultural values and identity, and as embodiment of Chinese social and linguistic conventions. The Chineseness both gives rise to and brings about great prospect for the development of China English.

To further illustrate the distinctive properties of China English, the author will finally invite the readers to enjoy an article written in China English published in an official English newspaper China Daily to welcome the new millennium and experience the pleasure of learning about Chinese culture through China English:

Happy New Dragon Year!

The nation's new-found wealth has changed many aspects of our daily lives. But a lunar New Year's Eve family reunion lives on as an essential part of the annual calendar for many of us. The same is true of tonight's family feast.

While cabbage and potatoes have given way to fancy foods that many had not even heard of 20 years ago, jiaozi has remained a firm favourite. As the supply of food is no longer a problem in the country, tastes are diversifying and even verging on wired at times.

But the defining moment at the reunion banquet is still the point when steaming hot jiaozi is served. It is perhaps the only thing that can convey the warmth of home and hopes for the family in the coming year.

Eating jiaozi with the family on lunar New Year's Eve may alone be justification for many for the long journey home.

The annual tide of Chinese heading home for a Spring Festival family reunion is still matchless human feat.

The strong sentimental attachment to home is like an eternal thread handed down from one generation to another.

People's willingness to pay extra money for a ticket home and to brave the sometimes close-to-unbearable crowds has made train and air tickets the most popular buy at this time of the year and ticket speculation a lucrative seasonal job.

Annoying as it is for each home-goer, the gargantuan population flow is only a minor side-effect of the increasing mobility of our society.

Never before has the average Chinese had the latitude to decide for him or herself where to live and work. The days when people were glued to the place where, in most cases, they were born are gone. The economic leverage is breaking down the last policy barring the free movement of people across regions.

The facts that more and more ordinary Chinese are opting to holiday overseas during the festival, and more and more countries want to become official destinations of Chinese tourist groups, reflects another aspect of the mobility that used to be impossible for many of us.

Mushrooming travel agencies specializing in holiday tours thrive on the bulging pockets of the average Chinese. Even the government is waiting anxiously for the anticipated buying spree during the first week-long public holiday for the Spring Festival.

While sumptuous feasts are already the norm for the average Chinese family, the symbolism of the Spring Festival is becoming purer than ever as an occasion of family reunion.

Let us raise a toast to the happiness of all tonight at our family reunion as we Chinese greet the Year of the Dragon.

China Daily Commentary (quoted from Jin Huikang 2005:156-158)

REFERENCES

1. Bi, J. W. Politeness is cultural specific // Symposium of 5th international conference on cross-cultural communication. Ed. Jia Yuxin. – Harbin: Harbin Institute of Technology Press, 1997. – pp. 46–51.

2. Breidenbach, J. & Zukrigl. I. The dynamics of cultural globalization. The myths of cultural globalization. Cultural Collaboratory, Research Institute for Austrian and International Literature Cultural Studies. – 1999. / Available at http:// www.inst.at/studies/collab/breidenb.htm. [Accessed: March, 12th, 2006]

3. Cannon, G.. Chinese borrowings in English.// 1988American Speech, 63(1), 3-33.

4. Du, R. & Jiang Y. China English in. the past 20 years.// Foreign Language Teaching and Research – 2001, Vol. 4.- pp.37–41. (In Chinese)

5. Gao, M. C F Influence of Native Culture and Language on Intercultural Communication: the Case of PRC Student Immigrants in Australia. – 1998. Available at http://www.imm.se/intercultural/nr4/gao.htm [Accessed April, 4th, 2004].

6. Honna, N. 2004. English as an Asian language: A multicultural perspective. Lecture at Harbin Institute of Technology on Sept. 2, 2004.

7. Honna, N. Einglish as a multicultural language and intercultural literacy.// Southern Review – 2003. Vol.18, pp.1-16.

8. Hu, W. Indirectness revisited-On the communicative style in two types of Chinese letters // Aspects of International Communication–Symposium of 2nd CAFIC Conference on Intercultural Communication. Ed. Wenzhong Hu. – Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 1999. – pp. 315-334.

9. Jia, G. & Xiang M. In Defense of China English.// Foreign Languages and Their Teaching. – 1997, Vol. 5, pp. 34-38.

10. Jia, X.& Jia, Y. The Emerging and Construction of Individualistic Identity in Modern China. // Intercultural Communication Studies. - 2006, Vol.15 (3).

11. Jia, X.. A Contrastive Analysis of Chinese and American Rhetoric // Intercultural Communication Studies. – 2005. – Vol. 14 (2), pp. 90–101

12. Jia, Y. X. & Cheng, C. (2002). Indirectness in Chinese English writing. // Asian Englishes. – 2002. – Vol. 5 (1), pp. 64–74.

13. Jiang Yajun, 2003 English as a Chinese Language English Today, Vol. 74, No. 2.

14. Jiang, Y. Chinglish and China English. // English Today. – 1995. – Vol. 11, No. 1.

15. Jin, Huikang. China English. – Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2004.

16. Kirkpatrick, A. English as an Asian language // The Guardian. Weekly. – 2000, Nov. 23, pp. 16–22.

17. Lin, D. Studies of Intercultural Communication. Fuzhou: Fujian People's Press. –1996. (In Chinese)

18. Pan, Z. Linguistic and Cultural Identities in Chinese Varieties of English // Peking University Press. – 2005.

19. Song, L. & Liu, L. Apology in Chinese and English. // International Communication Studies. – 2002 Vol.11. – pp. 141–154.

20. Song, L. & Liu, L. Contrastive Approach to the Study of Cross-Cultural Communicative Behavior. // Inter-cultural Studies. – 2004, Vol.4 (2). – pp. 39–48.

21. Thomas, J. Cross-cultural pragmatic failure.//Applied Linguistics. – 1983. – Vol. 4. pp. 91–112.

22. Zhang, Z. J. & Yuan X. J. A concise Chinese-English dictionary of Chinese proper names and terms. – Beijing: Beijing University Press, 1994.

ON THE CATEGORY OF MOOD IN INDIAN ENGLISH

I.V. Nagiba

Nagiba, Irina Vadimovna – senior lecturer of the Department of English Language of the Orietnal Institute at the Far Eastern National University (Vladivostok).

The article deals with some peculiarities of mood usages in modern Indian English (IE), which is a characteristic feature of this variety of English. These peculiarities may be attributed to a number of reasons, among which can be named stylistic and historical, interferometric and linguistic ones. Historically, IE has developed a register shift towards greater formalization of speech. As a result of the interference of native tongues, IE speakers prefer perfect mood forms when making general suppositions or describing current unreal situations. Linguistically, IE tends to retain dated grammatical phenomena and use them along with current Standard English forms.

Key words: Indian English (IE), native languages, interference, Subjunctive Mood, clause, perfect forms, simple forms, old Subjunctive, deviant, Conditional Mood.

When speaking about cross-cultural communication, one usually means the communication with people with different cultural backgrounds, the word *culture* implies a certain country's culture (although a country's boundaries do not necessarily coincide with those of a culture).

The English language, which is termed *lingua franca* by linguists [8: p.16], is by far the most frequently used means of such communication at the beginning of the new millennium. Actually, the language situation nowadays is so unique that V. V. Kabakchi justly called it a *lingual revolution*, the essence of which reduces to global bilingualism expressed in terms of the formula EL + NL, with EL being English and NL any national language, respectively [7: p. 80].

English has become a global tool of cross-cultural communication, by means of which non-English speaking communities and individuals express their culture and familiarize themselves with the peculiarities and achievements of other cultures.

It is important to mention that English is a neutral means of communication as it is often used to avoid negative connotations which many nations and languages have in some domains of communication [24: p. 7-8].

All of the above can be said in full measure about the Indian variety of English (IE) which plays the role of a mediator language for Indians not only outside but also inside India with its multinational and multiconfessional population.

IE was first described as a new variety of English along with other new non-native varieties by the Indian American scholar Braj Kachru. B. Kachru put forward his model of the spread of English in the world which is called a *theory of the Concentric Circles of the English Language*, with *the Inner Circle* including so-called old or older [6: p. 21] varieties of English (OE) such as British English (BE), American English (AmE), Canadian English, Australian English and New Zealand English. *The Outer Circle* includes such varieties of English as Singapore English, Indian English, Nigerian English, etc. These are mainly non-native English varieties whose speakers use English as their second language serving as an intranational means of communication.

The Expanding Circle includes non-native varieties of English used as a means of communication with other native or non-native speakers of English generally in diplomatic, political, foreign trade and international tourism domains in countries such as Norway, Russia, China, etc.

B. Kachru defines IE as an institutionalized variety of English due to the fact that it is supported by state institutions. According to the Indian Constitution, English is an associate official language of the country; it is also the official language of the Indian Parliament; it is used in the High Courts and it is a medium for secondary and especially higher education. In many cases, English is preferred when the two speakers belong to different speaking communities, which is especially true for the country's southern regions where the non-Hindi speaking population dislikes both Hindi and Hindi speakers.

Indian English, like all new varieties of English has a number of features peculiar to it. They have resulted from language interference during language contact influenced by the native Indian languages. The process was named nativization or – speaking of India – indianization by B. Kachru. Z.G. Proshina defines nativization as a language adaptation to functioning in new socio-cultural contexts [10: p. 36].

The impact of native languages on English results in developing deviations, or deviances or deviant usage patterns by a new variety. Linguists clas-

sify them as deviations proper and innovations. These deviations are presented at each language level; they are systemic, common and do not prevent the variety users from mutual understanding [11: p. 125].

The violation of syntactic norms of English as compared to its commonly accepted varieties such as BE or AmE is one of these deviations.

We are mostly interested in verb functioning as the verb is the backbone of the English sentence with its rigid word order and analytical nature. Earlier, we considered the peculiarities of tense and aspect usages in IE. This paper deals with the mood usage in the Indian variety of English.

When describing and analyzing the peculiarities of mood usages in IE, we are above all inclined to consider those of the Subjunctive Mood.

Although the Imperative Mood also shows some peculiar characteristics, particularly concerning requests (as R. Mehrotra mentions [25: p. 101–102] the word *please* pronounced even with a falling tone can express a polite request in IE), it is the Subjunctive Mood that is of great interest to us because the material selected is a good reason for analysis.

On the contrary, no deviant usages of the Imperative Mood have been recorded in our data. Perhaps, the fact may be attributed to the register features of the magazine material and fiction which we have selected for our investigation. There were not very many imperative sentences in the texts; the characters mostly speaking the conversational English of the Indian middle-class of the 1930's-1950's except for the novelette *Blood at Sunset* [22: p. 62-82] in which some events of the 16th century are described.

Before proceeding to analyze the mood usages in our corpus, we would like to make our viewpoint of the Subjunctive Mood clear since there are a considerable number of theories interpreting the problem. Following K. A. Korneeva et al., we define the Subjunctive Mood as «all ways of expressing hypothetical actions and various meanings of unreality» [9: p. 165].

Using the definition as a guideline, we have selected 743 instances of mood usage in the material, which accounts for ≈ 2% of all verb usages recorded.

Table 1 shows the number and percentage of mood usages in various types of sentences.

87 deviant mood usages were recorded, which accounted for 12% of the corpus. The number and percentage of deviant mood usages in various types of sentences and clauses are tabulated in Table 2.

Subjunctive Mood Usages in Various Sentences and Clauses

Table 1

Type of Sentence/Clause							
Condition	Predicative and Comparative	Purpose and Emotional Subjunctive	Object after wish and would	Attributive It is time	Object Predicative and Attributive	Simple Sentences	Concession
193 26%	189 25.4%	37 5%	6 0.8%	4 0. 5%	31 4.2%	279 38%	5 0.7%

Deviant Mood Usages in Various Sentences and Clauses

Table 2

Type of Sentence/Clause				
Condition	Comparative Predicative	Purpose Emotional	Object/Predic./ Attributive	Simple
55 63%	2 2%	1 1%	2 2%	29 33%

Conditional Clauses with the Subjunctive Mood

Four types of deviations were recorded in the material:

1) Perfect Subjunctive for Simple Subjunctive to express general suppositions and present hypothetical situations;

2) Simple Subjunctive for perfect Subjunctive to describe past hypothetical situations;

3) Perfect Subjunctive in mixed-type conditionals to express relationships, feelings, emotions, etc.;

4) Subjunctive for Indicative in conditional sentences.

20 (36%) out of 55 conditional sentences account for deviant general suppositions, of which 12 (22.6%) sentences have Perfect Subjunctive in the principal clause to describe a present hypothetical situation:

«If older women could show enough understanding and sympathy toward the younger ones, the very structure of society *would have been* different» [14: p.165].

One sentence (1%) has Perfect Subjunctive in the conditional clause describing a present or future situation: «But if he *had had* a fleet of makeup men waiting in the wings, an agent, a contract, a percentage of the profits – what then would he be?» [31: p. 231].

Four sentences (7.5%) have Perfect Subjunctive in both the principal and conditional clauses to describe a present situation:

«If Subarna *had started* to cry, he *would have*

felt both happy and relieved» [14: p. 42].

11 (22%) sentences in the corpus have Simple Subjunctive to describe a past hypothetical situation:

«Dulo would have been killed if Prabhas and the others *could have* their way» [14: p. 66].

Six (11%) sentences are of deviant mixed-type conditional, of which four sentences describe relationships and emotions whereas the other two are of cause-and-effect type, with the cause referring to the past while the effect to the present:

«*Had* she *been* good and gentle and kind, would she have survived at all?» [14: p. 142].

«Had they been brought up traditionally, they *would have been* more respectful towards their parents, if only to meet the requirements of tradition». [14: p. 151]. The effect clause refers to the moment of speech in the latter example.

The fourth deviant type is represented by a considerable number of the following sentences: «If I *sleep* on the verandah, we'*d* both *feel* happier, you'll see» [14: p. 197].

All in all, 17 sentences have been recorded, which amounts to ≈30% of the total number of deviant sentences in the corpus.

The Indian scholar S. Parasher point out that IE speakers use these types of sentences rather often while BE speakers prefer either Subjunctive forms or Indicative ones in both clauses. AmE speakers do not mind using Indicative forms in the principal clause [28: p. 173].

According to B. Kachru, A. Kindersley mentioned the tendency to use *If I did* for *If I do* and *would* for *will* to describe a vague future or indefinite present situation as early as 1938 [24: p. 35].

Similar sentences can be found also in contemporary English Grammar books: *I'm not tired and I wouldn't sleep* [27: p. 80] and *If I made the wrong decision, I'll apologize* [15: p. 198] but they are not identical to those ones recorded in the data as the first of them is not a conditional sentence while the other describes a real rather than a hypothetical situation.

A small-scale experiment was performed to decide on the deviancy of the sentences. We offered these sentences to be analyzed as to mood usages by a BE speaker holding a PhD and two AmE speakers holding a MA and a BA, respectively. They considered these patterns deviant and inappropriate and replaced them with Indicative forms (80% of all instances) or with Subjunctive forms in both clauses (20%).

Similarly, three other types of deviations have been analyzed. In the BE speaker's opinion, 89% of all instances of mood usages were deviant. AmE speakers believed 84% of all mood usages to be deviant. Thus, OE speakers only considered 11% and 16% of instances to be standard. These were largely instances where either Perfect or Simple Subjunctive can be used: «*Would* Chinese food *have remained* (or *remain*) authentic if there still was a large Chinese community?» [17: p. 17].

According to M. Swan and C. Walter, some suppositions can be expressed either in Perfect or in Simple Subjunctive due to the fact that perfect and future situations are no longer possible because of the way things have turned out [30: p. 263]. It was this instance that both BE and AmE speakers considered to be standard, with all the others being thought deviant.

The Simple Subjunctive used for the Perfect appeared to be the most controversial issue as well as mixed- type conditionals.

The BE speaker considered these sentences to be deviant while AmE speakers had different opinions as to the following sentence: *«Dulo would have been killed if Prabhas and the others could have their way».* One AmE speaker corrected the sentence suggesting two versions of the subordinate clause: *could have had* or *had had* whereas the other left the sentence unaltered and strongly objected to using *had had* in the subordinate clause. It may be connected with a AmE tendency to replace Perfect Subjunctive with Simple forms even if Perfect is needed which was highlighted by the Russian scholar Weihman [2: p. 51]. The BE speaker substituted *wasn't* for *hadn't been* in the sentence *Mammachi often said if only he hadn't been a Paravan, he might have become an engineer*. AmE speakers considered the sentence to be appropriate although one of them suggested two versions: *weren't* a Paravan and *hadn't been* a Paravan.

The same version was suggested by AmE speakers for the sentence *Mammachi would have despised Margaret Kochamma even if she had been heir to the throne of England*. They considered both Simple and Perfect Subjunctive in the subordinate clause quite appropriate.

We then suggested that these sentences translated into Hindi be translated back into English by two IE speakers, both holding a BA. One of them is an L□ Hindi speaker while the other is an L□ Gujarati speaker. The coincidence of mood usages with the corpus amounted to 75% for the L□ Hindi speaker and 66% for the L□ Gujarati speaker, respectively. Thus, IE informants used Perfect Subjunctive practically in all instances. The experimental results are tabulated in Table 3.

Table 3

Similarity of Conditional Clause and Simple Sentence Versions Suggested by Native and Non-native English Speakers

Corpus Data	BE speaker	AmE speakers	L□Hindi speaker	L□ Guajarati speaker
100%	11%	16%	75%	66%

So, a suggestion can be made that IE speakers prefer Perfect Subjunctive to Simple forms when describing various hypothetical situation.

These deviant mood usages can be put down to language interference. There are eight types of sentences describing unreal situations in Hindi, four of which refer to the Conditional Mood while the other four are classified with the Subjunctive Mood. As far as the aspect is concerned, there can be Simple, Progressive, Imperfect Complex and Perfect Complex unreal forms. However, their meaning does not overlap with that of Simple and Perfect Subjunctive in English. Hypothetical Hindi sentences do not convey any information about the moment of completing an action. These patterns do not refer to any particular moment of time, it being extrapolated either from the context or from the meaning of the Adverbial Modifier of Time.

What counts is the interpretation of an unreal action as a complete, progressing or as incomplete hypothetical action [3: p. 149-159; 4: p. 260-262; 344-345; 411-413]. In other words, if they consider the future hypothetical action to be complete, IE speakers are likely to select the Perfect Subjunctive to express the meaning in English notwithstanding the fact that native speakers use it to describe a past hypothetical situation. And, vice versa if the past situation is thought to be incomplete, Hindi speakers tend to use the Simple Subjunctive/Conditional or Imperfect Complex Subjunctive/Conditional, which results in using the Simple Subjunctive to express the idea in English. If we try interpreting the sentence *Dulo would have been killed if Prabhas and the others could have their way* from this viewpoint, the choice of a Simple form makes sense because Prabhas and the others were not able to kill Dulo; the boy stayed alive, which means that the past hypothetical situation was incomplete.

In a similar manner, simple sentences show the same tendency: 28 out of 29 simple deviant sentences have Perfect Subjunctive for a general supposition or a present situation whereas one sentence has Simple Subjunctive for a past hypothetical situation. It is of interest to interpret this sentence in terms of language interference. The sentence describes a thief who broke into a house and stole a portion of dowry (women's jewelry) instead of taking all of it and the Subjunctive used is *Wouldn't he simply take…?* The sentence makes sense from an IE speaker's viewpoint because the thief was not able to do it and the action is considered incomplete. As a result, Simple Subjunctive is used.

Cf.: "Tell me, *would* you *have allowed* someone else to thrash your child to death?"[14: p. 111].

Thus, a conclusion can be made that the importance of action completion holds for hypothetical situations as well as for real ones.

Comparative and Predicative Subordinate Clauses with *as if/as though*

These sentences rank third in the corpus (See Table 1). The very fact that quite a large number of comparative and predicative clauses have been selected can be explained by several reasons.

A large portion of the material is fiction so a stylistic reason is not impossible here since a number of sentences are figurative similes: «He took a piece of burning coal in his hand as if *he were playing with a flower*» [13: p. 1].

But this does not seem to be the sole reason for such usages; interference can also account for them. In Hindi, there are two conjunctions connecting the principal clause to the subordinate Subject clause: they are *mano* (≈as if) and *geise* (≈as though). Since there is no subject in the principal clause, Subject clauses function as such [3: p. 303]. Perhaps, IE speakers consider these clauses as Subjects, thus imitating their native syntax. Then it becomes clear why so many Comparative and Predicative clauses are used in sentences which are not at all similes. Comparative and Predicative clauses amount to 130 and 59 instances, respectively: «It was not as if *in the intervening month Pakistan had dismantled* the extensive terrorist infrastructure in PoK» [16: p. 41].

Also, *as though* is used much more often than *as if* in the corpus outnumbering it by a ratio of 2.2 (130 to 59). 101 instances of *as though* usages were recorded while *as if* amounts to only 29. As for Predicative clauses, 29 instances of sentences with *as though* were recorded versus 30 of those with *as if.*

It seems quite possible that IE speakers consider *as though* more formal and as such, a more appropriate conjunction in written texts. Indian prose has traditionally been very formal. The fact can be put down to the influence of Sanskrit. Written texts differ from oral speech, a fact which has been repeatedly mentioned by Indian literary scholars.

Heated debates took place in the press as to which words, particles, or idioms were appropriate in fiction as early as the 1920s [23: p. 247].

By its very nature and history, IE tends to be rather formal and bookish. Two factors can account for this tendency: 1) English which was mainly spread as a means of business communication has been gradually transferred to less formal domains and 2) the introduction of English as an education medium in secondary schools and institutions of higher learning has made it still more formal [12: p. 153-154] since the language acquisition is based essentially on books despite broad international relations, the Internet and foreign education.

Probably, the tradition of elaborate and careful vocabulary selection influenced the choice of *as though* by IE speakers although Standard British Grammar books do not differentiate between *as if* and *as though* [29: p.734; 27: p. 234]. However, this supposition invites further investigation.

As for deviant usages, only two of them were recorded in the corpus, one being a general supposition with Perfect Subjunctive while the other dealing with the description of a present situation: «Aleyooty Ammachi (in a portrait – I. N.) looked more hesitant as though she *would have liked* to turn round but couldn't» [31: p. 30].

«Margaret Kochamma's mother was looking away (in a photo – I. N.) as though she *would rather not have been* there» [31: p. 240].

Subordinate Clauses of Purpose and Emotional Subjunctive

These sentences amount to 5% of the total number of instances recorded.

In his work, S Parasher points out that IE speakers tend to use *could* for *can* or *may* to convey factual rather than hypothetical possibility [28: p. 174]. No sentences with *may, might* or *should* have been recorded in the corpus. Seven sentences have the Present Simple tense in the subordinate clause while one has the Past Simple Tense. The rest sentences have *can/could* and *will/would* quite in compliance with the rule of Sequence of Tenses.

So far as the so-called emotional Subjunctive is concerned, there are four instances of such usages in the data, one of which is clearly deviant: «He fears that people *would* cast an evil eye on me» [22: p. 165]. The other three sentences are: «He grew afraid *lest* somebody *should* again *seize* him» [13: p. 18].

«Soma got worried *lest* it *goes* to Rajjo's house» [22: p. 164].

«He was keen that they *be seen* waiting» [31: p. 273].

All the sentences are rather formal as indicated by the conjunction *lest,* old Subjunctive and the verb *should* in them [15: p. 96].

Modest as it is, the relationship between formal usages and conversational patterns can serve as another example of the register shift in IE. The conjunction *lest* was also recorded in two subordinate clauses of Purpose:

«Take this letter; hold it between your two fingers, not on your palm *lest* it *get* crumpled» [13: p. 56].

«I cannot let somebody touch my body *lest* my mother goddess *becomes* angry» [13: p. 23].

Again, old Subjunctive was used in the former sentence.

Subordinate Clauses after Words Conveying Volition

These sentences amount to 31 (4.2%) in the corpus. This does not conform to S. Parasher's data, in which such usages amounted to 19.6% of the total. Also, S. Parasher points out that a number of instances of that-clause with *may+infinitive* were recorded in his material. He compiled his corpus of data from private and business letters of educated IE speakers. As to the type of clause, S. Parasher mentions after R. Quirk that it is generally used in formal registers as well as in AmE and is not very important [28: p. 172].

It seems entirely possible that our corpus is limited by the register it belongs to as it has already been mentioned elsewhere, but 25 sentences out of 31 from our corpus have old Subjunctive in the subordinate clause, another two have *should* in it and two more sentences are clearly deviant, having *would* and *must* in the subordinate clause, respectively:

«The position…requires that the applicant *must have* an advanced university degree» [21: p. 47].

«She insisted…that she wouldn't reconvert». [31: p. 26].

Two sentences have *was* and *is* in the subordinate clause after the verb of volition, which is typical of BE usage if the recommendation given in the principal clause was fulfilled [27: p. 46; 2: p. 57-58].

According to M. Swan, old Subjunctive sounds unusual and is rarely used in BE while it is used in formal sentences in AmE [29: p. 580].

Our data have been selected from some popular magazines and books of fiction, with a greater portion of instances (19 out of 31) being recorded in fiction; the characters in all the three books do not at all try to sound as formal as MPs, and still, old Subjunctive is used by the authors. In our opinion, a number of reasons can account for that, among which we would name: 1) stylistic and historical;

2) interferometric and 3) linguistic ones.

The register shift, which is characteristic of the spread of English in India, can partly account for the use of old Subjunctive in the magazine data, since political events and court proceedings are described in them:

«The Congress demands that we be together» [18: p. 36].

But there are not so many of these sentences in the corpus. Besides, two instances of the use of the Indicative mood were recorded:

«Pappachi insisted that a college education *was* an unnecessary expense for a girl, so Ammu had no choice but to leave Delhi and move with them» [31: p. 38].

Taking into consideration the use of *must, would, is/was* and old Subjunctive as well as *may/might* in S. Parasher's data, one has no way of explaining the variety of forms by the register shift alone.

It should also be noted that there is some AmE impact on IE, especially on the youth slang in big cities. Yet, the number of Americanisms recorded in the corpus is insignificant. We have only recorded such instances as *Coca-cola*, Elvis *Presley, gas station, brunch* and US *dollar.* As for syntax, the only Americanisms found are *had gotten* and *had proven*, each of which is used just once.

Also, Americanization does not appear to be compelling enough, with only one type of subordinate clause being Americanized.

In this connection, the viewpoint of the scholars R. Mesthrie and J. Davy is of considerable interest. They argue that not all deviations in new Englishes can be ascribed to the process of nativization or to the influence of modern English. As R. Mesthrie puts in his work, for historical veracity we need to keep in mind that (1) Standard English of the period of exploration, trade and colonization was slightly different from English in the 20th and 21st centuries; and (2) that such Standard English was not the only input in the formation of new Englishes [26: p. 453]. He then quotes J. Davy who, in his turn, argues that deviation from Modern Standard English is not necessarily prima facie evidence of linguistic and/or normic newness [26: p. 454]. Mesthrie points out that many features thought to be deviations were once a part of British English and as such are recorded in dictionaries with British sources.

Returning to the variety of verb forms in subordinate clauses after verbs of volition one can recall that English as a standard national language was in the act of forming in the 16th and 17th centuries when the Hindustan peninsula was being colonized. It was then that a great number of grammatical forms in transition were recorded. It is quite possible that the great variety of verb forms in Object subordinate clauses is a relic of the Early Modern English period of the language development.

According to Ivanova et al, analytical forms of unreal sentences date back to the 17th-18th centuries [5: p. 190]. K. Brunner points out that in early texts of Early Modern English the Subjunctive Mood was widely used. It was used in Object clauses after verbs denoting wish, speech, supposition [1: p. 298].

I. P. Ivanova et al name *might*+infinitive, *should*+infinitive, *would*+infinitive, and, partly, *may*+infinitive among the patterns used to form analytical unreal sentences. The use of *might/may* and old Subjunctive may be connected with the fact that these forms have survived in IE since the 17th-18th centuries.

To support the supposition that archaic grammatical forms are still in use in IE the following examples can be given:

«*Would* that the Government was able to pull off even this» [21: p. 32].

«Whatever *be* our relations elsewhere…» [22: p. 68]. There are all in all 12 instances of these usages in our corpus, which amounts to 1.7%.

The above instances can indicate that IE tends to retain and use archaic forms not only in lexis but also in syntax, of which the usage of the Subjunctive Mood is very illustrative.

Thus, such peculiarities of the Subjunctive Mood in IE as Perfect forms for Simple in Conditional clauses as well as the use of archaic forms along with modern ones in Object, Predicative, Attributive clauses and clauses of Purpose are conditioned by a number of reasons, among which interferometric, stylistic and linguistic ones can be named.

The interferometric reason resides in the fact that IE has been nativized as a result of the influence of native tongues; the stylistic reason lies with the register shift towards greater formalization of speech that has developed in IE; and linguistically, IE tends to retain dated grammatical phenomena and use them along with current Standard English forms.

REFERENCES

1. Бруннер, К. История английского языка/ К. Брун-

нер. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. – Т. 2. – 391 с.

2. Вейхман, Г. А. Новое в английской грамматике: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / Г. А. Вейхман. – М.: ООО «Изд-во Астрель», 2001. – 128 с.

3. Газиева, И. А. Элементарная грамматика хинди / И. А. Газиева. – М.:АСТ: Восток - Запад, 2006. – 240 с.

4. Дымшиц, З. М., Ульциферов, О. Г., Горюнов, В. И. Учебник языка хинди / З. М. Дымшиц, О. Г. Ульциферов, В. И. Горюнов. – М.: Наука, 1983. – Ч III. – 701 с.

5. Иванова, И. П., Чахоян, Л. П., Беляева, Т. М. История английского языка / И. П. Иванова, Л. П. Чахоян, Т. М. Беляева. – СПб: Изд-во «Лань», 1999. – 512 с.

6. Ильина, С. С. Обращение в сингапурском варианте английского языка / С. С. Ильина. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2007. – 207 с.

7. Кабакчи, В. В. Лингвореволюция конца XX века и изменение лингвистической парадигмы // Англистика в XXI веке. Материалы конференции СПб 22-24. 11. 2001. – Филол. Фак-т СПбГУ, 2002. – С. 80-86.

8. Ощепкова, В. В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии / В. В. Ощепкова. – СПб: Глосса\Каро, 2004. – 336 с.

9. Пособие по морфологии английского языка / Е. А. Корнеева, Н. А. Кобрина, К. А. Гузеева, М. И. Оссовская. – М.: Высшая школа, 1974. – 232 с.

10. Прошина, З. Г. Лингвоконтактология: статус, проблемы, перспективы // Социальные и гуманитарные проблемы на Дальнем Востоке. – 2005. – №1 (15). – С. 124-128.

11. Прошина, З. Г. Английский язык и культура народов Восточной Азии: Монография / З. Г. Прошина. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2001. – 474 с.

12. Семенец, О. Е. Социальный контекст и языковое развитие: территориальная и социальная дифференциация английского языка в развивающихся странах / О. Е. Семенец. – Киев: Вища Школа, 1985. – 175 с.

13. Dave, H. Henceforth. Translated from the Gujarati / H. Dave. – Madras: Macmillan India Ltd, 1996. – 89p.

14. Debi, A. Subarnalata. Translated from the Bengali / A. Debi. – Chennai: Macmillan India Ltd, 1997. – 213p.

15. Hewings, S. M. Advanced Grammar in Use / S. M. Hewings. – Cambridge, Cambridge University Press, 2002. – 340 p.

16. India Today. 2004. – Vol. XXIX, #9. – P. 6-72.

17. India Today. 2004. – Vol. XXIX, #26. – P.2-81.

18. India Today. 2004. – Vol. XXIX, #36. – P6-63.

19. India Today. 2004. – Vol. XXIX, # 50. – p. 8-50.

20. India Today.2004. – Vol. XXI, #51. – P. 1-71.

21. India Today. 2005 – Vol. XXX, # 2. – P. 1-78.

22. Indian Literature. 2002 – Vol. XLVI, #31209. – P. 60-192.

23. Jindal, K. B. A History of Hindi Literature / K. B. Jindal – New Delhi: Munshiram Manjhasal Publishers Put. Ltd, 1993. – 420 p.

24. Kachru, B. The Indianization of English: the English Language in India / B. Kachru. – Delhi: Oxford University Press, 1983. – 140 p.

25. Mehrotra, R. R. How to be Polite in Indian English//Int'l J. Soc. Lang., 1995. - # 116. – P. 99-110.

26. Mesthrie, R. The World Englishes Paradigm and Contact Linguistics: Refurbishing the Foundations// World Englishes, 2003. – Vol. 22, #4. – P. 448-461.

27. Murphy, R. English Grammar in Use/ R. Murphy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 350 p.

28. Parasher, S. V. Indian English: Functions and Forms/ S. V. Parasher. – New Delhi: Bahri Publications, 1991. – 193 p.

29. Swan, M. Practical English Usage / M. Swan. – Moscow: Vysšaja Škola, 1984. – 552 p.

30. Swan, M., Walter, C. How English Works / M. Swan, C. Walter. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 358 p.

31. Roy, A. The God of Small Things/A. Roy. – New Delhi: Penguin Books India, 2002. – 340 p.

CULTURAL CONSTANTS IN ARTS COMMUNICATION: IMAGE OF WATER SPACE IN THE LYRICAL POETRY BY IGOR SEVERYANIN

Y.N. Matveyeva

Matveyeva, Elena Nikolaevna – senior lecturer at the Blagoveshchensk State Pedagogical University.

The article considers the role of cultural constants in poetic texts as elements of aesthetic communication. The discussion is based on the culturally important image of water space in Igor Severyanin's poetry. The methods of studying image-bearing paradigms, developed by N. Pavlovich, are used in this work.

Key words: cultural constants, artistic communication, aesthetic communication, aesthetic value, image, image paradigm, functional-semantic field.

One of the factors complicating communication is the presence of an aesthetic component of the text which assumes operation in culturally conditioned and subjectively perceived images.

The status of aesthetic (artistic) communication is a disputable question. There are two basic approaches in linguistics today: intellectual and formal. The intellectual approach equated artistic communication to cognitive processes in the mind of the reader (A.A. Potebnya and his school). However, A.G. Gornfeld recognized that the definition of art as knowledge «grasps only one side of the artistic process» [2: p. 42], as it does not consider the emotional-expressive component. The formal approach proceeds from the fact that a work of art, if its form is destroyed, loses the aesthetic effect, and as a result artistic communication is connected exclusively with the form which is not dependent on the content [8]. The artistic form is the arrangement of the material causing aesthetic effect and is not connected with the content.

L.S. Vygotsky suggested considering artistic communication as the psychological process of transition of unconscious mental structures of the author to the social content of art, and the art itself «as the social resolution of the unconscious» [2: p. 108]. The aesthetic reaction of the reader appears as the result of comprehension of the discrepancy between artistic form and the content: collision of contrasts, infringement of norms causes an affective condition. According to this theory, the most vivid perception is the aesthetics of the ugly as in it the contradiction is brought to its logical end. The role of the unconscious was also discussed by T.V. Adorno. The beauty of an art work is perceived instinctively, and the hedonistic feelings of the moment cause concentration on the aesthetic qualities of the object. The intense supervision connected with the supraliminal concentration of the conscience causes analytical reflection which makes comprehension of the aesthetic experience. At this stage the work of art is perceived as a whole again, i.e. the adequate comprehension of the aesthetic is once again centered on the object [1].

An even more difficult problem is the definition of the specificity of communicative qualities of the lyrical text considered in Y.I. Levin's works. The world of the poetic product is extremely subjective and exists according to its special difficult-to-formulate laws, with the elements of the subconscious and unconscious, hardly allowing verbalization to be predominant. The poetic text is an element of a potential act of communication and necessarily assumes the presence of an implied author and an implied addressee; in the absence of a specific addressee and obvious monologicality it can be considered autocommunicative. Besides, «lyrics assume the establishment of specific communicative links («contact», «empathy») between the actual reader and the implied author» [5: p. 464], connected with the characteristic feature of its functioning – the need of repeated re-reading and memorizing by heart, similar to the need in communication with the loved ones. The subjectivity of lyrics promotes establishment of communication between the reader and the author, and also facilitates the possibility of the reader's self-identification with the author (or «the lyrical hero»), projecting the situation of the poem onto the personal experience of the reader.

One of the promising directions in modern linguistics is the study of the text as the text of culture, i.e. as the reflection of the whole integrated mechanism of man's comprehension of the world. The concept of culture as a set of texts was developed in Y.M. Lotman's works on semiotics: «The space of the text of culture represents a universal set of elements of the given culture, i.e. it is the model of everything» [6: 118], and each text (in its extensive understanding), on the one hand, is included as a component in the text of the national and world culture,

and on the other hand is its model constructed under the same laws. The artistic text represents the national and world culture at a certain stage of its development, and its perception demands from the reader the knowledge of ideas, symbols and the figurative language of the epoch of the text's creation. Absence of this background knowledge leads to cultural shock, aversion or inadequate understanding of the text. Thus, one of the necessary conditions of successful aesthetic communication is for the author to operate in culture constants, and for the reader to know and adequately perceive them.

In this article culture constants mean steady elements (images, concepts) characterized by wide-scale prevalence, stability, polyvalence, substantial capacity and high axiological importance. It is necessary to note that the degree of prevalence of the culture constants can vary from national to universal, and the degree of stability is subject to time fluctuations. In case of a limited functioning area it is possible to speak about equivalent-free constants the perception of which in a cultural space differing from the original is highly problematic; the reference to universal constants, on the contrary, facilitates intercultural communication as it appeals to the most ancient matrices of conscience.

In the artistic text the cultural constants can appear as an image, symbol, mythologeme, stable trope. The specific semantic filling and the emotional expressive estimate depend both on the cultural continuum within the scope of which the author works, and on its own representation. But the choice of the verbal formulation, though limited by language possibilities, is extremely individualized. Ingenuity of treatment or features of verbalization complicates initial perception of the text; however, the presence of an invariant core of the cultural constant provides the possibility for adequate interpretation. In this connection N.V. Pavlovich introduces the idea that each poetic image exists among other semantically connected images which taken together present a paradigm defining the stereotypes of mental perception of reality. The paradigm is «an invariant of the image» built under the scheme of «X → Y», where the left part is that which is compared, and the right part – that to which it is compared, connected by the relations of semantic identification [7: p. 11]. Understanding of an image lies in its correlation with this or that paradigm, in revealing the semantic prototype. Comprehension of the uniqueness of the verbal form of an image gives aesthetic pleasure to the reader.

The most stable and widespread constants in the world culture are the images of nature: planets, air space, landscape objects (mountains, plains, water space), trees and birds, etc.

As an example we will consider the functioning of an image of water space as a cultural constant in the poetry by Igor Severyanin. The most aesthetically significant images of his creative works are grouped around the central semantic opposition of his artistic world «Man – Nature», conditioned by the communicative task of the poet to reflect an individual picture of the world in his lyrics. The image of water, and water space is one of the most developed and detailed; it is present in the poems of different creative work periods of the poet, irrespective of the aesthetic attitudes significant for him at that moment. A water object is the spatial centre of the poet's artistic picture of the world, the point of unfolding of the poetic space of the text. The communicative value of an image is defined by its links with the aesthetic category of the beautifully: by creating the image of water space in the poetic text the poet tries to communicate to the reader his idea of the absolutely beautiful aesthetic ideal.

The «water» concept unites a number of concrete images of I. Severyanin's lyrics: ocean, sea, river, waterfall, lake, stream, pond; thus, it may be spoken about the maximum representation of the cultural constant in all its particular manifestations. The degree of detailed portrayal of the images and complexity of the structure of the functional-semantic fields of the text representing them allow readers to really appreciate their aesthetic importance and to assume that they are of key importance in artistic communication. Within the study the «sea», «river» and «lake» microfields were defined as the most significant, as the high rate of functioning and the variety of contextual links of their units explicitly show the most extensive aesthetic value of the core words.

It is necessary to note that the volume of the microfields and their correlation in I.Severyanin's creative works do not completely coincide with the stereotypes formed in the Russian poetry of the 18th-20th centuries. Thus, the Dictionary of Poetic Language gives a 31-component image paradigm with the «sea» component [3: p. 308-314], 20 image paradigms with the «river» component [3: p. 459-462], 17 image paradigms with the «ocean» component [3: p. 369-370], 13 image paradigms with the «lake» component [3: p. 367-368], 11 image paradigms with the «waterfall» component [3: p. 77-78], 10 image paradigms with the «stream» component [3: p. 470-471], and 7 image paradigms with the «pond» component [3: p. 441]. In the poetic texts of I. Severyanin [4] we found 132 texts containing the

elements of the «sea» microfield, 92 – those of the «river», 68 – «lake», 22 – «stream», 10 – «pond», 9 – «ocean», 6 – «waterfall». At the same time the general tendency to include in the text some indication of water space as a necessary part of the picture of the world, the border and at the same time the centre of gravity of the artistic space reflects the invariant of the image perception both in the Russian, and in world artistic culture.

The unity of methods to form the aesthetic value of the core words allows us to speak about the integrity and versatility of the image of water space in lyrics of I. Severyanin: there are general consistent patterns in syntagmatics and use of language means in figurative meanings. In particular, the following inverse figurative paradigms are common for all microfields of the given field:

– «sky → water space»: *небо - море перламутра; вознес меня аэроплан в моря расплавленного злата; там утки, точно водолазы, ныряют прямо в небеса; небо океанится; небо морем все объято, волной захлестнута луна*; *Безволно море. Синегладь. А небо - как оно; быть в море небу дан удел; солнце в небе лучезарно еще не плещется; струи лунные;*

– «water space → sky»: *в озерах поблескивают небеса; как небеса, бездонно ты; синее, как небо; над обнебесенной рекой.*

Both paradigms form an aesthetic value by actualization of the semes «width», «depth», «dark blue color». In some cases similarity of the objects is underlined by syntactic means - use of similar structures: *лазурь неба и волны; небеса и море – бирюза; только море и небо: море было так небесно, небо – морево; лодочка ли голубая, голубь ли в голубизне неба; преимущество величья земноводной пучины над пучиною небес; побуреет в бурях море голубое, голубое небо.*

The image paradigms «water space → sky» and «sky → water space» are based on the comparison of both components with a mirror. The poetic tradition fixes the figurative meaning of *mirror* as «a flat and pure surface of water», and in lyrics of I. Severyanin it is used repeatedly: *зеркало вод; воды зеркальна гладь; светлы зеркальные изгибы; речки лента зеркальная; в зеркальной раме речной; зеркало вечернее; вызеркаленный в пруду; любуется собой в пруде, как в зеркале; как будто в зеркало, смотрясь в широкий плес; залив заснет зеркально.* However, the poet also creates a symmetric metaphorical value which is occasional: *mirror* – «pure, transparent sky without clouds»: *в зеркале неба; небо, как эмаль.* The unity of images is underlined by a threefold comparison of water, sky and mirror, actualizing the semes «light», «bright», «smooth»: *а звезды, как символ чудесной загадки, и в небе горели, и в зеркале рек*; *зеленеют, синея, зеркала, остывая; бирюзовый штиль, сияющий прозрачностью зеркальной; в зеркале неба корабль луня, восходит тоскующий месяц.* Let us note, that such perception of the images of water and the sky as a symmetry of the upper and lower worlds also goes back to the culture constant reflected as early as in mythological pictures of the world.

The similarity image paradigms (verbalized as comparisons and metaphors) are also based on easily recognized invariants:

– Life → water space (hypersemes «movement», «naturalness»): *так шторм отважный, в морях бушуя, все превращает в сыпучий тлен; и доля всех равна - как брызги волн, что мечет вширь стремнина, и - как волне беспечная волна; в пруде выращиваемая рыбка живет, не ведая про океан*;

– Feeling → water space (hypersemes «depth», «movement», «uncontrollability»): *озера страсти; ты любовью мне сердце запрудь; когда ты гребла, музыкально гребла, не брызги текли,- упоенье с весла; наструненные выплески в болоте и судорожно-страстные ручьи; поиссякло ключистое сердце.* In his poem «Falling current» (1922) there is a metaphor identifying the emotional experience of the lyrical hero with the water current:

Моя любовь - падучая стремнина.
Моя любовь - державная река.
Порожиста порой ее равнина,
Но в сущности чиста и глубока.

The paradigm «water space → living being» (hyperseme «living being») includes the images of embodiment: *юнись душой, плескучий океан; приляжет море, как в гамак; ходит море синим шагом; ласково подходит море; нежилось море, упиваясь собой; нежилось море голубым сновиденьем; морей привидения – глыбы ледяные – точат насмешливо лязги; море задремлет; назойливо лижет мне ноги волна; море сковывает латы; по волнам шли седые деды – не паруса ли каравелл?; волна обратно бежит покорно; в ветре галопом бешеным кони мчались куда-то, пенился вал; и море, – и то как-то наго у гор оголенных грустит; из леса выбежала речка; берега дремали; сонные речки; речку сонную баюкал свет заботливый луны; шумит река, пьет дождь, как сок, она; над тихо дремлющим прудом; звучные речи ручья; ручей щебечет на поляне.* For this image paradigm principal value have verbs of motion and rest, arrangement in space

and expression of emotions as the similarity of the actions is a condition of likening the water space to a living being.

In I. Severyanin's poetry the image of water is indissolubly associated with the concept of «life», which is also proved by the high degree of detailed description of the «flora» and «fauna» fields, including the names of practically all water and coastal plants and animals of the European part of Russia. Such perception also reflects a culture constant: since ancient times mankind worshipped water as the giver of life. It is interesting to mention that the other side of the ambivalent representation - water as a death element – is hardly presented, even winter freezing being treated by the poet as a dream instead of death, therefore the emotional expressive coloring remains positive: *идет веселое катанье на лед морской с крутой горы!* The ice drift is thus associated not so much with revival and victory over death, than with awakening: *ежедневно хожу к бело спящей реке измененья следить ледостоя*.

Consistent reflection of culture constants in the content of texts helps the reader to overcome the difficulties caused by the bright individuality of verbal embodiment of an image. I. Severyanin uses a wide palette of verbal means carrying aesthetic value: occasional and potential words, expressively colored lexics, unusual syntagmatics, play with polysemy and sound features of words, etc. Combination of the means of different levels creates an impression of complete novelty and singularity; however, the obvious links with the image of art and mythology, not unique to the Russian culture, allow us to speak about the poet as the continuer of the world cultural tradition. Probably, this is what explains the revival of interest in Igor Severyanin's poetry in modern society.

REFERENCES

1. Adorno, V. T. Aesthetic Theory / V. T. Adorno. – M: “Respublika”, 2001. – 527 p.

2. Vygotsky, L.S. Psychology of Art / L.S.Vygotsky. – Rostov-on-Don: “Phoenix”, 1998. – 480 p.

3. Ivanova, N.N. Dictionary of Poetic Language (image arsenal of the Russian lyrics of late XVIII – early XX century) / N.N. Ivanova. – M: OOO “Izdatelstvo AST”: OOO “Izdatelstvo”: OOO “Izdatelstvo Russkiye Slovari”: OOO “Tranzitkniga”, 2004. – 666 p.

4. Igor Severyanin. Encyclopaedic Collected Works [Electronic resource]. – “Adept” Multimedia publishing house, 2003.

5. Levin, Yu. I. Lyrics from the Communicative Point of View / Yu. I. Levin // Levin Yu. I. Selected Works: Poetics. Semiotics. – M., 1998. – P. 464-482.

6. Lotman, Yu.M. Articles on the Semiotics of Culture and Art / Yu.M.Lotman . – SPb, 2002. – 544 p.

7. Pavlovich, N.V. Language of Images. Paradigms of Images in the Russian Poetic Language / N.V. Pavlovich. – M, 1995. – 491 p.

8. Shklovsky, V. B. Relation between Methods of Plot Building and General Style Methods / V. B. Shklovsky // Shklovsky V. B. On Prose Theory. – M.: “Sovetsky Pisatel”, 1983. - P. 26-62.

COMMUNICATION OF PHILOSOPHIC IDEAS WITHIN THE KYOTO SCHOOL

A.V. Bordilovskaya

Bordilovskaya, Anna Viktorovna – a post-graduate student of the Department of Philosophy at the Far-Eastern State Transportation University.

The Kyoto School is a group of Japanese thinkers of the 20th century who developed a new original system of thought and tried to solve the serious cultural and historical problem of communication between Japanese intellectual and spiritual traditions and the scientific methods and categories of Western philosophy.

Key words: Japanese philosophy, Nishida Kitaro, Zen-Buddhism, cross-cultural dialogue, modernization, Eurocentrism, nationalism.

The Formation of the Kyoto School

The Kyoto School is a complex phenomenon in the history of social, political and religious thought in Japan. It appeared at the junction of two centuries and epochs and spanned several decades. The Kyoto School was unintentionally founded by Nishida Kitaro, who is also considered to be one of the most influential thinkers of modern Japan. During the Meiji Period (1868-1912), when Japan became open to the outer world after a two-century isolation, there appeared a generation of scientists/researchers who devoted themselves to the «importation» of new scientific knowledge and research areas including philosophy. Nishida after many years of studying European philosophy and classical thought of East Asia and decades of actively practicing Zen Buddhism became the first modern Japanese thinker who had stepped aside from simply mastering Western knowledge and created his own original philosophical system. His first and major work in this direction was the essay called «***Zen no kenkyu***» («***An Inquiry into Good***») which was published in 1911. Owing to this work he was promoted to a position at the Department of Philosophy in Kyoto University, where he continued developing his ideas and exerted influence on the formation of a new generation of original thinkers, including the most famous representatives of the Kyoto School – Tanabe Hajime and Nishitani Keiji.

The name of this School shows that its founders had strong ties with Kyoto University, which was the second most prestigious university after Tokyo University in Japan at that time. No wonder that this philosophical movement appeared in Kyoto – the ancient capital of Japan and the center of traditional culture, but not in Tokyo – the new capital and the center of modernization i.e. Westernization. All the philosophers of the Kyoto School, on the one hand, devoted themselves to the study of Western philosophy (and made a great practical contribution in Japan's getting acquainted with Western philosophy), but, on the other hand, they were firmly guided by the traditions of the Japanese thinkers. One of the representatives of the School writes in this regard: «The keynote of the Kyoto School, as persons educated in the traditions of the East despite all they have learned from the West, has been the attempt to bring the possibilities latent in traditional culture into encounter with Western culture» [24: p. 217].

Nevertheless it would be misleading to regard the Kyoto School merely as an attempt at «putting a Western rational mask over Eastern intuitive wisdom». It would be also inaccurate to consider it as simply the aspiration for «using Western philosophical idioms and modes of thought to give modern expression to East Asian Buddhist thought». Firstly, Western philosophy had a fundamental influence on the thinkers of the Kyoto school. Secondly, the ideas of the philosophers were too original to be simply considered traditional Eastern thought. That is why when characterizing the representatives of the Kyoto School as the thinkers of East Asian Buddhism, or Mahayana Buddhism, it is necessary to mention that they critically and creatively reviewed and developed these traditions in dialogue with West European philosophy. It is important to keep in mind that their main goal was neither cultural expression, nor the dialogue between world religions, but a purely philosophical search for the truth.

The Kyoto School became widely known especially in the West because of the ideas in the field of philosophy of religion. In North America the philosophy of the Kyoto School is studied mostly at the departments of philosophy of religion as a representative of Mahayana Buddhism, especially in its later forms – Zen and Shin. Research in this direction is

rather fruitful. Nevertheless this approach is very limited and one-sided. Firstly, many thinkers of the Kyoto School considered philosophy of religion as the initial and final point in their reflections but their interest was never limited to that. The representatives of the School deal with a wide range of philosophical issues such as metaphysics, ontology, epistemology, logics, philosophical anthropology, philosophy of history, philosophy of culture, ethics, political theory, philosophy of art etc.

Secondly, the approach of the Kyoto School thinkers to the issues of the philosophy of religion is neither dogmatic, nor limited to one religion. For example, they used and interpreted Christian sources along with Buddhist. Even Nishitani who finally began identifying his ideas with «the standpoint of Zen» refused the label of a «natural theologian of Zen». He stated that he had frequently had occasion to deal with the standpoints of Buddhism, and particularly Zen Buddhism, and the fundamental reason is that [the original form of reality and the original countenance of human being in them seemed the simplest and most unmistakable [35].

Thus the legacy of the Kyoto School should be understood neither as Buddhist thought forced into Western framework, nor as global discourse dressed up in Japanese garb. It is best understood as a unique contribution to an incipient cross-cultural dialogue of cross-cultural philosophy from the perspective of modern Japan. This is especially important as Japan is a country which is still fundamentally determined by its traditional culture and due to historical reasons and contacts has undergone significant influence of the West.

The Question of the Kyoto School Identity

The question of defining the sphere of interests of the Kyoto School and its membership is still considered to be rather a disputable issue. Nishida Kitaro was without a doubt the founder of the school. Nevertheless he never aimed at founding a school based on his ideas; on the contrary, many of his followers and contemporaries mention that he tried to inspire independent thinking in his students. In addition, the name ***Kyoto School*** only came into use by its own members much later than in other parts of the world.

Two serious works devoted to the Kyoto School have recently been published in Japan: «***The Philosophy of the Kyoto School***» [Fujita Masakatsu, 2001], which was compiled by Fujita Masakatsu and includes the anthology of eight texts of the Kyoto School thinkers accompanied by the essays of modern researchers; and «***The Thought of the Kyoto School»*** by Ohashi Ryosuke (Ohashi Ryosuke, 2004) which contains five articles about the contradictory history of the name of the Kyoto School and seven essays devoted to the potential contribution of its followers in modern philosophy. Both works complement one another in many aspects. Nevertheless the authors suggest different approaches to the problem of identifying the characteristic features of the Kyoto School.

Fujita follows the working definition given by Takeda Atsushi, who characterized the Kyoto School as «the intellectual network that was centered on Nishida and Tanabe, and mutually formed by those who were directly influenced in both a personal and scholarly manner by them» [30: p. 234-235]. Fujita's book mentions such philosophers as Tosaka and Miki along with less contradictory figures like Hisamatsu Shinichi and Nishitani. As Fujita suggests, the advantage of this relatively open definition of the Kyoto School as the intellectual and interpersonal «network» is that it focuses on the common source of influence, but does not ignore the fact that the «membership» in this unofficial group allowed a considerable deviation from the ideas of Nishida and Tanabe. Mutual criticism sometimes led to the complications in personal relationship, for example, Nishida and Tanabe finally stopped speaking to one another, however, this was not always the case: Nishitani and Tosaka had good personal relationships despite the difference in their political and philosophical views. In any case mutual criticism was always taken philosophically seriously and often was an impulse for the further development of the ideas of each school member. In this sense, according to Fujita, the acceptance of mutual criticism can be considered as one of the defining characteristics of the Kyoto School.

Modern researchers often cite one of Tosaka's observations that without critical review of Nishida's ideas by Tanabe the tradition of the Kyoto School would never have existed. In other words, there probably could have appeared the followers of «Nishida's philosophy», but not a real school of interconnected but independent thinkers. One of the most contradictory issues is how independent from the influence of Nishida's ideas can a philosopher be to remain a member of the Kyoto School. Even when the following generation of the thinkers of the school strongly doubted some aspects of Nishida's philosophy, they still tried to adapt and creatively develop other general conceptions and ideas. The aspiration for perfection through self-criticism can be traced in the way Nishida endlessly tried to develop his own ideas. Nishida called himself «a miner» who never managed to stay at one place long enough to «refine the ore» he had extracted.

Thus, the Kyoto School as any other developing philosophic movement should be viewed as a group of original thinkers who were not limited by any prescribed dogma and tried to share and discuss a number of common problems, ideas and concepts. One of the most essential among such uniting and disputable issues was the idea of «Absolute Nothingness», which is frequently mentioned when describing the Kyoto School.

Fujita Masakatsu emphasizes that the problem of defining the specific features of the Kyoto School was more acute for Western researchers than for their Japanese counterparts. He suggests two reasons for this. Firstly, the Kyoto School had never had any serious opponent in Japan to contrast with. Secondly, Western researchers tried to isolate and focus on general characteristics of the Kyoto School thinkers opposing them to Western philosophy, but for Japanese scholars the differences between the ideas of the representatives of the school were frequently much more obvious than the similarities [30].

Ohashi openly questions the appropriateness of defining the Kyoto school as only a network of interpersonal and scholarly/academic relationships. According to Ohashi, to form a genuine «school» of philosophy, a group of thinkers have in common the possession or formation of a thought» [38: p. 9]. For Ohashi, this common thought of the Kyoto School is «Absolute Nothingness», and he offers the definition of the School as a group of philosophers which spans several generations of thinkers who developed their thought in several areas of philosophy with the idea of «Nothingness» as a basis. [37: p. 13]. On the one hand, Ohashi includes in his work «***The Thought of the Kyoto School»*** the article by Hattori Kenji devoted to the «left wing of the Kyoto School», on the other hand he previously explicitly excluded Miki from the members of the School because of his Marxist orientations [36: p. 12]. Fujita mentions that «in his major later period work, «***The Logic of Imagination»***, Miki does support the idea offered by Nishida that «Nothingness is what transcends the subjective and the objective and envelopes them» [30: p. 117–128].

Among Western scholars, John Maraldo has studied the question of the peculiarities and membership of the Kyoto School most thoroughly. He distinguishes six criteria applied by scholars to define the membership of the Kyoto School:

- ties with Nishida;
- ties with Kyoto University;
- attitude to Japanese and Eastern intellectual traditions;
- attitude to the interrelated matters of Marxism, the nation state, and the Pacific War;
- attitude to Buddhism and toward religion in general;
- attitude to the notion of Absolute Nothingness.

Maraldo shows that from the 1930's each one of these criteria has been used in various ways to either promote the philosophical significance/recognition of the Kyoto School or to blame its political ideology [32].

Bret W. Davis offers two more interrelated criteria. The first criterion is an essentially contradictory attitude to Western philosophy and the West in general (i.e., neither simple rejection nor simple acceptance). For example, Nishida and others adhered to a critical reception of Western ontology in interpretation of Eastern meontology or the «logic of Nothingness», and attempted to combine a Western «logic of things» with an Eastern «logic of heart-mind».

The second criterion offered by Bret W. Davis to define the School is an essentially ambivalent attitude to Western modernity (or toward modernization as the Westernization of Japan). Such a critical stance toward a unilateral globalization of Western culture, which partially accepts its unavoidability and even affirms its necessity in some respects, gives rise to the idea of «overcoming modernity» — an overcoming that would take place not by retreating from Western modernity, but by going «through and beyond» it. This going «through and beyond», moreover, would not simply be a matter of going further down the way of linear progress; it would raise the issue of hermeneutical as well as ultimately (me)ontological and existential regress, a radical «step back». The thinkers of the Kyoto School considered critical and a creative review of the traditions of the East, those of East Asian Mahayana Buddhism in particular, to be capable of enabling the fundamental religious and philosophical understanding necessary to move «through and beyond» the restrictions and problems of Western modernity.

This idea of «overcoming modernity» has the status of the most encouraging and still the most disputable issue within the framework of the concepts of the thinkers of the Kyoto School. Some researchers take it as the occurrence of a new and serious East Asian approach to the current postmodernism in philosophy and post-colonialism in cultural studies. Nevertheless, the ideas of «overcoming modernity» were born within the framework of World War II political theories. These theories assigned the dominant role in the historical progress and overcoming

the modern level of Western society to Japan (the Japanese people). These ideas of the Kyoto School philosophers caused special criticisms. It is interesting to mark that contemporary Japanese researchers who refer themselves to the postmodernism in general tend to avoid tracing the connection between their adaptation of modern self-criticism of Western modernity / Euro centrism and the previous criticism of it by the Kyoto School. After the Kyoto School philosophers had finished formulating the idea of «overcoming modernity» with the help of political terms, they continued to develop this idea within the postwar theories of philosophy of religion and culture. Thus, raising the problem of modern Western culture can be considered as an important criterion for identifying the characteristics of the Kyoto School philosophy.

Another significant Western researcher of the Kyoto School is James Heisig, who succeeded Jan Van Bragt as the head of the Nanzan Institute for Religion and Culture in Nagoya, an institute which has been the center of international research on the Kyoto School for several decades.

In his recent book titled «***Philosophers of Nothingness: An Essay on the Kyoto School***», J. Heisig suggests following the approach of Takeuchi Yoshinori and defines the School by «triangulating» it around the three leading figures of Nishida, Tanabe, and Nishitani. [23: p. 257-278].

These figures formed the core of what has become known as the Kyoto School, nevertheless it should be kept in mind that these are only three of a much wider group of original thinkers of this direction. That is why the issue of the Kyoto School membership requires a separate study.

The Kyoto School Membership: Representatives and Associate Members

Ohashi Ryosuke in his German anthology «***Die Philosophie der Kyoto-Schule»*** (1990) suggested a rather general but integrated and grounded approach to the problem of defining the affiliation of various Japanese thinkers with the Kyoto school which is based on their attitude to the idea of «Nothingness» or «Absolute Nothingness». This approach distinguishes the Kyoto School thought from that of traditional Western ontology based on «being». Thus R. Ohashi singles out the following major representatives of different generations of the Kyoto school: Nishida and Tanabe represent the first generation; Hisamatsu, Nishitani, Kosaka Masaaki, Shimomura Torataro, Koyama Iwao, and Suzuki Shigetaka represent the second generation; and Takeuchi Yoshinori, Tsujimura Koichi, and Ueda Shizuteru represent the third generation. In addition he also suggests that the psychologist Kimura Bin could be reckoned among the third generation of the School, if the criterion of definition is shifted from interpersonal relations to a genealogy of thought [38].

The most influential and active representative of the third generation is Ueda Shizuteru, who has done extensive research on the philosophy of Meister Eckhart, Zen, and Nishida. Tsujimura Koichi, who studied under Heidegger as well as under Hisamatsu and Nishitani, has written a number of provocative and influential works on Heidegger's thought from a Zen and Kyoto School perspective. Abe Masao, a former student of Hisamatsu, has been an important representative of the Kyoto School and an inter-religious dialogue catalyst in North America, although he is less known in Japan. It is considered that the Kyoto School is living past its third generation, so Ohashi Ryosuke, a rather prolific philosopher, whose works in both Japanese and German languages address a broad range of philosophical issues, can be considered as a central figure of its fourth generation. Other active representatives of the School, who could be referred to as its fourth generation, are Hase Shoto, Horio Tsutomu, Omine Akira, Fujita Masakatsu, Mori Tetsuro, Kawamura Eiko, Matsumura Hideo, Nakaoka Narifumi, Okada Katsuaki, and Keta Masako. The hopes of the School for future development are connected with the following young scholars: thinkers Minobe Hitoshi and Akitomi Katsuya; advanced doctoral candidates in Japanese Philosophy at Kyoto University Mizuno Tomoharu and Sugimoto Koichi; and some non-Japanese philosophers who have studied with the representatives of the third generation of the School.

The Kyoto School is thought to be at a turning point of its history which is reflected in current retrospective attempts to give the School a precise definition. After the retirements of Ueda and then Hase from the Kyoto University, and with the recent creation of the Department of the History of Japanese Philosophy at the Kyoto University in 1998, which was headed by Fujita Masakatsu, the Kyoto School is becoming more an object of research than a living tradition. Nevertheless in practice the retrospective study of the Kyoto School often blends with the further development of its philosophic ideas because the border between critical study and creative interpretation is very vague, as with most schools of philosophy.

It is also important to point out that today the Kyoto School is not only studied in Kyoto. In 1983, the first book on Nishida by Nakamura Yujio, a philosopher who lives and works in Tokyo, was pub-

lished. Since that time Nishida and the Kyoto School have steadily began attracting serious attention from the scholars and students in the areas of Japan outside Kyoto. Kosaka Kunitsugu is worth special mentioning in this regard because his profound and prolific research on Nishida and others has done a great deal for the sympathetic and serious analysis of the texts of the Kyoto School. The recent creation of the Nishida Philosophy Association web-site promises shifting to a new stage of interaction and intellectual exchange between Tokyo based and Kyoto based scholars of the School.

Returning to the question of membership, it is necessary to mention those who could be referred to as «related thinkers» or «associate members» of the Kyoto School. The widely-spread misunderstandings of the Kyoto School include in it a number of thinkers who have a more or less occasional relation to the inner circle of the School. For example, D.T. Suzuki (Suzuki Daisetsu), who maintained a long personal relationship with Nishida since their days as schoolmates. He familiarized Nishida with the practice of Zen. It is also acknowledged that it was his (Suzuki's) formulation of Mahayana Buddhist thought that influenced the formation of certain key ideas in Nishida's last essay on the philosophy of religion. But Suzuki —who is justifiably famous for helping introduce Zen to the West—was neither trained as a philosopher nor was he linked with the Kyoto University; and thus he is perhaps best thought of as a «related thinker» to the School.

The others are Watsuji Tetsuro and Kuki Shuzo. Both philosophers were brought to the Kyoto University by Nishida, and both developed philosophies which were more or less influenced by his thought. Nevertheless, both their thought and their activities remained too independent to count Watsuji Tetsuro and Kuki Shuzo among the inner circle of the School. It should be kept in mind, however, that these two «associate members» are first rate philosophers, and their original works outshine those of many of the less original though full-fledged members of the School. Watsuji created a novel theory of «culture and climate» («fudo»). His major work is on the ethics of «betweenness» («aidagara»). Kuki combined logical rigor and existential insight in his major writings on the problem of contingency. His works on Japanese aesthetics (especially his hermeneutical phenomenology of «iki») were provocative. They both have made lasting contributions to philosophy and are worth international scholarly attention and recognition.

Finally, there is a group of thinkers who have developed their ideas under the influence of Nishida and other members/representatives of the Kyoto School. A complete list of this group of «influenced thinkers» would be long, but it includes such philosophers as Takahashi Satomi, Takizawa Katsumi, Mutai Risaku, Yuasa Yasuo, Kimura Bin, Sakabe Megumi, and Nakamura Yujiro. The philosophy of the Kyoto School and Nishida himself have influenced a number of non-philosophers, such as the world-famous architect Ando Tadao, who designed the Ishikawa Nishida Kitaro Museum of Philosophy.

Conclusion

The philosophers of the Kyoto School were profound researchers in various areas and figures of Western philosophy; however, they kept a strong connection with their East Asian traditions, especially Buddhism. This double-sided approach put them in an exclusive position «between East and West».

The contemplations of the School thinkers were not just indifferent academic comparisons; they also did not act as mediators in inter-religious dialogue. As philosophers interested in existential issues they were looking for the truth and actively tried to uphold their approach to the perception of the world and the role of a human being in it. Each member of the School has his own understanding of the truth; nevertheless they are united by fundamental ideas, including different interpretations of the basic idea of «Absolute Nothingness» and the way of achieving «Self-consciousness» through overcoming the ego.

The most provocative and disputable suggestion from the point of view of international political correctness was Nishida's suggestion supported by other Kyoto School thinkers that unique modern Japanese philosophy had the potential of successfully unifying East and West. These ideas, which arose during a very complicated transitional period of the development of Japanese history were, of course, naïve and one-sided, but they reflected the specific traits not only of Japanese culture but of the East Asian way of thought, in general. Discussions, synthesis attempts and research in this direction can lead to constructive decisions/solutions and interesting cross-cultural dialogue.

The Kyoto school is very hard to evaluate and classify, because the methods and texts of the thinkers, on the one hand, reflect the inner dialogue and creative understanding of Western philosophy, but, on the other hand, contain basic concepts and theses which reflect the prevailing influence of the East. Nevertheless the philosophy of the Kyoto school is not a modern interpretation of East Asian Buddhist thought, it is their creative and critical reconsideration and development, although this kind of evaluation is not quite correct either. Although some philo-

sophers of the School openly reason from the positions of Zen (Hisamatsu, Nishitani, Ueda etc.) and Shin (Takeuchi, Hase etc.) Buddhism, it would be too primitive and non-motivated to classify the philosophical systems of Nishida and Tanabe as «Eastern» or «Buddhist».

On the one hand, the thinkers of the Kyoto school have never doubted that «philosophy» in the narrow sense of the word was the product of the West; on the other hand, they admitted that it had as universal an application as all Western sciences and technologies. They also understood that Western philosophy was not devoid of cultural coloring and peculiarities, and Eastern thought had a lot to offer for the development of philosophy in a post-Eurocentric world. The philosophers of the School saw the difference between potential and real philosophy and their search was aimed at making philosophy more, not less, universal and global.

The assertions of the Japanese thinkers that ideas born in Japan and Asia in general can seriously contribute to world philosophical polemics should not be taken as ethnocentric or nationalistic. «Japanese philosophy» of the Kyoto school should be considered not as a reaction to Eurocentrism or opposition to it. «Japanese philosophy» of the Kyoto school should be viewed as a contribution to the global philosophic dialogue.

Thus as the ideas and theories of the Kyoto school thinkers were formed at the junction of West and East the study and identification of the School was conducted both by Japanese thinkers from one side and their European and American counterparts – on the other. One of the major characteristics of the Kyoto school is the attempt to present Japan and their own philosophic ideas in the global context; it is symbolic that with the spreading of the research of the School world wide it is getting closer to what its founders had been dreaming of - taking the position of «the Japanese philosophy in the world» [22].

REFERENCES

1. Адамчик, М.В. Восточная философия / М.В. Адамчик. – Мн.: Изд-во Харвест, 2006. – 320 с.
2. Алпатов, В.М. Япония. Язык и культура / В.М. Алпатов – М.: Изд-во Муравей, 2002. – 224 с.
3. Алпатов, В.М. Япония: язык и общество / В.М. Алпатов – М.: Изд-во Муравей, 2003. – 208 с.
4. Арешидзе, Л.Г. Современная Япония: Политический справочник в схемах и таблицах / Л.Г. Арешидзе, И.М. Крупянко, М.И. Крупянко. – М.: Изд-во Вост. Лит., 2003. – 151 с.
5. Востокова, А. С. Страна Восходящего Солнца. От древности до наших дней / А. С. Востокова – Ростов-н/Д: Изд-во Феникс, 2005. – 256 с.
6. Гаджиева, Е.А. Страна восходящего солнца: история и культура Японии / Е.А. Гаджиева – Ростов-н/Д: Изд-во Феникс, 2006. – 249 с.
7. Горегляд, В.Н. Из истории общественной мысли Японии XVII – XIX вв / В.Н. Горегляд – М.: Изд-во Наука, 1990. – 213 с.
8. Елисеефф, В. Японская цивилизация / В.Елисеефф, Д. Елисеефф – Екатеринбург: Изд-во У-Фактория, 2005. – 527 с.
9. Коваль, С.Н. Ресницы Дарумы (парадигма Кэмпо-Дзэн) / С.Н. Коваль, Ю.Е. Холин – Ростов-на-Дону: Изд-во Феникс, 2005. – 395 с.
10. Мак-Клейн, Джеймс Л. Япония. От сёгуната Токугава – в XXI век / Джеймс Л. Мак-Клейн – М.: Изд-во Астрель, 2006. – 895 с.
11. Накорчевский, А.А. Японский буддизм: история людей и идей (от древности к раннему средневековью: магия и эзотерика) / А.А. Накорчевский – СПб.: Изд-во Азбука-классика, 2004. – 384 с.
12. Оно, С. Синтоизм: Древняя религия Японии / С. Оно, У. Вудард – М. Изд-во София, 2007. – 160 с.
13. Перфильев, В.О. Япония от А до Я – популярная иллюстрированная энциклопедия / В.О. Перфильев. – М.: Изд-во Япония сегодня, 2000.–640 с.
14. Стэнли-Бэйкер, Дж. Искусство Японии / Дж. Стэнли-Бэйкер – М.: Изд-во Слово, 2002. – 240 с.
15. Фельдман-Конрад, Н.И. Японско-русский учебный словарь иероглифов / Н.И. Фельдман-Конрад. – М.: Изд-во Живой язык, 2004. – 680 с.
16. Фудзинума, Т. Японско-русский словарь / Т. Фудзинума. – Токио: Изд-во Кэнкюся, 2000. – 1184 с.
17. Blocker, H. G. Japanese philosophy / H.G. Blocker, C.L. Starling. – New York: New York State University press, 2001. – 213 p.
18. Breen, J. Shinto in History: Ways of the Kami / J. Breen, M. Teeuwen - Published by Curzon Press, 2000. – 368 p.
19. Carter, R. Watsuji Tetsuro / R. Carter // Интернет: http://plato.stanford.edu/entries/watsuji-tetsuro/
20. Davis, B.W. The Kyoto School / Davis B.W. // Интернет: http://plato.stanford.edu/entries/kyoto-school/
21. Hayashi, S. Culture and Management in Japan / S. Hayashi – Tokyo: Tokyo University press, 1994. – 194 p.
22. Heisig, J. W. Japanese Philosophy Abroad / J.W. Heisig - Nagoya: Nanzan Institute for Religion and Culture press, 2004.
23. Heisig, J. W. Philosophers of Nothingness: An Essay on the Kyoto School / J.W. Heisig - Honolulu: University of Hawaii Press, 2001.
24. Heisig, J.W. Rude awakening / J.W. Heisig, J.C. Maraldo – Honolullu: University of Hawaii press, 1994.
25. Honna, N. An English Dictionary of Japanese Culture / N. Honna, B. Hoffer. – Tokyo: Yuhikaku Publishing Co., LTD., 1986. – 350 p.
26. Kasulis, T. P. Japanese Philosophy / T.P. Kasulis // Интернет http://www.rep.routledge.com/article/G100SECT8
27. Kenneth, G. H. A history of Japan: From Stone Age to Superpower / G.H. Kenneth - Published by Palgrave, 1999 – 242 p.
28. Makoto, O. On Tanabe's Logic of Species / O. Makoto // Интернет: http://www.bu.edu/wcp/Papers/Comp/CompOzak.htm
29. Masakatsu, F. Kyotogakuha no tetsugaku / F. Masakatsu - Kyoto: Showado. 2001.

30. Masakatsu, F. Logos and Pathos: Miki Kiyoshi's Logic of the Imagination / F. Masakatsu – Kyoto: Synthesis Philosophica, 2004.

31. Maraldo, J. Nishida Kitaro / J. Maraldo // Интернет: http://plato.stanford.edu/entries/nishida-kitaro/

32. Maraldo, J. The Problem of World Culture: Towards an Appropriation of Nishida's Philosophy of Nation and Culture / J. Maraldo // The Eastern Buddist, 1995. - №28/2. – P. 183-197.

33. Milton, W. M. Japan: A Concise History / W.M. Milton - Published in the USA by Rowman & Littlefield Publishers Inc., 1993. – 331 p.

34. Morton, W. S. Japan: Its History and Culture / W.S. Morton - McGraw-Hill, 1994. – 311 p.

35. Nishitani, K. Nishitani Keiji chosakushu / K. Nishitani - Tokyo: Sobunsha, 1986–95.

36. Ohashi, R. Die Philosophie der Kyôto-Schule / R. Ohashi - Freiburg: Karl Alber, 1990.

37. Ohashi, R. Kyôtogakuha to Nihon-kaigun / R. Ohashi - Kyoto: Shinsho, 2001.

38. Ohashi, R. Kyotogakuha no shiso / R. Ohashi - Kyoto: Jinbunshoin, 2004.

39. Sanson, G.B. Japan: A Shoort Cultural History / G.B. Sanson – Published by Charles E. Tuttle Company, Inc., 1997. – 548 p.

40. Schirokauer, C. A Brief History of Japanese Civilization / C. Schirokauer – Published by Harcourt, Inc., 1993. – 323 p.

41. Tsunoda, R. Sources of Japanese Tradition vol. I/ R. Tsunoda, Wm. T. De Bary, D. Keene – New York: Columbia University Press, 1964 – 506 p.

42. Tsunoda, R. Sources of Japanese Tradition vol. II/ R. Tsunoda, Wm. T. De Bary, D. Keene – New York: Columbia University Press, 1964 – 406 p.

43. Varley, H. P. Japanese Culture / H.P. Varley – Published by University of Hawaii Press, 2000. – 383 p.

44. Xiaofei, T. The Fascist Next Door? Nishitani Keiji and the *Chuokoron* Discussions in Perspective / T. Xiaofei // Интернет: http://www.japanesestudies.org.uk/discussionpapers/2006/Tu.html

ONOMATOPOEIC CHANTS IN THE EVENKI EPOS

A.N. Varlamov

Varlamov, Alexander Nikolaevich – Candidate of Philology, a researcher of the Institute of Humanitarian Studies and the North Minorities Issues of the Northern Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk).

The article reviews the onomatopoeic solo parts in Evenki epic texts. The article reviews the evolution of onomatopoeic solo parts: from imitating the sounds of animals to verbally marking sounds in the Evenki language. The article briefly describes the peculiarities of semiotic perception of natural sounds in the Evenki traditional community.

Key words: Evenk, epos, epic solo parts, folklore.

A peculiarity of the Evenki epos is the existence of a unique proper chant for every epic hero. At first sight the epic chants do not carry any special information and resemble a group of sounds, adding to the image of a folk character. A.N. Mireeva points out that such chants are the beginning of direct speech and ending of the song-speech of the hero. Part of the chants do not contain any definite meaning, but express echoism.

Scrutiny of any chant of Evenki saganimgakanas shows that it carries certain information about the hero who possesses the chant. The chants not only represent echoism, but contain more detailed information characterizing the hero. The high level of information content of the epic chants was noted by a famous native folklorist. E.S. Novik who notes that epic chants represent a very important semantic component determining the status of the text as a monologue of a person. The functional meaning of chants in the folklore of the North people was thoroughly considered by G.K. Lebedeva who noted the chanting word as the main component of the ceremonial verse which has a polysemous function in the epos: the chants could supersede the hero's name and show his peculiarities. Profound functional properties of epic chants are also noted by G.I. Varlamova: «both Evenki and Even singing monologues have their chanting words, which are idiosyncratic codes; a «visiting card» of the hero. The chanting words in the Evenki epos are hard to interpret. We can often only suppose that this family chant, and these chanting words date back to the patronymic or name of the tribe.

The analysis of the chants of the Evenki nimngakans allows us to emphasize some basic types of chants of epic characters which can be grouped depending on principles of their formation: onomatopoetic chants; chants derived from the names of Evenki animal or the names of characters; chants which characterize the clanship of the character by their sounds. It is necessary to mention that this classification is notional. In this regard Y.I. Sheykin accurately notes that the comparative analysis of cultures and types of keeping archaic forms of sound behavior allows scientists to define the archaic genre as a process rather than as a result. [12: p. 5].

The purpose of the present research is to observe the evolution of epic chants formed on the basis of onomatopoeia; as such chants coincide with the most ancient state of human speech. Before starting to observe Evenki epic chants formed on the basis of the onomatopoetic principle it is necessary to comment on the semiotics of the language communication of Evenkis and on the particularities of their perception of complex natural sounds. The sound perception of the natural sounds by the people of different types of culture differs very much. Even in cultures of similar ethnographic types the differences are visible without mentioning comparison with European urbanistic culture.

Let us consider then some simple examples. Russians associate the barking of a dog with the collocation «*gav-gav!*» Among the Yakuts living in the central part of Yakutia the onomatopoetic collocation of *njong-njong* is more common; among the Evenkis there is another association – *hung-hung*, and (in both cases the *ng* is a joint nasalized sound as in the English words *sing, long*). The difference between the sound perception and the sound reproduction of different peoples is naturally connected with particularities of their languages, but there are also other important factors. First of all is culture difference, for example, the socioeconomic environment. Russians and Yakuts generally consider the dog as a guard, and its barking is strongly associated with the collocation-sounds in the Russian and the Yakut languages.

In the Evenki environment dogs rarely bark near lodgings as their main function is hunting and the collocation *hung-hung* is associated with a dog barking at an animal heard from afar. The sound of

crisping snow is perceived similarly by people from different cultures. This shows that perception depends on the natural environment. Despite the huge language and cultural differences of the Yakuts and the Evenkis they have practically identical perception of the sound imitating the crisping of snow: the Evenkis have «*kotchir-kotchir*» and the Yakuts – «*hytchir-hytchir*». In this case the cultural differences can not influence the word reflection of natural sound which is identical in the environment of both peoples.

For the Evenkis as well as for other nomadic peoples completely dependant on natural conditions, the ability to perceive natural sounds correctly is extremely important. Sound perception is important in the economic cycle: hearing the capercailzie bell (has he noticed the hunter or not); how far, to whom and in what direction (considering the wind and the terrain) is the dog barking; how does the weather change according to the sound of the wind and so on. Every day the Evenkis, inhabitants of the taiga, receive a huge amount of necessary information from the environment and can interpret it correctly.

This acoustical way of transferring the information was naturally put into folklore by the Evenkis. Onomatopoetic chants were formed at an early stage of Evenki epos development and were kept both in the archaic epos of the Evenkis and in the epic literature of later times.

The onomatopoetic chants of animals are more specific in the archaic epic literature of the Evenkis. So, in the legend about Tchinanay the animals have chants resembling the sounds produced by these animals in reality.

"When he was sitting a crow was flying nearby...

"Kuluk! Kuluk! What are you doing?"

Kuluk is the sound of a Raven. The folklore chant *«Kuluk-Kuluk!»* really resembles the sound of a Raven in the taiga. City dwellers think that a Raven as well as a Crow says «*kar-kar!*». The Evenkis believe that the Raven's sound is completely different, for even such a fictitious being as a raven can produce many different sounds in the natural environment. A raven, flying high over the hunter's head or sitting in a high tree, when the temperature is 50 below zero, produces sounds which have nothing in common with our familiar «*kar-kar*»[1]. An inexperienced ear in the taiga can confuse a raven's speech with the voice of another bird, the barking of a dog or even human talk.

Onomatopoeic chants which we shall call «chants of archaic form» are characteristic to the Evenki epos of the Baikal region (the Chita and Irkutsk areas). The chants are also very popular in Evenki epos with archaic features:

1. «So he shouted pointing at the sky. Then he started to chop the sixth prop of the flour shop. As soon as he started chopping, a wolf ran up to him:

– Wo-u-u-uon!

– How do you do, old man!

What are you doing?»

2. «And her reindeer said:

– How good it is that we've met, Hor-hor!»

Traditions of onomatopoeic chants of folklore heroes are also very strong in the folklore of other Tungus peoples. Nanaj and Udihe folklore have similar traditions. Nanaj's *ningmans* and Udihe's *nimanku* are archaic in form and stand closer to myths, their fable contains vivd shaman worldview. Nanaj and Udihe folklore texts also have onomatopoeic chants of heroes. To a large extent they depend on the pronounced zoo-morphicality of characters which is a reflection of the strong influence of the totemic cult on the outlook of the people. In the text about the Cuckoo relegated by researchers to the genre of *nimanku* the hero can turn into a cuckoo and has a proper chant. He got the skill from his father and that proves the effect of totemistic influence on the traditional outlook of the Udegheis: "He was walking and walking and walking and strayed from the narrow path. So he walked for three days. But his father at home is waiting for him. He knows everything. "That's a pity!" – he sees his fellow straying.

Fellow Mangasu, eke-ku,
For his bride, eke-ku,
Is going, eke-ku.
Three days, eke-ku,
Straying, eke-ku,
My cuckoo face, eke-ku
I'll give to him, eke-ku.

The above examples demonstrate the perfect echoism in the chants of characters-animals. The direct echoism in the chant is the earliest. Now it is present in the Tungus epos along with late epic traditions.

The next step forward of the epic genre chants is the wide use of the onomatopoeic way of forming the chants among heroes reflecting the main features of the characters. Many Evenki heroes have chants with the sound of iron. Generally bad characters have such chants – they are enemies to the Evenkis – *avahi.* In the saga of Kadakchon the bogatyr-avahi has the same chant: «Now the enemy-avahi is approaching him. He was an eagle with three heads. He flew up and started to look about. The avahi had the speech:

[1] Perception of sounds produced by raven in Russian language.

Dingdi, dingdi!
Dingdi, dingdi!
Mata, how do you do!
Didn't you see the maid,
I'm chasing?»

The chant *«dingdi, dingdi!»* (dengde, dengde) does not need any interpretation, as it is the direct copy of the sound of iron (according to the fable it is the sound of the iron armor of the hostile bogatyr). The chant of the avahi completes the information about the character, which is represented in the text. We can refer the bad character's image to Turkic-speaking cattle herders whose totem was the eagle. The chant shows us the developed smith-craft of the tribe of *avahi*. The chant «*dingdi, dingdi!»* is the most vivid feature of the character, dressed in clangorous iron armor. The chant *«dingdoni, dingdoni»* (dengdoni, dengdoni) is cognate to the above-described one.

The chants imitating the sounds of iron do not point to the owner's direct membership of the hostile tribe, but adds to his characteristics. It is proved by the similar chant of a good hero. In the saga of «Irkismond-bogatyr», written from the famous nimngakalan, N.G. Trofimov, the hero has a similar chant: «Coming up to the door, Irkismondia of the middle land, pronounced so loudly, that his voice pealed over the earth and thundered in the sky:

«Dingdoni-dingdoni, delegoy!
… I am Irkismondia-mata from the middle land!»

In the saga of the maid Sekak, she meets a bogatyr of the High world, who appeared before her in the image of an iron hawk. Here is the example from the text:

"The iron hawk has a speech:
Dang, dele, dele!
Well, daughter of Ningony-bogatyr
From the middle land
Sekak-maid
I'll tell!
I am the son
From Oha family,
The old-man Utoldin
And the old-woman Utakan
I'm the iron hawk-bird
Called Dupkuldon-Dupkuldin
Mata-bogatyr»

As we can see the «iron» chant of the hero just adds to the information and emphasizes his possession of iron armor. Let us analyze the characteristics of the hero in brief. His turning into a hawk is a reflection of the totemic outlook of the Evenkis. The totem-hawk is more characteristic of the Mongolian tribes. The idea is proved by the names of the hero and his father, which are formed by use of the suffix *«din»* belonging to the Mongolian language. The name of the family *Oha* is associated by G.M. Vasilevitch with the Mogul-urianhits, which is affirmed by historical records.

In Evenki heroic sagas there are also other chants imitating the sound of metal. Some sagas of the East Evenkis, such as the saga of Sodani-mata, a hostile avahi-ogenga has a chant *kingir-kingir!*

In some cases identical chants belong to good heroes. For example, the bogatyr of the middle land, Kokoldokon, has the chant *«Kingir-kingir, kingir-moy!»* which has the same root:

«Then our man, Kokoldokon-bogatyr, viciously approached the son of avahi, throwing up his ball and said:

Kingir-kingir, kingirmoy!
Avahi from the lower land Salargun-Savandenja,
Don't you laugh too much?»

In the Evenki language the word *«kingilami»* means «to ding/ring», *«kingilen»* is a necklace worn on the neck of a reindeer. In the Manchurian language the word *king* means a percussive musical instrument (from fine metal in the form of a bowl madefrom fine stone in the triangular shape, which is struck by a wooden hammer).

The chant of the epical characters «*kingir-kngir*» is an example of the more sophisticated way of starting the song through the use of the term, meaning the tune coming instead of the direct reflection of the sound. The appearance of such a way of marking the character was stipulated by the development of speech and thought in the ancient society. This process clearly demonstrates the presence of creative thinking by the people in older time. The way of forming the chant by direct copying of the sound which is followed by a word with meaning of the sound is really distinctive for the majority of Evenki epic poems.

Chants formed according to such principles are more characteristic of domestic animals, horses or reindeers, the constant companions for the characters of Evenki sagas:

1. «On his piebald horse, he goes away.
Flies above three-layered swarms.
And when the horse runs so he says:
– *Kinga-kiverloy!*
Destined for me,
Master of mine!
I say again,
You are to listen,
You are to watch » [1: p. 273].

2. «The wild reindeer with just sprouted horns …
…After this –
He started speaking like a human,
He started screeching like a deer,
He started singing like an Evenk
«*Engtevlenin- engtevlenin*!
Here, look my master,
Evenk called Irkitchen, riding
A wild reindeer with just sprouted horns [13: p. 203].

The horse chant is formed from the word *kingami* - to nicker, the chant of a deer with the word *engtemi* – to screech. We should consider the examples of the chant of a horse and a deer in detail. Analyzing the chants of the domestic animals in the Evenki epos, we can see the folk reflection of historical cycle of the types of Evenki husbandry. Historically horse-breeding came to the life of the Evenki ancestors much earlier than deer-breeding. The change from horse-breeding culture to deer raising happened gradually and erratically in the life of the Evenkis in different territorial groups. Generally, the Evenki type of breeding deer for transportation was characterized by small herds of deer, nomadic culture and riding. This was due to the influence of the earlier widespread horse breeding. We should mention that a large group of Evenkis did not develop deer-breeding at all (part of the Evenkis living in the Transbaikalia and China). In the majority of Evenki epic verses a Lone Ranger gets an assistant – a horse. The most widespread chant of the horse is «*torgeja, torgeja*».

«Having stopped there the horse started to sing again:

– *Torgeja, torgeja*! Master, my master!
Boot me a little bit so
That I could turn into a small stup covered with cowberry bushes! » [6: p. 83].

The Evenki word derived from the root «*torgo*» have similar meanings – tissue, fabric, cloths (from fabric) and so on. In the Mongolian and Turkic languages the word also has the meaning tissue, fabrics, silk, [8: p. 199]. Hence the designation of a horse with the word «*torgeja, torgeja»* gives the evidence that hunters on foot had got the horse from Mongolian or Turkic speaking breeders. According to the opinion of some researchers the chant of a horse «*torgeja, torgeja»* reflects their connection to the torgatchines tribe. The mention of the torgatchines can be found in the documents of the seventeenth century: «near the Isbrand-Ides we find some ethnographical information about the Torgatchines; it is said that these Daures are perfect archers, good husbandmen, they seed barley, oat, and millet, possess superior herds of cattle, ride oxen as well as horses and have Mogul features. In summer they wear cotton fabrics, in winter – animal skins. They are an independent tribe electing their main leaders; they speak Tungus and pay tribute to China. The lifestyle of the Torgatchines was probably semi-nomadic. Milovanov met the nomadic Torgatchines on the bank of the river Dzadune; «between the mountains and river of Nadun» – according to his words – «the Targatchines live in camps and grow crops for bread» [2: p. 353]. The chant «*torgeja, torgjea»* can demonstrate the most characteristic feature of the Evenkis who had horses – the presence of fabric and clothes which the taiga Evenkis-hunters could not help mentioning because their typical clothes was suede kaftan made of animal skins.

The Torgatchines described by Spafary are the direct ancestors of the modern Evenkis living in Mongolia and perfectly resemble descriptions of the medieval Torgatchines. The analysis of other evidence the acquisition of the horse-breeding by the Tunguses proves the version about the Mongolian background of the Tungus horse-breeding and also of the likely Kidanian influence which is proven by plots and characters of Evenki epos.

In the legend about Torganae the horse is the main assistant of the main character. According to the plot two brothers live with their mother and have one horse. This horse is not ridden by the brothers, who hunt without the horse. One of the brothers is married. Once when the brothers were hunting the wife was kidnapped by two monsters – Kadanay and Delonoy. Retuning home, Torganay decided to chase the enemies on skis. At the same time the horse says to him the following words:

«Suddenly she says-sings the following words:
– *Torgeja, torgjea*! Master, my master!
If you nip into my left ear,
And get out from the right one – you will see,
That I bear for you as a gift a colt.
A colt I will bear for you.
Riding him you will chase – said she» [6: p. 80].

We can see from the plot that the horse is indicated with relation to the getting of the wife (one wife – one horse). The brothers do not hunt on horseback and Torganay even decided to chase on skis. This gives evidence of the beginning of the horse-breeding culture by the Evenkis-hunters in that historical period. A magic horse birth demonstrates the new form of husbandry – «a culture of horsed hunters».

In the unpublished legend about the maid Sekak and her brother Irani (the materials by G.I. Varlamova) the horse has a complex two-part chant «*Torgo-antaronin!*» The appearance of such a horse's

chant is stipulated by the appearance of a new type of husbandry, when the horsed hunters began to penetrate the Taiga zones and gradually developed the deer-culture. It is necessary to mention that this transition state is also reflected in legends. In the legend about the sister Secakchan and brother Irani the main character travels on his horse but it is mentioned that they have their own deer herd. A very important fact of the legend is the type of deer-breeding – they keep their deer behind a fence, which is very characteristic where there is a mixture of horse-breeding and deer-raising. This mixture is typical for the Far East Evenkis who at the beginning of the twentieth century combined keeping horses and deer. For example a big group of the Evenkis-Manyagirs living in the North of the Amur region while colonizing the mountain taiga zones completely transferred to deer raising. The tribesmen of the Kaptuke clan (the author of this article is also one of them) roaming in the basin of the river Zeja changed completely from horse breeding for transportation to raising deer only, in the 1920's.

The examples of epic chants of a horse and reindeer show us the following scheme, reflecting the gradual change from horse-breeding to reindeer breeding: *kinga-kiverloy – torgeya-torgeya – torgo-engteronin – engteronin (engtevlenin).* The simplest onomatopoeical chant-song of a horse «*kinga-kiverloy»* is presumably formed in the earliest time and evidently does not carry any additional information except the concrete historical character. The chant «*torgeya-torgeya»* characterizes the period of developed horse-breeding and contains information about connection with Mogul tribes. The chant «*torgo-engteronin»* reflects the epoch of mixture of farming types, when they were breeding both horses and reindeers. The chant «*engtevlenin»* is in the sagas, where the hero has a horse no more. He is traveling on a reindeer - witness to the time when the Evenki started to breed only reindeer.

Together with the development of epic traditions the system of signs in the chants becomes more complicated. Denoting sounds in words is redirected to denoting different characteristics of Evenki heroes in words. Thus, the very essence of images, their strongest features is emphasized in the epos. In the saga of Tchinanaya, the main bad character is the monstrosity-seteker:

«Seteke looks into:
Yaviko-yaviko!
Your parents have died
Go on, move their bones, –
With these words he got into the window.
Yaviko-yaviko! Yaviko-yaviko! – he says.»

Etymology of the chant-song of seteke, may be explained by the origin of the verb «yav» – to catch, to take, to seize. It is very well connected with the strongest feature of the seteke image which is desire to eat humans.

So the acoustic way of transferring information formed on the basis of the traditional nomadic hunting culture specific to their everyday life, was put into the folklore by the Evenkis. Onomatopoetic chants are characteristic for the most ancient form of epos where poetic characteristics are less expressed and the epos itself is closer to the earlier folklore style – myth. The closeness of the archaic epos to myth and reflection of the most ancient period of ethnos development stipulates the character of the chants of the epic characters. The onomatopoeic chants of the characters were the initial step towards the appearing of the original significant system of marking the information transferred by folklore. A part of the onomatopoetic chants which appeared later has transformed having changed the direct onomatopoeia to the word designation of the natural sound.

REFERENCES

1. Варламова, Г.И. Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора / Г.И. Варламова. – Новосибирск, 2002.

2. Василевич, Г.М. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / Г.М. Василевич. – М.,Л., 1966.

3. Лебедева, Ж.К. О жанрообразовании в архаическом эпосе народностей Крайнего Севера / Ж.К. Лебедева // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. – Горно-Алтайск, 1986. – С. 48-53.

4. Мыреева, А.Н. О запевах эвенкийских сказаний / А.Н. Мыреева // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. – Якутск, 1980. – С. 93-102.

5. Новик, Е.С. К типологии несказочной прозы / Е.С. Новик // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. – Горно-Алтайск, 1986. – С. 36-48.

6. Варламова, Г.И., Варламов, А.Н. Сказания восточных эвенков / Г.И. Варламова, А.Н. Варламов. – Якутск, 2004.

7. Цинциус, В.И. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / В.И. Цинциус. – Л., 1975. – Т. 1.

8. Цинциус, В.И. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / В.И. Цинциус. – Л.: , 1977. – Т. 2.

9. Кэптукэ, Г.И. Тунгусский архаический эпос (эвенкийские и эвенские героические сказания / Г.И. Кэптукэ, В.А. Роббек. – Якутск, 2001.

10. Симонов, М.Д. Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ / М.Д. Симонов, В.Т. Кялундзюга, М.М. Хасанова. – Новосибирск, 1998.

11. Романова, А.В.Фольклор эвенков Якутии / А.В. Романова, А.Н. Мыреева. – Л., 1971.

12. Шейкин, Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительное исследование / Ю.И. Шейкин. – М., 2002.

13. Мыреева, А.Н. Эвенкийские героические сказания / А.Н. Мыреева. – Новосибирск, 1990.

MODEL UNITED NATIONS (MUN) AS A FORM OF SOCIALIZATION FOR STUDENTS

S. S. Kosikhina

V. Y. Serdyukova

Kosikhina, Svetlana Stepanovna – Ph.D., dean of the Department of International Relations of the Amur State University (Blagoveshchensk, Russia), head of the university «Model United Nations of the Russian Far East» (MUNRFE) debate club.

Serdyukova, Vera Yuryevna – sophomore at the Economics Department of the Amur State University, member of MUNRFE debate club.

The article is devoted to the mechanism of the involvement of university students in political activities by means of participation in emulation of the UN. Useful skills acquired by students within the debate process are given a special emphasis. MUNRFE is defined as a Non-Governmental Organization which facilitates socialization of students.

Key words: MUNRFE, political involvement, socialization, youth, debates, consensus, absenteeism.

In modern Russia the problem of involving youth in socio-political processes is one of most relevant challenges. Numerous activities are aimed at resolving of this problem: government affiliated agencies are being established, different events are being held and statements on youth policy are being made. Many scholars consider the creation of conditions for youth involvement in political activities, such as various types of self-organization and internal cooperation, to be a predominant source for Russia's development and advancement at the international scene [4: 49; 5: p. 57].

Nevertheless stereotypes and values which are widely spread among the youth, their lack of participation, and insufficient political awareness prevent the realization of this aim. According to the Russian scholar D.O. Napolskih, «the low level of youth political activity, also referred to as political absenteeism, is not solely a Russian problem. Absenteeism (to a greater extent) can be observed in youth groups regardless of their citizenship» [5: p. 57]. Even in democratic European states the involvement of the youth in elections, which are considered to be the most public, simple and the least time and resource consuming form of political participation, is an extremely perplexing objective [5: p. 57-58].

The reasons for youth absenteeism have been studied adequately and precisely by Russian scholars [5: p. 58-59]. It is necessary to pay much attention to one of these reasons, highlighted by the Chairperson of the Russian Central Election Committee in the report presented at the ceremonial meeting, devoted to the 10th anniversary of the Russian electoral system. The lack of political and legal awareness, which implies that the majority of young people can not even imagine ways of participating in national and international politics, is regarded as a major cause of absenteeism [1].

In order to overcome these detrimental factors the Department of International Relations of the Amur State University joined MUNRFE in the year of 2000. MUN is a role play activity which imitates the work of the UN bodies. The participants of such a role play represent the Member States of the UN and discuss current UN agenda issues. The participants tackle global issues faced by the international community using negotiations based on diplomatic principles. The participation in such activities grants a unique opportunity of becoming familiar with the functioning of the UN and the decision making process through personal experience [3: p. 3].

The history of the Models began with the simulation of the Upper Chamber of Congress, the Senate by US college students. After the appearance of the first international organizations they were also imitated. In 1921 New York University students decided to model the League of Nations. Now MUN is popular all around the world. One of the major MUN organizations in Europe is the Hague-based European MUN. As for Russia, the chief MUN activity is held at the Moscow international MUN, which is conducted annually at the Moscow State Institute of International Relations (University) (MGIMO) and visited by approximately 500 delegates. The popularity of MUN is increasing every year. Thanks to MUN, thousands of young people around the globe learn about problems which are typical for many countries and try to search for their resolution. Preparation for debates and participation in them presupposes knowing basic negotiation techniques, such as the ability to listen carefully, to convince opponents, to build coalitions, and to determine when it is necessary to yield and when to insist.

MUN is a special educational system, based on such basic ideas as civilized discussion, respect for rules and laws, a tolerant attitude to «the other, different» points of view, and adherence to consensus. Modeling the UN helps people to understand the actual meaning of tolerance and the significance of settlement of arguments by negotiation and compromise. In some way MUN is a school of life: delegates are placed in peculiar conditions which make them elaborate the strategy for further action, become quick-witted and lobby for the interests of the country they represent [3: 4]. In other words, MUN is conducive to forming such vital skills as public speaking, negotiation techniques, lobbying, preparing official documents, and consensus-building on the basis of reasonable compromise and collaboration.

Participation in MUN spurs students' interest in political and social situations in their home country, and stimulates their desire to be active participants of the political process. The format of the article does not imply the promulgation of methodical recommendations focused on preparation and realization of MUN. Nevertheless, they can be found in specialized articles and educational web-sites of the UN and national MUNs [3; 6; 7]. In addition, it is essential to underscore MUNRFE as a mechanism of students' socialization.

The project was immediately successful among students; as a result it transmuted from a department initiative to the university and then to a city project. Format of the MUN debating club fostered a series of activities targeted at the correction of youth stereotypes by engaging young people in the alternative ambience of socio-political activities which entailed obtaining new experience, transforming their world view, and forming an adjusted model of socio-political relations.

Traditional ways of participation in youth divisions of political parties or illegal radical groups, as well as sporadic attempts to incorporate young people in government (youth parliaments, youth assemblies, etc) look primitive and futile. It is obvious that students' involvement in the environment of political discourse should be the paramount direction. It is also imperative to cooperate with similar youth organizations of the Far Eastern Federal District of the RF and Asia Pacific region, which are aimed at:

– the creation of necessary conditions for the integration of youth with social life and encouragement of its initiatives;

– the support of young people in their acquiring knowledge, social and professional skills, and recognition of such experience;

– the improvement of the situation in the sphere of youth involvement in social life and civil society, promotion of tolerance, and development of informal education;

– the formation of a common «network of young people».

The method of augmenting the political involvement of young people with the help of MUNRFE consists of two complementary tasks: training future specialists about the functioning of various international institutions (UN in particular), and facilitating the conditions for synergy among young Russian politicians. The first task is implemented via a university club as a «ground for modeling international organizations»; the second task is fulfilled by annual regional and international conferences. Students' participation in the conferences presupposes the following:

– presentation of a political system and situation of the country, represented by a university team;

– knowledge of the political system and situation of the European Union and other significant international organizations, and their positions on the issue which is being discussed;

– open discussion and group work for elaboration and adoption of a resolution.

In the conferences which have been held since the launching of the Blagoveshchensk MUN club the following issues have been discussed within the frames of the UN General Assembly, Security Council and several other bodies: «Threats to international security caused by terrorism», «Tackling the challenge of the health calamity in the African region», «Ensuring of peaceful space exploration», «Humanitarian assistance to African countries», etc. At the 3rd Asia Pacific MUN Conference (APMUN 2008) which was held in July 2008 in Incheon (Korea), all 4 emulated committees were focused on the achievement of Millennium Development Goals, embodying a wide range of problems such as «Advancing towards a knowledge-based economy: challenges and opportunities» and «Strategies for poverty reduction: diminishing the risks of disasters». The conference was organized by an influential international organization, the World Federation of UN Association (WFUNA), which had formulated the objective of the conference – to develop a network of young people in the Asia Pacific region with the capacity of becoming future leaders, capable of attaining global goals. More than 180 university students from 20 countries took part in the event. Thus another pivotal constituent of the project is the involvement of students in the work of international organizations, the possibility of obtaining international contacts and forming of the «capital of human

relationships».

One of the distinguishing features of the project is its self-governance, which is accomplished by students, who ensure the existence and development of the organization, manage its finances, and make strategic and tactical decisions. This requires professionalism and accountability. Through carrying out master classes at higher educational institutions and universities the students recruit and train young people who are willing to join the project. Additionally, club members have a chance to elaborate and implement actual and useful projects.

MUNRFE is the largest non-governmental youth organization (NGO) of the Russian Far East which trains young talented people to influence the world around them and fosters student leadership. Currently MUNRFE comprises 2 NGOs, 8 university debate clubs, 4 programs, 1 school debate club, and over 20 specialized projects which are focused on the development of civil society and youth leadership. MUNRFE unites more than 200 active members and 1000 Alumni in the following centers of the Russian Far East: Vladivostok, Khabarovsk, Blagoveshchensk, Komsomolsk-on-Amur, Magadan, Yuzhno-Sakhalinsk, and Petropavlovsk-Kamchatski [2]. MUNRFE is an efficient network, which includes 20 projects operating simultaneously which are unified in 4 programs: Civil Society, Open Forum Debates, NGO Development and Leadership [2].

The program «Civil society» is aimed at the development of democracy and civil society in Russia and includes a summer camp «Fire Starter». The camp focuses on the students' self-development in such fields as leadership, consensus-building, lobbying a diversity of ideas, the creation of an appreciative attitude to multiplicity and tolerance to different viewpoints. The first «Fire Starter» was conducted in August 2004 with the support of the Eurasia Fund ($ 20,000). Nowadays, the program is an annual event, which unites 60 talented and goal-oriented young individuals from the Russian Far East. «Fire Starter» was hosted by the Blagoveshchensk branch of MUNRFE in August 2008.

The program «NGO development» is directed to the establishment of new MUNRFE debate clubs and the strengthening of existing ones. The program includes the following projects: Alumni Association, PR campaigns, Fund raising activities, an official site, MUNRFE Publishing, President Council, MUNRFE Data Base, Work Group «Launching of new clubs in the Russian Far East», and the Work Group «Expansion of the project to Siberia».

The «Open Forum Debates» program stimulates individual development of MUNRFE members by means of debates. The program includes the following projects: VI International MUNRFE Conference (it was carried out in AmSU, Blagoveshchensk, in December 2007), preparation of MUNRFE teams for participation in the international MUN conferences, conducted in the USA (San Francisco), MUN around the world, a video-conference, debates in the formats of NATO, the International Court of Justice and the World Bank.

The «Leadership» program covers miscellaneous projects. It emphasizes the personal growth of MUNRFE members and the spread of the organization within the Russian Federation.

Each project is headed by a project leader and his/her team. This guarantees the effectiveness of MUNRFE functioning and its organizational flexibility. Hundreds of talented students who strive for knowledge and participation in the development of the organization join MUNRFE every year which insures its position as the largest self-governed students' organization of the Russian Federation and one of the most successful NGOs of the Russian Far East.

Implementation of the MUNRFE project forms an alternative, innovatively structured ambience for youth socio-political activity. This also results in the creation of youth groups, which are active in the socio-political sphere, aspiations to participate in politics and proliferation of its organizational forms, oriented to the forming of new political directions and goals. All these factors contribute to the transformation of youth to become modern influential actors in political processes.

REFERENCES

1. Доклад Председателя ЦИК России на торжественном собрании, посвященном 10-летию российской избирательной системы (29 сентября 2003г., Москва) //Российский фонд свободных выборов [Офиц. сайт]. 2004. // http://www.rfsv.ru/archivesite/news_arh.htm (02.09.2008).

2. Модель ООН на Российском Дальнем Востоке [Офиц. сайт]. 2007. // http://www.munrfe.ru/index.php?id=1 (25.08.2008).

3. Моделирование ООН: Метод. пособие по проведению ролевой игры / В.А.Астапенко, Н.Е.Бестолкова, Е.А.Достанко и др.; Под ред. В.В.Радивиновского, А.В.Селиванова. – Минск: Асобны Дах, 2004.-80 с.

4. Москвин Д. Е. Изменение стереотипного отношения молодежи к общественно-политической деятельности / Д. Е. Москвин, Г. В. Козлов // Без темы. – 2007. – № 1(3). – С. 49-56.

5. Напольских Д. О. Политический абсентеизм молодежи в России: история и современное состояние / Д. О. Напольских // Без темы. – 2007. – № 1(3). – С. 57-60.

6. American Model United Nations International [Офиц. сайт]. 1995-2008.//http://www.amun.org/index.php?page=home (14.08.2008).

7. Model UN [Офиц. сайт]. 2002. http:// www.un.org/cyberschoolbus/modelun/index.asp (01.09.2008).

CONFERENCES

«THE FAR EAST: DYNAMICS OF VALUE ORIENTATIONS»

I.I. Dokuchaev

Dokuchaev, Ilia Igorevich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Philosophy and Sociology Department, Pro-Rector for public relations at the Komsomolsk-on-Amur State Technical University.

Komsomolsk-on-Amur, September 22-24, 2008. The 6th International Conference «The Far East: Dynamics of Value Orientations». The Conference was devoted to important problems of socio-economic and humanitarian knowledge connected with the Russian Far East and was fully backed by grant № 08-06-99704 of the Russian Fundamental Research Fund, the Khabarovsk research branch of the Russian Academy of Sciences, the Administration of the Khabarovsk Kray and the Jewish Autonomous Oblast. The Conference was sponsored by the Komsomolsk-on-Amur Aviation Science-Production Association and the oil refinery and we thank their directors A.I. Pekarsh and V.V. Melekhin greatly.

Researchers from St. Petersburg, Khabarovsk, Vladivostok, Magadan, Birobidzhan, Petropavlovsk-Kamchatski, Yuzhno-Sakhalinsk and other cities of Russia took part in the conference. Among more than 200 participants were two Rectors, 4 Pro-Rectors (vice-rectors), 37 Doctors of Science, Professors and Heads of departments. Young researchers, post-graduate students and lecturers (about 150 people), took an active part in the conference. The international status of the conference was confirmed by the participation of researchers from the USA, Canada, China, South Korea, and Germany. The subject of the conference was important for specialists in different fields of socio-economic and humanitarian studies: philosophers and sociologists, lawyers and politologists, culturologists and art critics, philologists and historians, economists and physiologists, teachers and anthropologists.

The conference included 5 plenary and 5 section meetings, where the representatives of different research fields were working out a common position on the methodology of axiological analysis and regional aspects of values. Moreover, «two round-table» discussions focused on questions of investment in the regional economy were held during the 3rd day of the conference. Education methods for developing values in the regional population directed to the improvement of the image of the region in order to reduce the population outflow were also discussed.

The international practical-scientific conference was devoted to the key problem of social economic development – the dynamics of value orientations. The regional aspects of the problems were discussed. Values determine the existence of human beings, society and culture. They represent an integrated model of all the results and techniques of human activities. Their discussion allows understanding of the fundamental principles of national and Regional existence. It is necessary to study values in their complex context, taking into consideration scientific data – social, humanitarian, historical, economical and cultural. The study allows the combination of data and puts forward methodology for their systematic arrangement. The methodological aspects of axiological analysis, its role in the modern system of social-humanitarian and economic sciences were discussed. The results of the conference have theoretical importance for culture philosophy, philosophy of history and philosophical anthropology, cultural studies, sociology, general history, political studies, physiology, law and economy and practical importance firstly: for forming the content of key disciplines of social-humanitarian and economic specialties, and secondly: for legal acts to elaborate policy and economic development of the Region. In the course of the conference different points of view were suggested. One of the main suggestions was to draw up a clear cut political program for the development of the territory. The exponents of this idea believe it is impossible to solve the problems of the territory by purely economical means. The Region is subsidized and unprofitable and therefore the only way to support the territory is to provide financial assistance from the central government. The supporters of the more liberal point of view consider that the problem can be solved simply by economic means, but not politically. In particular, they look for broad, many-sided mutually beneficial

cooperation with Asian Pacific countries. In spite of different ways of solving the problem, the main purpose is to stabilize the population in the Far East. It is necessary to develop not only the traditional economy oriented to the military-industrial complex, but also to create suitable conditions for people to live in.

Review of the Conference plenary meetings

Seven reports were presented at the first plenary meeting devoted to philosophical and sociological aspects of the value orientations of the Russian Far East population.

V.A. Sakutin, Doctor of Philosophy, professor, the director of the Humanitarian Institute, the Chair of philosophy and philosophical anthropology department of Moscow State University named by G.I. Nevelskoy in his report «Value phenomenon: unity imperative and social substitutes» expressed an idea that modern society was characterized by the substitution of different social norms and practical benefits for values. In his report «Axiology in the system of socio-economic and humanitarian knowledge" I. I. Dokuchaev, Doctor of Philosophy, professor, head of the philosophy and sociology department, prorector for public relations at the Komsomolsk-on-Amur State Technical University defined the role of values as central for the implementation of an interdisciplinary approach to the study of man, society and culture. N. M. Baikov, Doctor of Sociology, professor, pro-rector on science in the Far Eastern Academy of Public Service in his report «Values of modern youth: problems and contradictions» emphasized the great influence of the age factor on the formation of values of residents of the Far Eastern region. R.L. Livshiz, Doctor of Philosophy, professor, head of the philosophy department in the Amur State Pedagogical Humanitarian University in his report, «No philosophy of defeatism. Objective necessity for the development of the Far Eastern Territory of Russia and a subjective will to develop» proposed a political – mobilizational way for the development of Russia's Far Eastern territory development opposed to the liberal-economical way. A.S. Bratemen, Doctor of Philosophy, professor of social and cultural service and tourism department at Far Eastern State Transportation University in his report «Real and sham values» defined the objective character of values, as they are common to all mankind. A.V. Gotnoga, candidate of philosophy, a lecturer of the philosophy department in the Amur State Pedagogical Humanitarian University in his report «Patriotism and pseudo patriotism» proposed that conservative views influenced the formation of patriotic values in modern Russia. I. M. Revich, Doctor of Philosophy, professor of the department of social humanitarian sciences in Khabarovsk State Academy of Economics and Law in his report «Man and Cosmopolis» spoke about the formation of value orientations common to all mankind as the real sphere of their existence.

At the second plenary session devoted to psychological pedagogical and linguistic aspects of the research of the values of Far Eastern residents there were 7 reports. M.G. Lebedko, Doctor of Philology, professor, head of the English language history department in the Far Eastern National University in her report «Russian and American values in comparison: dynamic aspect» highlighted that on the level of linguistic concepts mass cultural values globally substituted traditional Protestant and Orthodox values. Z.G. Proshina, Doctor of Philology, professor, head of the translation theory and practice department in the Far Eastern State University in her report «The English language of advertising in Vladivostok. Sociolinguistic image of a Russian city» showed by examples of the names of Russian social institutions how strongly the English language had entered our culture. According to Z.G. Proshina such penetration turns out to be destructive both to the donor language and to the recipient language.

O.B. Gorobets, Doctor of Philology, dean of faculty of Linguistic Communication, professor, in her report «An Axiological approach to scientific research of genres» showed the possibilities of axiology in spheres such as the theory of the text and the theory of genres. Doctor of Pedagogical Studies, professor, the head of the department of psychology and pedagogy T.E. Nalivaiko in her report «Innovative educational technologies in the system of training of high school teachers: an axiological aspect' grounded the role of new pedagogical technologies in the formation of value scales of students». N. E. Sedova, Doctor of Pedagogical Studies, professor of the department of pedagogy and innovative technologies in AmSPU, in her speech «The values of higher pedagogical education» determined the character and the structures of pedagogical values in the system of modern higher education. V.V. Litovchenko, Doctor of Economy, professor, the dean of the faculty of economy and management in the KnASTU, in his report «Modern problems in the training of specialists in the system of business education in the Far Eastern region», expressed the main contradiction of the modern system of regional education, which implies the divergence of people's values and economical needs of the region.

S.E. Yachin, Doctor of Philosophy, professor, the dean of the faculty of Cultural anthropology in

FESTU, in his report «Russia in metacultural dialogue with APR countries», based his ideas on the educational process. He underlined that the pedagogical process and cross-cultural communication are the most important surroundings for changing people's values during their lifetimes.

During the third plenary meeting, which was devoted to the research of values in the Far Eastern population in its economic aspects, 5 reports were presented.

M. I. Razumovskaya, Doctor of Economy, vice-chancellor in KhSAEL, in her report «Economic values of businessmen in the Khabarovsk region and Heilongjiang province of China» showed the fundamental role of values in the system of modern economics education. She also showed the specific character of frontier economic relations between Russia and China, while comparing the use value and the exchange value.

Y.V. Rozhkov, Doctor of Economy, professor of the department of banking in KhSAEL, in his report «The formation of investment culture of Russian households», determined the essence of economic values on the level of microeconomic social groups.

D.K. Shevchenko, Doctor of Economy, professor, head of the department of economy and production at the FESTRU in his report «Improvement of the anti-hang-the-expense approach of production management» proposed a new method of careful management of consumption and production of material values.

G.I. Usanov, Doctor of Economy, professor, head of the management department in the Komsomolsk-on-Amur State Technical University in his report «Performance-contracting – a progressive form of state administration of innovation investment activity» defined the possibility of axiological analysis in modern economic management theory. T.A. Yakovleva, Candidate of Economy, lecturer, head of the economic theory department in Komsomolsk-on-Amur State Technical University in her report «The influence of post industrialism on educational values of the regional residents» studied the values of a postindustrial society connected with the increasing role of management and education.

At the fourth plenary session devoted to cultural aspects of the research of values of Far Eastern residents there were 7 reports. K.A. Razlogov, Doctor of Arts, professor, director of the Russian Institute of Cultural Studies (Russian Academy of Sciences), chairman of science committee «The history of the world culture» of Russian Academy of Sciences in his report «System of values and mass culture» demonstrated how the traditional system of values differed from mass cultural values. This difference to his mind lies in the hierarchy and directivity of traditional values created by the elite and instilled into the mass of people, while the modern culture is arranged so that politics and business consider mass values in planning their own activities. T.A. Chebanyuk, Doctor of Cultural Studies, professor, head of the cultural studies department at the Komsomolsk-on-Amur State Technical University in her report «Value approach to cultural analysis» demonstrated the possibility of axiology in the sphere of cultural science. Y.M. Reznik, Doctor of Philosophy, professor, deputy director of the Russian Institute of Cultural Studies (Russian Academy of Sciences), chief editor of a magazine «Personality. Culture. Society.» in his report «Civil society in the system of value orientations of Russian men» characterized the social value orientations of main political economic groups of modern Russian society. V.V. Valkovskaya, Doctor of Philosophy, professor, head of the philosophy department in the Far Eastern State Transportation University in her report «The Psychology of temporary staff and their influence on the development of ecological awareness of Far Eastern residents» spoke about the ecological values of modern Far Eastern residents and prospects for solving environmental problems. G.V. Alekseeva, Doctor of Fine Arts, professor, head of the fine arts department in the Far Eastern State Technical University in her report «Art perception of provincial towns in the context of mediation between sacred and profane cultures» on the example of The Far Eastern region defined the difference between art values of the province and art values of the capital. A.G. Nikitin, doctor of philosophy, professor, chief pro-rector of the Amur State Pedagogical Humanitarian University defined the difference between some axiological and gnoseological factors of scientific development in his research report «System as a science development factor».

A.I. Zatuly, Doctor of Technical Sciences, professor, the head of information science and computer design department of Pacific State University, gave a description of the axiological fundamentals of one of the most important mass communication forms – the Internet - in her research report «Axiological measurement of virtual reality»

The fifth plenum meeting concerning the political and historical aspects of the Far East value orientations research received four reports. I.D. Sanachev, the Doctor of Sociological sciences, professor, the head of the sociology department of Vladivostok State University of Economics and Service spoke

out about the political values of the Far East elite and its influence upon the regional economical development, report «The value orientation in the Far East economic investment system».

E. A. Denisova, Candidate of philology, associate professor, the Head of the education system development department, gave the definition of the value bases for regional lawmaking in the education system in her report «Innovation processes in the Khabarovsk Kray education system».

N.Y. Kosturina, the Doctor of Cultural Studies, professor of the cultural studies department at the Komsomolsk-on-Amur State Technical University, in her report called «Value orientation dynamics of the modern socio-humanitarian science» showed the priorities of themes for researchers. L.N. Dolgov, Doctor of History, professor, the head of the history and archive department of Komsomolsk-on-Amur State technical University, in his report «The autumn of 1922: the choice of priorities for the Russian Far East» compared the regional foreign-economic orientations in the crucial periods of development choice – in the revolutionary and contemporary ages.

The work of the conference was widely covered by the mass media of the city, the Region and the Jewish Autonomous Region. Analytical review of the conference materials and interviews with participants were presented by the TV channels Russian Television Broadcasting and Independent TV, Russkoe Radio, newspapers: «Komsomolskaya Pravda», «Nash gorod», «Vashe pravo», «Moya gazeta», «Dalnevostochny Komsomolsk», the journals: «The Humanities and Social Studies in the Far East», «Personality. Culture. Society.», and Internet resources belonging to the city administration and Russian Sociological Association.

«PHILOSOPHICAL TRAIN» IN THE PRIAMURIE

O.L. Rudykh

Rudykh, Oleg Lvovich – Candidate of technical sciences, the Head of the Department of training the research staff at the Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

Khabarovsk, August 11, 2008. The Second phase of the International Conference «Modern Philosophy within the Context of Cross-Cultural Communication». The Conference was organized by the Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk) and the Far Eastern National University (Vladivostok) under the patronage of the Presidium of the Russian Philosophical Society, Russian Foundation for Humanities and the program «Innovation Research-Educational Transportation Complex in the Russian Far East». The participants of the Conference were representatives of the philosophic community of the Khabarovsk Kray, the Jewish Autonomous Oblast, the Amur Oblast and participants of the «Philosophical Train». The journal «The Humanities and Social Studies in the Far East» published a special issue entitled «Philosophical Thought of the Priamurie». This issue contained twenty three of the most representative papers by Doctors of Philosophy from the Amur Oblast and the Khabarovsk Kray.

The Plenary meeting took place at the Conference hall of the Far Eastern State Transportation University (FESTU). The participants were greeted by the following speakers: First Vice-Rector of FESTU Prof. Y.A. Davydov, First Vice-President of the Russian Philosophical Society Prof. A.N. Chumakov, Prof. Zuhal Karahan Kara (Turkey), Prof. Liu Xiaoting (People's Republic of China), Prof. Song Sang-yong (Korea). Prof. Serdyukov Y.M. made a speech «Training Highly Qualified Philosophical Staff in the Russian Far East» which found a broad response among the audience and many questions from Russian and foreign philosophers (Prof. Ioanna Kucurady and others).

First Vice-Rector Prof. Y.A. Davidov opened the Conference. He stated: «Our University provides multidisciplinary training. It offers 68 educational programs of higher professional training (transportation, construction, automation and management, energy supply, economy, machinery construction, informatics and computer engineering, systems of automatic design, jurisprudence, psychology, social work, applied mathematics and informatics, etc), post-graduate course in 46 research specializations in 13 branches of science and Doctoral candidacy in 4 special subjects. 25,000 students study at FESTU. The teachers' staff exceeds 800 people and includes more than 100 Doctors of sciences and Professors. FESTU is one of the leading technical education establishments in the Far East. This Conference is a symbolic event for us as the specialist-philosophers from seven countries take part in it. Philosophical thought will develop in the Far East thanks to your support, dear participants of the Conference. Our university has been publishing the research-theoretical journal «The Humanities and Social Studies in the Far East» since 2004. The journal is included in the list of leading reviewed research journals of the Higher Attestation Committee. Twenty issues of this journal have been published. I wish the participants of the Conference successful work».

First Vice-President of the Russian Philosophical Society, Chief Editor of the journal «Bulletin of Russian Philosophic Society», Prof. A.N. Chumakov commented: «Your University obviously demonstrates the unity of Philosophy and Natural Sciences. This is especially important taking into consideration the interaction between the specialists in different fields. We are very grateful for the opportunity to discuss philosophical problems from the position of the unity of philosophy and natural sciences».

Doctor Zuhal Karahan Kara (Turkey) said: «Philosophy in the modern world represents a special united family. This «family» is considerably strengthened by the «Philosophical Train» in which we communicate intensively and enrich ourselves spiritually».

Prof. Song San-yong (South Korea) stated: «We are pleased to be here. Especially for me, as I was born in 1937 when FESTU was founded. The 22nd World Philosophical Congress is very important. Its meaning increases with the movement of the «Philosophical Train» across the vast territory of Russia. Everywhere people give us cordial welcome. Thank you very much».

Prof. Liu Xiaoting (the People's Republic of China) reported: «Ladies and Gentlemen! Colleagues! I speak for three of us from China. The barriers exit not in our souls but in language. It is my

first visit abroad. I feel a community of sensory perception and pay great attention to this feeling. I summon fruitful experience. It is a hard job to organize a conference. It is especially hard to organize a «Philosophical Train». Prof. A.N. Chumakov is the right man for this job. I express gratitude to Prof. A.N. Chumakov and all colleagues from Russia as a whole and especially those from Khabarovsk for the perfect organization of this Conference. We are now at a very special stage; almost 100 years ago the Revolution in Russia rocked the world. Civilization is now going through deep changes again. Due to the high status of philosophy the «Philosophical Train» has gained significant authority. We bade farewell to Seoul and started a philosophical movement across Russia. I would like to point out two points here. Firstly, our special train is a significant extension of the Seoul Congress. The majority of the Earth's population lives in Eurasia. Thus I suggest creating a Eurasian Federation of Philosophical Communities. This will strengthen our communication and the spirit of world philosophy as a whole. This will also help stimulate prompt overcoming of language and other difficulties. Secondly, the tour of our «Philosophical Train» may end up with a brief declaration which will represent our point of view. This will serve as the beginning of a new philosophical way. Philosophers are a special group of people who always look far ahead. We must gather our thoughts and ideas around philosophy. I wish this Conference and the «Philosophical train» success.

After the Greetings Prof. Y.M. Serdyukov, the Head of the Chair of Philosophy at FESTU, the Chairman of the Regional Dissertation Council DM 218.003.02 on philosophical studies, PhD made a report titled «Training Philosophical Staff of Higher Qualification in the Russian Far East».

Before the 1990's the Russian Far East had no system of post-graduate training, doctorate candidacy and dissertation councils. Training of philosophical specialists took place in the central regions of Russia. Within the frameworks of a planned economy this system was reasonably successful and the staff of higher educational establishments and research institutes was at an appropriate level. The remote geographical position, far from the European regions of Russia, low living standards, the severe natural climatic conditions and a narrow professional community caused difficulty in retaining qualified specialists in the Russian Far East, in self-organization of the philosophical community and the intensity and quality of philosophical research. Nevertheless these difficulties were not systematic and did not result in degradation of professional media.

In the 1990's the situation changed radically. A sharp decline in the financing of higher education, and a decline in the living standards of teachers and researchers caused degradation of the formerly well-adjusted functioning system. Professional development and advanced training outside the region was extremely complicated due to lack of finance. Drawing external specialists from the European regions of Russia to regions which had never been attractive for them became practically impossible in those conditions.

Organization of the regional system of training philosophical specialists of higher qualification was the only way to reproduce potential staff. Such a system was created by Far Eastern specialists. Now it includes the Philosophical Department, and the network of post-graduate training courses and the Doctorate Candidacy and Dissertation Councils. At the beginning of the 21st century higher educational establishments of the Far Eastern Federal District (FEFD) have a network of post-graduate courses and Doctorate Candidacy in the major philosophical specialties: 09.00.01 – ontology and theory of knowledge, 09.00.03 – history of philosophy, 09.00.08 – philosophy of science and technology, 09.00.11 – social philosophy; and 09.00.13 – religious studies, philosophical anthropology, and philosophy of culture. Regional Dissertation Councils worked in Vladivostok, Khabarovsk and Blagoveshchensk which accepted Candidate and Doctoral dissertations on these specialties. Some of the Far Eastern research journals are included in the List of the Higher Attestation Committee (HAC). This provided the establishment of all the major parts of the system of training philosophical staff with higher qualifications: the required staff potential (the Amur Oblast and Khabarovsk Kray have 23 Doctors of Philosophy); training students in philosophical specialities; the network of post-graduate training and doctorate candidacies, and dissertation councils and professional journals.

Nevertheless, the situation is far from ideal. Permanent reorganization of the Higher Attestation Committee, the remote geographic position of our region from the center, the absence of a representative of the Far Eastern Federation District in the Commission of Experts of HAC on philosophy, sociology and cultural studies and some other factors caused destabilization of the current dissertation councils network. Now the authority of only one Dissertation Council from the three (The Amur State University, Blagoveshchensk) has been extended. This Council accepts the dissertations in the following specialities: 09.00.11 – social philosophy, and

09.00.13 – religious studies, philosophical anthropology, philosophy of culture. This means that post-graduate students, doctoral candidates and seekers of degrees in the specialities 09.00.01 – ontology and theory of knowledge, 09.00.03 – history of philosophy, and 09.00.08 – philosophy of science and technology are in a difficult situation: they have finished papers but they but they cannot defend them because of lack of finance for the journey to Dissertation Councils in the other regions and living there for the period of defense. It is obvious that such problems have never existed for the representatives of business and power who would like to obtain a degree of Candidate or Doctor of Science. But these difficulties are very significant and some times simply impossible to overcome for the teachers of higher educational establishments and research workers of the research institutes who are the majority of the candidates for a degree of the Far Eastern dissertation councils in philosophical studies. During the seven years of existence of the Dissertation Council DM 218.003.02 in Khabarovsk all 37 candidates for a Candidate degree and 2 candidates of a Doctorate degree were post-graduate students and teachers of Far Eastern Universities».

After a bus trip around Khabarovsk the Conference continued its work on a boat (on the Amur River). The participants of the round-table «Socio-political and humanitarian problems of the development of the Russian Far East» discussed a number of problems which are important for different spheres of philosophical knowledge and made personal and business contacts.

To sum up the results of their work the participants elaborated the following resolution.

RESOLUTION

of the Research Methodological Conference
«Modern Philosophy within the Context of Cross-Cultural Communications»
(Khabarovsk, August 11, 2008)

The participants of the Conference from Moscow, Saint-Petersburg, Rostov-on-Don, Khabarovsk and other regions of Russia and philosophers from Spain, Turkey, Slovenia, the People's Republic of China and other countries (108 participants) listened to and discussed the report of Y.M. Serdyukov, Doctor of Philosophy, Professor «Training of Highly Qualified Philosophical Teaching Staff in the Russian Far East», got acquainted with the special issue of the research-theoretical journal «The Humanities and Social Studies in the Far East» entitled «Philosophical Thought of the Priamurie». We consider it necessary to declare the following:

1. Higher educational institutions of the Far Eastern Federal District have sufficient staff potential to support the work of the Unified Dissertation Councils in Blagoveshchensk (the Amur Oblast), Vladivostok (the Primorie Kray) and Khabarovsk (the Khabarovsk Kray) for the following qualifications: 09.00.01 – ontology and epistemology; 09.00.03 – history of philosophy; 09.00.08 – philosophy of science and technology; 09.00.11 – social philosophy; 09.11.13 – religious studies, philosophical anthropology and philosophy of culture. The work of these Councils is caused by the need for highly qualified philosophical scientific personnel for Higher Educational and Research Institutions of the Russian Far East.

2. The application of the Council of Rectors of FED RF and the Far Eastern State Transportation University about the extension of the authority of the United Dissertation Council DM 218.003.02 for Philosophical Studies should be granted. The Council accepts Candidate and Doctoral Theses for the following qualifications: 09.00.01 – ontology and epistemology; 09.00.03 – history of philosophy; and 09.00.11 – social philosophy.

3. The participants recommend the Higher Attestation Committee to include Prof. S.V. Pishun, Rector of the Ussuriisk State Pedagogical Institute, Doctor of Philosophy, specialist in History of Ecclesiastical-Academic Philosophy (Orthodox ecclesiastical academies) and Orthodox personology in the Committee of Experts of the Higher Attestation Committee on Philosophy, Sociology and Cultural Studies as the philosophical community of the Russian Far East requires representation of its interests.

4. The application of the Council of the Rectors of FED RF and the Far Eastern State Transportation University for the inclusion of the Research-Theoretical Journal «The Humanities and Social Studies in the Far East» in the List of Leading Research Journals and Periodicals for Publishing the Basic Research Results of the Candidate and Doctoral Researches for Philosophy, Sociology and Cultural Studies should be granted.

5. The management of all the Far Eastern Branches of the Russian Philosophical Society must work further to establish close and efficient contacts of the philosophical community of the Russian Far East and representatives of Russian and world philosophical communities.

Authors Guidelines

1. The journal publishes materials which have not been published before.

2. The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

3. Manuscripts of articles and other materials are to be recommended by the faculties of higher schools, laboratories and other structural divisions of scientific research institutions, research-methodological or academic conferences and seminars. Works by post-graduate students are accepted for publishing with references from their academic adviser.

4. Articles by post graduate students and seekers for Candidate Degrees are published free of charge.

5.The volume of the article should be from 0.5 to 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.

6. The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board.

6.1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format (diskettes 3.5" and two copies of the original text (files)). If there are two or more diskettes, their numbers and files should be labeled on the diskettes. The names of files must be specified in the printed copy. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.

6.2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters. No other data is to be specified.

6.3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.1-2003. Font and line spacing, is the same as in the article.

6.4. Margins: top – 2 cm; bottom – 2 cm; left – 3 cm; right 1 cm; the size of a paper – A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 14; line spacing – 1.5.

6.5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively.

7. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered. Manuscripts will not be returned.

8. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, scientific degree, academic status, place of work, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

9. An abstract of the article of 6-10 lines in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.

10. Please address the materials to the following address: 47, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021, Far Eastern State Transportation University (FESTU) Editorial board of the journal «The Humanities and Social Studies in the Far East».
E-mail: journal@festu.khv.ru <mailto:journal@festu.khv.ru>.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«Межкультурные коммуникации в образовательном пространстве Дальнего Востока»

1. *Лазарева Л. П.* Обучение межкультурной коммуникации в дальневосточных вузах

2. *Ковбасюк О.В.* Развитие культурной компетентности личности в условиях глобализации образовательного пространства

3. *Алексеева В.В.* Этнолингвистический контекст межкультурных коммуникаций

4. *Копытько С. В.* Студенты из стран Азиатско-тихоокеанского региона в российских вузах: проблемы педагогической коммуникации

5. *Зайченко Н.Д.* Формирование межкультурной компетенции в сфере делового общения

6. *Картешкина О.Л., Лукьянова Е.Л.* Обучение китайских студентов в российском сельскохозяйственном вузе

7. *Цыбульник Л. М.* Педагогические аспекты эстетической направленности межкультурных коммуникаций

8. *Сапогова И. В.* Технологии обучения русскому языку студентов из стран АТР в дальневосточных вузах

9. *Одонец Т. В.* Проблемы адаптации иностранных студентов на первом году обучения в российских вузах

10. *Чжунхуэй Хэ* Коммуникативная составляющая реформы содержания образования в Китае: историко-международные аспекты

11. *Мартовицкая В.А.* Учет особенностей китайского менталитета как предпосылка позитивного взаимодействия межкультурного образования

12. *Цыбульник А.А.* Перевод научно-технических текстов с китайского на русский язык как проблема межкультурных коммуникаций

13. *Курбанова Л.М.* Особенности формирования информационной культуры иностранных студентов

14. *Сабанина Е. Ю.* Формирования коммуникативной культуры будущих специалистов туризма и сервиса в процессе межкультурных коммуникаций

15. *Махова И.Ю.* Коммуникативный подход к решению методологических проблем диверсификации высшего образования России

Read in the next issue:

Научное издание

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал № 1 (21) 2009

Подписано в печать 24.03.2008 г.
Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 24,3. Зак. 65. Тираж 500 экз.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.